

**БЕСЕДЫ
ОБ ЭКОНОМИКЕ**

ТОМ VI

2020, Москва

ТОМ VI
2020

БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ • CONVERSATIONS ABOUT ECONOMY • 经济访谈录

**БЕСЕДЫ
ОБ ЭКОНОМИКЕ**

ТОМ VI

The Free economic society of Russia
Conversations about Economy

俄罗斯自由经济协会刊物
经济访谈录

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

2020, Москва

Под редакцией С.Д. Бодрунова

БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

ТОМ VI

The Free economic society of Russia
Conversations about Economy

俄罗斯自由经济协会刊物
经济访谈录

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

2020, Москва

Под редакцией С. Д. Бодрунова

Крупнейшие экономисты России обсуждают самые актуальные проблемы. В «Беседах об экономике» собраны наиболее интересные дискуссии, прошедшие в ВЭО России. Идеи, анализ и оценки, изложенные в книге, нередко становятся частью различных государственных программ развития.

В книге дан глубокий экскурс в историю работы Императорского Вольного экономического общества, приведены мнения видных зарубежных ученых, рекомендованы издания по темам бесед.

«Беседы об экономике» — научно-популярное издание для широкого круга эрудированных читателей.

© ИНСТИТУТ НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ИНИР) ИМ. С. Ю. ВИТТЕ, 2020

© С. Д. БОДРУНОВ, 2020

ISBN 978-5-00020-070-4

БЛАГОДАРНОСТИ

Редакционный совет,
Редакционная коллегия,
Научный совет выпуска,
Группа выпуска

ИСКРЕННО БЛАГОДАРЯТ

За активное содействие реализации идеи серии «Бесед об экономике»

- Контрольное управление Администрации Президента Российской Федерации,
- Комитет Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по бюджету и финансовым рынкам,
- Комитет Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по экономической политике,
- Комитет Государственной Думы Российской Федерации по финансовому рынку,
- Комитет Государственной Думы Российской Федерации по образованию и науке,
- Министерство промышленности Российской Федерации,
- Научно-экспертный Совет при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации,
- Уполномоченного при Президенте России по правам предпринимателей,
- Российскую академию наук,
- Академию общественных наук Китайской Народной Республики,
- «Российскую газету»,
- телеканал «Общественное телевидение России»,
- телеканал «Санкт-Петербург»,
- телепередачу «Дом "Э"» на телеканале ОТР,
- телепередачу «Промышленный клуб» на телеканале «Санкт-Петербург»,
- Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП),
- Общероссийскую общественную организацию «Деловая Россия»,
- Торгово-промышленную палату Российской Федерации,
- Международный комитет Вольного экономического общества России,
- Фонд центрально-азиатских исследований Кембриджского университета,
- Государственный Пекинский университет,

а также

за организационное содействие и поддержку в проведении мероприятий Вольного экономического общества России, в рамках которых состоялись беседы,

- Российскую академию наук,
- Дом ученых Санкт-Петербурга,
- Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
- Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
- Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
- Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
- Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина,
- Уральский государственный экономический университет,
- Институт нового индустриального развития (ИНИР) имени С. Ю. Витте.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С. Д. БОДРУНОВ

Президент ВЭО России, директор Института нового индустриального развития имени С. Ю. Витте, президент Международного союза экономистов, эксперт РАН,

д. э. н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

В. С. АВТОНОМОВ

Научный руководитель Факультета экономических наук НИУ «Высшая школа экономики», член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

А. Г. АГАНБЕГЯН

Заведующий кафедрой экономической теории и политики РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

А. Г. АКСАКОВ

Член Правления ВЭО России, председатель Комитета Государственной Думы ФС РФ по финансовому рынку, президент Ассоциации региональных банков

России, к. э. н., доцент (г. Москва, Россия)

А. В. БУЗГАЛИН

Вице-президент ВЭО России, член президиума Международного союза экономистов, директор Института социэкономике МФЮУ, заслуженный профессор

МГУ им. М. В. Ломоносова, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ

Вице-президент ВЭО России, министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, член Координационного совета

Международного союза экономистов, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

М. К. ГОРШКОВ

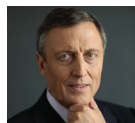
Член Президиума ВЭО России, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, академик РАН, д. ф. н. (г. Москва, Россия)

Р. С. ГРИНБЕРГ

Вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного союза экономистов, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН,

д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

В. И. ГРИШИН

Вице-президент ВЭО России, ректор РЭУ им. Г. В. Плеханова, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

А. А. ГРОМЬКО

Член Президиума ВЭО России, член Координационного совета Международного союза экономистов, директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН,

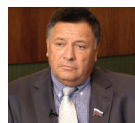
д. полит. н. (г. Москва, Россия)

А. А. ДЫНКИН

Вице-президент ВЭО России, председатель Международного комитета ВЭО России, вице-президент Международного союза экономистов, президент

ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН», член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

С. В. КАЛАШНИКОВ

Член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного союза экономистов, первый заместитель председателя Комитета Совета

Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по экономической политике, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

А. Н. КЛЕПАЧ

Член Правления ВЭО России, заместитель председателя правления (главный экономист) Внешэкономбанка, заведующий кафедрой макроэкономической

политики и стратегического управления экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, заслуженный экономист РФ, к. э. н. (г. Москва, Россия)

И. А. МАКСИМЦЕВ

Член Правления ВЭО России, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д. э. н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

А. В. МУРЫЧЕВ

Член Президиума ВЭО России, исполнительный вице-президент Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей», председатель Совета Ассоциации региональных банков России (Ассоциация «Россия»), д. э. н., к. ист. н. (г. Москва, Россия)

А. Д. НЕКИПЕЛОВ

Вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

Р. И. НИГМАТУЛИН

Член Правления ВЭО России, научный руководитель Института океанологии РАН имени П. П. Ширшова, член Президиума РАН, академик РАН, д. ф.-м. н., профессор (г. Москва, Россия)

Г. Х. ПОПОВ

Председатель Сената ВЭО России, почетный президент ВЭО России, председатель Координационного комитета Международного союза экономистов, академик РАЕН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

Б. Н. ПОРФИРЬЕВ

Член Президиума ВЭО России, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

С. Н. РЯБУХИН

Вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного союза экономистов, первый заместитель председателя Комитета по бюджету и финансовым рынкам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, д. э. н. (г. Москва, Россия)

Я. П. СИЛИН

Член Президиума ВЭО России, президент Уральского отделения ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», д. э. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

Д. Е. СОРОКИН

Вице-президент ВЭО России, председатель Научного совета ВЭО России, научный руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

М. А. ЭСКИНДАРОВ

Вице-президент ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», академик Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

В. М. ЮРЬЕВ

Член Президиума ВЭО России, председатель Тамбовского регионального отделения общественной организации ВЭО России, научный руководитель ТГУ им. Г. Р. Державина, депутат, первый заместитель председателя Тамбовской областной Думы, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д. э. н., профессор (г. Тамбов, Россия)

Ю. В. ЯКУТИН

Вице-президент ВЭО России, член Президиума Международного союза экономистов, председатель Совета директоров, научный руководитель ЗАО «Издательский дом “Экономическая газета”», научный редактор русской классической библиотеки «Экономика и духовность», заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

Е. Г. ЯСИН

Действительный член Сената ВЭО России, научный руководитель Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, директор Экспертного института при Российском союзе промышленников и предпринимателей, д. э. н. профессор (г. Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. А. САВИН

Шеф-редактор деловых приложений к «Российской газете», член Правления ВЭО России (г. Москва, Россия)

А. Н. ПРОКОФЬЕВ

Шеф-редактор журнала «Вольная экономика», член Правления ВЭО России (г. Москва, Россия)

И. Е. БАРСУКОВ

Член Правления ВЭО России, директор Института развития управления ГБОУ ВПО Московской области «Академия социального управления» (АСОУ), доцент кафедры управления АСОУ, к. э. н. (г. Москва, Россия)

А. В. БОБИНА

Член Правления ВЭО России, заместитель директора — руководитель Департамента по научным конференциям и всероссийским проектам ВЭО России, к. т. н.

Р. С. ГОЛОВ

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», член экспертного совета по высшему образованию при Комитете Государственной Думы по образованию и науке, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

А. А. ЗОЛОТАРЕВ

Вице-президент ВЭО России, президент Санкт-Петербургской региональной общественной организации ВЭО России, член Президиума Международного союза экономистов, исполнительный директор Института нового индустриального развития имени С. Ю. Витте, исполнительный вице-президент Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, к. э. н. (г. Санкт-Петербург, Россия)

А. Ю. МАНЮШИС

Член Правления ВЭО России, ректор Международного университета в Москве, заслуженный работник Высшей школы РФ, д. э. н. (г. Москва, Россия)

М. А. РАТНИКОВА

Вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России, вице-президент, исполнительный директор Международного союза экономистов, доктор экономики и менеджмента (г. Москва, Россия)

В. В. СМАГИНА

Заместитель председателя Тамбовского регионального отделения ВЭО России, член Президиума ВЭО России, проректор — главный ученый секретарь Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, почетный работник высшего профессионального образования РФ, д. э. н., профессор (г. Тамбов, Россия)

Л. Н. УСЕНКО

Член Президиума ВЭО России, председатель Ростовского регионального отделения ВЭО России, заведующая кафедрой анализа хозяйственной деятельности и прогнозирования ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор (г. Ростов-на-Дону, Россия)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ

С. Д. БОДРУНОВ

Главный редактор

Д. Е. СОРОКИН

Главный научный редактор серии «Беседы об экономике»

**А. В. БУЗГАЛИН, С. Ю. ГЛАЗЬЕВ,
М. В. ЕРШОВ, С. В. КАЛАШНИКОВ,
А. Ю. МАНЮШИС, О. Н. СМОЛИН,
С. Н. РЯБУХИН, В. Т. РЯЗАНОВ,
А. А. ШИРОВ, Ю. В. ЯКУТИН**

ГРУППА ВЫПУСКА:

Главный редактор — **Сергей Бодрунов**
Арт-директор серии — **Егор Морозов**
Редакционный директор — **Маргарита Ратникова**
Шеф-редактор — **Андрей Прокофьев**
Редактор — **Марианна Маркелова**
Редактор-супервайзер — **Алексей Савин**
Концепт-редактор — **Галина Никитина**
Переводчик — **Василий Краснопёров**
Дизайнер — **Артём Чистяков**
Препресс — **Тимофей Ковтун**
Фоторедактор — **Вячеслав Кочураев**
Контрольный редактор — **Наталья Медведенко**

Фото — **Сергей Куксин, Михаил Сеницын, Александр Корольков «Российская газета»,
фотобанк Shutterstock**

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

ПРЕДЧУВСТВИЕ БУРИ

БЕСЕДА 1 СТР. 18

Циклон или штормовое предупреждение?
Hurricane or storm warning? СТР. 18

БЕСЕДА 2 СТР. 30

Чего ждали в конце 2019 года?
What was expected
at the end of 2019? СТР. 30

БЕСЕДА 3 СТР. 42

Излишний алармизм или реальное
положение дел?
Excessive alarmism
or the real situation? СТР. 78

БЕСЕДА 4 СТР. 110

Планетарный климат-контроль
Global climate control СТР. 110

БЕСЕДА 5 СТР. 122

Политэкономия как вариант решения
мировых экономических проблем
Political economy as a means of solving
global economic problems СТР. 122

БЕСЕДА 6 СТР. 134

Экономико-политологический анализ
мировой обстановки
Economic and political analysis
of the global situation СТР. 146

ЧАСТЬ II

ГЛАВНЫЙ УДАР ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

БЕСЕДА 1 СТР. 158

Направление главного удара
Direction of main strike СТР. 170

БЕСЕДА 2 СТР. 180

Что цифровизация нам готовит?
What will digitalization bring? СТР. 180

БЕСЕДА 3 СТР. 192

Искусственный интеллект — основа новой
экономики
Artificial intelligence is the basis
of new economy СТР. 192

БЕСЕДА 4 СТР. 206

Российский цифросельхоз
What is E-Commerce? СТР. 206

Развитие темы

Россия в разы отстает по урожайности
Научная площадка
для сельхозпроизводителей СТР. 213

БЕСЕДА 5 СТР. 220

Чего ждать от роботов
What to expect from robots? СТР. 230

Развитие темы

Новые производства нам помогут СТР. 230

БЕСЕДА 6 СТР. 232

Как инновации меняют банковский
сектор
How innovations transform
the banking sector СТР. 232

ЧАСТЬ III

РОССИЯ-2020: РЕАЛЬНОСТЬ И ПОТЕНЦИАЛ

БЕСЕДА 1 СТР. 246

Год прошёл: что дальше?

A year has gone by: what's next? СТР. 292

БЕСЕДА 2 СТР. 328

Нацпроекты набирают обороты

National projects gain momentum СТР. 328

Развитие темы

Мы должны ориентироваться на 7–8% роста ВВП. СТР. 329

БЕСЕДА 3 СТР. 342

Внутренний спрос — драйвер роста

Domestic demand as a growth driver СТР. 342

Развитие темы

Нужна новая гармоничная

бизнес-модель

Культура предпринимательства

Защита инвестиций СТР. 348

Проблема заработной платы СТР. 350

БЕСЕДА 4 СТР. 356

Неформальная занятость: тени не

исчезнут

Informal employment:

will shadows disappear СТР. 356

БЕСЕДА 5 СТР. 368

Перспективы жилищного строительства

Housing construction prospects СТР. 368

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

СТР. 382

Какова реальная ситуация

в стране и как её изменить?

Afterword: The country's real situation and how to get it right?

(Based on Academician

Aganbegyan's data) СТР. 382

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Пока мы готовили материалы для этого очередного тома «Бесед об экономике», в этой самой экономике что только не происходило: спады, подъемы, черные лебеди, прогнозы скорой рецессии, прогнозы скорого возобновления роста. Это, вы знаете, закаляет и позволяет подумать о вещах, что называется, вечных.

Вот, например, СМИ сообщают о буме продаж романа «Чума» великого французского писателя Альбера Камю, философа-экзистенциалиста, нобелевского лауреата. В своей нобелевской речи он отметил, что «слишком крепко прикован к галере своего времени, чтобы не грести вместе с другими, даже полагая, что галера провоняла селёдкой, что на ней многогато надсмотрщиков и что, помимо всего, взят неверный курс». Так что и нам, с нашей галеры деваться некуда — придется вырливаться вместе.

О том, куда и как вырливаться, — беседы наших экспертов. Еще одна мысль Камю — моральная деградация людей при ошеломляющих успехах науки: 70 000 000 жизней, если взять все войны, стоили эти «успехи науки».

Больше, чем цифры экономического роста и другие проблемы экономики, нас уже беспокоит то, что сейчас мы находимся в похожей ситуации новых величайших открытий науки, причем во всех ее областях, настоящего цивилизационного транзита, который требует задуматься не только о цифровизации, искусственном интеллекте и пр., но и о готовности гуманитарного развития человечества к тому, что дает ему технологическая революция.

Мы в Вольном экономическом обществе России считаем это важнейшей проблемой грядущего этапа цивилизационного развития. На совместном заседании ВЭО России и Отделения общественных наук РАН 29 января 2020 Ваш покорный слуга по этому поводу высказал мысль о том, что «мы живем сейчас в совершенно необычном мире. Наступила очередная, совершенно особенная по своему смыслу, содержанию и последствиям технологическая революция. Ее особенностью является не просто базирование на совершенно новых технологиях шестого технологического уклада, но на глубокой интеграции обеспечивающих их научных областей так называемых базовых NBIC-технологий, к которым справедливо сейчас добавляется символ «С» — социальные науки. Но еще важнее то, что впервые в истории человеческой цивилизации

осуществляется принципиальное изменение экономических основ жизни общества. В частности, очень важно, происходит постепенная замена основного ресурса экономической деятельности. На первый план, в отличие от предыдущих этапов развития экономики, в качестве основного ресурса постепенно выходит знание, вытесняя на вторые роли материальную компоненту в решении задачи удовлетворения человеческих потребностей».

В этой мысли мы оказались близки и с моими коллегами из Программного комитета Московского экономического академического форума. В прошлом году, когда готовилось это мероприятие, мы очень много занимались тем, чтобы определить его тематику. Пользуясь случаем, скажу, что огромную работу проделали руководители программного комитета, академики Абел Гезевич Аганбегян и Виктор Викторович Ивантер, который, к сожалению, недавно покинул этот мир, это для нас большая утрата. Отмечу и большой вклад руководителя международного комитета форума, академика Александра Александровича Дынкина, членов-корреспондентов РАН Руслана Семеновича Гринберга, Дмитрия Евгеньевича Сорокина, Владимира Викторовича Иванова, почетного профессора МГУ Александра Владимировича

Бузгалина. Несмотря на загруженность, идеологией форума активно занимался президент РАН академик Александр Михайлович Сергеев — как сопредседатели МАЭФ, мы с ним потратили немало часов совместной работы по определению целей, тематической окраски, контента, структуры форума. Многие из идейного и научного наследия форума нашло отражение в последующих беседах экспертов в ВЭО России, часть которых представлена в предлагаемом выпуске.

Сергей Бодрунов,
главный редактор серии,
профессор, д. э. н.

DEAR READERS!

While we were preparing materials for this next volume of “Conversations about Economy”, nothing was happening in the economy: downs, ups, black swans, forecasts of an imminent recession, forecasts of imminent resumption of growth. You know, such things make you stronger and allow you to think about things eternal.

For example, the media report booming sales of *The Plague*, a novel by the great French writer Albert Camus, an existential philosopher and a Nobel Prize laureate. In his Nobel speech, he said he was “too tightly chained to the galley of his time, so as not to row with others, even believing that the galley smelled of herring, that there are too many overseers and that, besides everything, the wrong course was taken”. And so are we, for we have nowhere to escape to from our galley — we’ll have to row together.

Our experts converse on where and how to row. Another Camus thought is the moral degradation of people amidst the overwhelming successes of science: those “successes of science” cost 70,000,000 lives, if we take all the wars into account.

More than the economic growth figures or other economic problems, we are worried by the fact that we are now at the time of new great scientific discoveries, in all fields of science, an actual civilizational transition, which requires us to think not only about digitalization, artificial intelligence, etc., but also about whether humanity is sufficiently prepared for what the technological revolution can give it.

We at the Free Economic Society of Russia consider it to be the most important problem of the coming stage of civilizational development. At the joint meeting of the VEO of Russia and the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences on January 29, 2020, your humble servant came up with an idea that “we are now living in a completely strange world. Another technological revolution has come that is completely special in its meaning, contents and consequences. It’s special not because it’s based on completely new technologies of the sixth technological mode, but because it’s based on the deep integration of the fields of research which support those technologies, the so-called NBIC technologies, to which the letter “S” has now been properly added for social sciences. But most

importantly, for the first time in the history of human civilization, a fundamental change is taking place in the economic foundations of society's life. In particular, it is very important that there is a gradual replacement of the main resource of economic activity. Unlike the previous stages of economic development, knowledge comes to the forefront as the main resource, pushing back the material component of solving the task of satisfying human needs."

This idea turned out to be in tune with the ideas of my colleagues from the Programming Committee of the Moscow Economic Academic Forum. Last year, when that event was being prepared, we worked very hard to determine its theme. I take this opportunity to say that the heads of the programming committee, Academicians Abel Gezevich Aganbegyan and Viktor Viktorovich Ivanter (who, unfortunately, has recently passed, and it's a huge loss for all of us), did a great job. I also note the substantial contribution of the head of the forum's international committee, Academician Alexander Alexandrovich Dynkin, Corresponding Members of the Russian Academy of Sciences Ruslan Semenovitch Grinberg, Dmitry Evgenievich Sorokin, Vladimir

Viktorovich Ivanov, and Professor Emeritus of the Moscow State University Alexander Vladimirovich Buzgalin. Despite the workload, President of the Russian Academy of Sciences, Academician Alexander Mikhailovich Sergeev, was in charge of the ideology of the forum; as co-chairs of the MAEF, we spent many hours working together to determine the goals, the thematic tone, the contents, and the structure of the forum. Much of the forum's ideological and scientific heritage was reflected in the subsequent discussions of experts at the VEO of Russia, some of which are presented in this issue.

Sergey Bodrunov,
Editor-in-Chief of the Series, Professor,
Doctor of Economics

ЧАСТЬ I

ПРЕДЧУВСТВИЕ БУРИ

ЦИКЛОН ИЛИ ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ?

ЧЕГО ЖДАЛИ В КОНЦЕ 2019 ГОДА?

**ИЗЛИШНИЙ АЛАРМИЗМ ИЛИ РЕАЛЬНОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ?**

ПЛАНЕТАРНЫЙ КЛИМАТ-КОНТРОЛЬ

**ПОЛИТЭКОНОМИЯ КАК ВАРИАНТ РЕШЕНИЯ МИРОВЫХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ**

**ЭКОНОМИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МИРОВОЙ
ОБСТАНОВКИ**

ЦИКЛОН ИЛИ ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ?

Темпы роста мировой экономики замедляются. Многие международные эксперты заговорили о надвигающемся шторме, циклоне, темнеющих небесах мировой экономики. Что ждёт мировую экономику на горизонте в течение одного года — двух лет? Какие риски могут оказаться катастрофическими?

По материалам программы "ДОМ Э" на телеканале ОТР от 29.12.2019

СОБЕСЕДНИКИ

Александр Александрович Дынкин,
президент Института мировой экономики
и международных отношений им. Е. М. Примакова,
вице-президент Вольного экономического общества
России, академик РАН

Рикардо Готчалк,
ведущий экономист
ЮНКТАД

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного союза
экономистов, директор Института нового
индустриального развития им. С. Ю. Витте, д. э. н.,
профессор

Александр Данильцев,
директор Института торговой политики НИУ ВШЭ,
д. э. н., профессор

Бодрунов: Если мы посмотрим, что у нас происходит в мире, то, согласно прогнозу МВФ, например, по итогам 2019 года рост мировой экономики замедлился до менее 3%. Помните, мы с Вами проводили мероприятие у нас в Международном союзе экономистов, в Вольном экономическом обществе совместно с ЮНКТАД, это конференция ООН по торговле и развитию. И президент организации Мукиса Китуйи вообще называл цифру 2,3%. Их оценка даже ниже. Что происходит? В чем причина, как Вы представляете себе это?

Дынкин: Мировая экономика после предыдущего кризиса растет уже 44 квартала, или 133 месяца. И как бы пора быть кризису. Особенно сильно эти ожидания выросли в августе, еще больше — в сентябре. Это было связано, прежде всего, с торговой войной США и Китая. Но сегодня, как говорится, можно выдохнуть, можно выразить очень умеренный оптимизм по поводу судеб мировой экономики. Была критическая ситуация с немецкой экономикой: у них во втором квартале было $-0,2\%$ ВВП. Но третий квартал там закончился с результатом $+0,1$.

То есть техническую рецессию объявлять нельзя, потому что для этого нужно два квартала. Что касается вообще темпов роста, то, как Кристилина Георгиева сказала, глава Всемирного банка, происходит синхронное понижение темпов роста мировой экономики. Но это еще не кризис. И это синхронное понижение идет последние семь месяцев. Поэтому, я думаю, прогноз темпов роста в районе 3% — реалистичский более-менее. И это скорее предупреждение, чем шторм...

Бодрунов: Если помните, прогноз Всемирного банка назывался «Темнеющие небеса». ЮНКТАД об этом говорит не менее метафорично. Началось замедление. Если мы говорим о том, что это синхронное понижение, то не является ли оно признаком будущей возможной рецессии, которая может случиться, если какой-то, условно говоря, черный лебедь прилетит?

Последствия торговой войны

ДАНИЛЬЦЕВ: Россия — это экспортоориентированная экономика. И наша экономика существенно зависит от состояния мирового рынка. А торговая война между США и Китаем, конечно же, негативно сказывается на всей международной торговле. Естественно, осложняется проблема сбыта. Но у нас есть надежда, что Китай и Соединенные Штаты Америки все-таки договорятся и в будущем году напряженность несколько ослабнет. Так что прогноз может быть такой, да, по-видимому, негативные последствия останутся. Если эти страны все-таки договорятся и смогут прийти

к какому-то соглашению, то я надеюсь, что ситуация начнет потихонечку улучшаться. Я думаю, что в данной войне Россия не поддерживает ни одну из сторон, поскольку интерес России заключается именно в возможности свободно торговать и иметь доступ на зарубежные рынки. А такие события, как торговые войны, всегда наносят этому вред. Да, это, естественно, создаст определенные трудности, поскольку торговые войны всегда ведут к усилению торговых ограничений и, соответственно, затрудняют деятельность наших экспортеров.

Дынкин: Особенность современной ситуации в том, что, если начнется рецессия, то ее причины будут не экономические. Ее причины будут политические. И в этом абсолютная новизна ситуации. Какие политические причины. Это, прежде всего, вот эта торговая война, это, конечно, брекзит, это блокада Ирана, это крайне неопределенные политические события в Боливии, Чили, Венесуэле. И вот черного лебедя можно ждать оттуда. Сильно обострился израильско-палестинский конфликт. Так что в мире очень неспокойно. И, повторюсь, причины кризиса, если он настанет, будут чисто политические.

Бодрунов: Александр Александрович, наверное, правильно будет сказать, что мы не можем обойти тему санкций. Потому что санкционная борьба, битва этих санкций

по всему миру фактически — отражение той самой политической нестабильности, ситуации, которая сегодня в мире сложилась. И у меня есть внутреннее ощущение, что то, что там избираются определенного типа политические деятели, что на большую политическую арену выйдут новые фигуры, которые выдвигают противоположные предыдущим людям идеи, — изменяется роль Евросоюза, появляется новая политика в Китае и так далее, и так далее — это, наверное, тоже проявление глобальных движений в мировой политической, экономической конъюнктуре.

Дынкин: Еще один признак политических, что ли, триггеров возможного кризиса — то, что Трамп, конечно, стремится всеми силами не допустить кризиса до ноября 2020 года. Понятна причина...

Бодрунов: Привязывая к электоральному циклу.

Дынкин: Абсолютно точно. С другой стороны, скажем, демократический претендент, ну вот, Элизабет Уоррен, она заявила, что шаткий фундамент американской экономики вот-вот рухнет.

Бодрунов: Ну, понятно, это противоположная точка зрения.

Дынкин: Я считаю, что оценки и Международного валютного фонда, и отчасти Мирового банка тоже политически мотивированы. Потому что эти люди как бы из либерального лагеря, и для них Трамп, конечно, неприемлем. Поэтому они шлют сигналы о том, что все плохо. Но если посмотреть на последние два квартала, то в американской экономике оптимизм бизнеса вырос, заработные платы растут, причем они не росли с мая, а сейчас выросли. Увеличиваются закупки машин и оборудования. Так что, за исключением государственного долга, американская экономика в порядке. Но ее всячески в политических целях подталкивают к таким результатам...

Бодрунов: Разогрев ситуации, что называется.

Дынкин: Абсолютно верно. Политика очень сильно сегодня влияет на экономику.

Бодрунов: Наступило такое время, когда мы можем ждать этого черного лебедя, как Вы сказали совершенно верно, по политическим причинам, а не по экономическим предоснованиям.

Дынкин: Конечно.

Основные риски

ГОТЧАЛИ: Изменения климата уже наносят серьезный ущерб миру и создают смертельную опасность. Обезуглероживание мировой экономики потребует значительного увеличения государственных инвестиций, особенно в чистые системы энергетики, транспорта и производства продовольствия. Это должно быть поддержано эффективной промышленной политикой с адресными субсидиями, налоговыми льготами кредитами и гарантиями, а также ускоренными инвестициями в разработки и адаптацию новых технологий.

Чтобы освободить развивающиеся страны из кредитных ловушек, следует перевести долговое финансирование на более устойчивую основу. Основное направление касается новых макроэкономических рамок, чтобы справиться с растущим неравенством, а также увеличить

совокупный спрос, важно начать решать проблему с перераспределением долга. Необходимо обеспечить переход к более прогрессивной шкале налогообложения, а также повысить долю государственного финансирования для обеспечения экономической, социальной и зеленой инфраструктуры. Необходимы меры по борьбе с незаконными финансовыми потоками, мотивированными налоговыми соображениями и обеспечению справедливого налогообложения международного оборота. Мы предлагаем перейти к унитарной налоговой системе, которая позволит взимать налоги с транснациональных корпораций на глобальной основе. Кроме того, ЮНКТАД считает, что центральные банки могут играть более активную роль в переходе к новой экономике через регулирование и предоставление целенаправленных кредитов.

Бодрунов: Как Вы оцениваете позицию ЮНКТАД, которая представила на площадке Международного союза экономистов и ВЭО России свой доклад о торговле и развитии?

Дынкин: На мой взгляд, это, в общем, довольно левая позиция.

Бодрунов: Да, немножко смахивает.

Дынкин: Это не позиция, конечно, администрации 45-го президента Соединенных Штатов. Но, я считаю, что вот то, что мировая экономика не ушла в пике, это связано с тем, что было превентивное и синхронное снижение учетных ставок центробанками ведущих стран, включая Центробанк России. Это, конечно, помогло. Кроме того, мы с вами говорили о рецессии в Германии, а это мощная экономика. Но, если посмотреть на всю мировую экономику, она составляет лишь 4,5%. Мировая экономика достигла колоссального размера — 85 триллионов долларов. Поэтому даже рецессия в Германии, на мой взгляд, не столкнула бы ее в кризис. И, конечно, снижение учетных ставок, и валютное смягчение — это из одного арсенала средства. Тут важно было, что это провели синхронно и превентивно. Но сегодня этот инструмент исчерпан, потому что если вы посмотрите на карту Европы, то все страны западнее Германии уже живут с нулевой или отрицательной ставкой.

Бодрунов: Да, совершенно верно, я как раз хотел затронуть эту тему.

Дынкин: Поэтому этот как бы рычаг, этот инструмент уже...

Бодрунов: Дальше некуда снижать...

Дынкин: Некуда.

Бодрунов: Эти монетарные инструменты уже, собственно, и не очень работают, на самом деле.

Дынкин: Конечно.

Бодрунов: Можно говорить, наверное, о том, что в мировой экономике есть предпосылки для понижения темпов роста ВВП и других параметров. Но это не настолько критично, чтобы можно было говорить о наступающей рецессии, если не наступит, как говорится, черная пятница.

Дынкин: Сергей Дмитриевич, что называется, чтобы не сглазить... Я согласен с Вами.

Бодрунов: Когда мы с Вами встречались полгода примерно назад в Доме экономиста, Вы затронули тему так называемого социального контракта. Все экономические проблемы рано или поздно отражаются на социальной сфере, на социальных отношениях. Больше того, отношения поколений, отношения регионов и так далее. И Вы тогда говорили о прежнем социальном контракте как некоем, если я правильно понимаю суть, принципе, когда всякое новое поколение должно жить несколько лучше, чем предыдущее. Сегодня этот контракт, как Вы отметили, исчерпан.

Дынкин: Да.

Бодрунов: То есть фактически нынешнее поколение уже не будет надеяться жить «при коммунизме». Сейчас и у нас в России мы тоже наблюдаем ситуацию, когда падение доходов населения продолжается несколько лет. В этом году вроде бы несколько это падение приостановили, даже появился некоторый рост. Я читал про обзор американской статистики, там тоже проблемы, связанные с тем, что как раз новое поколение не может работать и жить так хорошо, как жило предыдущее. Какой ответ на этот вызов сегодняшний готовят, может быть, мировые державы? Как Вы это себе представляете?

Дынкин: Вы правы, старый социальный контракт или общественный договор, который заключается, скажем, между государством, бизнесом и гражданским обществом, себя изжил, потому что мир изменился. Мир стал глобальным, цифровым, появились климатические проблемы, которых не было, появилась массовая миграция, появились новые лидеры мировой экономики, такие как Китай

и Индия. И конечно, этот контракт свою функцию выполнил. Сегодня мы видим то, что происходит во Франции, похожие настроения во многих западных странах выразились в том, что избиратели не доверяют традиционному политическому центру. Их предпочтения сместились в сторону популистов, изоляционистов, которые выступают с лозунгами национального возрождения...

Бодрунов: Те же самые движения в Шотландии, движения в стране басков, во многих других регионах...

Дынкин: По всему миру. И в Италии, да и в Индии тоже говорят о возрождении Индии. Ищется этот новый контракт. Я думаю, что плохую службу для западных держав сыграли 90-е годы, когда исчезла система социализма. Потому что наличие этой системы социализма немного дисциплинировало...

Бодрунов: Требовало социальных действий.

Дынкин: Да. Оно призывало к заботе, более-менее равномерном распределении общественного пирога. В 1990 году это исчезло. И сверхбогатые пошли в отрыв. И у них был политический аргумент. Вы видите, социализма нет, значит, наша модель правильная. И квинтэссенцией этого был вот этот лозунг — «Конец истории» Фукуямы. И сегодня за это приходится платить, потому что неравенство выросло, средний класс размывается, в том числе технологиями, цифровой экономикой. Как мне кажется, ответом таким, очень приблизительным является ответственное развитие. Это такой новый термин, новая концепция, которую мы в институте разрабатываем. Она говорит о том, что все должны вести себя ответственно: каждый гражданин ответственен за свое образование, за свое здоровье. Есть, конечно, государственная поддержка, но ответственность — на тебе, ты должен уметь пользоваться этими рычагами, этими инструментами. Ты должен отвечать за свою семью, за своих детей и так далее. Это же касается ответственного поведения компаний, то, что раньше называлось социальной ответственностью корпорации...

Бодрунов: Социальная ответственность бизнеса и так далее.

Дынкин: Да, то есть это общество с разделяемой ответственностью — что-то такое. Но, конечно, это еще такие самые предварительные наброски. Особенность ответственного развития в том, что оно фокусируется на возобновляемых ресурсах прежде всего. То есть это интеллектуальные ресурсы и возобновляемые ресурсы. Вот это его черта, которая уже сегодня видна, — это зеленый рост. Зеленая экономика требует инвестиций — это новый сегмент эко-

номики, который может развиваться в том числе при помощи мер государственного регулирования, которые стимулируют, скажем, зеленую экономику и ограничивают вредные отрасли.

Бодрунов: Это когда-нибудь случится, наверное — ответственное поведение всех участников. Но мы должны осознать, общество должно осознать, каждый гражданин, что вообще мы очень сильно все связаны. Все элементы общества между собой завязаны, и действия одного из них обязательно влияют на состояние других.

Дынкин: Безусловно.

Бодрунов: И здесь ответственность выше у тех элементов, не знаю, так сказать, страт общества, у кого возможностей больше.

Дынкин: А объяснить им это трудно.

Бодрунов: Объяснить им это трудно, но тем не менее общество заставит, наверное, объяснить.

Дынкин: В том числе при помощи государственного регулирования.

Бодрунов: Здесь очень важно, чтобы Ваша концептуальная платформа завоевала соответствующее пространство в научном мире, и не только в научном, но и в общественном сознании. Она может стать таким краеугольным камнем нового общественного устройства. Так что здесь Вы глубоко копаете...

Дынкин: То, с чего мы начали: ожидания, шторм или предупреждение, а ведь это повлияло и на Трампа, потому что он понял: торговая война ведет к кризису, причем достаточно быстрому. И Вы видите, сегодня уже идут разговоры о том, что будет фазированная отмена тарифов. И это инициатива Трампа, потому что Си Цзиньпину не надо переизбираться. Это такой сигнал, который он посылает. Откуда рождается оптимизм в американской экономике? От этих сигналов. Стихает такая взаимная пропагандистская канонада и в Китае, и в Соединенных Штатах...

Бодрунов: Риторика меняется...

Дынкин: Меняется, очевидно. Но, если бы не было этого испуга, то, может, была бы война и до победного конца.

Бодрунов: Может быть, правильно поступает Трамп, когда, так сказать, сдает немножко назад, учитывает эту ситуацию.

Дынкин: Я думаю, что да. Но неизвестно, что будет, если он выиграет выборы, потому что в американской элите сложилось представление, что на десятилетия Китай — главный противник, что вот это тактическое отступление — ради выборной кампании...

Бодрунов: Мы отступим здесь, но выиграем войну.

Дынкин: Да. Что будет в перспективе, трудно говорить. И это, конечно, не добавляет уверенности мировой экономике.

Бодрунов: Придется объяснять американским политикам Вашу концептуальную платформу, чтобы они четко и ясно осознали, что их ответственность за состояние дел в мире очень велика.

Дынкин: Конечно. Это, конечно, как бы проще написать и проще сказать, чем внедрить в общественное сознание. Но, я думаю, что вот этот подход ответственности...

Бодрунов: Кто-то должен сформулировать. Вначале было, помните, слово...

Дынкин: Будем верить, что это так.

Бодрунов: Александр Александрович, я очень благодарен Вам за то, что Вы смогли сегодня прийти к нам в Дом экономиста и поговорить на эти волнующие всех нас темы. Будем надеяться на то, что мы в этом году будем жить в нормальной, растущей экономике и кризиса мирового не произойдет...

Дынкин: Будем на это надеяться и посылать такого сорта сигналы. Но уверенности в том, что 2020 год будет бескризисным, у меня, честно говоря, нет. Прогнозы по американской экономике невысокие — 1,9. Тормозит китайская экономика.

Бодрунов: Не сильно растет европейская, чтобы не сказать стагнирует...

Дынкин: Не то слово. Вы у меня, что называется, с языка сняли. Притом что мы критикуем наши низкие темпы роста, они в два раза выше среднеевропейских сегодня. К чему приведет вот это такое синхронное снижение? Ну, в первую очередь к тому, что тема экономического роста выходит на первый план. И, по-видимому, — вот мы с Вами говорили о количественном смягчении — такие ортодоксальные, неолиберальные меры уже исчерпаны. Нужны другие меры.

*Анатолий Геннадьевич Аксаков,
председатель комитета Государственной Думы
по финансовому рынку,
член Правления ВЭО России*

*Владимир Дмитриевич Миловидов,
руководитель Центра социально-экономических
исследований Российского института стратегических
исследований, д. э. н.*

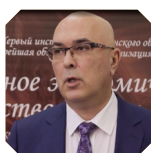

*Олег Вячеславович Бьюгин,
председатель наблюдательного совета Московской
биржи, председатель совета директоров «САФМАР
Финансовые инвестиции», заслуженный экономист РФ,
профессор*

ЧЕГО ЖДАЛИ В КОНЦЕ 2019 ГОДА?

Каким оказался тот год для российской экономики? Стоит ли ждать существенного прогресса в этом году? Об этом речь шла в ходе одной из бесед в Доме экономиста.

По материалам программы «ДОМ Э» на телеканале ОТР от 23.12.2019

*Алексей Леонидович Ведев,
заведующий лабораторией финансовых исследований
Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара,
д. э. н.*

*Александр Александрович Широ́в,
заместитель директора Института
народнохозяйственного прогнозирования РАН,
член-корреспондент РАН*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Бодрунов: Уважаемые коллеги, мы многого ожидали от этого года, что-то состоялось, что-то нет. Я думаю, если коротко говорить, то на сегодняшний день многие экспертные институты квалифицируют ситуацию в российской экономике как некую затяжную стагнацию. Мы стоим, почти не движемся, хотя какие-то подвижки есть, но они могут качнуться как в одну сторону, так и в другую. Например, такая цифра: рост ВВП за последние пять лет в экономике в среднем составил 0,4%. А это существенно ниже, чем в мире. Как же будем догонять? По силам ли российской экономике переломить эту негативную тенденцию в следующем году? Владимир Геннадьевич?

Аксаков: Однозначно по силам. Более того, я как раз оптимист, и считаю, что экономический рост будет выше, чем прогнозирует Министерство экономического развития, Правительство. Они 1,7% прогнозируют рост ВВП на следующий год, а я думаю, будет больше. И последние месяцы уходящего года говорят о том, что началось увеличение темпов роста, скажем, по октябрю — уже 2%. И я думаю, что по ноябрю, по декабрю они будут даже еще более высокими. И это связано с отложенным финансированием национальных проектов: к сожалению, в начале года, в середине года финансирование нацпроектов не шло, а в последнем квартале процесс пошел. Соответственно, это влияет в том числе и на инвестиционный рост: он стал чуть-чуть оживленнее, но все-таки мы видим более существенные показатели. По первому полугодю рост инвестиций был 0,6, а сейчас мы приближаемся к 3%. Это уже неплохо. Ну и, соответственно, будет экономический рост нарастать, и я думаю, 2% мы вполне можем получить в 2020 году.

Миловидов: Я бы не стал называть конкретные цифры. При этом соглашусь с Анатолием Геннадьевичем в том, что, наверное, есть шансы рассчитывать на большие темпы роста, и в это хотелось бы верить. Но я бы хотел сказать о том, что, наверное, и не стоит сгущать краски по тем цифрам, которые были обозначены. Мне кажется, все-таки это не совсем корректная оценка экономики в силу того, что, действительно, эти пять лет были сложными. И начались они, в общем-то, с процессов, многие из которых носили внеэкономический характер. И вот эти внеэкономические факторы, которые привели к серьезному падению российской экономики, удалось преодолеть. И экономика, по существу, от отрицательных темпов роста перешла к явно заметно положительным темпам роста. Да, они не такие высокие, как хотелось бы. Но все-таки мы видим, что тенденция началась. Это первое. Второе — сейчас весь мир живет в некой новой реальности. И мы, в общем, видим, что в большинстве стран мира темпы экономического роста далеко не запредельные...

Бодрунов: Да.

Миловидов: И многие говорят даже, появился такой термин английский *slowbalization*: вместо глобализации — слобализация, то есть замедление. Это процесс всеобщий. И эта новая реальность подталкивает к тому, чтобы переоценить вообще факторы роста и подумать над тем, что, наверное, уже традиционные подходы к оценке той меняющейся экономики в статистическо-количественном измерении, такие как как ВВП, может быть даже и не во всем характеризуют происходящие процессы. Меняется мир, меняется жизнь. И вы упомянули национальные проекты. Ведь они направлены не только на финансирование определенных направлений. Но они же фактически ставят своей целью качественное изменение жизни. А изменение качества жизни является одним из мощнейших факторов экономического роста во всех странах. Поэтому, действительно, есть повод для надежды. Посмотрим, как это будет реализовываться.

Аксаков: Там еще один момент надо учитывать. У нас совпала бюджетная консолидация, то есть ужесточение бюджетной политики, когда доходы наращивались, в том числе путем увеличения налогового бремени, в частности, НДС, с одновременной жесткой денежно-кредитной политикой Банка России. Обычно если проводится бюджетная консолидация, то денежно-кредитная политика смягчается, и наоборот. У нас, к сожалению, все это совпало, и, есте-

ственно, это повлияло и на экономический рост, тормозило его. Сейчас мы переходим от бюджетной консолидации к стимулирующему бюджетному процессу...

Бодрунов: Все говорят о необходимости инвестировать, инвестировать, инвестировать...

Аксаков: И одновременно все-таки Центральный банк переходит к нейтральной денежно-кредитной политике. И это такие условия, которые будут обеспечивать экономический рост.

Бодрунов: Вы знаете, часто можно было слышать критику в адрес Центрального банка, она касалась и политики таргетирования инфляции, и т. д. Но рано или поздно мы понимаем, что это стало одним из элементов стабилизации. Да, можно по-разному оценивать те или другие действия, каждый, как говорится, судит со своей колокольни. Но здесь мы должны понимать, что все задачи решаются в комплексе. Поэтому, конечно, и здесь надо отдать должное ЦБ, сегодня инфляция ниже 4%, слишком низкая — это тоже не есть хорошо. Но, надеюсь, что в этих пределах мы удержимся и в следующем году.

Аксаков: Более того, Министерство экономического развития говорит, и я с этим согласен, что надо все делать для того, чтобы инфляция была вблизи 4, а не 3%... Это звучит хорошо для обывателя, но на самом деле слишком низкая инфляция будет влиять и на экономический рост тоже.

Спрос в экономике был придушен

ВЬЮГИН: Даже формально экономический рост в этом году будет меньше, чем в предыдущем. Несмотря на все статистические подозрительные действия, результаты будут хуже. И надо сказать, что на этот год пришлось действительно не очень приятные события, такие как повышение налогов, особо ничего не тратил. То есть спросовая активность была явно придушена. Соответственно, инвестиционная активность тоже была достаточно слабой, потому что компании не видят спроса, они не видят необходимости делать инвестиции. Я не говорю еще про другую часть — инвестиционный климат, про то, что в депрессии находятся малые предприятия и средние. Бюджет, видимо, в следующем году будет тратить побольше, причем не в рамках бюджета, официально утвержденного Госдумой, а, так сказать, сбоку, через средства

ФНБ, которые уже подходят к пределу насыщения, установленного в законе. Таким образом спросовая часть немножко поднимется, поэтому, в принципе, все прогнозируют, что в следующем году будет рост повыше, скажем, 1,5%. Но хотелось бы иметь более высокие темпы роста. Для этого нужно понять, что нужно делать, в том числе куда вкладывать средства. У меня мнение такое, что, во-первых, не сильно заинтересованы власти в развитии, мне кажется, это не является приоритетом. То есть риторику мы слышим, но реально не видно, что это приоритет — проблема в этом есть большая. И конечно, вкладывать надо в человеческий капитал. То есть, если речь идет об использовании государственных ресурсов, то переместить вложения в здравоохранение, которое находится в ужасном состоянии на сегодняшний день в России, продолжать финансировать образование и науку.

Шансы роста ВВП на 1,7% — очень низкие

ВЕДЕВ: Изначально Министерство экономического развития и весь экономический блок правительства планировал достаточно плачевные или печальные итоги этого года. Для меня всегда это было странно, поскольку внешние условия достаточно благоприятные, да и санкции нельзя сказать что уж слишком сильные. Но так или иначе два раза публиковал Минэкономразвития оценки этого года и каждый раз ухудшал их. Теперь я думаю, что при достаточно благоприятных ценах на нефть, при достаточно благоприятных условиях рост где-то на уровне 1% будет в этом году. И шансы, что мы будем расти в рай-

оне 1,7%, как планирует сейчас Минэкономразвития, в 2020 году, я оцениваю как крайне низкие. Я думаю, что, следуя экономической логике, будет стагнация в этом и она продолжится в следующем году. Если говорить о точках роста, то я бы вернулся к модели 2016–17 года, когда основной акцент делался на частных инвестициях, на попытке все-таки привлечь прямые иностранные инвестиции, на поддержке малого и среднего бизнеса, частной инициативы. И, наверное, главное — это кардинальное улучшение предпринимательского климата.

Бодрунов: Вьюгин говорит примерно о 1,5-процентном росте в следующем году. Он оценивает ситуацию этого года достаточно критично. Но тем не менее я бы, например, честно говоря, не сказал бы, что это стагнация уже. Это же все-таки некоторое движение вперед. Как Вы полагаете?

Аксаков: Да, особенно во второй половине текущего года.

Бодрунов: Особенно во второй половине, да.

Аксаков: Если говорить о начале года, о первой половине, то там можно было смело говорить о стагнации...

Бодрунов: Потому что у нас было, во-первых, начало года, очень сложно начали раскачивать эти национальные проекты, шло перепланирование всей системы работы.

Аксаков: Триллион рублей из бюджета 2019 года переходит в бюджет на финансирование в 2020 году.

Миловидов: Позвольте мне вклиниться и добавить немного сумбура в эту беседу... Я уже высказал свою точку зрения. Я тоже хочу верить в лучшее и в ускорение темпов экономического роста. Но сейчас я скажу крамольную вещь: а какая разница, какие темпы экономического роста у нас будут? Объясню, почему я задаю этот вопрос...

Бодрунов: А я с Вами с удовольствием соглашусь в такой постановке вопроса...

Миловидов: Первое, на что я обратил внимание, — я не оспариваю тезисы экспертов, каждый имеет право говорить

то, что он считает нужным, — но когда мы говорим о темпах экономического роста, у нас разговор все время крутится вокруг денег: триллион рублей недодали, триллион рублей дали, перерасходовали, недорасходовали, влили больше, влили меньше. Но мы не говорим о результатах того, чего мы влили. Экономика, в моем понимании, это пропорциональная система.

Бодрунов: Можно вспомнить, сколько мы влили в космодром Восточный, а до сих пор ничего не летает...

Миловидов: В экономике существуют определенные пропорции: можно расти темпами 10–15% в год, но в результате получить такие диспропорции, которые аукнутся –20% падения...

Бодрунов: Какова структура этого роста — вот вопрос!

Миловидов: Абсолютно верно. Во-вторых, можно расти с темпами 1–2% в год, но при этом пропорции в экономике будут сохраняться.

Бодрунов: И сохранится ориентация на реальное изменение качества жизни населения.

Миловидов: Конечно! Я посмотрел на сайте правительства специально отчеты о выполнении национальных проектов. Я сейчас не буду комментировать цифры и все, но что меня поразило: хотя в указе президента нет такой прямой разбивки, но тем не менее в презентациях национальные проекты разбиты на три части — это национальные проекты человеческого капитала, о чем говорили наши коллеги, затем — комфортная среда для жизни, экология, жилье и так далее, и затем — экономический рост (это наука, малая, средняя, цифровая экономика и так далее, и так далее). В моем понимании это деление не совсем корректное. Потому что экономический рост — это и здравоохранение, и образование, и демография, и культура...

Бодрунов: Конечно, да-да.

Миловидов: Вклад в человеческий капитал — это тоже экономический рост. И нельзя оторвать вклады в человеческий капитал, вклад в комфорт жизни от экономического роста. Это все работает на экономический рост. Вот мне кажется, нам больше нужно говорить, здесь я соглашусь с экспертами, что нам больше нужно говорить: а) о результатах и б) о качественных изменениях.

Бодрунов: Я тоже всегда придерживался такого принципа, что игра в эти проценты ВВП, чуть больше, чуть меньше, очень важна — эта оценка важна для тех людей, которые принимают решения конкретно по распределению денежных средств, например, бюджетов, дофинансировать что-то и так далее. Но с точки зрения макроэкономики, результативности вот этих всех инвестиций и прочее, важнее структурная ситуация, важнее, какие отрасли мы финансируем, важнее, на что делаем основной упор, где приоритеты, как эти вещи связаны между собой внутри нашего экономического пространства, если на то пошло. И как это отражается на тех потребностях людей, которые сегодня нужно удовлетворять.

Аксаков: То есть надо идти от качества жизни.

Бодрунов: Да.

Аксаков: И к качеству жизни привязывать уже все остальные изменения.

Миловидов: Конечно.

Бодрунов: И 1 или 2% роста достаточно, чтобы можно было резко поднять те самые вещи, которые нужны людям.

Миловидов: Конечно. Я могу добавить еще одну такую, скажем, крамольную фразу. Мне в силу карьеры, биографии доводилось работать в правительстве и на своих должностях государственных иногда приходилось дискутировать на эти темы, обсуждать их. И я иногда говорил: слушайте, представьте себе, наступит период, когда инфляция будет маленькая и темпы роста будут маленькие. А многие у нас говорили, что, если инфляция снизится, будет рост. Вот сейчас мы пришли к тому, что у нас, пожалуйста, маленькая инфляция. Это тоже пропорция. Мы до конца эту пропорцию не знаем. Российская экономика, конечно, уже многие годы развивается как современная, рыночная, я надеюсь, развитая экономика. Но все равно эта история пока измеряется 30 с небольшим годами...

Бодрунов: Конечно, у нас нет того бэграунда...

Миловидов: У нас нет сложившейся пропорции, мы ее не знаем.

Аксаков: Я думаю, мы все равно должны управлять этими процессами.

Миловидов: Конечно.

Аксаков: И такой яркий пример — сочинская Олимпиада, концентрация ресурсов действительно изменили качество этой территории, и там теперь с удовольствием многие отдыхают...

Бодрунов: Сегодня там по-другому все смотрится.

Аксаков: Рост инвестиций и экономический рост — всплеск. Потом падение, потому что нет мегапроекта, в котором бы концентрировались ресурсы. При этом те, кто закупил оборудование, осуществлял работы, привлек рабочую силу, оказались ни с чем, у них нет заказов, нет других проектов. Так вот я к чему говорю: если мы запустили какой-то проект, то должны видеть, что дальше должен быть другой проект, который сможет задействовать освоенные ресурсы, а у нас страна большая и, в принципе, задач много: чтобы эти люди могли найти себе применение и потом. И это вот как раз стратегия, уже стратегическое планирование.

Миловидов: Вот я сейчас поддержал бы Анатолия Геннадьевича в том, что он правильно совершенно говорит: в экономике всегда должен работать мультипликатор. В одном месте вложил рубль, но на круг получил 10, 20 и так далее...

Бодрунов: Конечно. Вот мы говорим о проектах, говорим о том, что очень важно, чтобы эти национальные проекты имели некоторое продолжение, во-первых. Во-вторых, там должна быть очень важная компонента — эффективность этих проектов. Мы должны понимать, что те люди, которые эти проекты инициировали, внедряли в обще-

В проектах нет конкретики

ШИРОВ: Проблема состоит в том, что, с одной стороны, мы вроде бы понимаем, что такие проекты нужно реализовывать. С другой — конкретное технико-экономическое обоснования, то есть как и что делать, пока нет. И получилось, что есть проекты, а, как направлять деньги, совершенно непонятно. Мы этого пока не понимаем. И, собственно, из-за этого такое пробуксовывание с финансированием национальных проектов. Хотелось бы, чтобы 2019 год был удачнее, чем он фактически сложился. То есть мы видим, что темпы экономического роста около 1%. Это нас не может устраивать. Мы видим, что есть проблемы с реализацией крупных проектов инвестиционных, в том числе

государственных, национальных проектов. И все это, конечно, оставляет осадок недодоланности, ощущение того, что можно было бы сделать это лучше, качественнее, получить большие результаты. Если мы говорим про следующий год, конечно, он будет лучше текущего с точки зрения экономики. Все про это сейчас пока говорит. Если не будет крупных внешних шоков, то экономика вырастет, конечно, не на 1%, а где-то примерно на 2%. Но все равно и этого мало. Вот мы должны добиться того, чтобы следующий год был трамплином для того, чтобы и 2021-й, и 2022-й, и последующие годы были бы для нас именно периодом развития.

ственное пространство, обеспечивали финансирование через государственные решения, эти люди хорошо подумали, насколько эффективны будут эти проекты. И третья важная компонента, особенно в условиях нашей такой специфической экономики, где много теневых вещей, здесь должен быть достаточно серьезный, в том числе общественный контроль.

Бодрунов: Как Вы считаете?

Аксаков: Насчет осторожности государства, наверное, правильно. Но все-таки, я думаю, сама бюрократическая наша машина крайне неэффективна...

Бодрунов: Она гораздо более тормозит.

Аксаков: И причины принятия нами постановления, решения в Госдуме по поводу подзаконных актов, которые позволяют направлять деньги на реализацию проектов, заключаются как раз в очень неразворотливой бюрократической исполнительной машине. Владимир Дмитриевич там работал. Может быть, в его времена там было все эффективнее. Но сейчас она настолько неповоротливая, а главное — ответственных-то особо не найдешь. А сейчас четко прописано, кто за что отвечает. И, в принципе, есть кого спросить. Если проекты будут плохо реализовываться, значит, президент сам об этом сказал, будут соответствующие привлечения к ответственности...

Бодрунов: Будет видно, во-первых, что плохо реализуется, во-вторых, понятно, кто за что должен отвечать.

Миловидов: Если позволите, у меня есть несколько комментариев. Думаю, что, первое, неповоротливость системы — это и плохо. Но, с другой стороны, и хорошо, потому что, конечно, такие деньги требуют и контроля особого, и спешка здесь, конечно, должна быть умеренной. Что касается инвестиций, то тут, как раз вот пользуясь присутствием Анатолия Геннадьевича, хочу сказать, что, с учетом своего опыта, мы иногда забываем такой инструмент, как финансовый рынок, его развитие. За последние годы сделано огромное количество новаций в этой сфере и законов принято Государственной Думой, которые вывели наш финансовый рынок на уровень, по сути, развитого финансового рынка с точки зрения его регулирования. Его нужно наполнять деньгами, его нужно наполнять инвесторами, нужно создавать новые финансовые инструменты, которые могли бы поддерживать этот рост. При этом, естественно, когда мы говорим о дивидендах, конечно, это некое изъятие денег из инвестиционных программ...

Бодрунов: Да. И перекладывание в финансовый карман.

Миловидов: Но, с другой стороны, дивиденды привлекают и инвесторов. Они способствуют тому, чтобы люди покупали ценные бумаги. И они тоже должны выплачиваться.

Аксаков: Лучше бы они зарабатывали на росте курса ценных бумаг.

Миловидов: Все-таки без дивидендов ни один финансовый рынок не существует.

Бодрунов: Это вещи, не особенно отделимые друг от друга.

Миловидов: Неотделимые. Но я хотел бы обратить внимание еще на один момент...

Аксаков: Я сказал лишь об опережающем росте дивидендов, причем довольно существенном.

Бодрунов: Да, есть такая ситуация сегодня, конечно.

Миловидов: Я хотел бы обратить внимание еще на один связанный с этим вопрос, который эксперт выделил — по поводу внешнего фактора. Ведь все-таки вот этот период, с 2014 по 2019 год, происходило все на очень негативном внешнем фоне, не говоря уже о том, что за рубежом сами темпы экономического роста не самые высокие. И плюс еще внеэкономические влияния, как мы знаем, и санкционная политика, и многие другие вещи, крайне негативно сказывались на привлечении денег в российскую экономику, развитие совместных проектов и так далее. Но тем не менее удалось все-таки, как я уже говорил, выйти на определенные положительные темпы роста. И вот этот внешний фактор, он, конечно, играет очень важную роль. И в будущем будет играть. Почему? Потому что мы неотделимы от мировой экономики и для нас важно оценивать и формировать амортизаторы: вот сейчас мы раскрутим экономику, а через год или через какой-то промежуток времени возможна и глобальная рецессия, которая может опять свести на нет эти наши усилия. Вот к этому нужно готовиться.

Бодрунов: Мы сегодня находимся в состоянии готовности к тому, чтобы поднимать экономику, инвестировать, улучшать инвестиционный климат и надеяться на лучшее в следующем году.

ИЗЛИШНИЙ АЛАРМИЗМ ИЛИ РЕАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ?

Дискуссия на презентация доклада
«Мировое экономическое положение и перспективы»
ООН (DESA) 22 января 2020 г.

СОБЕСЕДНИКИ

**Дмитрий Евгеньевич
Сорокин,**
вице-президент ВЭО России,
вице-президент
Международного союза
экономистов, научный
руководитель ФГБОУ ВО
«Финансовый университет
при Правительстве РФ», член-
корреспондент РАН, д. э. н.,
профессор

**Маргарита Анатольевна
Ратникова,**
вице-президент ВЭО России,
директор ВЭО России, вице-
президент, исполнительный
директор Международного
союза экономистов

**Дмитрий Рэмович
Белоусов,**
руководитель направления
анализа и прогнозирования
макроэкономических
процессов Центра
макроэкономического анализа
и краткосрочного
прогнозирования, к. э. н.

**Владимир Валерьевич
Кузнецов,**
директор Информационного
центра ООН в Москве

**Елена Владимировна
Панина,**
депутат ГД ФС РФ,
член комитета ГД
по международным делам,
д. э. н., профессор

Александр Александрович Широв,
заместитель директора
Института
народнохозяйственного
прогнозирования РАН,
член-корреспондент РАН,
член Правления ВЭО России,
д. э. н., профессор

Виктор Меерович Полтерович,
заведующий лабораторией
математической экономики
Центрального
экономико-математического
института РАН,
член Правления ВЭО России,
академик РАН, д. э. н.,
профессор

Александр Александрович Аузан,
декан экономического
факультета МГУ
им. М. В. Ломоносова,
член Экономического совета
при Президенте РФ,
член Правительственной
комиссии по проведению
административной реформы,
д. э. н., профессор

Никита Иванович Масленников,
ведущий эксперт
Центра политических
технологий

Борис Николаевич Порфирьев,
член Президиума ВЭО России,
директор Института
народнохозяйственного
прогнозирования РАН,
академик РАН, д. э. н., профессор

Руслан Иманович Хасбулатов,
заведующий кафедрой мировой
экономики Российского
университета
им. Г. В. Плеханова,
заслуженный деятель
науки РФ,
член-корреспондент РАН,
д. э. н., профессор

Владимир Дмитриевич Миловидов,
руководитель Центра
социально-экономических
исследований Российского
института стратегических
исследований, д. э. н.

Михаил Владимирович Ершов,
член Президиума ВЭО России,
главный директор
Института энергетики
и финансов,
профессор Финансового
университета при
Правительстве РФ, д. э. н.

Владимир Викторович Иванов,
заместитель президента
РАН, член-корреспондент РАН,
член Правления ВЭО России,
д. э. н., к. техн. н.

Ратникова: Уважаемые коллеги, я рада вас приветствовать от имени Международного союза экономистов и Вольного экономического общества России в Доме экономиста, а также от лица президента Международного союза и Вольного экономического общества Сергея Дмитриевича Бодрунова, который по объективным обстоятельствам, к сожалению, не смог принять запланированное участие в мероприятии. Нам очень важно, что симметричный год — 2020, год рубежный, как сказал лидер государства, мы открываем такой широкомасштабной, знаковой для нас дискуссией, презентацией доклада «Мировое экономическое положение и перспективы 2020». Этот доклад неизменно вызывает большой интерес, будучи ключевым аналитическим документом Организации Объединенных Наций, разработанным Департаментом по экономическим и социальным вопросам ООН в координации с другими департаментами. Организаторами презентации сегодня являются Информационный центр ООН в Москве, Международный союз экономистов и Вольное экономическое общество России. Мы очень благодарны нашему стратегическому партнеру, Информационному центру ООН, за то, что они выбрали нашу площадку для презентации, еще и потому, что Международный союз экономистов имеет генеральный консультативный статус экономического и социального совета ООН. Признательны за согласие выступить презентером доклада Дмитрию Рэмовичу Белоусову, который представляет ЦМАКП (Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования).

И нам очень важно, что сегодня этот доклад привлеч такое большое внимание специалистов и экспертов. Мы надеемся, что дискуссия будет интересной и конструктивной. Модерировать наше заседание будет Дмитрий Евгеньевич Сорокин, вице-президент Международного союза экономистов и Вольного экономического общества России. И прежде чем Дмитрий Евгеньевич возьмет бразды правления, я бы хотела предоставить слово инициатору и основному организатору презентации доклада — Владимиру Валерьевичу Кузнецову, директору Информационного центра ООН.

Кузнецов: Уважаемые коллеги, друзья, я очень рад оказаться вновь в вашем гостеприимном доме уже в наступившем круглом 2020 году по такому важному и знаменательному поводу, как ежегодная презентация доклада «Мировое экономическое положение и перспективы, 2020 год», который кратко именуется WESP. Важно отметить, что для нас, ооновцев, сегодняшнее мероприятие вливается в целую серию разнообразных событий, которые будут приурочены к 75-й годовщине со дня основания Организации Объединенных Наций, которую мы отмечаем в текущем году. Доклад «Мировое экономическое положение и перспективы» ведет свою историю с 1947 года, когда согласно мандату Генеральной ассамблеи генеральному секретарю был адресован запрос о ежегодном предоставлении отчетов ЭКОСОС (экономическому и социальному совету) ООН о текущей экономической ситуации и об основных тенденциях в области экономического развития. Доклад «Мировое экономическое положение» обновляется два раза в год. Основной документ публикуется в декабре — январе, а в мае выходит его обновленная версия, которая входит как один из пунктов в повестку дня июльского этапа заседания высокого уровня ЭКОСОС Организации Объединенных Наций. Хочу напомнить, что этот документ является плодом сотрудничества, партнерства между целым рядом структур Организации Объединенных Наций. Основным выпускающим звеном является Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. Кроме того, в подготовке доклада участвуют Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), пять региональных комиссий ООН, а также Всемирная туристская организация и Международная организация труда.

Хочу еще раз подчеркнуть, что представление доклада прошло в Нью-Йорке, а региональные презентации, помимо Москвы, проходят в ряде крупнейших городов и столиц.

К этому хочу добавить, что мое беглое ознакомление с докладом (я сравнил его с предыдущими докладами) не дает повода для большого оптимизма. На самом деле анализ там довольно пессимистичный. Я обратил внимание на то, что с самых первых строк, с самых первых абзацев он пронизан большой тревогой и озабоченностью с точки зрения перспектив развития мировой экономики в будущем году и в среднесрочной перспективе. Делается вывод, что, если негативные факторы сохранятся, то достичь 17 целей устойчивого развития не представится возможным в полной мере.

Для меня как для руководителя информационного центра, который представляет коммуникационное звено Организации Объединенных Наций, конечно, очень важно взаимодействие с профессиональным экспертным экономическим сообществом — российским и международным, основным мотором и локомотивом которого и площадкой

для взаимодействия, я считаю, как раз и является Международный союз экономистов и Вольное экономическое общество. Потому что только непредвзятый глубокий анализ, но одновременно и профессиональный разговор может донести до широкой публики, до широкой общественности не какие-то панические нотки и вопли Кассандры о том, что все рухнет и никаких перспектив нет, но одновременно и какие-то выводы и предложения, что на самом деле нужно сделать, чтобы не сработали те самые негативные факторы, которые могут привести к самым пессимистическим сценариям, о которых упоминается в докладе. Это очень важно, потому что в 2020 году, в год 75-летия ООН, мы, наверное, не должны создавать ощущение безысходности и у российской, и у мировой общественности, а, наверное, сосредоточиться если не на каких-то позитивных вещах, то по крайней мере на конструктивном анализе, который позволяет нам говорить о конкретных вещах, которые можно делать именно для того, чтобы самые негативные предсказания и прогнозы не состоялись.

Сорокин: Действительно, в этом году мы в первый раз собираемся в этом составе. Конечно, прежде всего, будем надеяться, что, несмотря на любые прогнозы, у каждого из нас наступивший новый год будет нормальным, удачным, хорошим, чего я желаю всем и поздравляю всех с наступившим Новым годом. Я думаю, что те вступления, которые сейчас были сделаны, избавляют меня от содержательного вступительного слова, тем более что у нас достаточно жесткий регламент: сегодня в 17 часов мы должны поставить точку. Поэтому я сейчас передам слово Дмитрию Рэмовичу Белоусову. В пределах 30 минут мы даем на вступительное слово. Мы попросили ряд профессионалов в соответствующей области выступить. Но каждый раз прошу обратить внимание: говорить 5 — максимум 6 минут, не больше, чтобы по максимуму люди смогли высказаться. Только основное, главное. Песочные часы для этого у нас есть. Итак, Дмитрий Рэмович, начинаем.

Белоусов: Спасибо за отличную компанию, спасибо за отличное место. В последние 2–3 года этот доклад рассказывает примерно об одном и том же с таким нарастающим внутренним напряжением: после завершения волны кризиса мировые экономики разогнались, но сейчас начинается период их торможения, причем это торможение имеет не формальный характер. Бог бы с ним, если бы шло просто циклическое общее замедление и т. д. Но оно идет вместе с накоплением тех структурных и финансовых проблем, которые сопровождали экономический рост и в очень долгосрочной перспективе, и в текущей. В текущем плане, конечно, главная проблема — это «прелести» американо-китай-

ской торговой войны и, соответственно, начавшегося небольшого замедления китайской экономики, которые крайне негативно сказались не только на общей арифметике роста (хотя в целом ряд аналитических центров, например, МВФ, дает, если не ошибаюсь, около 0,2% потери мирового ВВП), но главное — они крайне негативно ударили по географии роста, потому что целый ряд стран — поставщиков сырьевых ресурсов, поставщиков товаров, ориентированных на китайский рынок, — оказались в ситуации, когда они не могут расширять рост. Это одна сторона вопроса, которая во многом связана с фундаментальными проблемами наличия двух центров экономического роста в мире — структуры, которая складывалась в мире в течение длительного времени.

Второй существенный момент — это проблема, связанная с военными конфликтами, которые идут в разных местах, с геополитической напряженностью, с кризисом на Среднем Востоке, которые просто создают значительные риски. Так, в прошлом году большую озабоченность выражали в странах Тихоокеанского региона, потому что там этот кризис аккурат приходится на торговые пути, создает усиливающиеся риски крупномасштабной мировой напряженности.

Третий узел. Их всего четыре, или, скажем, три с мезонином: четвертый может быть чуть менее важный, хотя тоже значимый. Третий узел — это проблема закредитованности ряда стран и того, что ряд стран находится на границе серьезной финансовой катастрофы. Кризис закредитованности в недавнее время ударил по Латинской Америке, все мы помним аргентинские проблемы; ударил по Турции. Нельзя не отметить, что, несмотря на высокие темпы экономического роста, кроме торговых войн важным ограничителем для Китая выступает та самая закредитованность, борьба с которой и будет вести к постепенному замедлению экономики Китая с 6,1 до 5,9% последовательно в год. Проблема в том, что от закредитованности и от торговых войн страдает примерно одна и та же группа стран. Соответственно, есть высокий риск того, что эти страны вовлекут нас всех в новый мировой кризис в силу взаимосвязанности цепочек стоимости.

И еще одной сферой риска является финансовый рынок и процентная политика стимулирования роста в развитых странах, в первую очередь в Соединенных Штатах. Тут ситуация чуть менее острая, хотя, в принципе, она тоже может создать проблемы нам всем, потому что этот рынок всех объединяет. Отсюда базовый прогноз ООН — 2,5% на 2020 год с дальнейшим ускорением, что значит — мы будем выходить из той ситуации, в которую вошли, но это

при условии, если все эти факторы будут разрешаться. В случае если достичь баланса не удастся, там просто прямо приведена цифра, что мировой рост может составить 1,8%. С учетом того, что Китай как-то в любом случае будет расти, Штаты будут расти, это означает просто, что большинство экономик мира окажется внутри очередного серьезного кризиса, имеющего и циклический, и в значительной мере структурный характер. Разумеется, вся эта ситуация ударит в первую очередь по развивающимся странам, в том числе по бедным странам, и приведет только к замедлению решения проблемы с устойчивым развитием и формальными показателями ликвидации бедности и уменьшения неравенства, да и просто с реальным доступом людей к жизненным благам — продовольствию, воде и т. д.

Мы обнаружили, что в ситуации, в которой мы оказались, сохраняется практически старая география роста. Есть быстро растущий, но относительно замедляющийся Китай, есть умеренно растущие страны Европы, Америки, и недавно к ним присоединились мы, а также наиболее успешные страны Южной Америки и Африки. Есть довольно крупная зона, где ситуация либо перестала улучшаться, либо даже стала ухудшаться. Это ряд стран Африки и часть стран Латинской Америки. Повторюсь: по ним как раз ударили, с одной стороны, последствия предыдущего кризиса на рынках сырьевых товаров, из которого они вышли не в полной мере, а с другой стороны, косвенные последствия торговой войны. Что называется, где толстый сохнет, там тощий сдохнет. Поэтому для Китая это замедление роста, для Штатов понадобилось дополнительное стимулирование; для стран, у которых нет особенных резервов, произошла просто остановка, локальные спады и т. д.

Еще один момент — это, с одной стороны, то, что в мире (не только у нашей страны, но и в остальных странах мира) долгое время продолжалось смягчение денежно-кредитной политики, что улучшает доступ к кредитным ресурсам. В принципе, идет отказ от сверхжесткости. Отмечено, что в России при этом усилены меры контроля за предоставлением финансовых ресурсов и т. д., но, с другой стороны, эта же ситуация ведет к тому, что долговая проблема, проблема закредитованности обостряется и возникают определенные опасения по части закредитованности и наиболее развитых стран.

Ситуация, как мы видим, не слишком благоприятная. В ряде случаев она улучшается, но проблема в том, что на хоть и снижающийся, но изрядный уровень процентных выплат для Африки и Карибского бассейна наложились проблемы, связанные с экономическим ростом. Просто база для этих выплат не очень высока. А развитые страны, про-

долгая фискальное стимулирование экономики, дополнительно создают проблемы для того, чтобы проблемы возникли не только в развивающихся странах, которые брали кредиты под индустриализацию, как Турция или та же Аргентина, но и в развитых.

Существенным моментом в рамках доклада «Мировое экономическое положение и перспективы» является заострение на проблемах climate changes. В качестве одной из позиций рассылался доклад Международного энергетического агентства на эту тему. Бесспорным является тот факт, что климат Земли теплеет, чем бы ни был вызван этот процесс. Вклад человечества в него, несомненно, есть и, видимо, увеличивается вместе с ростом эмиссии парникового газа, вместе с ростом транспорта. Эта ситуация видится ООН так: акцент на зеленой революции, акцент на безуглеродной экономике как способ одновременно простимулировать развитие развивающихся стран за счет развитых, потому что основные выбросы от энергетики, промышленности и транспорта делают все-таки развитые и богатые нефтяные страны, а развивающиеся страны выбрасывают гораздо меньше. Поэтому это повод обложить дополнительным налогом, обложить дополнительными ограничениями наиболее развитые страны и как-то простимулировать рост развивающихся, тем более что эти же самые развивающиеся страны поставляют металлы для производства солнечных панелей, материалы для производства аккумуляторов и т. д.

С другой стороны, понятно, что ООН беспокоится за то, что если технологические и экологические сдвиги пойдут ускоренным темпом, то инвестиции, которые делаются по-прежнему в разработку углеводородов, окажутся обесцененными, и соответствующие страны могут стать зоной кризиса. Здесь я лишь представляю позицию ООН, но я с ней согласен далеко не в полной мере и могу отметить определенные противоречия: с одной стороны, акцент делается на необходимости ускоренного развития развивающихся стран, на обеспечении их доступа к энергии и воде, повышении уровня доходов, а с другой — усиление борьбы с выбросами углеродных газов может лишить ряд таких стран возможностей для индустриализации на базе пусть и устаревших, но стремительно дешевеющих технологий. Мне кажется, эта проблема недооценивается: на самом деле в результате мы рискуем получить в развивающихся странах вместо ускоренного роста и борьбы с бедностью стагнацию. Как выглядит в России завод, на котором остановилось производство нефтедобывающего оборудования, я в свое время имел неудовольствие видеть. Это очаг экономической и социальной катастрофы. Поэтому к оптимизму по поводу того, как зеленая революция может стимулировать решение основных проблем, я бы относился гораздо

более осторожно, хотя, повторяюсь, проблема, несомненно, есть: да, Земля теплеет, да, вклад человечества в это, несомненно, есть, но в какой мере форсированно надо с этим бороться, какой здесь баланс рисков и выгод — это вопрос отдельный и требующий проработки на гораздо более осторожном уровне.

При этом отмечается, что традиционный макроэкономический подход, состоящий в том, что основной регулятор — это денежно-кредитная и налоговая политика, является, в общем-то, недостаточным, как показывает практика. Необходимо как минимум еще один фокус на снижение социального неравенства — и в формальном отношении бедности, и в отношении включения меньшинств (языковых, по здоровью и т. д.) в активную социально-экономическую жизнь, и формирование дополнительных инструментов роста. В этом отношении ООН традиционно хорошо относится к нашим нацпроектам уже не первый год. Соответственно, необходимы дополнительные меры по финансированию программ развития. Ну и дополнительным фактором является та самая совместная борьба с *climate changes*, которая интерпретируется как еще и способ решения проблемы развивающихся стран, насколько я понимаю авторов доклада.

Всегда есть региональные предложения. Мы здесь представляем СНГ плюс Грузия (или бывший СССР минус Прибалтика) и страны Юго-Восточной Европы. В принципе, отмечается ВВП наших стран. И формально, в силу того, что в этом зоопарке есть самый большой слон и называется он Российская Федерация, и содержательно, потому что страны экономически зависят либо от общих факторов (как от нефти Казахстан и Азербайджан), либо просто в силу кооперации с нами, — соответственно, наша траектория примерно задает траектории остальных стран этого бывшего СССР минус Прибалтика. Соответственно, замедление роста у нас, ухудшение условий торговли (цены на нефть медленно, но снижались) притормозило экономический рост, в общем-то, буквально везде. У нас был отмечен экономический рост, по современным данным, порядка 2% после 2,3% в прошлом году, что было связано как с действием различных факторов в прошлом году, так и с замедлением динамики потребительского спроса и отсутствием государственных и частных инвестиций. У нас рост инвестиций — около 1%. Слабость потребительского спроса отчасти связана с повышением НДС. Плюс одновременно у нас действие «ОПЕК+» — ну и, соответственно, они нас ругают — и справедливо ругают — за то, что у нас рост, доходы и кредитование сосредоточились в одном и том же секторе, и сектор этот энергосырьевой, причем тот самый, который называется ретго — особо неприятный, углеводородный.

В принципе, идея смягчения денежно-кредитной политики оценивается положительно и действительно является правильной, хотя реальные процентные ставки остаются на довольно высоком положительном уровне, что для ситуации около стагнации выглядит по мировым меркам странно. Нацпроекты и в прошлом году, и в этом оценивались достаточно высоко, потому что они направлены на решение инфраструктурных задач, на решение социальных задач, на рост эффективности — как раз то, что по мировым меркам обычно дает экономический эффект. В целом эксперты ООН, и мы, кстати, вместе с ними, ожидаем, что в наступившем году экономический рост в России ускорится. Соответственно, может ускориться и динамика остальных стран. В качестве рисков продолжают выступать экономические санкции. И есть вопрос эффективности использования бюджетных расходов и того, как они лягут на неравномерность развития регионов внутри России.

Недоиспользованный ресурс роста — это наличие профицита счета текущих операций. То есть, даже если у нас начнется рост и одновременное наличие золотовалютных резервов, в которые рост переходил уже несколько лет, это не приведет немедленно к существенным разбалансировкам, насколько я понимаю. Поэтому мы можем идти и на фискальное стимулирование роста, и на стимулирование за счет процентных ставок.

Отмечается высокий уровень возможностей для стран Центральной Азии, особенно тех, которые участвуют в программе «Один пояс и один путь». Там действительно Казахстану и Киргизии — по крайней мере, мы по ним вели дополнительные расчеты — изрядно повезло, потому что у них одновременно и демографическое окно, относительно молодое население, рождаемость уже снижается, количество нагрузки со стороны пожилых еще небольшое, население еще молодое, и в этой ситуации они еще и получают китайские инвестиции, связанные с «Поясом и путем». Поэтому их перспективы наиболее высокие, отмечается роль позитивного сотрудничества в рамках ЕАЭС, в том числе взаимных инвестиций. Для всех стран, включая и нашу, отмечается, конечно, необходимость структурной модернизации, развития промышленности и т. д. Для европейских стран, разумеется, мы стоим перед лицом ловушки среднего дохода — необходимости структурной модернизации промышленности и повышения производительности.

Уровень инфляции низкий почти во всех странах. Идет снижение номинальных процентных ставок, хотя благодаря низкой инфляции они все еще остаются высокими в реальном выражении. Это сдерживает рост, ну и, соответственно, дальнейшее снижение может этот рост простимулировать.

Как я уже говорил, мы — те самые петроэкономики, где высокое потребление электроэнергии, где торговые балансы в значительной мере выстроены вокруг экспорта углеводородов. При этом доля возобновляемых источников — это в основном гидроэлектростанции, причем этот потенциал в значительной мере уже исчерпан, новые крупные ГЭС строить практически нигде, за исключением, может быть, отдельных мест в той самой Центральной Азии. В то же время солнце и ветер для генерации энергии у нас пока развиты достаточно слабо. Есть ли и каков потенциал по тому же солнцу у России — вопрос отдельный. Считается, что у нас продолжается субсидирование по топливу, с чем довольно сложно согласиться, учитывая его цены у нас и в остальных странах. Понятное дело, люди не согласны. Насколько этот вывод действителен, мне не вполне ясно.

Есть риск торможения мировой экономики с соответствующими проблемами торгового баланса и торможением экономики наших стран, в том числе по каналам денежных переводов. Банковский сектор остается слабым местом, хотя ситуация в целом улучшается благодаря усилению надзорной политики. В ряде случаев есть проблемы, связанные с погашением внешнего долга: в ближайшей перспективе или в более отдаленное время для стран, которые в последнее время набирают кредиты, корпоративные или государственные, в том числе связанные с развитием «Пояса и пути». Кроме того, повторюсь, ряд европейских стран, в том числе и наша, вступили в период долгосрочных демографических проблем. Соответственно, они выносятся вперед, и уже не первый год, как основной ограничитель экономического роста. Рост, в общем-то, будет определяться тем, что будет происходить с производительностью труда.

В Юго-Восточной Европе в целом продолжается экономический рост, за исключением небольшой группы стран. В целом этот регион является донором с точки зрения роста. Проблема в том, что там, с одной стороны, идет отток кадров, страны остаются бедными, а с другой — будет происходить, по-видимому, усиление фискальной консолидации, борьба за бездефицитный бюджет, что может сдержать развитие.

На этом, собственно, доклад закончен. Традиционно мы делаем небольшое предложение по России. В России в конце года ситуация локально ухудшилась, но она не опровергает в целом тенденцию к медленному ускорению экономического роста. В прошлом году мы получили 1,2%, в этом — порядка 1,8%, если не ошибаюсь. Основным драйвером является потребление домохозяйств. При этом из-за «ОПЕК+» у нас экспорт уже не сможет разгонять экономику России. Учитывая, что по потреблению домохозяйств мы тоже

вышли на определенное ограничение, связанное с закредитованностью, остается вопрос со снижением бедности и дополнительным стимулированием потребления наиболее бедных хозяйств, которое не будет сопровождаться, возможно, ростом импорта. С другой стороны, конечно, основной ресурс — это рост инвестиций в основной капитал.

В 2019 году мы вышли на 1,2, в этом году, видимо, получим небольшое усиление. Дальше ситуация будет зависеть от того, насколько нам удастся остаться на траектории снижения процентных ставок и насколько эффективными как драйверы роста окажутся нацпроекты. Сам по себе рост государственных инвестиций — дело хорошее, но вопрос — насколько они будут подхвачены частным сектором. Вот на этом я бы, наверное, закончил.

Сорокин: Спасибо большое, Дмитрий Рэмович. Вы дали всем остальным пример четкого соблюдения регламента. Коллеги, мы тут в начале посоветовались и решили, что примерно 10 минут мы сможем уделить на короткие вопросы докладчику и короткие ответы, как мы обычно делаем. Пожалуйста.

Вопрос: Дмитрий Рэмович, каково Ваше мнение, когда и при каких условиях все-таки может наступить глобальный мировой кризис с учетом очень активного роста долговой нагрузки, которая имеет место уже в Европе, Соединенных Штатах Америки, Японии и т. д.?

Белоусов: По нашим оценкам, 2020 год, скорее всего, пройдет нормально. Зоной ужаса является Китай, который одновременно создает спрос для здорового куска мировой экономики, обеспечивает потребление другого здорового куска и имеет под 300% ВВП долговой нагрузки. Причем это не потому, что они вели неправильную политику: они как раз люди очень умные. Это результат разрушения той системы глобальных дисбалансов, которая прошла после выхода из предыдущего большого кризиса. Тогда Китай начал выстраивать модель самофинансирования роста не за счет заемных, а за счет собственных ресурсов, а Штаты начали реиндустриализацию, и это привело к быстрому накоплению долгов. В 2020 году мы неприятностей не видим, и опережающий индикатор мирового кризиса этого не показывает. Но он некоторое время назад отлип от пола и медленно, но верно растет. Обычно это значит, что зона неприятностей — 2021–2022 год. Я не очень понимаю, как мы можем выйти из накопленных финансовых проблем без кризиса. Дай бог, чтобы кризис был циклическим, который просто срежет долги и немножко пороняет рынки, а не структурным, без перебалансировки мирового хозяйства. Соответственно, в случае короткого кризиса — где-то 2021–

2022 год и где-то, как всегда, на 18 месяцев плюс-минус 3. В принципе, можно думать о более долгих и более тяжелых историях, особенно если попробуют выходить за счет green esopomtu, но это история совсем отдельная. Короткий ответ вот такой.

Сорокин: Спасибо. Пожалуйста, коллеги.

Вопрос: У меня простой вопрос. Скажите, пожалуйста, какие отрасли Вы считаете самыми важными для экономического роста, помимо топливно-энергетического комплекса?

Белоусов: Смотрите, какая у нас сейчас ситуация. У нас в силу обстоятельств, в силу экономической политики, в силу устройства внешних рынков торговый баланс, прибыль и экономический рост сконцентрированы в ТЭК. Такая ситуация нам больше 1,5%, что называется, при хорошей погоде не даст. Да и то даст меньше, потому что из-за ограничений «ОПЕК+» мы не можем свободно экспортировать, потому что нам нужны высокие цены на нефть. Я во время презентации делал политические оговорки и поклоны, ни в коем случае не занимаясь аллюзиями. Мы находимся в ситуации Советской России 20-х годов, где самая важная отрасль хозяйства — сельская, но быть локомотивом она не может. Наибольший потенциал развития, видимо, связан с машиностроением, потому что из стран, имеющих развитую промышленность, развитое машиностроение, мы являемся самой не экспортирующей страной мира. Мы пытались найти себе аналог. Филиппины имеют большую долю экспорта. Ладно, это развивающаяся страна, неправильно ее брать. Китай — больше, Южная Корея — больше, Германия — больше.

Сорокин: Постиндустриальная Германия.

Белоусов: Германия, кстати, индустриальная. Они рассказывают всем, какие они постиндустриальные, но на самом деле это крупная индустриальная держава.

Резко видно, что мы вне этой ситуации. При этом мы являемся одной из стран с наименее сильной системой поддержки экспорта. У нас доля долларов, приходящихся на единицу несырьевого и невоенного экспорта, тоже ниже. Вот это первый сильно недооцененный товар, недооцененная группа — машиностроение и отрасли около него.

Судя по всему, есть запасы в металлургии и химии — в основном дополняющая продукция. Я в данном случае пользуюсь методологией Хаусманна — Клингера. Есть исследования, и мы в центре этим активно занимались. В мире есть практика: если страна активно экспортирует самолеты,

то она обычно вывозит комплектующие и алюминиевый лист. А если экспортирует автомобили, то это опять-таки запчасти и тонкий прокат. Вот мы такой жизнью не живем. Мы если вывозим, то легирующую продукцию. Мы вот этой юбкой, пусть она и не супертехнологичная, не занимаемся. Вторая зона — это экспорт Хаусманна — Клингера (экономисты, создавшие методологию экспортного потенциала) в средне- и не очень технологичных сферах. Там запас есть.

И третье — это создание новых рынков. Если говорить о стратегии, это горизонт 2020–2021 года, это 3–5 лет. А если говорить о 10–15 годах, то в мире, по-видимому, будет скачок развития новых рынков. Это рынки, связанные с сетевым производством, беспилотным транспортом и т. д. На этих рынках сейчас никого нет или почти никого нет. Нам Китай показал, как на рынок, заставленный другими производителями, где, в общем-то, не протиснуться, они протискивались раз за разом: и с Huawei, и с грузовиками, и с железнодорожным подвижным составом. Мы оказываемся в ситуации, когда в мире возникают трех-четырёхтриллионные новые рынки, по оценкам Boston Consulting Group, на которых нет сильных игроков, есть только заявления. Если мы туда зайдём с 3–7%, это уже десятки миллиардов экспорта. Я не говорю, что мы захватим там все и что на наших грузовых беспилотниках будет ездить весь мир. Весь мир мы не захватим, но 5% мирового рынка-то можем.

Сорокин: Спасибо, коллеги. Мы переходим к нашей дискуссии. Я думаю, мы начнем эту дискуссию с выступления заместителя директора Института народнохозяйственного прогнозирования — ну, коль скоро говорим о прогнозах — Александра Александровича Широва, всем хорошо известного. Тем более что их институт недавно любезно предоставил свой прогноз — правда, не совсем мировой экономики, но в том числе там у вас мировые показатели есть.

Широв: Большое спасибо, Дмитрий Евгеньевич. Я как-то не рассчитывал, что мне придется говорить первым после докладчика...

Тут, на мой взгляд, проблема в чем. Мы рассматриваем прогноз, и не секрет, что с коллегами довольно тесно взаимодействуем. Прогноз рассматривается как система некоторых взаимоувязанных гипотез. Нам это нужно для того, чтобы сделать некоторый конструктивный отсыл к экономической политике для того, чтобы сформировать такую экономическую политику, которая позволяет нам добиться какого-то результата. В данном случае, если мы говорим про мировую экономику и то, как она представлена, это в некотором смысле алармистский документ, но тут количество

проблем гораздо больше, чем возможных решений. С другой стороны, если мы всерьез посмотрим и на развитие мировой экономики, и на развитие российской экономики, то, конечно, развилки присутствуют, но я бы не сказал, что ситуация довольно тяжелая.

Прежде всего, почему возникают такие жесткие прогнозы, и мы видим, что сейчас это обсуждается и на Давосском форуме? Потому что, действительно, в мировой экономике произошел определенный слом. От ситуации, когда была глобализация, которая перманентно развивалась, мы перешли в ситуацию, когда мировая экономика входит в стадию регионализации. Более того, эта регионализация поддерживается, с одной стороны, реиндустриализацией в развитых странах по контуру высоких технологий, а с другой — тем, что Китай избрал экспансионную модель, которая основывается не на расширении предложения, а на расширении спроса на продукцию, которая производится в Китае. И это тоже, соответственно, является ограничивающим фактором. Действительно, это означает, что темпы роста в отдельных крупнейших странах мировой экономики будут сжиматься, то есть диапазон разрыва показателей темпов роста будет меньше, и, собственно, в этом состоит вся проблема: как будем жить? Это будет возможно через 10–15 лет. Но если мы говорим про экономику 2020 года, что мы сегодня обсуждали, то, на наш взгляд, те события, которые произошли после подписания сделки между Китаем и Соединенными Штатами, должны сильно сократить этот алармистский напор. Потому что все то, что мы видим, говорит о том, что, с одной стороны, опережающие индикаторы развития Европейского Союза, Китая и Соединенных Штатов как минимум говорят о сохранении текущих темпов роста, а с другой — они, скорее, даже свидетельствуют о некотором ускорении экономического роста во второй половине 2020 года. Со второй стороны, эта история с торгово-экономическим конфликтом между США и Китаем, по нашим оценкам, вычла не один и не два процентных пункта из мировой экономики в 2019 году, а до 0,5. Это много. И если эта история каким-то образом прекратится, то это будет важным фактором, поддерживающим мировую экономическую динамику.

Теперь, если мы всю эту ситуацию транслируем на Россию, то здесь мы должны сказать, что, к сожалению, те тенденции, которые связаны с мировой экономикой и с нашей национальной экономикой, сильно расходятся. То есть проблема состоит в том, что нам к Новому году Росстат преподнес очередной подарок в виде пересмотра динамики ВВП, основных элементов конечного спроса. Что же мы там увидели? А там мы увидели то, что говорилось на протяжении двух лет. Единственным реальным драйвером экономи-

ческого роста в 2017, 2018 и 2019 годах было потребление домашних хозяйств, единственный раз, в 2018 году, этому фактору поддержку оказывал чистый экспорт, и что инвестиции, особенно в 2018–2019 году, находятся вообще на нулевом уровне. Я вспоминаю наши дискуссии 2018–2019 года. Когда мы говорили про то, что экономика перешла в режим простого воспроизводства, то, по-видимому, если нулевые инвестиции, если практически ничего не росло, если у нас были только ограниченные сектора, где мы что-то вкладывали, то это — проедание основного капитала, это значит, что мы даже не восстанавливали те основные мощности, которые у нас были.

Теперь про инвестиции. Мы всегда в последние годы говорим, что инвестиции — это важнейший элемент повышения экономической динамики в России. Но беда в чем? Беда в том, что до тех пор, пока мы не используем те мощности, которые у нас уже созданы, пока у нас не возникнет спрос (а 50% спроса у нас — это потребление домашних хозяйств), к сожалению, никаких инвестиций не будет. И те новации, которые есть и в национальных проектах, и в последнем послании президента, говорят, что, к сожалению, через государственный спрос мы сильно не продвигаемся. Еще раз: 0,6 процентных пунктов — это максимум, что нам дают национальные проекты. И последние инновации президента — это где-то примерно 0,1. То есть еще раз: у нас проблема в том, что мы не понимаем, что сделать с потреблением населения. Тех мер, которые мы сейчас приняли, недостаточно.

Сорокин: Спасибо. Елена Владимировна Панина, член Комитета Госдумы по международным делам.

Панина: Ну что ж, хорошая традиция, что ООН делает такие доклады. Но тем не менее, на мой взгляд, может быть, доклад и носит алармистский характер, но здесь, мне кажется, причина и следствие поставлены не на свои места. Ведь если мы говорим о том, что причиной тех кризисных явлений, которые сегодня происходят в мировой экономике, являются торговые войны и закредитованность ряда стран, то, на мой взгляд, это как раз следствия, а не причины. Следствия того, что, по-видимому, та либеральная экономическая модель, в которой сегодня развивается вся мировая экономика, уже потерпела фиаско. И чем дальше мы не будем этого замечать и признавать, включая ООН, тем больше у нас будет этих кризисных явлений. Еще в 80-х годах XX века мы уже видели вырождение капитализма, и основным источником прибыли в этой экономике стали финансовые спекуляции. Это стало одной из причин кризиса 2008–2009 годов.

Смотрите, сегодня 98% финансовых операций носят спекулятивный характер, причем идет переизбыток капитала в фиктивных, но доходных сферах. Фиктивных — это тех, которые ничего не создают, но зато приносят доходы. То есть деньги не работают на реальное производство, на инновации, на науку и т. д.

Вообще, нужна новая философия и, соответственно, новые измерители. Мы продолжаем измерять благосостояние той или иной страны валовым внутренним продуктом, ВВП. Что такое ВВП? ВВП отражает траты, но никак не благополучие той или иной страны. Единственное, что измеряет ВВП, — это скорость, с которой деньги движутся в экономике. Чтобы уходить от всех этих парадигм, нужна действительно очень серьезная подвижка в экономической науке, а этого сегодня не происходит, потому что еще делаются многие очень серьезные экономические ошибки. Я вижу, что часы тикают, но тем не менее я всё-таки нырну к Адаму Смиту. Смит исходил из совпадения границ рынка, закона и морали. Мысль Смита никогда не поддерживала глобальный капитализм транснациональных корпораций. Потом уже Дэвид Рикардо, учение которого взяли сегодня все ВТО и МВФ как институты и все наши глобалисты в экономике. Он исходил из неподвижности капитала и труда. А в условиях же свободного движения капитала, что мы имеем сегодня, всегда выигрывает страна, которая имеет абсолютное преимущество. Кто имеет абсолютное преимущество, мы все сами знаем, в том числе благодаря Бреттон-Вудской системе и доллару как резервной валюте. Но сегодня это, во всяком случае, приходит к своему логическому завершению, и сегодня печатание доллара уже не приносит роста инвестиций, не приносит роста экономики. То есть мы стоим еще перед необходимостью не только выработки новой экономической теории, но и перед необходимостью в рамках этой новой экономической теории выработки, видимо, новой резервной валюты. Не случайно сегодня инвестиции уходят в золото. Но, может быть, даже не инвестиции, а именно как способ сохранения капитала. Что называется, пересидеть.

Что еще хотела бы сказать. Последнее, что могу сказать, — по нашей стране. Наша страна находится не в вакууме, и, естественно, мы не можем не испытывать на себе всю эту ситуацию, связанную с закатом одной модели, тем более что в рамках перехода к новому технологическому укладу новая не появилась. Чем скорее мировое экономическое сообщество, и наше в том числе, выработает новые механизмы, новую экономическую теорию, которая может послужить основой реальной практики хозяйствования, тем быстрее мы выйдем из кризисных явлений.

Сорокин: Спасибо. Александр Александрович Аузан, декан экономического факультета МГУ.

Аузан: Уважаемые коллеги, вообще, конечно, на эту тему лучшие мои коллеги по факультету — и Александр Александрович Широу, и Андрей Николаевич Клепач, и Сергей Александрович Афонцев — высказались, поэтому я говорю в данном случае с точки зрения своей специализации как институциональный экономист. Если позволите, я бы сделал два основных примечания и соображения по тому, что докладывалось и что говорилось.

Во-первых, о мировых трендах. Абсолютно согласен с Александром Александровичем, что мы имеем перелом глобального тренда глобализации, но хочу заметить, что, поскольку мне обычно приходится иметь дело с длинными и очень длинными статистическими рядами: если мы будем отслеживать динамику с начала XIX века (ну, с начала нет, получится — с 1820-го), то, вообще-то, пики глобализации были достигнуты даже не при нас, а в 1913 году. Это колебательный процесс. Имеет ли он внутреннюю механику этих колебаний, или это отражение сочетания циклических структурных кризисов, больших волн, технологических сдвигов — спорный вопрос.

Я, например, считаю, что тут имеет значение тенденция гравитации, которую порождает экономика, и культурное разнообразие, которое не позволяет налаживать соответствующие механизмы координации, поэтому в определенные моменты начинается как бы обратный отлив. Какой из этого вывод? Мне кажется, что мы живем в определенной фазе мирового тренда. Пока не видно, чтобы эта фаза переломилась. Действительно, будет регионализация, будут нарастать торговые войны, протекционистские меры и барьеры. И самое главное в этой фазе: протекционизму не надо препятствовать, его тут надо практиковать. Самое важное — не доиграться до горячей войны, потому что дважды в этих фазах случались мировые войны. Искусство кораблевождения при приливе и отливе — разное. Так же как и мировые войны, хочу обратить ваше внимание, разные. Первая мировая война не имела страны-агрессора, там все было гораздо сложнее, там всего-навсего правительства заигрались в разгонку своих экономик. Вот это главная опасность. В одном не соглашусь с коллегой и тезкой Александром Александровичем: я не думаю, что американо-китайская торговая война прекратилась. Мне кажется, это вообще не торговая война. Торговая война — только часть технологической, геополитической, очень сложной картины, где, пока не возникнет новая комбинация мира, эта штука не решится. Поэтому думаю, что этот фактор будет опять работать отрицательно. Когда прервется перемирие, я сказать не могу, но практически уверен, что оно прервется.

Теперь, коллеги, про Россию, потому что мне это как-то интереснее. Конечно, темпы, которые прогнозируют даже в оптимистическом варианте (там самым оптимистическим из этих материалов было, по-моему, 2,2%), меня пугают вот в каком отношении. Надо сознавать, что темпы по-разному работают в странах с разными институциональными системами. Если судить по России, то, если брать нулевые годы, когда у нас начинали заметно расти реальные доходы населения? Когда темп был выше 3%. Ниже 3% мы получаем парадоксальную на первый взгляд динамику, когда экономика растет, а реальные доходы населения падают. И это, я бы сказал, очень опасная ловушка. Что получается? Получается, что для значительных слоев видно, что где-то происходит оживление, где-то весна, а в подвалах-то еще зима, и эта зима продолжается, и я пока не вижу, как сдвинуть реальные доходы населения при таких темпах роста.

Дальше начинается проблема выбора, что делать, каким образом закачать деньги вниз: мы сейчас, собственно, это и наблюдаем. Все варианты не очень хороши. Нравится ли мне вариант снятия НДС с нижних слоев? Нет, не нравится, но я думаю, что он самый операциональный, потому что транспортируются туда деньги с большим трудом — тогда, может, не забирать оттуда? Другой вариант — социальные программы. Тоже не очень хорошо: малый процент доходит до реального потребителя. И эту дилемму надо продолжать обдумывать. Правда, уважаемый Дмитрий Евгеньевич?

Сорокин: Вот как хорошо: будем думать. Я, правда, вспоминаю, что в 2009 году ВВП-то у нас ушел в минус на 7%, а реальные доходы выросли. Вот как удивительно.

Аузан: А потому что накачка была через бюджетников и пенсионеров.

Реплика: На 9% ушел.

Сорокин: Это я знаю. Да, на 9%. А реальные доходы вдруг выросли.

Аузан: Росли, весь кризис росли.

Сорокин: Может, нам опять в минус уйти и они опять вырастут? Ладно. Академик Порфирьев Борис Николаевич, директор Института народнохозяйственного прогнозирования.

Порфирьев: Спасибо большое, Дмитрий Евгеньевич. Попробую сформулировать несколько тезисов в связи с докладом и в связи с его презентацией.

Первое. Мне кажется, что этот доклад надо воспринимать, конечно, в контексте других документов, которые у нас появились и появляются в этой связи. Я имею в виду в том числе и то, что подготовил Всемирный экономический форум, а до этого не так давно выходил итоговый доклад 2019 года по целям устойчивого развития. И в этом смысле я бы обратил внимание на тот тезис, который сформулировал Дмитрий Рэмович и с которым я совершенно солидарен, — это вопрос связи целей устойчивого развития, одной из этих целей — экономического роста — с другими целями. В частности, с целью, которая связана с вопросами изменения климата и т. д. Действительно, если мы посмотрим даже на это резюме доклада. Я провел беглый статистический анализ: треть этого резюме посвящена проблеме снижения выбросов и связанным с ней. Это даже не проблема зеленой экономики, это гораздо уже. И эта проблема рассматривается не только как бремя, но и как возможный драйвер экономического роста. Насколько оправданны эти надежды? Сомнения, которые высказал Дмитрий Рэмович, я бы, откровенно говоря, разделил. По крайней мере, те расчеты, которые выполнялись в нашем институте по двум моделям, которые публиковала IPCC-2018, и последней модели, которая связана с реализацией так называемой green energy, показали, что если наша страна пойдет по этому пути с соответствующей структурой энергетики, на которую здесь делается основной упор, то мы будем терять примерно по 0,4 процентного пункта ежегодно и таким образом, к 2040 году недосчитаемся от 5 до 8% ВВП. Имея в виду наши замечательные темпы роста, которые мы имеем сейчас, цена этого будет известна. Это первый тезис, который я хотел бы сформулировать.

Второй тезис. Та же климатическая проблема здесь редуцируется до проблемы снижения выбросов, что полностью противоречит Парижскому соглашению, которое является ключевым документом, который мы также недавно приняли. Как мы помним, там три равнодействующие: снижение выбросов, извлечение уже выброшенных парниковых газов и, что не менее важно, адаптация. Адаптация является ключевым элементом прежде всего для нашей экономики, для экономик других стран и имеет ключевое значение для экономического роста. Отсутствие этого баланса здесь, мягко говоря, настораживает. Кстати сказать, в связи с Парижским соглашением я все время люблю приводить эту фразу. Нелишне вспомнить преамбулу, которая на самом деле воспроизводит рамочную конвенцию ООН по этому вопросу, где говорится, что стороны могут страдать не только от изменения климата и его последствий, но также и от тех мер, которые они принимают в отношении изменения климата. Вот этот второй трек, я бы считал, исключительно полезно иметь в виду в голове всем, а то все мы как-то становимся немножко Гретой Тунберг.

Еще одно соображение. В докладе прямо сказано, что в решении проблемы снижения выбросов, это дважды подчеркнуто, единственный выход — это переход на другую структуру энергетики — energy mix. Имеется в виду, конечно, прежде всего генерация. Это четко видно из текста доклада. Но это неверно по нескольким соображениям. Первое — и, кстати, сами авторы доклада потом в конце об этом стыдливо упоминают — есть такая вещь, как энергоэффективность. Для нас это основной ресурс, вообще говоря, не только повышения эффективности нашей экономики, в том числе общефакторной производительности, потому что это связано с технологиями и т. д., но это и основной ресурс улучшения экологической ситуации, это основной ресурс снижения выбросов парниковых газов.

Вторая проблема состоит в том, что, помимо этого, так сказать, структурного микса, колоссальное значение имеют, конечно, технологические возможности и новые технологии, которые появляются в каждой из генераций. Об этом также где-то в конце стыдливо указывается, хотя перед этим идет достаточно мощный упор на известную солнечную генерацию, ветровую и т. д. Из этой генерации совершенно выпадает атомная энергетика, которая является низкоуглеродной, а что касается экономики, то развитие атомно-промышленного комплекса, по крайней мере в нашей стране, да и не только у нас, — важнейший источник развития инноваций и получения высоких технологий. Об этом никогда не надо забывать, не говоря уже о такой вещи, как вопросы обороны.

Мне кажется, эти обстоятельства стоило бы иметь в виду. Конечно, все это на себя обращает дополнительное внимание, когда мы только что получили доклад по глобальным рискам в Давосе, где утверждается, кстати, впервые за те девять лет, что этот доклад регулярно выходит, что у нас теперь, оказывается, главным риском с точки зрения потерь и масштабов ущерба является провал в изменении климатической политики, который превышает даже потери от атомной войны. Это сделано впервые. Можно посмотреть этот доклад и увидеть, что это не фигура речи.

Сорокин: Спасибо, Борис Николаевич. Владимир Дмитриевич Миловидов, руководитель Центра Российского института стратегических исследований. Подготовиться коллеге Полтеровичу.

Миловидов: Спасибо большое. Насколько я понимаю, этот доклад подготовлен экспертами ООН. Несколько слов по этому докладу и тем проблемам, которые обсуждаем.

Как мне кажется, доклад правильно называется: «Мировое экономическое положение и перспективы». Мне кажется, для того, чтобы говорить о перспективах, всё-таки важно более детально разобраться в положении. А с этим, с моей точки зрения, как раз проблемы, потому что мы живем в эпоху, которую часто сейчас уже называют новой реальностью, новой нормальностью, но тем не менее эта эпоха характеризуется очень высокой неопределенностью, и на самом деле выявить тенденции и процессы, которые сегодня влияют не только на экономические, но и на социальные процессы, очень сложно. И в конечном счете вытащить и договориться об объективных проблемах довольно сложно. То, что мы переживаем действительно необычный и уникальный период трансформации всей экономики, и прежде всего мировой экономики, — с моей точки зрения, это факт. И как раз оценка этой трансформации заслуживает очень глубокого и внимательного изучения для того, чтобы потом более объективно перейти к оценке перспектив. Что же нового в этом положении и чего, с моей точки зрения, нет в докладе? По крайней мере, при беглом знакомстве с обзором доклада я этого не нашел.

Во-первых, здесь говорилось о торговых войнах, и я согласюсь с коллегой Александром Александровичем Аузаном: наверное, я бы так же сказал, что — а какая торговая война? В общем-то, это еще не война на самом деле. Если мы посмотрим на акцент, который сегодня делается на торговых противоречиях между США и Китаем как основной неопределенности и рисках глобальной экономики, то мне кажется, это сильно преувеличено. Мы говорим о реальном изменении экономической и торговой политики Соединенных Штатов Америки, которое по существу нацелено на то, чтобы сломать сложившуюся за послевоенный период всю систему мировой торговли, построенной на выстраивании глобальных цепочек создания стоимости. Это идет под воздействием конкуренции со стороны новых развивающихся стран, новых развитых стран, прежде всего Китая. Это, на мой взгляд, должно придавать гораздо больше алармизма, чем просто уверения о том, что Китай и США обмениваются теми или иными пошлинами, а сейчас немножко поуспокоились. Это первое.

Второе. Если мы говорим о протекционизме, он меняет свое лицо. Он меняется кардинально. Если мы посмотрим на статистику ВТО, то мы увидим, что за последнее десятилетие количество принятых нетарифных мер защиты собственного бизнеса, защиты собственного рынка возросло на 60%. А классические меры тарифного регулирования, те же пошлины — таких случаев там гораздо меньше, и, по оценке ВТО, они за 10 лет выросли буквально на 30%. То есть вооб-

ще меняется подход к защите национального бизнеса, национальных рынков, всё больше говорится о том... Здесь уже говорилось о субсидировании экспорта, о поддержке национальных производителей, но не внутри страны, а их участия в этих глобальных цепочках стоимости. То есть меняется мир, к которому действительно нужно отнестись весьма серьезно и ответственно.

Что касается экономического ухудшения и т. д. О каком экономическом ухудшении можно говорить, если мы по существу сегодня находимся в ситуации, когда все центральные банки практически всех стран мира проводят количественное смягчение? Количественное смягчение проводится в ситуации такого кризисного, рецессионного характера, когда по существу экономика не растет. Значит, сегодня многие банки и центральные банки не оценивают экономического роста в мире и продолжают накачивать деньги в экономику. В Европе отрицательные процентные ставки, количество вливания денег в мировую экономику измеряется триллионами. И возникает вопрос, который я бы хотел поставить на будущее: какого экономического кризиса мы ждем? Классического, который мы знаем из истории, или какого-то другого? Последний кризис в 2007–2008 году показал, что триггером экономических проблем становятся финансовые кризисы. Финансовый кризис становится выражением экономических кризисов. И если сегодня финансовый рынок находится в состоянии оптимизма... Я думаю, что к концу 2020-го мы будем иметь 30 тысяч пунктов по Доу-Джонсу, но это отнюдь не говорит о том, что экономика растет эффективными темпами. И поэтому вот эта оценка была бы очень важна для того, чтобы в дальнейшем оценить перспективы.

Сорокин: Благодарю Вас. Академик Полтерович Виктор Меерович, пожалуйста.

Полтерович: Мне кажется, Дмитрий Рэмович очень сбалансированно изложил основные тезисы доклада ООН. Я бы хотел сделать некоторые акценты на тех положениях, которые там содержатся. Во-первых, там сказано, что монетарная политика не приводит к нужным результатам и мы пришли как бы к пределам, с помощью монетарной политики многого добиться уже не можем. И второй тезис — это, по существу, призыв к перспективному планированию. Передо мной английский текст: «Нужно вернуться от краткосрочных заданий к долгосрочному планированию инклюзивного экономического роста». Авторы доклада здесь делают акцент как раз на проблемах климата, окружающей среды. Об этом уже много говорилось. Действительно, этот аспект доклада выглядит просто как проявление примитивного эгоизма раз-

витых стран, потому что они тем самым пытаются... Есть такая замечательная книжка английского экономиста китайского происхождения Ченга: «Отбрасывая лестницу», — то есть речь идет о том, что развитые страны установили международный порядок так, что, по существу, та лестница, по которой они сами взбирались на вершину благополучия, для развивающихся стран отброшена. И здесь с этим акцентом на климат мы имеем дело ровно с этим самым актом отбрасывания лестницы. Правда, в докладе есть еще одна замечательная вещь — призыв к кооперации. Вот это действительно было бы здорово, только вопрос в том, в чем эта кооперация должна состоять.

Я хочу сказать, что настоящее решение проблемы для международного сообщества состояло бы в том, чтобы подтянуть отсталые страны до уровня, когда они перестанут чувствовать свою глубокую отсталость. Эта идея не нова, эта идея в Европейском Союзе присутствует очень давно, и есть даже соответствующий договор, по которому европейские страны обязуются определенную долю ВВП вкладывать в помощь развивающимся странам. Объем помощи увеличивается, как это ни странно, но медленными темпами. На мой взгляд, это единственный выход, если говорить о глобальном выходе.

Ну а на локальную ситуацию здесь уже обращали внимание, говорили о конфликте Соединенных Штатов с Китаем. Я бы обратил внимание на конфликт Соединенных Штатов с Европейским Союзом. На мой взгляд, он имеет, может быть, даже большее значение, чем конфликт с Китаем. Просто конфликт с Китаем выглядит острым в данный момент, а здесь речь идет о долгосрочном конфликте. Это очень серьезно. Вообще, Соединенные Штаты как-то перешли из лидерства одного типа к лидерству другого. Что я имею в виду? Есть лидер, который тянет за собой всех остальных, а можно пытаться сохранять лидерство за счет того, чтобы остановить догоняющих. И вот в течение длительного времени после войны Соединенные Штаты играли первую роль, а сейчас они перешли к лидерству второго рода, и в этом в действительности корень проблем. Как этот кризис может разрешиться? На мой взгляд, одна из возможностей, которая обсуждается достаточно широко, — это лишение доллара статуса резервной валюты. Это на самом деле реальная вещь, хотя не знаю, сколько времени на это потребуется. Такие задачи, кстати, Европейский Союз перед собой тоже ставит: увеличивать роль евро в международных расчетах. И вот здесь одна из возможностей разрешения кризиса.

Ну а теперь, если говорить о нашей стратегии, мне кажется, надо послушать призыв авторов доклада о том, что необходимо перспективное планирование, и сделать акцент

на этом. Мне кажется, очень важно не останавливаться на том наборе национальных проектов, которые сейчас есть. В этом наборе отсутствуют проекты, нацеленные на масштабное заимствование технологий. Если мы пойдем по этому пути, у нас есть шанс.

Сорокин: Спасибо, Виктор Меерович. Владимир Викторович Иванов, член-корреспондент РАН, заместитель президента Российской академии наук.

Иванов: Уважаемые коллеги, очень хорошо говорить в заключительной части, потому что уже много сказано. Поэтому буду говорить очень тезисно. Прежде всего я хотел бы поддержать тезис Елены Владимировны о том, что у нас действительно, по-видимому, произошло исчерпание действующих социально-экономических моделей развития и необходима разработка новых. Теперь вопрос. Здесь много говорилось о грядущем кризисе. А чем он вызван? Если внимательно посмотреть, можно увидеть, наверное, три основных фактора. Это научно-технологическое развитие, когда очень сильно расширяется доступ к новым технологиям. Второй тезис — это сокращение доступа к финансовым ресурсам и вообще к ресурсам, потому что все ресурсы концентрируются в очень узкой группе структур. Это как раз основное, и это влечет за собой, естественно, сразу же неравенство: кто-то имеет доступ, кто-то нет. Третья причина — это изменение системы ценностей. То есть у нас происходит переоценка ценностей, мы видим, что, скажем, раньше традиционные ценности — человек, семья, ну а теперь очень многое поменялось.

Мы в последнее время очень много говорим про всякие революции: техническую, промышленную, еще какие-то. Уже насчитали четыре, кто-то насчитал шесть. Это, наверное, все правильно, но, во-первых, их все надо рассматривать в системе, потому что цифровая революция невозможна без, скажем так, революции в области материаловедения, в области науки, математики, в области той же самой эргономики. Без этого просто не получится мобильного телефона. Вот это все связанные вещи, поэтому рассматривать их по-отдельности нельзя. Но здесь есть еще одна проблема — это культура. Потому что, получая новые технологии, мы должны соответствующим образом поднимать и культуру, иначе мы получаем известный синдром «обезьяна с гранатой». Причины, когда технологический и культурный разрыв приводили к глобальным проблемам, хорошо известны: начиная от ядерной бомбардировки 1945 года и кончая самыми последними техногенными авариями. Все они в том или ином виде связаны с недостатком культуры. Вот, пожалуй, основные факты. Поэтому сейчас на самом деле, как нам представляется, мы должны говорить

о гуманитарно-технологической революции, когда мы производим переоценку технологий и переоценку нашего культурного уровня.

И еще один момент. Происходит, собственно, наверное, и изменение парадигмы экономического развития. Если вернуться на 120 лет назад, Генри Форд говорил: «Основная задача бизнеса — это служение. Если общество поймет, что бизнес ему не служит, такой бизнес будет сметен». Понятно, но что мы видим сейчас? Сейчас мы видим, что основная задача — это накопление опять же денег в очень узких структурах. То есть поменялся принцип. Наверное, вот это все и говорит о том, что нам необходимо думать уже о новой экономической теории, которая бы соответствовала современным подходам.

Теперь что касается России. Мне очень понравился тезис о том, что нам надо занять на новых рынках 5–7%. Есть только одно но: новые рынки формируются на основе новых технологий, а новые технологии формируются на основе фундаментальной науки. Другого нет. О ситуации с нашей фундаментальной наукой говорить, наверное, не надо, потому что система в 2013 году была полностью дезинтегрирована, и тезис о том, что вся наука должна делаться в вузах, — это, наверное, характерно для ресурсной экономики, но никак не характерно для экономики, скажем так, технологического развития. В подтверждение этого замечу, что у нас из лексикона совсем исчезло слово «инновационная экономика». Мы его уже не слышим много лет, хотя в этом году заканчивается действие стратегии инновационного развития, которая была принята в 2011 году до 2020 года, ну и пока, в общем-то, трудно говорить о том, что эти показатели достигнуты. Пока еще подробного анализа не проводили, но в общем, по-видимому, там не все так хорошо.

И еще одно. Конечно, очень хорошо, что мы должны выйти на 5–7%, но хочу заметить, что в стратегии научно-технологического развития нет такого показателя, как доля России на мировом рынке наукоемкой продукции. Поэтому сейчас необходимо заняться разработкой новой научно-технологической и промышленной политики — это раз. И восстанавливать нашу фундаментальную науку — это два.

Сорокин: Никита Иванович Масленников, эксперт Центра политических технологий.

Масленников: Спасибо большое, коллеги. Я хотел бы начать с благодарности Дмитрию Рэмовичу. Что касается оценок российской экономики, мы все читаем и знаем их работы, и это сегодня было достаточно убедительно.

Что касается самого доклада, то здесь коллеги из ЦМАКП показали просто заложниками, особенно по части глобальной экономики, тех материалов, которые они представили. Тем более что, честно говоря, с позиции практикующего управляющего активами могу сказать, что ничего нового по сравнению с докладом Всемирного банка от 6 января этого года мы в этих прогнозах не увидели.

Тем не менее очень важно, что такого рода доклады появляются как бы в новостном поле, в потоках. И здесь, на мой взгляд, очень важно иметь в виду, что год начался с какого-то раздвоения глобального общественного экономического сознания. Одни, особенно финаналистики, начали говорить о том, что на самом деле чего спорить-то: спад состоялся, и он закончился в 2019 году. Все уже прошло, потому что глобальный PMI в октябре был 50,8 пункта, а в декабре уже 51,7. Все замечательно. Плюс американцы с китайцами договорились по поводу первой фазы торговой сделки, поэтому 2020 год у нас будет на гребне оптимизма. И, собствен-

но, последний доклад, только что изготовленный Bank of America и Merrill Lynch, указывает, что оптимисты обыграли пессимистов со счетом +36%, в декабре таких было +29. То есть на 36% больше респондентов из портфельных управляющих считают, что глобальная экономика в 2020 году будет уверенно и устойчиво расти, кризис нам не страшен, наплевать и забыть, все это от лукавого.

Тем не менее есть и другая точка зрения, к которой я склонен более прислушиваться. Она исходит непосредственно из реальной экономики, из секторов, которые все время сталкиваются с финансовыми рисками. И доказательство этому — только что опубликованный, представленный Pricewaterhouse доклад на Давосском форуме. Вот Merrill Lynch с Bank of America опрашивают порядка 300 портфельных управляющих. А эти ребята взяли и опросили 1600 продавцов из крупных мировых компаний из 83 стран, и у них получилось, что 53% респондентов говорят: «Нет, ребята, не все так гладко. Глобальная экономика будет замедляться». А те, кто рассчитывает, что она будет расти, сократились ровно вдвое: с 42% по докладу прошлого года до 22. И вот это довольно любопытная штука, потому что те же самые Pricewaterhouse уже запустили в международный оборот понятие «слоубализация», когда медленный рост везде по всему миру.

Еще одно доказательство всего этого тренда — только что опубликованный и презентованный 20 числа в Давосе доклад Международного валютного фонда. Судите сами. Там просто в 2017 году — 3,6%, в 2019-м — 2,9%, а в теку-

щем — 3,3%, как они считают, что это может быть. Причем снизили оценку. Дальше возникает вопрос, с чем я тут согласен. И очень важно, что все-таки документ ООН это определяет: что всемогет быть и все эти сценарии зависят от уровня управления рисками. А это на сегодняшний день как минимум четыре важнейших риска, которые неуправляемы.

Торгово-экономическая напряженность между США и Китаем — все замечательно, все прекрасно, но на 250 миллиардов китайского импорта пошлины по 25% остаются, и неизвестно, когда будут снижены. Снижаются только на сто миллиардов и где-то с 15 до 7,5%. При этом технологическая война продолжается, а тот же самый Международный валютный фонд снизил оценку ущерба от торговой напряженности с 0,8 процентного пункта для глобального ВВП только до 0,5.

Второе — глобальный долг. 322% общего долга всех экономик мира по отношению к глобальному ВВП. У китайцев — 310%, у американцев — 102%. При этом облигаций выпущено в мире всеми эмитентами на 120 триллионов долларов, а производных финансовых инструментов на сегодняшний день — на 648 триллионов. Это, в принципе, позиции 2008 года. При этом общее количество активов крупных банков глобального уровня — 86 с небольшим триллионов долларов, а капитал первого уровня — всего-навсего 6. Вот этот риск совершенно материален, он может взорваться в любой момент.

Наконец, следующее — отрыв финансовых рынков. Это очевидно. Он совершенно понятен: если взять среднее с 1964 года по S&P500, мы получаем, что сейчас он переоценен и перекуплен на 30% выше долговременной средней. Плюс политика центральных банков. Я ничего нового не скажу, наверняка вы в курсе этого дела, но ежемесячно балансы ФРС, ЕЦБ и Банка Японии прирастают примерно на 100 миллиардов долларов. Благодаря этому в нашей финансовой тусовке считается, что 0,5% глобального ВВП дало смягчение денежно-кредитной политики. Ну а дальше что? Вот это вопрос.

Заканчиваю. Общая оценка. Чего же ждать-то? Будет кризис в этом году или он куда-то передвинется? И опять-таки из наших анналов: 40% за то, что рецессия случится в этом году, 60 — за то, что она уйдет на 2021–2022 годы. Здесь я согласен с Дмитрием Рэмовичем.

Сорокин: Понятно. Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе — это науке пока не известно. Член-корреспондент РАН, заведующий Кафедрой мировой экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова Руслан Имранович Хасбулатов.

Хасбулатов: Уважаемый Дмитрий Евгеньевич, уважаемые коллеги, я, конечно, тоже хотел быть порассуждать и о цикле, и о кризисе, и еще о многих других теоретических вопросах, но, как мы сами знаем, время у нас ограничено, поэтому позвольте остановиться на двух аспектах. Я с большим удовольствием сюда пришел прежде всего потому, что узнал о докладе Организации Объединенных Наций, ЭКОСОС, который я читаю полвека. Десятки книг и сотни статей я написал, ссылаясь на этот главный источник, и недавно пришел к выводу, что нет ни Бреттон-Вудских учреждений, ни других международных организаций — ни одного источника, более объективного и более полного, чем вот эти люди, которые работают или, во всяком случае, работали, подготавливая эти доклады. Это, я вас уверяю, самое квалифицированное мнение, которое может существовать у профессионала, регулярно работающего с этими источниками.

Сошлюсь на два явления. Первое. Вы знаете, в 90-е годы и в начале XXI века само понятие «Вашингтонский консенсус» и критика неолиберализма — это было моей абсолютной прерогативой. Академические издания, журналы, какие бы авторитеты ни были, академики как черт ладана избегали и боялись использовать этот термин. Может быть, отдельные... И в этом здании выступает заместитель генерального секретаря Организации Объединенных Наций, которого пригласил Гавриил Харитонович Попов, и что он говорит? Он говорит, что Вашингтонский консенсус нанес непоправимый ущерб мировой экономике, национальным экономикам, задержал развитие хозяйства, обрек на нищету миллионы, десятки миллионов людей. Вот что сказал заместитель генерального секретаря ООН. Ну и посыпалось. Открылись двери, Политбюро разрешило публиковать и критиковать Вашингтонский консенсус. Наши академики проснулись, профессора проснулись и начали уже тоже как-то все это критиковать. Согласитесь, это выдающийся вклад этих ученых.

Второе явление. Глобальный кризис, который разразился, как вы знаете, сперва в Америке в 2007 году и перенесся в Европу в 2008-м. А почему, собственно, сумели-то этот кризис закрыть? Потому что массированно использовали кейнсианские методы, вынужденно вернулись к кейнсианству. И вот появляется меморандум Бреттон-Вудских учреждений, в котором они говорят, что кризис миновал, теперь давайте-ка мы вернемся на неолиберальные меры. И что делает ЕС, Европейский центральный банк? Он принимает даже график снятия вот этих регулирующих положений кейнсианских методов. Кто выступает против? Вы думаете, наши ученые выступают? Хоть один наш выдающийся ученый выступил против? Да нет, конечно. Западные, конечно. Опять выступа-

ет ЭКОСОС, опять выступает ЮНКТАД. Я прочитал 11 выступлений ЭКОСОС, которые говорят: «Что вы делаете? Дайте возможность рынкам окрепнуть! Дайте выйти в нормальное развитие, не торопитесь. Вообще не надо отказываться от кейнсианства, но раз уж вы хотите отказаться, то хотя бы подождите». Не подождали. Что получилось? Трехлетняя великая европейская рецессия. Греческие факторы. Вы помните, как англоамериканцы называют средиземноморские страны? PIGS — «свиньи». Вот что получилось от этого самого Вашингтонского консенсуса и от навязывания этой политики. А выступал кто? Опять выступает та организация, доклад которой мы сегодня обсуждаем. Поэтому я счел своим долгом прийти и выразить большую признательность Организации Объединенных Наций, авторскому коллективу. И через Вас, Владимир Валерьевич, прошу передать, что и в России есть люди, которые ценят эти доклады. А чтобы Вы знали, что есть профессионалы: так вот, знайте, что единственные профессиональные специалисты по мировой экономике — это моя кафедра.

Сорокин: Забыл ведущему спасибо сказать за то, что он дал слово. Михаил Владимирович Ершов, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Ершов: Добрый вечер, уважаемые участники. Спасибо большое организации и авторам, и Вольному обществу за возможность обменяться мнениями по такому актуальному вопросу. Отдельные фрагменты обратили на себя мое внимание, поэтому я так и буду обозначать отдельные пункты.

Первое. Да, обозначен достаточно невысокий рост. И еще говорится, что даже этот рост будет возможен, только если не будут материализованы те риски, о которых может идти речь. И дальше дается довольно обширный список вполне вероятных рисков, которые, скорее всего, реализуются. То есть там и торговые войны, и какие-то напряжения этнополитических, и торговых, и прочих отношений. То есть заранее авторы, по сути, гарантируют себе, что, вероятно, даже этот умеренный прогноз не будет реализован.

Дальше, второй момент, который привлек мое внимание. «Хрупкость финансовой системы», — говорят авторы. Можно согласиться. При этом обращает на себя внимание такое обстоятельство, что, с одной стороны, мировая экономика почти не растет, а финансовые рынки демонстрируют бурный рост. То есть еще больший отрыв финансовой сферы от реальной экономики. Все перегревы уже давным-давно обозначены. Более того, сбоку еще один важный системный нюанс: что рост в значительной степени базируется не на фундаментальных показателях, а на buy-back, когда компании сами выкупают свои собственные акции.

Естественно, если я выкупаю свои акции, мои акции будут расти, только есть ли за этим реальные предпосылки? И второе: даже нетрадиционные меры поддержки со стороны регуляторов, где, по сути, центральные банки, которые, по идее, должны быть нейтральными участниками, которые мониторят процесс, участвуют в покупке акций. Такого не было никогда. То есть для поддержки фондового рынка центральные банки — ЕЦБ, банк Швейцарии и ФРС — говорят: «Мы пока не делаем, но готовы рассмотреть это как возможную меру». Это значит, действительно очень хрупкий фундаментальный рынок, важнейший рынок, который влияет, как правильно уже говорилось, на предпосылки мирового кризиса и мировую стабильность в целом. Часто многие кризисные события были инициированы именно фондовым рынком.

Дальше, еще два-три коротких момента в рамках регламента. Да, наш российский фондовый рынок ставит рекорды, один из быстрорастущих. Уже не столько в докладе, сколько в дискуссиях по проблемам обращают внимание, что одной из причин среди многих других являются рекордные выплаты дивидендов, которые компании выплачивают своим акционерам. Хорошо, наверное, да, акции более привлекательные, более доходные и т. д., но вопрос пока риторический: не подмывает ли это возможность для долгосрочного устойчивого роста самих компаний, если вместо того, чтобы инвестировать в свое собственное развитие, они отдают акционерам эти рекордные, даже более высокие, чем на других рынках и в других странах, дивиденды? Вопрос требует более технического, принципиального ответа. Насколько это закладывает основу для устойчивости этих компаний, которые ставят такие рекорды по выплатам дивидендов?

В докладе идет речь о том, что монетарная политика себя практически исчерпала и монетарные подходы должны базироваться на бюджетных подходах и других экономических механизмах. Об этом уже ушедший из ЕЦБ Драги на выходе сказал. Дальнейшее снижение ставок — насколько оно эффективно или нет? Совершенно верно, что в нашем, российском контексте очередное снижение ставки — фактор, конечно, скорее позитивный, чем негативный, но это уже не сыграло той роли, которую могло бы сыграть несколько лет назад, будь это снижение 2–3 года назад.

Совсем в завершение. Действительно, и в мире, и у нас есть серьезные, фундаментальные проблемы, которые, по сути, скорее всего, потребуют неких принципиально иных, нежели классические стандартные подходы, решений. Неспроста уже в мире все чаще и чаще на вооружение берется теория ММТ — money market theory, где качественно

иные подходы о вовлечении и роли государства, о вовлечении и роли денег, о факторах демпфирования риска. И чем быстрее мы на все эти вещи пойдем, тем лучше будет для всех нас. Еще раз спасибо организаторам и авторам доклада, что они провоцируют такие очень конструктивные дискуссии.

Сорокин: Спасибо, коллеги. Я хочу сказать, что мы даже слегка превысили первоначально запланированный список. Поэтому, Дмитрий Рэмович, пожалуйста, несколько слов в заключение.

Белусов: Спасибо за небывало содержательную дискуссию. Я такой, честно говоря, не помню по поводу этого доклада в России. Всем участникам и организаторам просто колоссальное спасибо.

Если в целом суммировать доклад, размышления до и размышления по поводу того, что сказали коллеги, то на самом деле то, что мы видим в мире и у нас, — это, я бы сказал, кризис простых решений. Потому что, в самом деле, мы привыкли обсуждать глобализацию или регионализацию, но, простите, у нас происходит регионализация производства, регионализация в научно-технологической сфере притом, что никакой регионализации финансов не произошло. Когда мы писали сценарий регионализации, мы обсуждали, что наряду с долларом и евро будет возникать сфера «асио», сфера евразийского алтына и динара арабских стран. Но мировая финансовая система как была глобальной, так глобальной и осталась и находится в разительном противоречии с натуральной регионализацией производства, которая действительно идет, с регионализацией энергетических рынков благодаря сланцевой нефти, новой нефти и всей этой истории. Вопрос — насколько эта ситуация спонтанна, насколько она синженирована и не превратится ли в неизбежный циклический кризис, как было недавно, в высоковероятный структурный кризис, как в 70-е годы, который, в общем-то, судя по всему, хотят синженерить авторы глобальных докладов: «Давайте перестроим структуру экономики»? Структурная перестройка экономики 70-х годов — ну, например, закрытие угольной отрасли. Это история по болезненности подобная, потому что мы говорим слова — и люди просто натурально остаются без штанов. Или все это приведет к кризису норм и правил. Первую мировую войну уже упоминали, только новые нормы и правила встали после Второй.

Ровно та же история и с climate changes, потому что то, что мы хотим увидеть средством стимулирования развития, легко может стать средством управления отсталостью. И ровно та же история со стимулированием экономического роста у нас, потому что да, инвестиции не пойдут без роста

потребления. Естественно «а давайте забабахаем рост заработной платы» приведет просто к росту издержек и дополнительно к падению этих самых инвестиций, потому что — а куда?

Вот такая история. На самом деле главный кризис — это, скорее, кризис простых решений, который мы наблюдаем, и мы с ним будем работать и дальше.

Сорокин: Спасибо.

Кузнецов: Дмитрий Евгеньевич, спасибо большое. Хочу всех поблагодарить за содержательную дискуссию и одновременно, пользуясь случаем, сообщить, что с 1 января сего года генеральный секретарь ООН запустил такую инициативу, которая посвящена 75-летию, — это глобальные диалоги об Организации Объединенных Наций. Мы уже направили в Вольное экономическое общество наше предложение и приглашаем всех членов Вольного экономического общества присоединиться. Спасибо.

Сорокин: Ну что, коллеги, мы завершаем нашу дискуссию. Имея в запасе еще 3–4 минуты, я хочу сказать в заключение следующее, подводя итог нашему обсуждению. Вы знаете, у нас действительно собралось очень удачное экспертное сообщество. Возможно, от многих других широко известных экономических форумов, на которых, правда, выступают не всегда экономисты, там больше политики и прочие добрые, но плохо информированные люди... Знаете, чем хорошо наше собрание? Мы здесь лишены той политической конъюнктуры в наших выступлениях, которая неизбежно присутствует на различных всемирных форумах и в докладах всемирных организаций, неизбежной политкорректности и т. д. Мы говорим здесь только как эксперты, не думая о каких-то других преходящих моментах. Может быть, поэтому у нас так хорошо получается.

Второй момент, которой хотелось бы отметить. После 2009 года это присутствует во всех международных докладах. Если почитать доклады до 2009 года, то там «какое светлое будущее всех ожидает», а после 2009 года авторы такого рода докладов как бы соревнуются, кто предскажет еще более серьезный кризис. И вообще, такое ощущение, что все они следуют известному призыву Владимира Высоцкого про этих ученых: «То тарелками пугают, то у них собаки лают, то руины говорят», — и каждый вносит свой вклад.

У нас этого нет, у нас идет спокойная оценка. Но вот что, честно говоря, меня немножко встревожило и тревожит в последнее время. Естественно, эти вещи мы рассматриваем под углом зрения интересов нашей страны. Оценки нашего роста — 2%, кто-то говорит — 2,3; 1; 1,5; 2. И меня

не оставляет воспоминание. В свое время в том числе Институт народнохозяйственного прогнозирования активно говорил, и, по-моему, он не отказывается от этой позиции. 1 января 2013 года правительство, принимая основные направления до 2018 года, записало эти расчеты Института народнохозяйственного прогнозирования прямо в преамбулу этого документа. Я цитирую дословно, зайдите на правительственный сайт: «Чтобы обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие страны, меньше 3% нам нельзя. 2–3% — это критический уровень, при котором не удастся сбалансировать экономическую и социальную составляющие экономического роста». А дальше там говорится, что для стабильного развития нужно 5%. И вот то, что мы сейчас находимся в цифрах 2–3%... Да каких 3? 1,5–2.

Мы что, отказываемся от той позиции, что меньше 3% нельзя, потому что меньше 3, как нам объяснили, нам не удастся обеспечить простое воспроизводство? Так тогда при чем тут мировая экономика? Я опять сошлюсь на доклад. Год назад Институт народнохозяйственного прогнозирования в своей оценке ситуации и прогноза, на мой взгляд, абсолютно правильно написал, (когда наше замедление объясняли «ловушкой новой нормальности», потом — «ловушкой средних доходов»), что наши нынешние темпы порождены прежде всего нашей внутренней ситуацией — кризисом доверия к проводимой экономической политике. Потому что если у меня нет доверия к проводимой экономической политике, я здесь инвестировать не буду. Иначе говоря, нам надо избегать соблазна объяснять наши проблемы внешними причинами.

TOO MUCH ALARMISM OR THE REAL PICTURE?

Discussing the UN Department of Economic and Social Affairs (DESA) report with the VEO of Russia and the International Union of Economists, January 22, 2020

СОБЕСЕДНИКИ

Dmitry Evgenievich Sorokin,
Vice-President of the VEO
of Russia, Vice-President of the
International Union
of Economists,
Research Director of the
Financial University under the
Government of the Russian
Federation, Corresponding
Member of the Russian Academy
of Sciences, Doctor of Economics,
Professor

**Margarita Anatolyevna
Ratnikova**
Vice-President of the VEO of
Russia, Director of the VEO of
Russia, Vice-President, Executive
Director of the International
Union of Economists

Nikita Ivanovich Maslennikov
Leading Expert, Center for
Political Technologies.

Dmitry Removich Belousov,
Head of the Department
of Analysis and Forecasting
of Macroeconomic Processes
of the Center for Macroeconomic
Analysis and Short-Term
Forecasting, Ph.D.

**Vladimir Valerievich
Kuznetsov**
Director of the UN Information
Center in Moscow

Elena Vladimirovna Panina,
Deputy of the State Duma of the
Federal Assembly of the Russian
Federation, member of the State
Duma Committee on
International Affairs, Doctor of
Economics, Professor

Victor Meerovich Polterovich
Head of the Laboratory of
Mathematical Economics of the
Central Economics and
Mathematics Institute of the
Russian Academy of Sciences,
member of the Board of the VEO
of Russia, Academician of the
Russian Academy of Sciences,
Doctor of Economics, Professor

**Alexander Alexandrovich
Shirov**
Deputy Director of the Institute of
Economic Forecasting of the
Russian Academy of Sciences,
Corresponding Member of the
Russian Academy of Sciences,
Member of the Board of the VEO
of Russia, Doctor of Economics,
Professor.

Vladimir Viktorovich Ivanov
Deputy President of the Russian
Academy of Sciences,
Corresponding Member of the
Russian Academy of Sciences,
Member of the Management
Board of the VEO of Russia,
Doctor of Economics, Candidate
of Technical Sciences.

**Alexander Alexandrovich
Auzan,**
Dean of the Faculty of Economics,
Moscow State University, member
of the Economic Council under
the President of the Russian
Federation, member of the
Governmental Commission for
Administrative Reform, Doctor of
Economics, Professor

**Ruslan Imranovich
Khasbulatov**
Head of the Department of World
Economy, Plekhanov Russian
University, Honored Scientist of
Russia, Corresponding Member
of the RAS, Doctor of Economics,
Professor

Boris Nikolaevich Porfiryev
Member of the Presidium of the
VEO of Russia, Director of the
Institute of Economic Forecasting
of the Russian Academy of
Sciences, Academician of the
Russian Academy of Sciences,
Doctor of Economics, Professor

Mikhail Vladimirovich Ershov
Member of the Presidium of the
VEO of Russia, Chief Director
of the Institute of Energy and
Finance, Professor of the
Financial University under the
Government of the Russian
Federation, Doctor of Economics

**Vladimir Dmitrievich
Milovidov,**
Head of the Center for Social and
Economic Research of the Russian
Institute for Strategic Studies,
Doctor of Economics

Ratnikova: Dear colleagues, good afternoon. I am pleased to welcome you at the House of Economists on behalf of the International Union of Economists and the Free Economic Society of Russia. On behalf of Sergei Dmitrievich Bodrunov, President of the International Union and the Free Economic Society, who, unfortunately, due to certain objective circumstances was unable to take part in the event as originally planned. It is very important for us that we are opening this year, which is a symmetrical (2020) and a decisive year according to the head of the state, with such a large-scale and significant discussion and with the presentation of the report “World Economic Situation and Prospects 2020”. This report has objectively been drawing much attention and interest, being a key United Nations report developed by the United Nations Department of Economic and Social Affairs in coordination with the other departments. The organizers of the presentation today are the UN Information Center in Moscow, the International Union of Economists and the Free Economic Society of Russia. We are very grateful to our strategic partner, the UN Information Center, that they chose our premises as the venue, and also because the International Union of Economists has the status of a general consultant to the UN Economic and Social Council. We are grateful to Dmitry Removich Belousov, who represents the Center for Macroeconomic Analysis and Short-Term Forecasting, for his consent to be the rapporteur. And it is very important for us that this report has attracted so much attention of specialists and experts today. We hope that the discussion will be interesting and constructive. Our session today will be moderated by Dmitry Evgenievich Sorokin, Vice President of the International Union of Economists and the Free Economic Society of Russia. And before Dmitry Evgenievich takes the reins, I would like to give the floor to the initiator and main organizer of the presentation of the report, Vladimir Kuznetsov, director of the UN Information Center, who will open the session.

Kuznetsov: Margarita Anatolyevna, thank you very much. Dear colleagues, friends, I am very pleased to be back in your hospitable home in the year 2020 on such an important and significant occasion as the annual presentation of the report “The World Economic Situation and Prospects 2020”, which is also known as WESP in the abbreviated form. It is important to note that for us, UN members, today’s event is a part of a series of diverse events that will be timed to coincide with the 75th anniversary of the founding of the United Nations, which we will be celebrating this year. The World Economic Situation and Prospects report dates as far back as 1947, when, according to the mandate of the General Assembly, the Secretary-General was requested to submit annual reports to the UN ECOSOC (Economic and Social Council) on the current economic situation and major trends in economic development. The World Economic Situation report is updated twice a year. The main document is published in December - January, and its updated version is released in May, to be included as one of the items on the agenda of the United Nations ECOSOC’s July high-level meeting. I’d like to remind you that this document is the product of cooperation and partnership among a series of United Nations entities. The main releaser is the United Nations Department of Economic and Social Affairs. Besides, the UN Conference on Trade and Development (UNCTAD), five UN regional commissions, and the World Tourism Organization and the International Labor Organization, also participate in the preparation of the report.

Once again, I am very pleased that today I get to greet our wonderful speakers - Dmitry Removich Belousov, with whom we at the information center have been working for a long time, and Kirill Vladimirovich Mikhailenko. Both of them represent the Center for Macroeconomic Analysis and Short-Term Forecasting. Let me emphasize once again that the presentation of the report took place in New York, and, in addition to Moscow, regional launches have been taking place in a number of major cities and capitals.

In addition, after my cursory familiarization with the report (I compared it with the previous reports) I do not feel much optimism. In fact, the analysis there is quite pessimistic. I noted the fact that from the very first lines, from the very first paragraphs, it is riddled with much alarm and concern from the point of view of the prospects for the development of the world economy in the coming year and in the medium term. It is concluded that if negative factors persisted, then achieving the 17 goals of sustainable development would not be fully possible. For me, as the head of the information center which represents the communications link of the United Nations, it is, of course, very important to interact with a professional community of economic experts, both Russian and international, who I believe

are mainly driven by, and interact via, the International Union of Economists and the Free Economic Society. Because only an unbiased in-depth analysis and a professional conversation can convey to the general public not some dire prophesies to the effect that everything is collapsing and there are no prospects but certain conclusions and suggestions as to what really needs to be done to combat the negative factors that can lead to the most pessimistic scenarios mentioned in the report. This is very important, because in 2020, in the year of the 75th anniversary of the United Nations, we probably should not instill a sense of hopelessness either in the Russian public or in the global audience, and should probably focus if not on positive things then at least on a constructive analysis that allows us to talk about specific things that can be done to prevent the most negative predictions and forecasts from materializing. So, I would like to thank you for your attention and give the floor to the presenter, Dmitry Evgenievich Sorokin. Thank you.

Sorokin: Thanks a lot. Indeed, this year all of us have gathered for the first time. Of course, first of all, let us hope that, in spite of any forecasts, each of us will have a new year that will be normal, successful, and good, and I wish that to everyone and I wish everyone a happy new year. I think that the introductions that have already been made render the opening remarks unnecessary, all the more so since we have a tight schedule: we must finish at 17 o'clock. Therefore, I will now pass the floor to Dmitry Removich Belousov, who is with Kirill Vladimirovich Mikhailenko ... They will have approximately 30 minutes for the opening speech. They will present the report. Then we asked a number of professionals in the corresponding area to speak. I will be giving the floor, but please pay attention and speak for 5 or 6 minutes at the most, so that other people could also speak their mind. Keep to the point. We have an hourglass for that. That's my initial point. So, Dmitry Removich, let us begin.

Belousov: Good afternoon. Thanks for the great company, thanks for the great place. Indeed, we have not enough time. In principle, over the recent 2–3 years, the report has told us the same story with a kind of growing internal tension. The story says that once the wave of the global crisis subsided the world economies, in principle, accelerated, but now a slowdown has set in, and it is quite noticeable. It wouldn't have mattered much if it had been some kind of an overall cyclical slowdown, etc. But it is followed by the accumulation of structural and financial problems that accompanied economic growth both in the long term and in the current period. Currently, of course, the main problem is the problems of the US-China trade war and, accordingly, the slight deceleration of the Chinese economy, which had an extremely negative impact not only on the overall growth (although on the whole several analytical centers, the

IMF among them, suggest, if I'm not mistaken, the loss of about 0.2% of the global GDP), but most importantly, they hit the geography of growth very hard, because a number of countries – the suppliers of raw materials and goods oriented to the Chinese market – found themselves in a situation when they could not expand their growth. This is one side of the issue, which is largely related to the fundamental problem of having two centers of global economic growth; the whole situation has been developing for a long time.

The second significant point is the problem associated with the ongoing military conflicts, with geopolitical tensions, with the Middle East crisis which has created significant risks coupled with the ongoing crisis. Last year it was talked about in the Pacific region, because it affected the trade routes. High risks of large-scale global tension have been created.

Third point. There are only 4 of them, or 3 and a half: the fourth one may be slightly less important, although it is still significant. The third point is the problem of the debt burden of a number of countries and the fact that a number of countries are on the verge of a serious financial catastrophe. The credit crisis recently hit Latin America; we all remember Argentina's problems; it also hit Turkey. It should be noted that despite the high economic growth rates, in addition to trade wars the debt burden is an important limitation for China; combating it will lead to a gradual slowdown of the Chinese economy, from 6.1% to 5.9% year on year. The problem is that the countries that suffer from both debt and trade wars are almost the same. Accordingly, there is a high risk that those countries will shove us into a new world crisis due to the interconnectedness of the chain.

Yet another area is the financial market and the interest rate policy for stimulating growth in developed countries, primarily in the United States. Here the situation is a little less critical, although, in principle, it can also create problems for all of us, because this market, in general, is common for everyone. So, they say that the UN basic forecast for 2020 is 2.5% with further acceleration of growth, and we will be able to deal with the situation we found ourselves in, but only if we eliminate all those factors. If we are unable to strike a balance, there's simply a figure saying the world growth might be 1.8% - and given that China will be growing anyway, and the States will be growing as well, it simply means that most of the world's economies will find themselves in the midst of another serious crisis, which will have a cyclical and, to a large extent, structural character. Of course, this whole situation, which primarily affected the developing countries, including poor countries, will only lead to a slowdown in solving the problem of sustainable development, eliminating poverty and reducing inequality, and will hinder people's access to life's benefits - food, water, etc.

We've discovered that in this situation in which we've found ourselves the old geography of growth is almost intact. There is China which is rapidly growing, albeit at a slower pace, there are moderately growing countries in Europe, America, which have recently been joined by Russia and some of the most successful South American and African countries. There is a rather large area where the situation either ceased to improve, or even began to deteriorate. It includes a number of countries in Africa and some of the countries in Latin America. I repeat: on the one hand, they were affected by the consequences of the previous crisis in commodity markets from which they did not fully recover, and, on the other hand, they were affected by the indirect consequences of the trade war. As the saying goes, where a fat person gets thinner, the skinny one dies. Therefore, it meant a slowdown in growth for China; the need for additional stimulation for the United States; for countries that do not have special reserves it simply meant no further improvement, local recession, etc.

Another point is that there's a softening of monetary and credit policy (not only in Russia, but also in other countries of the world), which, in principle, improves access to credit resources. In principle, there is a rejection of super rigidity. Notably, measures to control the provision of financial resources, etc., were strengthened in Russia, but on the other hand, this situation leads to the aggravation of the debt problem, and there are certain concerns about the debt burden in the most developed countries as well.

In principle, the situation, as we see it, is not very good. In a number of cases, it is improving, but in principle, the fact is that the problems associated with economic growth have been supplemented by a declining but still very high level of interest payments in Africa and the Caribbean. It just that the basis for those payments is not very high. And the developed countries, by continuing fiscal stimulation of the economy, create additional problems not only for the developing countries that borrowed money for industrialization, like Turkey or Argentina, but also for some of the developed countries.

An important point in the report is its focus on climate change issues. A report by the International Energy Agency on this subject was circulated as a kind of statement. It is indisputable that the Earth's climate is getting warmer, no matter what the cause is. The contribution of mankind to the process is undoubtedly increasing along with greenhouse gas emissions and transport growth. This situation is seen by the UN ... The emphasis is on the green revolution, the emphasis is on the carbon-free economy as a way to simultaneously stimulate the growth of developing countries at the expense of developed ones, because emissions from the energy sector, from industry and transport originated in developed and rich oil countries,

while developing countries emit much less. Therefore, this is an occasion to impose an additional tax, impose additional restrictions on the most developed countries and somehow stimulate the growth of developing countries, especially since those developing countries supply metals for the production of solar panels, materials for the production of batteries, etc. On the other hand, it's clear that the UN is worried that if technological and environmental changes should occur at an accelerated pace, the investments that are still being made in hydrocarbon development will turn out to be worthless and, in such event the corresponding countries might turn into a crisis zone. Here I'm just describing the UN position. I do not fully agree with it, but I can point out certain contradictions. On the one hand, the emphasis is on the need for accelerated growth of developing countries, on ensuring their access to energy and water, on raising incomes of their population. On the other hand, tightening carbon emissions control may deprive a number of such countries of their opportunities for industrialization based on technologies which, despite being outdated, are becoming increasingly cheaper. It seems to me this problem is underestimated: as a result, the developing countries run the risk of getting stagnation instead of accelerated growth or struggle against poverty. I had a misfortune to observe what a Russian plant looked like when it had to halt its manufacturing of oil producing equipment. Quite like a hotbed of economic and social catastrophe. Therefore, I would be much more cautious about the optimistic view of how the green revolution can stimulate the resolution of basic problems, although I agree there is clearly a problem: yes, the Earth is getting warmer, humanity's contribution to this process is beyond doubt, but to what extent it is necessary to fight this forcefully and what balance of risks and benefits is needed is a separate issue which should be addressed with much precaution.

At the same time, it is noted that the traditional macroeconomic approach of a wide frontal assault, with monetary and fiscal policy being the main regulator, is generally insufficient as the practice shows. At least one more focal point is needed to reduce social inequality – both formally in relation to poverty, and in relation to the inclusion of minorities (language, health, etc.) in active socio-economic life – and the formation of additional growth tools. In this regard, the UN has traditionally been well disposed towards our national projects for several years. Accordingly, additional measures are needed to finance development programs. An additional factor is the joint struggle against climate changes which is interpreted as a way to solve the problem of developing countries, if my understanding of the report is correct.

There are always regional proposals. We represent the CIS plus Georgia (the former USSR minus the Baltic states) and the countries of Southeast Europe. In principle, our countries' GDP has been noted. Both due to the fact that there is the largest

elephant in this zoo which is called the Russian Federation, and because the countries are economically dependent either on common factors (like Kazakhstan and Azerbaijan on oil), or simply because of cooperation with Russia, - our trajectory approximately sets the trajectories of the rest of the countries of the former USSR minus the Baltic states. Accordingly, the slowdown in Russia, the deterioration in the conditions of trade (oil prices have been declining albeit slowly) literally slowed down everybody else's economic growth. According to contemporary data, last year Russia's economic growth is approximately 2% against the last year's 2.3%, which was due to various factors, a decline in consumer demand and the absence of both public and private investment. We have an investment growth of about 1%. Weak consumer demand is partly due to higher VAT. Plus, at the same time, we have the "OPEC +" in effect, and they attack us - and rightly so - for having concentrated growth, incomes and loans in one sector, that sector being the production of raw materials, namely the "petro" sector, the particularly unpleasant hydrocarbon production sector.

In principle, the idea of easing monetary policy looks good and is indeed correct, although real interest rates remain rather high, which in a near-stagnation situation looks strange based on the world standards. Last year, and this year as well, the national projects received much praise because they are aimed at solving infrastructure-related problems, social problems, and at increasing efficiency - this is exactly what, according to world standards, usually yields an economic effect. In general, UN experts, ourselves included, expect economic growth in Russia to accelerate in the coming year. Accordingly, the growth of other countries may also accelerate. The economic sanctions continue to be a risk factor. And there is a question of the effectiveness of budget expenditures and how they will affect the uneven development of Russia's regions.

This is what we talked about (shows). Notably, the surplus on the current transactions account is an underutilized growth resource. So, even if our imports start to grow, it will not immediately lead to significant imbalances, as I understand it. Therefore, in general, we are able to use fiscal policy or interest rates to stimulate growth.

Accordingly, there are lots of opportunities for the countries of Central Asia, especially those participating in the "One Belt, One Road" program. Indeed, Kazakhstan and Kyrgyzstan (we did additional calculations for them) are pretty lucky because they also have a demographic window, a relatively young population, the birth rate is already declining, the burden of the elderly population is still small, the population is still young, and in this situation, they also receive Chinese Belt and Road investments. Therefore, they have the best prospects, the positive role of

cooperation within the EAEU, including mutual investments, has been noted. The need for structural modernization, industrial development, etc. has been noted for all countries, including Russia, of course. As regards the European countries, we are faced with the average income trap – and, accordingly, the need for structural modernization of industry and higher productivity.

Inflation is low in almost all the countries. Nominal interest rates are declining, although due to low inflation they still remain high in real terms. This holds back growth, and, accordingly, a further decrease in interest rates may stimulate growth.

As I already said, it is noted that we belong to those petroeconomies with high electricity consumption, with trade balances largely built around hydrocarbon exports, with renewable energy sources mainly consisting of hydroelectric power plants, their potential largely exhausted. There's nowhere to build large new hydropower plants, with the possible exception of some places in Central Asia itself. At the same time, the sun and wind are still underdeveloped. Whether and how much potential Russia has for solar energy is a separate issue. It is believed we continue to subsidize fuel, which is rather difficult to agree with, given the fuel prices in our country and in the rest of the countries. Of course, people do not agree. It is not entirely clear to me how good this conclusion is.

There is a risk of a global economic slowdown which will bring about problems with the trade balance and will slow down our countries' economies, including through money transfer channels. The banking sector remains a weak point, although the overall situation is improving due to the tightening of supervisory policies. In some cases, there are problems associated with the repayment of foreign debt - in the short term or in the long run - for countries that have recently received loans, corporate or state, including those related to the Belt and Road program. In addition, a number of European countries, including Russia, have entered a period of long-term demographic problems. Accordingly, those problems have been prioritized as the main factor limiting economic growth. Growth, in general, will be determined by what will happen to labor productivity.

Southeast Europe generally continues to grow, with the exception of a small group of countries. In general, this region is a donor in terms of growth. The problem is that, on the one hand, there is an outflow of personnel, the countries remain poor, and on the other hand, fiscal consolidation and a struggle for a beneficial budget will apparently intensify, which may restrain development.

On this note, the report, in effect, ends. Traditionally, we make a small proposal for n Russia. In Russia, at the end of the year, the situation became worse but it does not refute the general tendency towards a slow acceleration of economic

growth. Last year we had 1.2%, this year about 1.8%, if I'm not mistaken. The main driver is household consumption. At the same time, due to OPEC+, our exports will no longer be able to accelerate the Russian economy. Considering that we also came to a certain limitation on the household consumption related to the debt burden, there's a question of poverty reduction and additional stimulation of consumption by the poorest households, which will probably not be accompanied by the growth of imports. On the other hand, of course, the main resource is the growth of investment in fixed assets.

So, we get the following set of figures (shows). In 2019, we reached 1.2%, this year, apparently, we will get a small gain. Further down the line the situation will depend on how well we will manage to stay on the path of lowering interest rates and how effective the national projects will be as growth drivers. The growth of public investment is a good thing in itself, but the question is to what extent they will be picked up by the private sector. This is all I had to say.

Sorokin: Thank you very much, Dmitry Removich. You gave everyone an example of strict adherence to protocol. Colleagues, we discussed the matter at the beginning and decided that we could give each speaker 10 minutes for Q&A, as we usually do. Please, Alexander Vasilievich.

Question: Dmitry Removich, when and under what conditions do you think a global crisis can occur given the rapid growth of the debt burden in Europe, the United States, Japan, etc.?

Belousov: According to our estimates, 2020 is likely to turn out normal. The horror zone is China, which at the same time creates demand for a hefty chunk of the global economy, provides for the consumption of another hefty chunk and, as a matter of fact, has a debt burden of 300% of its GDP. And this is not because the Chinese are fools: on the contrary, they are very smart. This is the result of the destruction of the system of global imbalances which took place after the previous big crisis was overcome. When China began to build a model of self-financing for its growth not at the expense of borrowed funds but at the expense of its own resources, and the United States began to industrialize, it led to a rapid accumulation of debts. We do not predict any problems for 2020, and so far the global crisis indicator hasn't shown anything serious. But some time ago it detached itself from zero and has been growing ever since, slowly but steadily. Most likely it means that we will enter the trouble zone in 2021-2022. I do not quite understand how we can solve the accumulated financial problems without a crisis. I wish the crisis were cyclical, one that simply cut off debts and discouraged the markets slightly, not a structural one which would require rebalancing the global economy. I wish it were a short crisis -

somewhere around 2021-2022 and about 18 months in duration, plus or minus 3 months. In principle, one can picture a longer and harder crisis, especially if one tries to exit it by means of green economy, but this is a completely different story. I just gave you a short answer.

Sorokin: Thank you. Ask your questions, colleagues.

Question: I have a simple question. Please tell me which industries do you consider the most important for economic growth, in addition to the fuel and energy sector?

Belousov: The current situation is like this. Unfortunately, due to certain circumstances, due to the economic policy, due to the structure of foreign markets, and the trade balance... profit and economic growth are concentrated. From a certain point of view, we rolled back a lot, we returned to the pre-crisis situation: we have our trade balance, economic growth, profit and lending concentrated in the fuel and energy sector. Such a situation will not give us more than 1.5%, as they say, under good weather conditions. In fact, it will give us less than that, because of OPEC +. In addition, we cannot export freely, because we need high oil prices. From this point of view, the fuel and energy sector is... I've made all political reservations and nods there, I'm not making any allusions. We are in the same situation that Soviet Russia was in the 1920s when the most important sector of the economy was rural but it could not serve as a locomotive. Apparently, the greatest development potential today is associated with mechanical engineering, because Russia is the world's least exporting country of all the countries that have a developed manufacturing industry. We tried to find an analogue. The Philippines has a larger share of exports. Okay, it is a developing country, I shouldn't have included it. China has larger exports, South Korea has larger exports, Germany too. They are all like that.

Sorokin: Post-industrial Germany.

Belousov: As a matter of fact, Germany is an industrial country. They say they are post-industrial, but in reality they are a major industrial power.

It is clear we are outsiders. At the same time, we are one of the countries with the weakest exports support system. We have a smaller share of dollars per unit of non-commodity and non-military exports. Mechanical engineering and related products are strongly underestimated export articles.

Apparently, there are reserves in metallurgy and chemistry - mostly complementary products. In this case, I go by the Hausmann-Klinger methodology. Some research is available, and we at the Center have been actively involved in studying this

matter. We know from practice that if a country actively exports airplanes, it usually exports part components and sheet aluminum. And if it exports cars, then it also exports spare parts and sheet metal. We are not like this. If we export, we export alloying metals. The second zone is Hausmann-Klinger export in medium-tech and not-so-tech spheres. It has reserves. The third point is the creation of new markets. Speaking of strategy, it is not a story for 2020-2021. I'm talking about 3 to 5 years. If we talk about 10-15 years, apparently there will be a surge in the development of new markets. These are markets related to networked production, unmanned vehicles, etc. No-one or almost no-one is currently present on those markets. China showed us how to penetrate markets occupied by other players, they manage to squeeze themselves in time and time again: with Huawei, with trucks, and with railway rolling stock. We find ourselves in a situation when new three or four trillion dollar markets according to Boston Consulting Group keep springing up, without strong players. If we get in with a 3-5-7% market share it'll mean tens of billions in exports. I'm not saying we will take over and the whole world will be using our driverless trucks. We won't conquer the whole world, but we can take 5% of the global market.

Sorokin: Thank you. Another question, if there is one.

Question: This wonderful map that you brought ... In the brochure, the color pink means 5%, while you had 4. Which one is real?

Belousov: Honestly, this is not a question for me, it's a matter of the preparation of the presentation materials. We normally use the materials provided to us by the UN office.

Sorokin: Thank you, colleagues. We move on to our discussion. I think we will begin this discussion with a speech by the Deputy Director of the Institute for Economic Forecasting - since we are talking about forecasts - Alexander Alexandrovich Shirov, who is well known to everyone. Moreover, the institute has kindly supplied its forecast - though it does not quite relate to the global economy, it has some global indicators. Please, Alexander, Alexandrovich. Panina is up next.

Shirov: Thank you very much, Dmitry Evgenievich. I somehow did not really expect that I would have to speak first ...

In my opinion, the problem is as follows. It's no secret we closely interact with our colleagues. A forecast is viewed as a system of interconnected hypotheses. We need this in order to make a constructive reference to economic policy in order to formulate an economic policy that would allow us to achieve some kind of result. In this case, if we are talking about the global

economy and how it is being presented... I would not say it is an alarmist document but the number of problems is much greater than the number of possible solutions. On the other hand, if we seriously look at both the development of the global economy and the development of the Russian economy, then, of course, there are forks in the road, but I would not say the situation is too difficult.

First of all, why are the forecasts so negative? We see them being discussed at the Davos forum. Because actually a kind of breakdown occurred in the global economy. From the stage of gradual development of globalization, the world economy moved on to the stage of regionalization. Moreover, the regionalization is supported, on the one hand, by re-industrialization in the developed countries based on the high-tech sector, and on the other hand, by China choosing an expansion model based not on expanding supply but on expanding demand for products that are produced in China. And this, too, is a limitation of sorts. Indeed, this means that the growth rates in some of the world's largest countries will decline, i.e. the growth rate gap will become smaller, and this is the whole problem: how will we live? It will be possible in 10-15 years. But if we are looking at the economic situation in 2020, which we have discussed today, then, in our opinion, the events that occurred after the signing of the deal between China and the United States should significantly ease this alarmist pressure. Because everything we see suggests that, on the one hand, from the main development indicators for the European Union, China, and the United States it is clear that the current growth rate is at least being maintained, and on the other hand, even some acceleration of economic growth is noticeable in the second half of 2020. On the other hand, the trade and economic conflict between the United States and China, according to our estimates, is responsible for the shrinkage of the world economy in 2019 by 0.5 percentage points, not by 1 or 2. Still it's a lot. And in fact, if the conflict is somehow dealt with, it will be an important factor supporting global economic growth.

Now, if we project this whole situation on Russia, on our history, then we must say that, unfortunately, the trends of the global economy and our national economy significantly diverge. The problem is that by the end of the year Rosstat presented us with another revision of the GDP dynamics, the main elements of final demand. What did we see? We saw exactly what economists had been saying for the last two years. The only real driver of economic growth in 2017, 2018 and 2019 was household consumption, the only time net exports supported that factor was in 2018, and that investments were generally non-existent, especially in 2018-2019. I recall our discussions in 2018 - 2019. If we talked about the fact that the economy had switched to a simple reproduction mode, then, apparently, if there were zero

investments, if practically nothing grew, if we had only a few sectors where we invested, then we were eating up the fixed capital. It meant we were not even restoring the main production capacities we had.

Concerning investments. We have always said in recent years that investment is the most important element in enhancing the economic growth in Russia. But the trouble is that until we start to use the capacities we have already created, until we have a demand (and household consumption accounts for 50% of our demand), there will be no investment unfortunately. And those novel approaches that are present in both the national projects and the president's latest message suggest that, unfortunately, we won't be making much progress through the government demand. I repeat that 0.6 percentage points is the maximum that the national projects can give us. And the president's latest innovations will give approximately 0.1%. Our problem is that we do not understand what to do with the population consumption. The measures that we have just taken are not enough. Thank you.

Sorokin: Thank you. Elena Vladimirovna Panina, member of the State Duma Committee on International Affairs. Coming up next is colleague Auzan.

Panina: Well, it's a good tradition that the UN makes such reports. But nevertheless, in my opinion, this report ... Perhaps, of course, it is alarmist in nature, but it seems that cause and effect are reversed. After all, if we say that the cause of the current crisis in the world economy today is the trade wars and the debt burden in a number of countries, then in my opinion those are just the consequences, not the causes. The consequences of the fact that, apparently, the liberal economic model according to which the entire world economy is developing today, has already failed. And the more we refuse to notice and acknowledge this fact, including the UN, the more crises we will experience. Back in the 1980s we already saw the degeneration of capitalism, and financial speculation became the main source of profit in the economy. It was one of the reasons behind the 2008-2009 crisis. Today 98% of financial transactions are speculative in character, and there is an oversupply of capital in fictitious but profitable areas. Fictitious are the ones that do not create anything but generate income. That is, money does not go to real production, to innovation, to science, etc.

Another indicator. In general, we need a new philosophy and, accordingly, new measuring tools. We continue to measure the welfare of a country with gross domestic product, GDP. What is GDP? GDP reflects spending, but not the well-being of a country. The only thing that GDP can measure is the speed with which money moves in the economy. To get away from all those

paradigms, we really need some very serious progress in economic science, but it cannot happen overnight because many very serious economic mistakes are still being made. I see that the clock is ticking, but nonetheless, I would still refer to Adam Smith. Smith proceeded from the fact that the boundaries of the market, law and morality matched. Smith's teachings never supported the global capitalism of transnational corporations. Then came David Ricardo, whose teachings today were adopted by all the WTO and IMF countries as institutions and all our economic globalists. He proceeded from the immobility of capital and labor. And in the conditions of free movement of capital that we have today, a country that has an absolute advantage always wins. We all know who has an absolute advantage, thanks in part to the Bretton Woods system and the dollar as a reserve currency. But today this system is coming to its logical conclusion, and the printing of the dollar no longer makes investments grow or brings economic growth. We are still faced with the need not only to develop a new economic theory, but also a new reserve currency. It is no coincidence that today most money is invested in gold. But maybe it is done not just for the sake of investment but as a means to preserve capital. To sit out the storm.

And another thing. Concerning our country. Our country is not in a vacuum, and, of course, we cannot help experiencing the whole situation related to the decline of one model, all the more so as no new model has appeared in the course of the transition to a new technological structure. The sooner the global economic community, including our country's, develops new mechanisms, a new economic theory that can serve as the basis for real business practices, the sooner we will exit the crisis. Thank you all.

Sorokin: Thanks. Alexander Alexandrovich Auzan, Dean of the Faculty of Economics of the Moscow State University. Colleague Porfiryev is up next.

Auzan: Dear colleagues. In general, of course, my best colleagues at the faculty - Alexander Alexandrovich Shirov, Andrey Nikolayevich Klepach, and Sergey Alexandrovich Afontsev – already spoke on this subject, therefore in this case I will speak from the point of view of my specialization as an institutional economist. If I may, I would like to make two main points on what was reported and what was said.

Firstly, about global trends. I absolutely agree with Alexander Alexandrovich that we have a turning point in the global trend of globalization, but I would note that, since I usually have to work with long or very long statistical series, if we track the dynamics from the beginning of the 19th century (well, not from the beginning, but from, say, 1820), then, in fact, the peaks of globalization were achieved as early as 1913. Therefore, it is an

oscillating process. Whether it has such an internal mechanics or it's a reflection of a combination of cyclical structural crises, big waves, technological shifts – is a matter of argument. For example, I believe what matters here is the trend of gravity which is generated by the economy and cultural diversity, which does not allow us to establish the appropriate coordination mechanisms, and therefore, at certain times, a kind of back tide begins. What conclusion can be made out of that? It seems to me that we live in a certain phase of the global trend. It is not yet visible that this phase has turned around. Indeed, there will be regionalization, and trade wars, protectionist measures and barriers will spring up. And the most important thing of this phase ... It's no use fighting protectionism, here it needs to be practiced. The most important thing is to avoid a real war, because world wars did happen twice during such phases. The art of navigating differs during high and low tide. The world wars are different as well. The First World War had no aggressor country, everything was much more complicated back then, the governments got carried away while accelerating their economies. This is the main danger. There's one point where I do not agree with my colleague and namesake Alexander Alexandrovich: I do not think that the US-Chinese trade war has stopped. It seems to me that it is not a trade war altogether. The trade war is only a part of a technological, geopolitical, very complex picture, where, until a new global combination arises, this thing will not be solved. Therefore, I think that it will be an adverse factor. I can't say when the truce will end, but I'm pretty sure that it will end.

Now let's move on to Russia because it is more interesting to me. Of course, I'm concerned about the growth rates that are predicted even according to the optimistic scenario (the most optimistic scenario gave 2.2%). It must be recognized that growth rates work differently in countries with different institutional systems. Dmitry Emilievich (?) spoke about this, both about direct link and feedback. Judging by Russia, if we take the noughties, when our real incomes of the population began to grow noticeably? When the growth rate was above 3%. Below 3% we get dynamics, paradoxical at first glance, when the economy is growing and real incomes of the population are declining. And this, I would say, is a very dangerous trap. What's the result? It turns out that there may be a revival, a springtime for the middle strata, but somewhere in the basements there is still winter, and the winter continues, and I still do not see how to change the real incomes of the population at such growth rates. Next, there is a problem of choice, how to pump money down: we are now observing this problem. None of the alternatives are very good. Do I like the option of abolishing personal income tax for the lower strata of the population? No, I don't like it, but I think it is the most practicable: if it's too difficult to transfer money down there maybe we should not take it away

from there in the first place? Another option is social programs. It's not very good either: only a small percentage arrives. We must continue to ponder this dilemma, mustn't we, Dmitry Evgenievich? Thank you.

Sorokin: That's good. We'll keep thinking. True, I recall that in 2009, our GDP shrank by 7% while real incomes grew. That was strange.

Auzan: Because we pumped money through government employees and pensioners.

Voice: It shrank by 9%.

Sorokin: I know that. Yes, by 9. But real incomes suddenly increased.

Auzan: They kept growing during the entire crisis.

Sorokin: Maybe we should make the GDP shrink again and the incomes will grow again? Okay. Academician Boris Nikolayevich Porfiryev, Director of the Institute of Economic Forecasting. Next up is Milovidov.

Porfiryev: Thank you very much, Dmitry Evgenievich. I will try to make several points in connection with the report and in connection with its presentation.

The first point. It seems to me that this report should be perceived, of course, in the context of the other documents that have appeared and are appearing in this connection. I mean, among other things, the World Economic Forum report, and before that, the 2019 final report on sustainable development goals that was recently released. And in this connection, I would draw your attention to the thesis that Dmitry Removich formulated and with which I completely agree; it is the question of connection between the goals of sustainable development, one of these goals - economic growth – and the other goals. In particular, with the goal which is related to climate change issues, etc. Indeed, even if we look at the summary ... I did a quick statistical analysis: one third of this summary is devoted to the issue of reducing emissions and related issues. It is not even a problem of green economy, it is much narrower. This problem is not considered as only a burden but in fact its solution can be a driver of economic growth. How well are these hopes justified? Frankly, I share the doubts expressed by Dmitry Removich, At least, the calculations that were carried out at our institute based on the two models published by IPCC-2018 and the latest model which is associated with the implementation of the so-called green energy showed that if our will follow along with the corresponding structure of its energy sector which is the main

focus here, we will be losing about 0.4 percentage points annually and thus, by 2040, we will have lost 5 to 8% of GDP. Bearing in mind our remarkable growth rates, which we have now, the price of this is well known. This is the first point I would like to make.

The second point. Here, the climate problem is reduced to the problem of lowering emissions, which completely contradicts the Paris Agreement, which is a key document that we also recently adopted. As we remember, there are three equal goals: reduction of emissions, extraction of already emitted greenhouse gases and, no less important, adaptation. Adaptation is a key element primarily for our economy, for the economies of other countries, and it is a key to economic growth. The lack of balance here, to say the least, is alarming. Incidentally, in connection with the Paris Agreement I always like to quote this phrase. It is worth recalling the preamble, which actually reproduces the UN Framework Convention on the issue, which states that the parties may suffer not only from climate change and its consequences, but also from the measures that they take in relation to climate change. I consider it extremely useful for everyone to keep in mind the second part, otherwise we all might resemble Greta Tunberg a little.

Another consideration. The report expressly states that the solution to the problem of reducing emissions ... It has been emphasized twice; one page even has an illustration to support the point. It is said here that the only solution is to switch to a different energy structure, a different energy mix – meaning primarily generation. It is clear from the text of the report. But it is not true for several reasons. First, there is such a thing as energy efficiency (and the authors themselves quietly mention it towards the end). For us, this is the main resource, generally speaking, not only for improving the efficiency of our economy, including overall productivity, because it is associated with technology, etc., but it is also the main resource for improving the environmental situation, it is the main resource for reducing greenhouse gas emissions. The second problem is that in addition to this, so to speak, structural mix, the technological capabilities and the new technologies that spring up for each type of generation are of enormous importance. It is also mentioned quietly at the end of the report, although prior to that there is a rather powerful emphasis on the well-known solar generation, wind generation, etc. Nuclear energy, which is low-carbon, is completely missing from the picture. As far as the economy is concerned the development of the nuclear industrial complex, at least in our country, and not only there, is an important source of innovation and high tech. You should never forget about this, not to mention defense issues.

It seems to me that these circumstances should be borne in mind. Of course, all this attracts additional attention considering the report on global risks we received in Davos which states, for the first time in the 9 years during which the report has been

regularly published, that the main risk, and not only in terms of losses and the extent of damage, is a failure in climate policy change, and it can even exceed the losses from nuclear war. This is the first time such thing is said. You can look through this report and see that it is not a figure of speech. Thank you.

Sorokin: Thank you, Boris Nikolaevich. Vladimir Dmitrievich Milovidov, Head of the Center of the Russian Institute for Strategic Studies. Next up is colleague Polterovich.

Milovidov: Thanks a lot. Firstly, I want to thank you for the invitation, and I want to thank the speakers for the interesting report. As far as I understand, this report was prepared by UN experts, specialists. A few words on this report and on the issues that we have been discussing.

I think the report is correctly entitled “The World Economic Situation and Prospects.” In order to speak about prospects, it is still important to understand the situation in more detail. And from this point of view, from my point of view, there is a problem with that, because we live in an era that is often called the new reality, the new normality, but nevertheless, this era is characterized by a high uncertainty and it is very difficult to reveal those trends and processes that may affect not only economic but also social processes. And in the end, it is very difficult to identify and agree on objective issues. The fact that we are going through a really unusual and unique period of transformation of the entire economy, and above all the global economy, is quite true. An assessment of this transformation deserves a very deep and careful study in order to then more objectively proceed to the assessment of prospects. So, what is new in this situation, and what, in my opinion, is missing from the report? At least, after a cursory acquaintance with the summary, I was not able to find several things.

Firstly, trade wars were mentioned here, and I agree with my colleague Alexander Alexandrovich Auzan: I probably would have also said: what kind of a trade war? In general, it's not really a war. If we look at the emphasis that is being made today on trade contradictions between the United States and China as the main uncertainty and risks of the global economy, then it seems to me that they are greatly exaggerated. We are talking about a real change in the economic and trade policies of the United States of America which are essentially aimed at breaking down the entire world trade system that emerged in the post-war period based on global value chains. It has been influenced by the competition on the part of the new developing countries and the new developed countries, primarily China. This, in my opinion, should cause much more alarm than the assurances that China and the United States were just exchanging customs tariffs, and have now calmed down a little. It's the first point.

The second point. If we talk about protectionism, it has been changing. It has changed dramatically. If we look at the WTO statistics, we will see that over the past decade the number of non-tariff measures taken to protect business and markets has grown by about 60%. As regards classical tariff regulation measures, the customs tariffs, such cases have become much rarer, and according to the WTO, they have literally grown by 30% over 10 years. The approach to protecting national businesses, national markets has been generally changing... Here we have already talked about subsidizing exports, supporting national producers, not inside the country but rather their participation in the global value chains. That is, the world is changing, which really needs to be taken very seriously and responsibly.

As for economic deterioration, etc. What economic deterioration can we talk about if we are essentially in a situation where all central banks of almost all countries of the world are conducting quantitative easing? Quantitative easing is carried out in a crisis-like recessionary situation when in essence the economy does not grow. This means that today many banks and central banks do not correctly assess global economic growth and continue to pump money into the economy. There are negative interest rates in Europe, and the amount of money being injected into the world economy is measured in trillions. So, let me ask you a question: what kind of economic crisis are we waiting for? A classical one, which we know from history, or some other kind? The latest 2007-2008 crisis showed that financial crises can trigger economic problems. The financial crisis is becoming a manifestation of the economic crisis. And if today the financial market is in a state of optimism ... I think that by the end of 2020 Dow Jones will hit 30,000, but this does not mean that the economy is growing at an efficient rate. And therefore, this assessment would be very important in order to further evaluate the prospects. Thank you.

Sorokin: Thank you. Academician Viktor Meerovich Polterovich, please. Next up is colleague Ivanov.

Polterovich: It seems to me that Dmitry Removich gave a very balanced outline of the main points of the UN report. I would like to draw your attention to some of the provisions contained therein. Firstly, the report says that monetary policy does not lead to the desired results and we have reached a limit, as it were, and we are no longer able to achieve much through monetary policy. And the second point is, in essence, a call for forward planning. Before me is the English text: "We need to turn from short-term assignments to long-term planning for inclusive economic growth." The authors of the report emphasize the problems of climate and the environment. This has already

been talked about a lot. Indeed, this aspect of the report looks just like a manifestation of the primitive egoism of the developed countries, because they are trying to... There is a wonderful book by an English economist of Chinese origin Cheng, published sometime in the 80s. Translated into Russian, its title is "Kicking Away the Ladder," meaning that the developed countries have established such an international order that, essentially, the ladder by which they themselves climbed to the top of prosperity, has been kicked away for the developing countries. And here, with the emphasis on climate, we are dealing exactly with this very act of kicking away the ladder. True, the report has another remarkable point - a call for cooperation. That would really be great, but the question is what such a cooperation should consist of.

I would like to say that the real solution to the problem for the international community would be to pull backward countries up to the point where they can no longer feel their deep backwardness. This idea is not new, this idea has been present in the European Union for a very long time, and there is even a corresponding treaty under which the European countries undertake to invest a certain share of their GDP to assist the developing countries. The amount of assistance is increasing, oddly enough, but at a slow pace. In my opinion, it's the only way out, if we talk about a global solution.

Well, we've already discussed the local situation, the conflict between the United States and China. I would like to draw your attention to the conflict between the United States and the European Union. In my opinion, it may be even more important than the conflict with China. It's just that the conflict with China looks serious at the moment, but what we are talking about here is a long-term conflict. It's a serious matter. In general, the United States has somehow moved from one type of leadership to another. What do I mean? There is a type of leader who pulls everyone else along, and there is a type of leader who tries to maintain leadership by preventing the others from catching up. And so, for a long time after the war, the United States played the first role, and now they have switched to leadership of the second type, and it is in fact the root of the problem. You have asked how this crisis could be resolved. In my opinion, one of the possibilities that is widely discussed is depriving the dollar of the status of a reserve currency. This is actually the real thing, although I don't know how long it will take. By the way, the European Union has also set a similar goal: to increase the role of the euro in international payments. It is one of the possibilities for resolving the crisis.

If we talk about our strategy, it seems to me that we should listen to the authors of the report who state that long-term planning is necessary, and we focus on this task. It seems to me

that it is very important not to limit ourselves to the set of the national projects that is now available. There are no projects in this set aimed at large-scale borrowing of technologies. If we choose that path, we will have a chance. Thank you.

Sorokin: Thank you, Victor Meerovich. Vladimir Viktorovich Ivanov, a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy President of the Russian Academy of Sciences. Next up is colleague Maslennikov.

Ivanov: Dear colleagues, it is very good to speak during the final part of the session because much has already been said. Therefore, I will be brief. First of all, I would like to support Elena Vladimirovna's point that we really, apparently, have exhausted the existing socio-economic development models and it is necessary to develop new ones. Now, the question. Much has been said here about the impending crisis. But what caused it? If you look carefully, you will probably see three main factors. The first one is scientific and technological development when new technologies become widely accessible. The second point is the limitation of access to financial resources and to resources in general, because all resources are concentrated in the hands of a very small group of entities. It's the main point, and it immediately causes inequality: someone has access, and someone hasn't. The third cause is a change in the system of values. We have been reassessing our values. The individual, the family – those are the traditional values and now a lot has changed.

If you take a closer look at the crisis ... Recently, we have been talking a lot about all kinds of revolutions: technical, industrial, etc. I already named 4, someone else named 6. This is probably all right, but, firstly, they all need to be considered as a system, because a digital revolution is impossible without, say, a revolution in the field of materials, in the field of science, mathematics, in the field of ergonomics. Without this, a mobile phone simply will not work. Those things are interrelated; it is therefore impossible to consider them separately. But there is another problem – one of culture. While inventing new technologies we must accordingly raise the cultural level, otherwise we will acquire the well-known “monkey with a grenade” syndrome. The reasons why a technological and cultural gap may lead to global problems are well known: from the 1945 nuclear bombing to the most recent man-made accidents. All of them are associated with a lack of culture in one form or another. Those are the main facts. Therefore, now, it seems we should talk about a humanitarian and technological revolution when we re-evaluate technologies and our cultural level.

And another thing. A paradigm shift in economic development is probably taking place. 120 years ago, Henry Ford said: “The main foundation of business is service. If a society realizes that a

business does not serve it, such a business will be swept away.” Understood, but what do we see now? Now we see that the main goal is the accumulation of money in the hands of very few entities. Business has basically changed. Perhaps it suggests that we need to think about a new economic theory that would be consistent with modern practice.

Now for Russia. I really liked the point that we need to conquer 5-7% in new markets. There is only one “but”: new markets are formed on the basis of new technologies, and new technologies are formed on the basis of fundamental science. There is no other way. There is probably no need to talk about the situation with our fundamental science, because in 2013 the system was in complete disintegration, and the idea that all science should be done in universities is probably typical of a resource-based economy, but not characteristic of an economy of, let’s say, technological development. Notably, the phrase “innovative economy” has completely disappeared from our vocabulary. We have not heard it in years; despite the fact that the strategy of innovative development, which was adopted in 2011 until 2020, is ending this year, it can hardly be said that the situation is good in that area.

One more thing. Of course, it is very good that we should reach 5–7%, but I want to note that the strategy of scientific and technological development has no such indicator as Russia’s share in the world market of high-tech products. Therefore, it’s high time to start developing a new scientific, technological and industrial policy. And to restore our fundamental science. Thank you.

Sorokin: Nikita Ivanovich Maslennikov, an expert at the Center for Political Technologies, next up is colleague Khasbulatov.

Maslennikov. Thank you very much, colleagues. I would like to start by thanking Dmitry Removich. Because, as far as the assessment of the Russian economy is concerned, it was quite convincing. As for the report itself, the colleagues from TsMAKP seemed to be hostage (especially with regard to the global economy) to the materials that they presented. Moreover, from the perspective of a practicing asset manager I can say that we have not seen anything new compared with the January 6 World Bank Report. Nevertheless, it is very important that such reports are constantly released. In my opinion, it is very important to keep in mind that the year began with some kind of bifurcation of global socio-economic consciousness. Some people, especially financiers, started talking about the fact that there really was something to argue about: a recession did take place, but it ended in 2019. Everything is over, because the global PMI was 50.8 in October, and as high as 51.7 in December. Everything is great. Plus, the Americans and the Chinese agreed on the first

phase of the trade deal, so 2020 will be on the crest of optimism. And, in fact, the recent report, prepared by Bank of America Merrill Lynch, indicates that optimists beat pessimists with a score of + 36%, compared to +29 in December. That is, 36% more respondents from among portfolio managers believe that the global economy will be steadily growing in 2020, there's no need to be afraid of the crisis.

However, there is another point of view, which sounds increasingly convincing to me. It comes directly from the real economy, from sectors that constantly face financial risks. And the proof of this is the recently published report presented by Pricewaterhouse at the Davos forum, where they interviewed ... Merrill Lynch and Bank of America normally interview about 300 portfolio managers. And those guys interviewed 1,600 people from large global companies from 83 countries, and they found that 53% of the respondents say: "No, guys, it's not so smooth. The global economy will slow down." And the number of those who expect it to grow has halved: from 42% as per last year's report to 22%. And it's a rather interesting thing, because it was Pricewaterhouse who pioneered the concept of "slowbalization" meaning that slow growth is becoming a global trend.

Another proof of this trend is the report of the International Monetary Fund, which was just published and presented in Davos on the 20th. Judge for yourself. It's 3.6 in 2017, 2.9 in 2019, and they believe it can be 3.3 this year. They have lowered their grade. You may ask what do I agree with. It is very important that after all the UN document says that everything is possible and all those scenarios depend on the level of risk management. Today there are at least four of them that are uncontrollable.

As regards trade and economic tension between the USA and China, Chinese imports worth 250 billion are still subject to 25% tariffs and it is not known when the tariffs will be reduced. They are being reduced only in respect of imports worth one hundred billion, from 15 to 7.5. At the same time, the technological war continues, and the International Monetary Fund has lowered the estimate of damage from trade tension from 0.8 percentage points of the global GDP to just 0.5.

Secondly, the global debt. The total debt of all world economies is 322% of the global GDP. China's debt is 310%, the US's debt is 102%. At the same time, all the world's issuers have issued \$120 trillion worth of bonds, and \$648 trillion worth of derivative financial instruments to date. This is, in principle, the 2008 position. At the same time, the total volume of assets of large banks of the global level is 86 plus trillion dollars, while the capital of the first level is only 6 trillion. This risk is completely palpable, it can explode any minute.

Finally, the gap between financial and other markets. It is obvious. It is completely understandable: if we take the average based on the S&P500 since 1964, it is clear it is overvalued and overbought 30% above the long-term average. Plus, the policy of central banks. I will not say anything new, for you are certainly in the know about this matter, but the FRS, ECB and Bank of Japan balances have been increasing by nearly \$100 billion a month. Due to this, the financial community believes that 0.5% of global GDP resulted from the easing of the monetary policy. And then what? That is the question.

I'm finishing. The overall assessment. What to expect? Will there be a crisis this year, or will it be postponed? We believe there's a 40% probability of a recession occurring this year, and a 60% probability of it being postponed until 2021-2022. On this point I agree with Dmitry Removich. Thank you.

Sorokin: Understood. Science does not know whether or not there's life on Mars. A corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of World Economy of the Russian University of Economics Ruslan Imranovich Khasbulatov. Next up is colleague Ershov.

Khasbulatov: Thanks. Dear Dmitry Evgenievich, dear colleagues, I, of course, also wanted to speak about the cycle, the crisis, and many other theoretical issues, but, as we know, our time is limited, so let me dwell on two aspects. I came here with great pleasure primarily because I learned about the UN ECOSOC report, which I have been reading for half a century. I wrote dozens of books and hundreds of articles, citing this main source, and I recently came to the conclusion that neither the Bretton Woods institutions, nor any other international organization is a better or more objective or more complete source than the people who work or, in any case, worked to prepare these reports. This, I assure you, is the most qualified opinion that a professional who regularly works with such sources can have.

I will cite two phenomena. First. You know, in the 90s and at the beginning of the 21st century, the very concept of the Washington Consensus and criticism of neoliberalism were my absolute prerogative. Academic publications, magazines, no matter what authority, academics avoided and were afraid to use this term. Alexander just left, he wrote some articles. Yakuhin (?) laughs, see? He knows full well what I'm talking about. And here in this building, Deputy Secretary General of the United Nations once spoke, he was invited by Gavriil Kharitonovich Popov, and what did he say? He said the Washington consensus had done irreparable damage to the world economy, national economies, delayed the development of the economy, doomed millions, tens

of millions of people to poverty. This is what the UN Deputy Secretary-General said. And the door opened. The Politburo allowed publishing and criticizing the Washington Consensus. Our academics woke up, the professors woke up and began to criticize all that in some way. Surely, it was an outstanding contribution of those scholars.

The second phenomenon. The global crisis that erupted, as you know, first in the US in 2007 and then moved to Europe in 2008. Since the second half of 2009, a recovery began. And suddenly... Why, in fact, were they able to deal with the crisis? Because they used Keynesian methods on a massive scale, they were forced to return to Keynesianism. And then came the memorandum of the Bretton Woods institutions, in which they said that everything was over, the crisis had passed, and it was time to go back to neoliberal measures. And what did the EU and the European Central Bank do? They even accepted a schedule for removing the regulatory provisions based on Keynesian methods. Who was opposed? Do you think our scholars spoke up? Was at least one of our outstanding scholars in opposition? Of course, no. Western scholars spoke up of course. ECOSOC spoke up, UNCTAD spoke up. They released statements on a monthly basis... I read 11 ECOSOC reports that said: "What are you doing? Give markets a chance to grow stronger! Let them undergo normal development, don't be in a hurry. You don't have to give up Keynesianism at all, but if you want to do it, at least have some patience." They didn't wait. What happened? A three year European recession. The Greece factors. Do you remember how the Anglo-Americans call the Mediterranean countries? PIGS. This is what came out of the Washington Consensus and this policy. And who spoke up? The organization, whose the report we are discussing today. Therefore, I considered it my duty to come forward and express my appreciation to the United Nations, and the team of authors. Will you please tell them, Vladimir Valerievich, that there are people in Russia who attach great value to such reports. The world-class professionals are all in my department.

Sorokin: He forgot to thank the moderator for giving him the floor. Mikhail Vladimirovich Ershov, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation.

Ershov: Good evening, dear participants. A big thank you to the organization, the authors and the Free Economic Society for the opportunity to exchange views on such a pressing issue. Let me point out some fragments that deserve attention from what I read – I have familiarized myself a little with the materials. I will name a few points.

First. A rather low growth is indicated. It is also stated that even this growth will not be possible only if the risks being

discussed will not materialize. And then a fairly extensive list of risks that are likely to materialize is given. There are trade wars and some tensions of ethno-political and trade relations. So, the authors are quick to guarantee that even this moderate forecast will probably not come true.

The second point that caught my attention. “The fragility of the financial system,” the authors say. Agreed. At the same time, it is noteworthy that, on the one hand, the world economy is almost at a standstill while financial markets are growing rapidly. There is a greater gap between the financial sector and real economy. The overheated sectors have long been identified. Moreover, there is yet another important systemic nuance: the growth is largely based not on fundamental indicators, but on buy-back, i.e. companies redeeming their own shares. Naturally, if I buy back my shares, my shares will grow, but is there any real reason for this? And the second point: even non-traditional measures of support are used by the regulators, when central banks, which, in theory, should be neutral participants who monitor the process, are involved in the purchase of shares. That has never happened before. In order to support the stock market, central banks - the ECB, the Bank of Switzerland and the Federal Reserve - say: “We are not doing it yet, but we are ready to consider it as a potential measure.” This means a very fragile fundamental market, the most important market that affects the global crisis and global stability. Oftentimes, crisis events are triggered by the stock market.

Another two or three brief points. Yes, our Russian stock market is setting records, it's one of the fastest growing. As is clear not so much from the report as from the discussions of the problems, one of the reasons, among many others, is the record-high dividend payments that companies have been making to their shareholders. Well, probably the stocks are more attractive, more profitable, etc., but the question is still rhetorical: does it not undermine such companies' opportunities for long-term sustainable growth if, instead of investing in their own development, they give money back to shareholders? Are those record-high dividends even higher than in other markets and in other countries? A rhetorical question, but probably requiring a more technical, fundamental answer. How much does it contribute to the sustainability of the companies that make such dividend payouts?

The report says that monetary policy has practically exhausted itself and monetarist approaches should be based on budgetary approaches and other economic mechanisms. Draghi, who had already left the ECB, said as much while leaving. Already a parallel can be drawn between us and them. Further cuts of interest rates – will they be effective or not? It is quite true in the Russian context: yet another reduction of the interest rate is a

positive factor, of course, more positive than negative, but it has not played the role that it could have played a few years ago, had there been a reduction 2 or 3 years ago. It's like with medicine: if, instead of treating a patient with penicillin injections, you were to treat him with hot tea, then when you finally gave him an injection, he wouldn't react to it as he should have reacted two years ago. The system of reactions to economic impacts has already rebuilt itself.

Let me say in conclusion that both in this country and abroad there are serious, fundamental problems, which most likely will require some fundamentally different solutions from standard classical approaches. It is not by chance that the money market theory, MMT, is gaining worldwide popularity for it uses qualitatively different approaches to the involvement and the role of the state, the involvement and the role of money, and risk mitigation factors. And the sooner we adopt all those things, the better it will be for all of us. Thanks again to the organizers and the authors of the report for provoking such a constructive discussion as we have just had.

Sorokin: Thank you, colleagues. Let me say we have slightly exceeded the original schedule. Therefore, Dmitry Removich, please say a few words in conclusion.

Belousov: Thank you for an unprecedentedly meaningful discussion. To be honest, I don't recall any other discussion of this report in Russia. A huge thank you to all the participants and organizers.

If we summarize the report as a whole, the thoughts before and the thoughts on what our colleagues have said, then in fact what we see both at home and abroad is, I would say, a crisis of simple solutions. Because, in fact, we are used to discuss globalization or regionalization, but, excuse me, we are having regionalization of production, regionalization in the scientific and technological sphere despite the fact that no regionalization of finance has occurred. When we wrote the scenario of regionalization, we discussed that along with the dollar and the euro, the "asio" sphere will emerge, the sphere of Eurasian altyn and the dinar of the Arab countries. The world's financial system was global before and remains global now which is in stark contrast with the natural regionalization of production that is really gaining momentum, with the regionalization of energy markets thanks to shale oil, new oils and what not. The question is how spontaneous this situation is, has it been engineered, and whether it will turn into an inevitable cyclical crisis, as it happened recently, or into a highly probable structural crisis like in the 1970s, which the authors of the global reports apparently wish to engineer: "Let's rebuild the structure of the economy."

The structural adjustment of the economy in the 70s, for example, the shutdown of the coal industry. It's a bitter story because we say the words and people are simply left without a penny. Or, alternatively, all of this will lead to a crisis of rules and regulations. The World War One has already been mentioned, but after World War Two new norms and rules arose.

The story is exactly the same as with climate change, because what we want to see as a means of stimulating development can easily become a means of managing backwardness. And it's exactly the same story with stimulating economic growth in this country, because investments will not come without growth in consumption. Naturally, raising wages will simply lead to higher costs and lower investments, because there is nowhere to invest, damn it.

That's the whole picture. In fact, the main crisis we are witnessing is a crisis of simple solutions, and we will continue to deal with it.

Sorokin: Thank you.

Kuznetsov: Dmitry Evgenievich, thank you very much. I want to thank everyone for the substantial discussion, and at the same time, let me take this opportunity to inform you that on January 1 the UN Secretary General launched an initiative dedicated to the 75th anniversary, the global dialogues about the United Nations. We have already sent our proposal to the Free Economic Society and we invite all members of the Free Economic Society to join. Thank you.

Sorokin: Well, colleagues, we conclude our discussion. With 3 or 4 minutes left, summing up our discussion I would like to say the following in conclusion. You know, we really have put together a very successful expert community. Perhaps unlike many other widely known economic forums, which, however, are not always attended by economists, but rather by politicians and other good, if poorly informed, people... Do you know why our meeting is so good? We are not held back by those political considerations which are inevitably present at various global forums and in reports of global organizations, nor are we restrained by inevitable political correctness, etc. We speak here only as experts, without thinking about any transitory issues. Maybe that's why we are doing so well.

The second point that I would like to make. If you read the reports from before 2009, you will see “what a bright future is in store for everyone”; after 2009, the authors of such reports seem to compete over who predicts the most serious crisis. In general, it seems that they all follow the well-known song by Vladimir Vysotsky about scientists: “They scare us with UFOs, with barking dogs, with speaking ruins,” and every one of them makes a contribution. We are not like that, we just calmly make our assessments. But, frankly, I have been a little bit concerned lately. Naturally, we consider such things from the perspective of the interests of this country. Russia’s growth is estimated at 2%, or 2.3%, 1%, 1.5%, 2% depending on the source. There’s one thing I keep recalling. The Institute of Economic Forecasting once made a statement (and, I believe, it has never retracted it). On January 1, 2013, the government, while adopting the main guidelines for the period until 2018, inserted that statement of the Institute of Economic Forecasting directly into the preamble of the document. I quote verbatim, you can check it on the government’s website: “In order to ensure the country’s sustainable social and economic development, we can’t have a growth rate below 3%. 2–3% is a critical level at which it will not be possible to balance the economic and social components of economic growth.” And then the document says that 5% is needed for a sustainable development. And the fact that we currently have 2 or 3% ... No, no 3% It’s actually 1.5–2%. Are we rejecting the statement that we can’t let growth rate fall below 3% because otherwise we will not be able to ensure simple reproduction? Then what does the global economy have to do with it? I will cite the report once again. A year ago - right, Boris Nikolaevich? - the Institute of Economic Forecasting was absolutely correct in its assessment of the situation. At one time, we explained our slowdown by saying, “Ah, well, a new theory, a new normality trap,” and then, “A middle income trap”. What else do we have to say? And the correct explanation was as follows: our growth rate was primarily due to our domestic situation (and the report said it too, and it was also repeated at the Gaidar Forum) and the crisis of confidence about the current economic policy. If I’m not confident about the current economic policy, I will never invest in a place where there is a crisis of confidence. In other words, we need to avoid the temptation to explain our problems by external causes. They do exist, but the question is – are they important? Thank you, colleagues, until next time.

ПЛАНЕТАРНЫЙ КЛИМАТ-КОНТРОЛЬ

То, что в мире происходит серьёзное изменение климата, благодаря Грете Тунберг и другим активистам знают теперь даже самые нелюбознательные. Большой вопрос: как эти изменения влияют на мировую и российскую экономику? Судя по всему, очевидных и единообразных решений нет.

По материалам программы «ДОМ Э» на телеканале ОТР от 11.05.2019

СОБЕСЕДНИКИ

Сергей Михайлович Семёнов,
научный руководитель Института глобального климата
и экологии имени академика Юрия Израэля,
д. физ.-мат. н., профессор

Владимир Анатольевич Семёнов,
заместитель директора по науке Института физики
атмосферы имени Александра Обухова РАН,
заведующий лабораторией климатологии
в Институте географии РАН, член-корреспондент РАН,
д. физ.-мат. н.

Борис Николаевич Порфирьев,
член Президиума ВЭО России,
директор Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН, академик РАН

Владимир Валерьевич Кузнецов,
директор Информационного
центра ООН в Москве

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Бодрунов: Уважаемые коллеги, я хочу сказать, что, наверное, сейчас многие люди в мире обеспокоены изменениями климата. Мы знаем, что в 2015 году было подписано Парижское соглашение по климату, многие страны согласились те параметры, которые там содержатся, поддерживать, ратифицировала Конвенцию и Россия. Но на самом деле, судя по последней Конференции ООН по климату, документ остается лишь бумагой. Некоторые страны выходят из соглашения. В частности, Соединенные Штаты отметили, что не собираются наносить ущерб своей экономике. Турция также вышла. Недавно президент Бразилии выразил сомнения в целесообразности дальнейшего участия Бразилии в этом соглашении. Коллеги, что происходит? Почему это так?

Сергей Семёнов: Климат стал заметно меняться, глобальный климат, примерно с середины прошлого века. Сначала менялся немного, поэтому на это особенно внимания не обращали. Но где-то вот в последнюю четверть изменения стали заметны. И поскольку это явление глобальное — изменение глобального климата. И причина этих изменений — это обогащение атмосферы парниковыми газами вследствие хозяйственной деятельности человека — это явление глобальное, политики поняли, что справиться с этим можно только глобально...

Бодрунов: Воздух общий, атмосфера общая...

Сергей Семёнов: Если в одной стране остановились выбросы, это не значит, что в ней перестанет меняться климат. Фоновое содержание парниковых газов придет из соседних стран. Поэтому было принято решение разрабатывать международные соглашения, где все страны будут обязываться, как ограничивать выбросы. Такое соглашение было разработано и подписано в 1992 году. Это рамочная конвенция ООН по изменению климата. После этого были попытки его конкретизировать и был заключен Киотский протокол в 1997 году, согласно которому некоторые страны обязались ограничить выбросы. Но, конечно же, остановить глобальное потепление такие обязательства не смогли. Кроме того, в этих соглашениях была явная несправедливость: развитые страны выполняли требования (кстати, Россия полностью выполнила свои обязательства по Киотскому протоколу), ограничили свои выбросы, а развивающиеся страны — нет, даже такие быстро растущие, мощные экономики, как Китай, Индия, Бразилия, Южно-Африканская Республика, — их это не касалось тогда. Была попытка разработать новое соглашение. И вот в 2015 году подписано Парижское соглашение в декабре. Отличалось оно от Киотского протокола следующим: там все страны имели обязательства, но четко не установлено какие. Если в Киотском протоколе было написано, сколько развивающихся стран, и обычно это сравнивалось с уровнем выбросов 1990 года, то в Парижском соглашении сказано так, что каждая страна на национальном уровне определяет свои вклады и свои обязательства и сдает в секретариат конвенции. Через некоторое время будет глобальное подведение итогов. Мониторинг происходит все время с конца прошлого века. Каждая страна учредила некую процедуру, согласовав ее международно. Подсчитывается, сколько страна выбрасывает парниковых газов, сколько поглощает. Это называется кадастр источников парниковых газов, и Россия это делает каждый год. Вот наш Институт глобального климата и экологии отвечает за подготовку этого документа в России, но представляет его Правительство. Через некоторое время, в 2023 году, будет первое подведение итогов и будет ясно, достаточны ли такие ограничения для сдерживания потепления.

Владимир Семёнов: Я бы отметил прежде всего, что изменение климата на территории России происходит примерно вдвое быстрее, чем в среднем по планете, поэтому это проблема в России острее, как и в других северных странах...

Бодрунов: Она для нас более актуальна? Интересно.

Владимир Семёнов: Да, она для нас стоит острее, мы это замечаем гораздо более явно. И поэтому нас это касается, условно говоря, в первую очередь. Что касается достижения показателей, вот сейчас цели-то — 2 градуса среднего повышения температуры за счет индустриального развития считается опасным. Появляются корректировки, что уже потепление на 1,5 градуса будет связано с необратимыми последствиями изменений в земной климатической системе. Что, на самом деле? Сокращение на 1,5 градуса — смелая цель, потому что потепление составило уже почти градус, то есть мы оставляем себе совсем немного. Откровенно говоря, с научной точки зрения, конечно, вот эти 2 градуса, 1,5 градуса... Как мой коллега на работе с чувством юмора говорит, ни два, ни полтора. С научной точки зрения: почему берут именно 2 и почему, например, 1. То есть это, конечно, в какой-то мере условные величины. Наверное, сказать, 2,3 — это странно, поэтому 2 — это вроде как понятнее, круглое число. Физических, конечно, обоснований для этого нет. Но, с моей точки зрения, эти значения вообще слабо достижимы. Потому что, если выбросы продолжают, экономики развиваются, и сценарий, когда, условно говоря, на 1% в год выбросы будут расти в любом случае, будет продолжаться в ближайшие десятилетия.

Бодрунов: Я здесь в этом плане могу только сравнить с тем, что у нас когда-то, в свое время, говорили, когда закончилась перестройка, что началось строительство нового рыночного состояния нашей экономики, нашего общества, что мы резко улучшили экологические показатели. Почему? Экономика встала.

Владимир Семёнов: Позакрывали все производства.

Бодрунов: Сейчас говорят о замедлении темпов мирового экономического роста, и как бы мы не впали в соблазн, посчитать вот эти наши достижения в плане снижения выбросов достижениями реальными. На самом деле, это может быть связано как раз со снижением темпов роста мирового. Поэтому здесь очень аккуратно надо исследовать все процессы. Я с вами согласен, что ни два, ни полтора, так сказать, здесь не пойдет. Надо очень точно находить инструменты измерения. Коллеги, у нас прошел международный семинар на тему Климатические риски экономического роста. Вот некоторые мнения.

Климатические риски

ПОРФИРЬЕВ: Климатически обусловленные риски — это принятие решений, неэффективных решений в отношении изменений климата и их последствий. В этой связи мне хотелось бы обратиться к Парижскому соглашению и обратить внимание на строчку в преамбуле: стороны могут страдать не только от изменений климата, но также от воздействия мер, принимаемых в целях реагирования на него.

С моей точки зрения, эти риски наиболее существенны. Потому что принятие неправильного решения, воздержание от принятия решения, что не менее опасно, принятие неэффективного решения могут привести к последствиям гораздо более тяжелым, чем то, что мы имеем сегодня в связи с климатическими изменениями, и я постараюсь это в дальнейшем показать.

Бодрунов: Скажите, пожалуйста, Владимир Анатольевич, каково Ваше представление о том, какими могут быть последствия этих выбросов, не контролируемых или плохо контролируемых, которые ни два, ни полтора, что называется, к чему они могут привести. Может быть, вы можете оценить в глобальных направлениях, какие последствия мы можем ожидать для мировой экономики и для экономики России, в частности...

Вызов человечеству

КУЗНЕЦОВ: Чем острее становится проблема изменения климата, тем осознаннее она воспринимается мировым сообществом как масштабное и трудно преодолимое препятствие устойчивого развития. Тем результативнее становятся работы по объединению усилий в интересах снижения актуальности и масштабов этого вызова человечеству. Яркое свидетельство тому — эволюция глобальной политики от рамочной конвенции ООН об изменении климата и Киотского протокола к ней, приняты в 1992 году, до Парижского соглашения

2015 года. Реализация Киотского протокола дала очень большой, интересный опыт человечеству, заключающийся в том, что можно управлять выбросами и при этом не снижать экономических показателей роста. Характерно, что Россия вошла в тройку основных продавцов на международном углеродном рынке, сформировавшемся в рамках Киотского протокола. Полученные инвестиции были целевым образом истрачены преимущественно на сокращение выбросов парниковых газов на предприятиях.

Владимир Семёнов: Последствия двоякие: и положительные, и отрицательные. Положительный — Севморпуть. Навигация к концу века при агрессивном сценарии вырастет по продолжительности на шесть месяцев, по нашим оценкам. Это большой плюс для нас. Это действительно, положительные последствия, скорее всего, для земледелия. Отрицательные последствия главные — у нас страна на 2/3 — в зоне вечной мерзлоты. И в результате таяния она поплывет: поплывет вся северная инфраструктура, будут меняться ландшафты, экономика. Уже сейчас трубопроводы сталкиваются с этим, что меняются сваи, потому что почвы уже не держат. Это нужно знать, это нужно предвидеть.

Третье, наверное, самое главное из негативных последствий, это то, что вы опять же упоминали — опасные погодные явления: засухи, пожары. С очевидностью, частота пожаров, их интенсивность будут возрастать...

Бодрунов: Появились торнадо у нас, которых не было.

Владимир Семёнов: Да, торнадо, более интенсивные осадки — это все следствие глобального потепления, это то, что мы наблюдаем буквально на наших глазах. В Москве мы видим, например, ливни, которые, скорее, больше всего похожи на ливни Ставропольского, Краснодарского краев, наших южных регионов. Вот такая погода приходит в Москву. Это, собственно, предсказывалось еще в 90-х годах.

Бодрунов: То есть надо работать в этом направлении...

Владимир Семёнов: Я считаю, не нужно алармизма излишнего, не нужно опять же скептицизма, отрицания всего. Нужны просто понимание и подготовка к изменениям.

Бодрунов: Сергей Михайлович, как вы полагаете, исполнение Россией обязательств, скажем, по снижению выбросов, по ограничению негативного влияния на окружающую среду со стороны нашей промышленности и так далее, будем неуклонно это выполнять, нагружать нашу промышленность, нашу экономику этими требованиями и так далее, а при этом наши соседи не будут этим заниматься всерьез или будут заниматься не слишком интенсивно, ведь это ничего хорошего для нас все равно не принесет? Как Вы полагаете, может быть, есть какие-то инструменты, помимо этих документов, о которых Вы говорили, какие-то другие инструменты влияния на эту ситуацию с нашей стороны на соседей, на кого-то еще? Или только одни призывы мы можем противопоставить?

Сергей Семёнов: Документы типа Парижского соглашения не предполагают механизм принуждения, то есть заставить никого нельзя. Хочу сказать, что выход Соединенных Штатов, это не первый раз, когда Соединенные Штаты порождают некий сумбур на международной арене в этой области...

Бодрунов: Такой некий национальный эгоизм...

Сергей Семёнов: Я помню, что, когда был Киотский протокол первоначально подписан Соединенными Штатами, президент сменился и президент Джордж Буш не стал ратифицировать Киотский протокол. Но правда заключается

в том, что они, так сказать, не брались, но сделали. То есть у них была колоссальная внутренняя программа сокращения выбросов парниковых газов на единицу произведенного ВВП. То есть они энергоэффективность внедряли в стране. Я думаю, что и в этот раз они будут действовать таким способом. Как я понимаю, политика Трампа, его декларации состоят в том, что развивающиеся экономики ничего на себя не берут, а все валится на Соединенные Штаты. Кроме того, в Парижском соглашении есть некий новый пункт. Кроме митигации — английское слово, которое означает просто сокращение выбросов или, вообще говоря, смягчение действия на климатическую систему, есть важный пункт про адаптацию. Причем про адаптацию написано так, что каждая страна должна иметь свой адаптационный план и о нем отчитываться. Более того, развитые страны развивающимся странам 100 миллиардов долларов в год должны дать на реализацию этих мер. Под отчет, конечно: они каждый год, раз в несколько лет будут отчитываться об этом. Насколько я понимаю, Трамп осознал, что большая часть этой суммы будет спрошена с Соединенных Штатов. Как-то ему это совершенно не нравится, и его избирателям, по-видимому, тоже. Поэтому вот отношение Соединенных Штатов сегодня такое. Что касается России, Россия в каком-то смысле находится в положении хорошем, потому что у нас рост ВВП последних 10 лет не привел к пропорциональному росту выбросов. ВВП увеличился примерно вдвое, а выбросы — процентов на 10 по сравнению с уровнем 1998 года.

Бодрунов: Мы это нигде не афишируем, но это отличный результат.

Сергей Семёнов: Это отличный результат совершенно. Почему-то об этом редко говорят. Обычно говорят наоборот: что с 1990 года по 1998-й выбросы упали почти на 1/3 потому, что экономика встала.

Бодрунов: А здесь экономика все-таки росла.

Сергей Семёнов: Экономика росла, а выбросы не очень росли. Это — нахождение в особом положении по отношению к этому соглашению, к нему можно по-разному относиться, к Парижскому соглашению, это вопрос принадлежности России на международной арене к некоторому клубу стран. Вот есть клуб стран, поддерживающих эти усилия и не поддерживающих. Правда заключается в том, что во всем мире развивается тенденция в сторону зеленой экономики, зеленой энергетики, использования возобновляемых энергетических ресурсов. Конечно, это дело не мгновенное, это дело будущего. Но, если Россия будет по-прежнему полагаться только на свои источники углеводородного сырья,

я боюсь, что в долгосрочной перспективе, через лет 10–20 это может сократить российские возможности в области международной торговли, международных отношений и так далее. Поэтому, пользуясь теперешними все-таки приемлемыми ценами на газ и нефть, желательно каким-то способом поучаствовать в этом будущем мировой экономики.

Бодрунов: Вы знаете, мне кажется, что нужно и в ментальность населения, в ментальность людей вносить вот эту вот нотку или даже, может быть, мощную такую идею о том, что надо заниматься, потому что каждый твой шаг, каждое действие суммарно влияют тоже на климат и влияет на общую обстановку, атмосферу. Что-нибудь может сделать обычный человек, если он будет участвовать в каких-то программах, как Вы думаете?

Сергей Семёнов: Я думаю, что обычные меры экономии, особенно на первом этапе, уже дадут большой результат. То есть нужно разумно использовать ресурсы. У нас не всегда с этим благополучно, и не только у нас, в мире тоже не совсем благополучно. Вся Германия в ветряках, Китай в массе производит солнечные батареи... Поэтому, я думаю, что это, в общем, мировая тенденция, и вряд ли Россия может тут своими решениями изменить как-то эту тенденцию, скорее, нужно использовать и участвовать в этом.

Владимир Семёнов: Мне кажется, здесь экономическое принуждение оказывает наиболее сильное действие...

Бодрунов: Наиболее эффективно.

Владимир Семёнов: Да, эффективно. Когда тарифы на электроэнергию уже такие, что, условно говоря, неэффективно ее потреблять становится заметно невыгодно, то уже это оказывает заметный эффект. Мы видим, во многих домах люди сами ставят адаптивное освещение, меняют обычные лампочки на энергосберегающие и так далее. Поэтому, мне кажется, какую-то кампанию, условно говоря, «Давайте сделаем нашу жизнь более зеленой», давайте потреблять очень ограниченно, мне кажется, это не нужно. Экономических мер достаточно. Потому что наш человек, давайте его уже беречь, у него столько, мне кажется, других проблем в жизни, помимо зеленой энергетики, что экономика его сама подвигнет в нужную сторону.

Бодрунов: Вы знаете, я готов согласиться, Владимир Анатольевич, с этим выводом. Единственное, что я бы все-таки немножко дополнил бы, что культура потребления ресурсов — это очень важная вещь с точки зрения не только потребления в быту: да, закрутил лишний раз кран, да, не

использовал лишнюю воду, значит, не надо ее качать, не надо строить больше плотин. Это все делается постепенно, конечно, это нелегко, но это нужно доводить до сознания. И через экономические методы это очень эффективно, потому что это определенное принуждение. Но оно должно все-таки ложиться, мне кажется, на какую-то культуру и подпитывать эту культуру. Потому что, пофантазируем, вот приходит инженер на завод: если он будет конструировать прибор или какой-то технологический процесс выстраивать и не будет думать об эффективности, то одни экономические меры, наверное, не очень помогут, если он не будет внутренне настроен на поиск вот таких решений. Все равно что дать человеку самое современное вооружение и не воспитать его, что применять его нельзя.

Владимир Семёнов: На это должна быть направлена государственная политика.

Сергей Семёнов: Да.

Бодрунов: Да, совершенно верно.

Владимир Семёнов: Приоритет должен быть.

Бодрунов: Вот к этому хочу и плавно перейти. А какая государственная климатическая стратегия нам нужна для реализации этих целей, наших задач, для участия во всех этих всех мировых проблемах и программах?

Владимир Семёнов: Во-первых, нужно эту проблему поднять и принять на государственном уровне, что она действительно важна, что она существует. И относиться к этому не как к побочной моде внешнеполитической...

Бодрунов: Что появилась новая тема.

Владимир Семёнов: Поскольку мы принадлежим к цивилизованной семье народов, то мы поддерживаем эти тенденции. То есть нужно осознать, что это действительно серьезная проблема. Мы в основном, конечно, занимаемся физикой атмосфер, опасными явлениями погоды, изменениями климата резкими и так далее. Это сейчас серьезно не воспринимается...

Бодрунов: А вы знаете, это зря не воспринимается, потому что, например, ущерб Соединенным Штатам от торнадо — вот недавно совсем было, — которые усилились и участились за несколько лет, превышает то, что было 10 лет назад втрое уже, а по прогнозам будет еще выше. Поэтому для нас важно, мне кажется, определиться: что нам дает

изменение климата в плюсе, в минусе, где мы потеряем, как это упредить, сторнировать, где мы выиграем в чем-то, учесть это по возможности. Направить на одно одни технологии, на другое — другие, чтобы получить, по крайней мере, не хуже ситуацию, чем она есть сейчас, если мы не можем на нее повлиять глобально. У нас, я знаю, существует проект российского закона о госрегулировании выбросов парниковых газов. Я вот хотел бы, чтобы Вы, Сергей Михайлович, прокомментировали, если мы этот закон примем, то включит ли он какие-то лучшие мировые практики вот в этом направлении?

Сергей Семёнов: При разработке этого закона, насколько мне известно, учитывался мировой опыт, и эти вещи включены в этот закон. Они буквально приняты из рамочной конвенции ООН об изменении климата. То есть этот закон — продолжение на национальном уровне международного опыта сотрудничества в области ограничения выброса парниковых газов, не только ограничения, в области учета, мониторинга и всего такого прочего. Я думаю, что он будет принят. Я думаю, что он будет нуждаться через некоторое время в поправках, в некотором тюнинге. Я думаю, что это в правильном направлении движение.

Борунов: То есть, наверное, мы должны эту ситуацию видеть таким образом: да, мы начинаем это все осознавать, в России пытаются делать попытки совершенствования законодательства в этом направлении, чтобы соответствовать этим мировым правилам, глобальным трендам изменения климатической ситуации в лучшую сторону. В какой-то мере это учитывается в наших национальных проектах, которые сегодня Правительство формирует, и, надеюсь, эти тенденции будут реализованы в ближайшие десятилетия, годы и в ближайшие десятилетия климат наш позволит нам жить и развиваться без опасений.

**ИЗ БИБЛИОТЕКИ
ВЭО РОССИИ**

Рудольф Баландин

**«УПРАВЛЕНИЕ
КЛИМАТОМ. ПРИЗРАК
ГЛОБАЛЬНОГО
ПОТЕПЛЕНИЯ»**

ПОЛИТЭКОНОМИЯ КАК ВАРИАНТ РЕШЕНИЯ МИРОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

405 лет назад Антуан Монкретьен написал трактат «О политической экономии». С этого времени термином «политическая экономия» стала называться наука, изучающая экономику и общество. Актуальна ли политэкономия сегодня? Что сегодня может дать политэкономическая наука для исследований текущих экономических процессов?

СОБЕСЕДНИКИ

*Анатолий Александрович Пороховский,
заведующий кафедрой политической экономии
экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова,
заслуженный профессор МГУ,
заслуженный деятель науки России, д. э. н.*

*Виктор Тимофеевич Рязанов,
заведующий кафедрой экономической теорией
экономического факультета Санкт-Петербургского
государственного университета,
заслуженный работник Высшей школы России,
профессор, д. э. н.*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Бодрунов: Я, уважаемые коллеги, хотел бы сказать, что Леонид Иванович Абалкин политическую экономию называл, вот у меня такая фраза выписана, «сложнейшей и древнейшей из гуманитарных наук, забвение которой или игнорирование закрывает путь к познанию системы». То есть он понимал политэкономиию как некий инструмент для того, чтобы вообще четко и ясно разобраться в той системе, в которой мы живем, не только, собственно, экономической, но, можно сказать шире, в цивилизационной системе. Хочу спросить вас, уважаемые коллеги, Анатолий Александрович, давайте с Вас начнем, поскольку Вы возглавляете кафедру именно политэкономии, актуальность сегодняшней политэкономической науки в сегодняшние дни, в чем она?

Пороховский: Я, пользуясь случаем, поскольку Вы упомянули Леонида Ивановича Абалкина, хотел бы напомнить телезрителям о том, что Леонид Иванович Абалкин входил в последний авторский коллектив, где мне тоже посчастливилось участвовать, который издал курс политической экономики как последний учебник в советский период, который вышел в 1988 году...

Бодрунов: По которому я изучал политэкономию.

Пороховский: Да, 1988 год. И я тогда близко как раз с ним познакомился, и для меня действительно он остается человеком, преданным науке, преданным не просто науке, а тому, чтобы наука приносила пользу людям.

И теперь по поводу значимости политэкономии, и почему она может быть, и даже не может быть, а точно нужна для сегодняшнего дня... Дело в том, что политэкономия, так сложилось, возникла, активно стала внедряться, когда появилась рыночная экономика. И не случайно первые классические произведения, хотя они были связаны еще с ручным трудом, с мануфактурой, они появились в тот период. И когда возникла первая промышленная революция, тогда возникла потребность в системном понимании развития и экономики, и общества. И возникло продолжение классической политэкономии через ее марксистскую ветвь, параллельно появился неклассический подход, и он занимался только факторами производства и одной сферой — сферой обращения и функционирования экономики.

Отличие политэкономии от других наук именно в системном видении экономики, в системном развитии представлений об экономике. И это еще важно почему? Потому что экономика — это система. И важно, чтобы наука об экономике тоже представляла из себя системное видение, поскольку существует много направлений и школ экономической теории. Но все они имеют более зауженный предмет и тем более другой метод исследования. А политэкономия как раз отличается системным подходом. Поэтому мы знаем, что современное развитие как нашей страны, так и мира, нуждается в системном решении накопившихся системных проблем. И вот, извините за то, что я повторяю часто слово «система, системное», но это ключевое, на мой взгляд, то, что принадлежит политэкономии для рассмотрения процессов.

Бодрунов: Системный подход здесь важен. Но важно и то, что если мы говорим о системе, то наша система, в которой мы живем, она динамически развивается и динамически движется, она усложняется неимоверно. Многие факторы, которые раньше были менее заметны и не так, может быть, активны и быстро влияли на экономику, как, например, научно-технический прогресс современный и так далее, который движется с ускорением ускорения, то, что мы называем, они эту систему подвергают множеству разнообразных воздействий, на которые надо искать, на самом деле, ответы, потому что система и напряжение этих воздействий могут достичь критического состояния, и система может рухнуть. В системе могут возникнуть такие напряжения, которые она не выдержит, если на то

пошло. И мы видим эти напряжения в реальной жизни: это экологические проблемы, проблема выброшенных людей научно-техническим прогрессом, и можно перечислять десятки проблем. Виктор Тимофеевич, скажите, пожалуйста, мы говорим об учебном процессе. Политическая экономия позволяет эти вещи исследовать более активно. И я знаю, что Ваша кафедра, которая занималась и политической экономией, занимается сегодня экономической теорией в целом, то есть Вы преподаете и экономическую теорию, и некие другие направления...

Рязанов: Стандартно микро-, макроэкономика...

Бодрунов: То есть те стандарты, которые сегодня есть. Скажите, пожалуйста, необходимо ли усиливать сегодня в нашем экономическом образовании нашей молодёжи вот этот политэкономический дискурс.

Рязанов: Во-первых, хотел бы продолжить то, что сказал Анатолий Александрович, отметить важную роль политической экономии как науки, то, что это наука фундаментальная. Это наука, которая и родилась в системе классического знания, и отвечает именно на вопросы классической экономической науки. А что важно для классической науки? Поиск истины. Потому что эта истина важна для того, чтобы более точно и глубоко понять внутреннюю природу, хозяйственное устройство экономического развития и на этом основании дать и правильную оценку, предложить правильные направления дальнейшего развития. И вот в этой связи, конечно, мне кажется, что полноценное возвращение политической экономии в образовательный процесс — это очень важно. Потому что это позволяет дать многомерную картину студентам, будущим специалистам — нельзя жить в одномерном мире. Микро-, макроэкономика — это тоже, конечно, важные направления, которые раскрывают особенности функционирования рыночной системы хозяйства, дают тоже свои оценки, свои представления.

Но этого мало. Потому что, действительно, экономическая жизнь — она более сложно устроена, она действительно системная. И вот для того, чтобы эта системность отложилась и в образовательном процессе, конечно, нужна и политическая экономия. И я бы еще хотел отметить то, что очень важно, чтобы в образовательном процессе была определенная конкуренция идей, чтобы были представлены разные школы и чтобы у специалистов не было таких одномерных представлений, что только есть микро- и макро-, и ничего другого. На самом деле политическая экономия жива, и, несмотря на ее уже солидный возраст, она продолжает развиваться, и у нее есть свой потенциал.

И в том числе для того, чтобы была конкуренция идей, и в этой конкуренции идей будут рождаться соответствующие специалисты.

И я бы еще хотел подчеркнуть тоже очень важную деталь. Она связана с тем, что, к сожалению, в силу понятных причин очень ослаб интерес студентов к получению экономического образования. И вот это большая беда для экономической науки. Почему это произошло? Первое — это прагматизм подготовки специалистов, и сегодня студенты в большей степени ориентированы на это. И, к сожалению, это подкрепляется следующим: то, что с точки зрения престижа научного труда, преподавательского труда, наконец, с точки зрения заработной платы, здесь, естественно, хозяйственная практика дает гораздо больше преимуществ...

Бодрунов: Как говорится, питание определяет сознание...

Рязанов: Вот еще один из тезисов классической и марксистской политэкономии, которая в этом подтверждается. И в итоге получается, что студенты уже не очень-то ориентированы на науку. И тем более нынешний характер образования — бакалавры, магистры — они не позволяют сформировать целостную подготовку студентов.

Бодрунов: Да, это разбиение на две категории...

Рязанов: Да, такое шизофреническое раздвоение получается.

Бодрунов: А политэкономии невозможно изучить в течение, там, одного семестра, условно говоря.

Рязанов: Конечно, Сергей Дмитриевич, я думаю, что очень важно было бы, на самом деле, вернуть в систему подготовки специалистов в области экономической теории, эту дисциплину с первого и по пятый курс. В ведущих университетах это очень важно сделать. Потому что это самовоспроизводство научного потенциала и одновременно это подготовка действительно классных специалистов, которые способны к такому системному анализу, способны решать научные и практические задачи.

Бодрунов: У нас есть постоянно пополняемая библиотека Вольного экономического общества, и я постоянно получаю свежие подборки, что мы там имеем. И могу отслеживать — все-таки глаз опытный, — к какому профилю относится книга, на какой методологии основана и так далее. И могу сказать, что, по сравнению с периодом советского времени, а уж не говоря, там, позднего советского времени, количе-

ство исследований по политэкономии, именно политэкономического характера снизилось, резко уменьшилось. Невозможно найти нормальных учебников. Я сам с удовольствием до сих пор пользуюсь Цаголовской книгой, которая была издана еще в какие-то года, еще в середине XX века.

Хотя эта книга по сей день, на мой взгляд, является бестселлером с точки зрения того, какое количество людей ее прочитало и какое количество политэкономических знаний получено было на основе этой книги. Там очень четко, фундаментально проработано. Это заслуга вашей кафедры и ваших специалистов...

**ИЗ БИБЛИОТЕКИ
ВЭО РОССИИ**

«КУРС ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ»

под редакцией Николая
Александровича Цагорова

Пороховский: наших предшественников, да.

Бодрунов: Но по сей день ваша школа сохраняется. Мне кажется, это очень важно. Поэтому мне представляется, что вот это снижение интереса к политэкономической проблематике, оно связано как раз, может быть, с усложнением чьей-то жизни, с одной стороны, много разных направлений, с другой — вроде бы как-то связывается политэкономия с некой теорией социалистического строительства и так далее. Может быть, как-то этим обусловлено?

Пороховский: Мы, конечно, понимаем, что сравнивать, допустим, Россию и другие страны — это возможно, но не всегда бывает удачно. Что касается политэкономии: сейчас появилось направление, которое называется «новая политическая экономия». Это не развитие классической политэкономии. Это развитие институционализма, то есть нового социализма. Но, что мне хотелось бы сообщить всем интересующимся: что не где-то, в Гарвардском университете на базе факультета государства и на базе кафедры экономической теории создана магистерская программа по политэкономии...

Бодрунов: Возвращение политэкономии...

Пороховский: Но это своеобразное возвращение. Как они объясняют, государственный аппарат и крупные корпорации нуждаются в системщиках, которые видят развитие мировой экономики не кратковременно, а в долгосрочном периоде. И для того чтобы видеть не просто развитие отдельной страны, а представлять всю совокупность отношений на этом уровне, микро и макро не хватает. И они вернулись к политэкономии. И туда есть реальный набор, потому что сразу предполагается, что ваши знания будут востребованы на таких-то должностях, которые хорошо оплачиваются.

Что касается нашей страны, в частности, то, вы понимаете, с самого начала вот эта нацеленность на микро-, макро- и другие части экономической теории привела к тому, что

многие даже не знают о существовании каких-то других теорий, в частности, политэкономии. Они просто не знают. И таких большинство. Вот, говорят, молодежь должна иметь выбор, пусть она сама выбирает, но ведь молодежь, выросшая в современных условиях, она не имеет широкого кругозора. И она не всегда может даже понимать, что ей будет нужно в дальнейшей жизни в дальнейшей работе. «Да, хорошо знать микроэкономику, если ты внутри фирмы или только на уровне фермы». «Хорошо знать макроэкономику, если ты хочешь понимать денежные потоки и другие вещи». Но для того, чтобы быть настоящим профессионалом, этого недостаточно...

Бодрунов: Все связано между собой, и надо развиваться системно...

Пороховский: Сергей Дмитриевич, Вы правы, я Вам об этом и говорю. Скажем так: если человек никогда не ходил в театр, его туда и не тянет. И здесь такая же история. И молодежь отодвинули от широкого понимания знания. А почему? Вы упомянули метафору, что выплеснули вместе с водой и ребёнка, то есть политэкономия, борясь с чем? Не только с социализмом. Его приписывали всему тому, что было в советское время — ГУЛАГ, эксплуатация... Хотя даже если коснуться истории нашей кафедры — она была создана в 1804 году, еще в Шотландии, там, где Смит был, не было кафедры. То есть была работа Смита «Исследование о природе и причинах богатств народов», а кафедры там не было...

Пороховский: В России она появилась раньше. Когда она возникла, это была наука о законах развития общества и экономики. Это же важно для всех. Конечно, для молодого человека какие там законы общества! Ему важны законы жизни, текущие, законы заработка. Но я поэтому и хочу сказать, что был сугубо идеологический подход, ведь даже политэкономия социализма много полезного содержит, особенно в части развития планового хозяйства, стратегического планирования...

Бодрунов: Да, стратегическое планирование, плановое хозяйство — эти направления, которые развивались только в рамках советских политэкономических исследований науки. Это действительно большой вклад в мировое исследование экономических процессов. И мне кажется, что это тоже сбрасывать со счетов нельзя. Виктор Тимофеевич, скажите, вот мы сегодня живем в таком усложняющемся мире, мы видим, какие большие проблемы стоят, мы это обсуждаем неоднократно, вместе бываем на семинарах, на разных мероприятиях, конференциях, видим цифры, которые сегод-

ня публикует статистика официальная, и данные ученых, исследователей, институтов говорят о многих неблагоприятных явлениях в нашей экономической жизни. Мы постоянно слышим критику многих о тех методах планирования или, там, прогнозирования, в частности, у нас в стране. Мы не видим планов на 35, на 50 лет вперед, и так далее, тех вещей, которые отличают другие макроэкономические системы и другие системы управления экономикой, в частности, Китай. Может быть, это связано как раз с тем, что у нас забыта самая главная вещь — политэкономический взгляд на происходящие процессы...

Рязанов: Я думаю, здесь можно с Вами полностью согласиться и еще раз обратить внимание на то, что мир, в котором мы с Вами сейчас находимся, очень сложный. И мы вступили в ситуацию серьезной перестройки, серьезных кризисных процессов. И это требует очень глубокого, основательного освоения. И вот как раз здесь и нужен системный подход: рядовыми, стандартными методами выйти из трудной ситуации уже не получается. И это еще раз подчеркивает то, что нужны более основательные, фундаментальные, системные знания для того, чтобы понять природу существующих кризисных процессов, и на основании точного и глубокого понимания этой природы, предложить соответствующие формы и методы выхода.

Бодрунов: Образно говоря, если костерок достиг определенного размера, то его не задует...

Рязанов: И керосином не зальешь...

Бодрунов: Необходимо понимать, почему он горит.

Рязанов: И вот в этой связи, мне кажется, важная роль современной политэкономии заключается в том, что политэкономия, во-первых, способна дать критический взгляд — это ее традиционная и давняя функция и миссия. Второе — предложить альтернативные варианты. Потому что для того, чтобы выбрать правильное решение, надо иметь целый спектр различных выходов, различных предложений. И, наверное, у каждой научной школы есть свои представления по этому поводу. И опять же это конкуренция идей и предложений.

Ну и наконец, есть еще один важный момент, который, мне кажется, надо отдать в заслугу политической экономии: она всегда защищала интересы всего общества, и особое внимание обращалось на социальные последствия, на социальные моменты. А сегодня дополнительно еще и экологические возникают проблемы. И вот с тем, чтобы решать задачи развития экономики не только чисто эконо-

мическими методами, а задумываясь о последствиях социальных, а сегодня уже и экологических последствиях, как раз политэкономия имеет свой аналитический, понятийный и прогностический потенциал, который способен дать соответствующие предложения, соответствующие оценки.

Пороховский: Я добавлю очень кратко. Вы знаете, скажем, в Московском университете мы отстаиваем, конечно, политэкономия, но мы считаем, что не надо сталкивать другие школы. То есть у нас нет такой задачи, чтобы сказать, вот если мы отстаиваем политэкономия, то другие части экономической теории не нужны. Они выполняют свою функцию, они полезны и необходимы.

Бодрунов: Да, но это какие-то более узкие сферы...

Пороховский: Совершенно верно. Но это, как правило, как Виктор Тимофеевич сказал, чаще всего в краткосрочном периоде. Микроэкономика вообще долгосрочно не рассматривает процессы. В макроэкономике, конечно, есть долгосрочные периоды, теория экономического роста. Но опять же такое системное видение... Поэтому мы постоянно, когда преподаем — нет у нас обязательного курса политэкономии, он у нас по выбору — но тем не менее у нас такая позиция, мы говорим и своим коллегам, и, естественно, студентам, что это начало экономической теории, которое развилось и потом дальше превратилось во все остальное...

Бодрунов: Честно говоря, извините, мое мнение: человек, не изучивший политэкономия, но изучивший другие экономические науки, не будет считаться экономистом сегодня. Я, может быть, грубовато это говорю, но, мне кажется, что это все равно что, не знаю, перешел к дифференциальному исчислению, не изучив логарифмы...

Пороховский: Совершенно верно.

Рязанов: Экономическая теория началась с политэкономии, это начало.

Пороховский: Это основа, которая была бы полезна.

Бодрунов: Любая экономическая школа, какую ни возьми, так или иначе корнями уходит в исследование тех процессов на базе политической экономии или методов, которые были предложены предшественниками. Поэтому, безусловно, здесь и с точки зрения не только истории, но и понимания сути тех или других экономических теорий

необходимо знать все равно эти фундаментальные вещи. Я думаю, что очень важно будет нашим уважаемым телезрителям показать поступившую в нашу библиотеку Вольного экономического общества интереснейшую книгу, которая, собственно говоря, и историю экономической теории затрагивает, и развитие ее в Санкт-Петербургском университете. Речь идет о кафедре экономической теории Санкт-Петербургского университета, «Путь в 200 лет». И любой грамотный человек, я считаю, вообще грамотный человек, имеющий высшее образование, должен азы вот этих всех вещей знать.

И, уважаемые коллеги, я хотел бы, пользуясь таким удобным случаем, представить книгу, которая у нас является сегодня одним из бестселлеров среди тех людей, кто занимается политэкономией, кто исследует эти процессы. Эта книга выдвинута на премию «Экономическая книга года». Не знаю, как там будет продвижение, но уже номинантом она точно стала, потому что жюри отобрало эту книгу из сотен, поступивших на конкурс. Виктор Тимофеевич, это Ваша книга. Книга профессора Рязанова «Современная политическая экономия. Перспективы неомарксистского синтеза». Книга чрезвычайно интересная. Она, мне кажется, раскрывает очень многие вещи с позиции сегодняшнего взгляда на экономическую теорию, с одной стороны, на развитие марксистских взглядов, на применение марксистской, неомарксистской и, может быть, классической политэкономической теории в сегодняшнем состоянии, для анализа сегодняшних явлений в обществе. Но также представляет собой фактически мощный документ для тех, кто сегодня готов исследовать политэкономия и ее развитие.

Пороховский: Я хотел бы сказать нашим зрителям, что Сергей Дмитриевич активно развивает характеристику настоящего и будущего экономики. И поэтому последняя работа, которая вышла, это «Общая теория ноономики» Сергея Дмитриевича Бодрунова. Эта книга как учебник, утверждена Финансовым университетом для использования на разных уровнях программ, начиная от бакалавров. Сама по себе книга является — как обычно пишутся учебники? — они пишутся тогда, когда уже что-то устоялось. Но до этого учебника вышла лишь монография Ваша, Сергей Дмитриевич, которая так и называлась «Ноономика», а это уже «Общая теория ноономики». Здесь читатели найдут много известного, с одной стороны, а с другой — много нового, поскольку здесь развивается роль человека, роль знаний, роль науки. И я думаю, что вот и в Уральском федеральном университете, и в Финансовом университете, мы тоже уже после выхода книги включаем ее в наши программы. У нее большое будущее.

ЭКОНОМИКО- ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МИРОВОЙ ОБСТАНОВКИ

*Александр Дынкин,
академик РАН, президент ИМЭМО РАН им.
Е. М. Примакова*

Из доклада на совместном заседании
Отделения общественных наук РАН
и Вольного экономического общества России
29.01.2020

Я начну издалека. Последний мировой финансово-экономический кризис 2008 года остался в истории с отчетливым клеймом «сделано в США» в силу весьма тяжелых регуляторных ошибок. И этот кризис обнажил те дисбалансы, которые довольно давно накапливались в экономиках развитых стран. И главная проблема здесь, на мой взгляд, это исчерпание кризиса либерального социального контракта, который был заключен между властью, бизнесом и гражданским обществом где-то в начале прошлого века.

Тот мир, который тогда существовал, был не цифровым. Он был доглобальным, он был индустриальным, он был биполярным. Тот мир не сталкивался с массовой миграцией, с климатическими изменениями. В том мире не было конкуренции за инвестиции, глобальной конкуренции за человеческий капитал. И суть этого контракта была достаточно проста: каждое следующее поколение жило лучше, располагало большими возможностями, чем предыдущее. Другими словами, дети становились более успешными, чем родители.

Крах мировой системы социализма укрепил уверенность в эффективности этого старого общественного договора, ослабил усилия по поддержанию социально приемлемого распределения общественных благ. Возникло ощущение универсальности либеральной рыночной демократии для всех регионов мира. И это, естественно, спровоцировало геополитическую экспансию сначала в Восточной Европе, а затем и на Ближнем Востоке.

Британский политик Дэвид Милибэнд очень точно назвал этот период временем безнаказанной политики Запада. Корпоративные элиты сфокусировались на росте акционерной стоимости в ущерб социальной ответственности, политический истеблишмент бросился вдогонку. Например, Джо Байден, который 12 лет был сенатором от штата Делавэр, сделал очень многое для того, чтобы этот штат стал крупнейшей офшорной юрисдикцией. По оценке мирового банка, в 2017 году на территории США было зарегистрировано в 10 раз больше офшорных компаний, чем в остальных более 40 офшорных зонах. Довольно известный обозреватель газеты Financial Times, который приезжал к нам на примаковские чтения, писал 29 ноября: «Америка сегодня — крупнейший рай для грязных денег». После этого кризиса, с которого я начал, кризиса 2008 года, что-то пошло неправильно на этом празднике жизни.

Если посмотреть на темпы прироста доходов на душу населения по десятилетиям, но с неким сдвигом на этот кризис, о котором я говорил, становится очевидно, что везде происходит достаточно драматическое падение этого показателя. В Италии эти доходы вообще ушли в отрицательную зону. И конечно, все эти обстоятельства не могли не привести к стагнации доходов среднего класса, к их поляризации и формированию регионов с застойной бедностью, и эти явления достигли достаточно критичных уровней. В постоянных ценах более-менее все неплохо у 1% самых богатых и все стабильно грустно у 90% тех, кто беднее 10% в США.

Дополнительное напряжение создает то, что это все происходит на фоне буквально взлета стоимости университетского образования. 28% — максимальный рост в элитных университетах в постоянных ценах. И для среднего американского класса этот показатель — университетское образование детей — стал одним из критических в расходах. И как мы видим сегодня, 13% американцев в молодом возрасте говорят, что они отказались от рождения детей именно в связи с большими долгами по образованию. Еще в 2003 году этот долг составлял 3% в структуре задолженности, сегодня он достиг 11%. Берни Сандерс, один из потенциальных кандидатов от демократической партии, сегодня предлагает списать эти долги, и в этом, конечно, один из секретов его привлекательности.

Если посмотреть на эти вещи с социологической точки зрения, то здесь примерно те же результаты. Вот результаты довольно представительного опроса в большом количестве стран, главный вопрос был: что вы думаете о своих

детях, их жизнь будет более счастливой, чем ваша, или менее? В странах БРИКС живут самые большие оптимисты. Соединенные Штаты являются медианной страной, где 50% людей считают, что жизнь детей будет такой же, как у них, или даже хуже. В Европе пессимизм нарастает.

Если говорить про Соединенные Штаты, конечно, там в обществе накопилась усталость от бесконечных 20-летних ближневосточных войн. В Европе десятилетиями держались крайне низкие темпы роста, существовала двухзначная безработица среди молодежи. Миграционный удар как следствие вооруженных ближневосточных авантюр, конечно, добавил остроты всем этим сюжетам. И в этот момент старая политическая элита не смогла предложить модернизационных изменений традиционного общественного договора.

Партии левого центра, такие как французская соцпартия, немецкие социал-демократы, теперь уже и лейбористы в Великобритании, стремительно теряют свой электорат. Можно сказать, что в развитых странах пришел конец социальной сплоченности и возникли разделенные общества. И этим, конечно, воспользовались популистские политические силы, которые проповедают лозунги протекционизма, изоляционизма, национального возрождения, которые остро критикуют старые политические центры, они получили предпочтение избирателей. Эти имена всем известны. Это и Трамп, и Джонсон, и Сальвини, и Болсонару, и Моди, и Урбан, и Эрдоган — это некоторые имена политических лидеров этой новой волны.

Поэтому один из моих выводов заключается в том, что это изменение внутривнутриполитического ландшафта привело к ревизии всей системы глобального управления в надежде ослабить социальный дисбаланс и попытаться вернуть социальную сплоченность.

Соединенные Штаты стали лидером отказа не только от многосторонних торгово-инвестиционных соглашений, инициатором санкционных войн, но и выхода из договоров об ограничении вооружения и отказа от климатических соглашений. Американцы начали этот постепенный процесс ревизии всей системы глобального управления довольно давно, буквально с начала века, но с 2017 года, после инаугурации 45-го президента, этот процесс приобрел лавинообразный характер. Трамп через три дня после инаугурации ликвидировал Транстихоокеанское партнерство.

Последнее достижение на этом пути — то, что в результате отказа согласовать назначение судей в апелляционную комиссию по разрешению споров ВТО эта важная международная организация прекратила свое существование. Таким образом, можно констатировать, что это очень масштабная ревизия мирового порядка, которая затеяна Соединенными Штатами, раньше была характерна только для послевоенных периодов.

Сегодняшняя администрация не скрывает намерений нарушить полицентричный мировой порядок. Такое ощущение, что именно эта администрация вообще против любой архитектуры мирового порядка, за экономический и политический дарвинизм, за максимально жесткую геополитическую конкуренцию. Если немного утрировать, то можно сформулировать этот подход следующим образом: в зоопарке надо было жить по правилам, а в джунглях США — самый сильный зверь.

Америка готова преследовать свои национальные интересы, бороться или договариваться с любыми конкурентами без особого внимания к их идеологии. Можно сказать, что подход также можно описать такой фразой, что кто послушен, того защитим, но соразмерно вкладу каждого, будь то страны НАТО, Израиль или Япония.

Трамп не без успеха переписывает эти правила глобализации на двухстороннем, на транзакционном и на силовом принципе. Это уже удалось. Канадой и Мексикой пересмотрено соглашение по НАФТА. В ближайшее время это произойдет с Великобританией. Обостряются противоречия с Францией и Европейским Союзом. Тот первый этап уменьшения напряженности в торговой войне с Китаем, на мой взгляд, носит исключительно конъюнктурный характер, и его цель — не допустить начала мировой рецессии до выборов в ноябре текущего года. И даже несмотря на то, что эта вещь широко отрекламирована, размер торговых тарифов для импорта из Китая все равно останется в два раза выше, чем это было, скажем, в 2015 году.

Что это значит для нас? Вызов со стороны экономического роста для нас весьма актуален. На мой взгляд, сегодня фокус экономической политики (я полагаю, что Правительство это очень хорошо понимает) должен смещаться от макроэкономики, где достигнуты очень сильные показатели, к микроэкономике, к развитию человеческого капитала, к утверждению в обществе общей мотивации на развитие. Конечно, вероятность глобальной рецессии сохраняется, и здесь мы видим разных черных лебедей, которые прилетают то из Ирана, то из Китая, поэтому, конечно, контрациклическая подушка макрофинансовой стабильности необходима.

Но при этом хочу сказать, что уроки СССР заставляют постоянно держать в фокусе внимания невоенные параметры безопасности. А эти параметры уже близки к критическим. Я взял 15 стран — лидеров по оборонным расходам и подсчитал соотношение федеральных расходов на образование и здравоохранение к военным бюджетам. Причем я здесь не учитывал расходы на науку и на культуру, иначе наши показатели могли бы оказаться еще скромнее. Вы видите, что здесь медианная страна — это Франция, в которой социальные расходы в 7 с лишним раз превышают оборонные расходы. Мы находимся в достаточно тяжелой зоне. Санкции и угроза новой гонки вооружений, конечно, могут создать тяжелый, негативный, мультипликационный эффект для экономики. Мы внимательно следим за иранскими санкциями, и один из наших выводов, что санкции, может быть, каждый год не столь заметны, но они создают кумулятивный эффект на десятилетнем горизонте. В нашем случае это как раз к 2024 году.

Я хочу сказать несколько слов о контроле над вооружениями и стратегической стабильностью. Американцы разрушают сложившуюся систему контроля над вооружениями. Сейчас они не отвечают на вопрос о том, будут они продлевать договор о стратегических наступательных вооружениях. Срок этого договора — 5 февраля 2021 года. 20 января будет инаугурация либо нынешнего, либо 46-го президента. Срок — почти две недели. В это время, конечно, трудно что-то изменить. Если этот договор умрет, то это приведет, очевидно, к утрате транспарентности и предсказуемости.

За время действия нынешнего десятилетнего договора стороны провели 318 инспекций и 18 000 обменов информацией по запросу, включая телеметрию. То есть с этой точки зрения между нами и американцами по стратегическим вооружениям существовала полная транспарентность. Очевидно, что никакие национальные средства разведки не компенсируют эту потерю. Кроме того, если договор будет ликвидирован, это будет означать приглашение к расширению ядерного клуба. Но мы прогнозируем, что к нынешней девятке могут прибавиться следующие страны — это Япония, Южная Корея, Иран, Саудовская Аравия, Турция. Виден и следующий горизонт желающих. То есть все эти вещи, конечно, заставляют нас переоценить некие свои стратегические подходы.

Вы знаете, что договор о ракетах средней и меньшей дальности ликвидирован. В случае развертывания ракет средней дальности в Польше, Румынии и даже в Балтии эти ракеты могут доставать за Урал. И конечно, это все может частично ослабить эффективность российской концепции

ответно-встречного удара. Если это произойдет, то нам предстоит сделать три вещи. Первое: это с большими затратами повышать живучесть ударных ядерных систем и их информационных систем. Нам придется развернуть аналогичные системы средней дальности там, где они могут доставать западное побережье Соединенных Штатов и Аляску. И что самое главное, придется менять концепцию ответно-встречного удара, который сегодня официально является нашей американской доктриной, на концепцию упреждающего ядерного удара. Если эту стратегию воспримут и американцы (а намеки на это уже есть в их обзоре ядерной политики 2018 года), резко понизится порог применения ядерного оружия. Мы сегодня перед началом говорили о том, что часы судного дня придвинуты к двенадцати, это все связано с этими вещами.

Несколько слов про Россию. Россия, безусловно, влияет и одновременно адаптируется к изменению баланса сил во внешнем мире и, конечно, к технологическим вызовам, к двум критическим факторам трансформацию мирового порядка. Я полагаю, что центральное противоречие текущей трансформации мирового порядка — это попытка Соединенных Штатов вернуть полицентричную архитектуру мирового порядка к однополярности. На мой взгляд, наиболее вероятный выход из этого противоречия — это формирование новой биполярности, биполярности XXI века, где с одной стороны США, Япония плюс страны НАТО, с другой — Россия, Китай плюс страны организации договора коллективной безопасности. В нашем стратегическом прогнозе до 2035 года, который мы выпустили пять лет тому назад, этот сценарий биполярности был одним из четырех. Сегодня, спустя 5 лет, я оцениваю его вероятность выше 50%.

Недавно был выпущен американский прогноз «Глобальные риски 2035». Этой картинке в этом прогнозе нет, но я собрал основные вещи, которые там содержатся, и критическое — это то, что Соединенные Штаты ведут политику в сторону создания Тихоокеанского договора по модели НАТО, и это неизбежно, видимо, приведет к тому, что мы будем вынуждены заключить военно-стратегический союз с Китаем со всеми последующими прелестями. Некие комментарии вы видите.

Я думаю, что уже сегодня мы живем в ситуации мягкой биполярности. Форму этой биполярности я сформулировал бы следующим образом по отношению с Китаем: никогда против друг друга, не всегда вместе. Но это мягкая биполярность. И есть тренд в сторону жесткой биполярности.

Какие вызовы для России? Если брать левую часть уравнения, там, где Соединенные Штаты, лидерство очевидно. Оно фиксируется, в частности, присутствием вооруженных сил Соединенных Штатов на территории двух крупнейших союзников — Японии и Федеративной Республики Германия, то в правой части уравнения, конечно, лидерство дискуссионно. Очевидно, что на среднесрочную перспективу Китай увеличит существующий сегодня восьмикратный разрыв с нами по ВВП и увеличит свое технологическое лидерство. Конечно, в оборонных технологиях мы сохраняем первенство. Китайцы десятилетиями не могут запустить в серию современный газотурбинный двигатель. У них нет малогабаритных ядерных энергетических установок, многих других технологий. Последний пример — это в сентябре Владимир Владимирович сказал о том, что мы поставили им систему предупреждения о ракетном нападении. Это очень сложная технология, которой владеют Соединенные Штаты и мы. И любопытно, что китайские СМИ как по команде пропустили эту важную информацию. Конечно, Пекин не может не учитывать, что только две страны в состоянии за 30 минут не только уничтожить друг друга, но и Китай, и, конечно, это будет давать определенные ограничения тренду на доминирование, но, наверно, только до тех пор, пока Китай не достигнет стратегического паритета с Россией и Соединенными Штатами или пока между нами не будет заключен военно-стратегический союз. Американцы, конечно, подталкивают нас к этому союзу. Напомню, что вроде у нас на сегодня действуют 77 раундов американских санкций. Конечно, торговая война с Китаем тоже не очень нравится в Пекине.

Каковы китайские интерпретации этого сценария новой биполярности? Китайцы говорят о том, что в ближайшие 10 лет (это минимальный срок сотрудничества с Соединенными Штатами по хай-теку) этого сотрудничества не будет. Сегодня 70% новых технологий поступают в Китай из Германии. Они говорят о том, что возможна такая модель: один мир, две технологические экосистемы. Альтернативная экосистема включает Китай, Россию и ЕЭС, внутри нее, как китайцы любят говорить, все равноправно, гармонично, сообщество общей судьбы, лидерство и координация будут принадлежать Китаю, поскольку Россия с Европой из-за Украины поссорилась, а Китай дружит со всеми двумя вершинами этого треугольника. Но это, скорее, упрощение, но в целом — близко к тому, как сегодня размышляют те, кто занимается стратегическим планированием в Пекине.

Очевидно, что не в интересах России и Евросоюза играть вторую скрипку. Похоже, что в Европейском Союзе пока только Макрон понимает эти вещи. Очевидно, что нас ждет достаточно трудный период отношений с Соединенными Штатами и Европейским Союзом и в пер-

спективе не исключаю, что и с Китаем. Нам, видимо, придется осваивать новую модель внешней политики. Это роль балансирующей державы. И вот эта модель политики с изменяющейся геометрией партнерств, я считаю, блестяще была опробована на Ближнем Востоке. Такой подход получает признание. Вы знаете, что, по опросу 20 000 экспертов, по итогам прошлого года Россия занимает вторую строчку в рейтинге совокупной мощи и международного влияния.

Какова линия поведения? Я думаю, что нам надо максимально идти на тактическое сближение с Китаем, посылая при этом, конечно, Пекину сигналы о том, что необходимо корректное поведение, учет российских интересов как минимум в постсоветских странах. И одновременно, конечно, работать по поиску компромиссов и развязок с Европейским Союзом, и это может сделать сговорчивее и Вашингтон, и Пекин.

ECONOMIC AND POLITICAL ANALYSIS OF THE WORLD SITUATION

Alexander Dynkin,
*Academician of the Russian Academy of Sciences,
President of the Institute of World Economy and International
Relations of the Russian Academy of Sciences*

From a report at the January 29, 2020 joint
meeting of the Department of Social Sciences of
the Russian Academy of Sciences and the Free
Economic Society of Russia

I will start from afar. The recent global financial and economic crisis of 2008 remained in history with a distinct brand “made in the USA” due to very severe regulatory errors. That crisis exposed the imbalances that have been accumulating for a long time in the economies of developed countries, and the main problem here, in my opinion, is the exhaustion of the crisis of the liberal social contract among the authorities, business and civil society somewhere in the beginning of the last century.

The world that existed at that time was not digital. It was pre-global, it was industrial, it was bipolar. That world did not face mass migration or climate change. That world had no competition for investments, no global competition for human capital, and, essentially, the contract was quite simple: each new generation was to live better and get more opportunities than the previous one. In other words, children were to be more successful than their parents.

The collapse of the world’s socialist system strengthened confidence in the effectiveness of this old social contract, and weakened efforts to maintain a socially acceptable distribution of public goods. There was a feeling of universality of liberal market democracy for all parts of the world. Of course, it provoked a geopolitical expansion, first in Eastern Europe, and then in the Middle East.

The British politician David Miliband very accurately called this period the time of the unpunished policy of the West. Corporate elites focused on the growth of shareholder value to the detriment of social responsibility, the political establishment rushed after them. For example, Joe Biden, who was a senator from Delaware for 12 years, did a lot to make his state the largest offshore jurisdiction. According to the World Bank, 10 times more offshore companies were registered in the United States in 2017 than in the other 40 plus offshore zones. A fairly well-known columnist for the Financial Times, who visited us for the Primakov readings, wrote on November 29: «America today is the largest paradise for dirty money.» After that crisis, which I mentioned at the start, I mean the 2008 crisis, something went wrong with this celebration of life.

If you look at the growth rate of per capita income over decades, but with a certain allowance for that crisis, which I've spoken about, it becomes obvious that there is a rather dramatic drop in this indicator everywhere in the world. In Italy, those incomes generally went into the negative zone. And of course, all those circumstances could not but lead to the stagnation of middle-class incomes, to their polarization and the formation of regions with stagnant poverty, and such phenomena have reached almost critical levels. At more or less constant prices, everything is fine with the world's richest 1% and everything is steadily not good with 90% of those who are poorer than the 10% in the USA.

An additional tension is created by the fact that this is all happening against the background of a literal surge in the cost of university education. 28% is the maximum growth at elite universities expressed in constant prices. And for the US middle class, this indicator, university education has become one of the critical cost items. And as we see today, 13% of young Americans say they refuse to have children precisely because of their large student debts. Back in 2003, this debt accounted for 3% of the debt structure, today it has reached 11%. Bernie Sanders, one of the potential candidates for the Democratic Party, has proposed to write off those debts, and this, of course, is one of the secrets of his appeal.

If you look at these things from a sociological point of view, the results are about the same. Here are the results of a fairly representative survey conducted in a large number of countries. The main question was: what do you think of your children, will their life be happier than yours, or less happy? The biggest optimists live in the BRICS countries. The United States is a median country where 50% of the people think their children will be the same or worse off. In Europe, pessimism is growing.

If we talk about the United States, of course, there the society feels a fatigue from the endless 20-year Middle East wars. Europe has had extremely low growth rates for decades, and there has been double-digit youth unemployment. The migratory impact resulting from Middle East armed conflicts, of course, added pungency to all those developments. And at that time, the old political elite was unable to offer modernization changes to the conventional social contract.

Left centrist parties, such as the French Socialist Party, the German Social Democrats, and the Labor Party in Great Britain, are rapidly losing their electorate. It can be said that social cohesion has ended in the developed countries and their societies have divided. This, of course, was exploited by the populist political forces, which preached protectionism, isolationism, national revival, which sharply criticized the old political centers. Politicians of this type has been gaining popularity with the voters. Their names are known to all. Trump, Johnson, Salvini, and Bolsonaru, Modi, and Urban, and Erdogan - these are some of the names of the political leaders of the new wave.

Therefore, one of my conclusions is that this change in the domestic political landscape led to a revision of the entire global governance system in the hope of weakening social imbalance and trying to restore social cohesion.

The United States has taken the lead in renouncing multilateral trade and investment agreements, initiating sanctions wars, withdrawing from arms limitation treaties and rejecting climate agreements. The Americans began a gradual process of revising the entire global governance system quite a long time ago, literally from the beginning of the century, but since 2017, after the inauguration of the 45th president, the process has acquired an avalanche-like character. Three days after his inauguration Trump liquidated the Trans-Pacific Partnership.

The latest achievement along this path is that as a result of the refusal to agree on the appointment of judges to the WTO dispute resolution appeals panel, that important international organization has ceased to exist. Thus, it can be stated that this is a very large-scale revision of the world order launched by the United States, which used to be characteristic only of post-war periods.

The administration today does not hide its intentions to disrupt the polycentric world order. Seemingly, this administration is generally against any architecture of the world order, and favors economic and political Darwinism and the

most severe geopolitical competition. With a little exaggeration it is possible to formulate this approach as follows: you have to live by the rules in a zoo but in the wild the USA is the most powerful beast.

America is ready to pursue its national interests, to fight or negotiate with any competitors without paying special attention to their ideology. The approach can also be described by the following phrase: we will defend anyone who obeys us but in proportion to their contribution, be it the NATO countries, Israel or Japan.

Trump is aptly rewriting the rules of globalization on a bilateral, transactional and power basis. He has already had some success. Canada and Mexico have reviewed the NAFTA agreement. In the near future the UK will follow suit. The contradictions between France and the European Union have been exacerbating. The first stage of reducing tension in the trade war with China, in my opinion, has been extremely opportunistic in character, and its goal is to prevent the onset of a world recession before the November elections. And even though this development is widely publicized, the trade tariffs for Chinese imports will still remain twice higher than they used to be in, say, 2015.

What does it mean for Russia? The challenge of economic growth is very relevant for us. In my opinion, today the focus of economic policy (I believe that the Government understands this very well) should shift from macroeconomics, where certain results have been achieved, to microeconomics, the development of human capital, the establishment of a general motivation for society's development. Of course, the likelihood of a global recession persists, and we are witnessing various «black swans» that fly in from Iran and from China, so, of course, a countercyclical macro-financial safety cushion is necessary.

But at the same time, I want to say that the lessons of the USSR make us constantly focus on non-military security parameters. Those parameters are close to critical. I took the top 15 defense spending countries and calculated the ratio of federal education and health spending to military budgets. I did not take into account the costs of science and culture, otherwise the indicators would have turned out even smaller. You will see the median country is France, where social spending is more than 7 times greater than defense spending. Russia is in a difficult zone. Sanctions and the threat of a new arms race, of course, can create a difficult, negative, multiplier effect for the economy. We are closely following Iranian sanctions, and one of our conclusions is that sanctions may not be so noticeable year on year, but they tend to create a cumulative effect over a ten-year period. In our case, such period will end in 2024.

I would like to say a few words about arms control and strategic stability. The Americans are destroying the current arms control system. They refuse to answer whether they will renew the strategic arms reduction treaty. The treaty expires on February 5, 2021. On January 20 either the current or the 46th president will be inaugurated. There will be almost 2 weeks to decide. Of course, it is difficult to change anything at such short notice. If this treaty is killed, it will obviously lead to a loss of transparency and predictability.

During the current ten-year treaty, the parties conducted 318 inspections and 18,000 exchanges of information upon request, including telemetry. In that sense, a complete transparency existed between Russia and the US with regard to strategic weapons. Obviously, no intelligence work can compensate for such a loss. In addition, if the treaty is annulled, it will mean an invitation to expand the nuclear club. We predict that the following countries may join the club of nine: Japan, South Korea, Iran, Saudi Arabia, and Turkey. The next wave of wannabe nuclear powers is also on the horizon. Those developments, of course, make us re-evaluate some of our strategic approaches.

You know that the treaty on medium-range and shorter-range missiles has been canceled. In the event of deployment of medium-range missiles in Poland, Romania and even in the Baltic states, those missiles will be able reach beyond the Urals. And of course, all this can partially weaken the effectiveness of the Russian concept of retaliatory strike. If this happens, we will have to do 3 things. First, to increase the survivability of nuclear strike systems and their information systems at all costs. We will have to deploy similar medium-range systems where they can reach the west coast of the United States and Alaska. And most importantly, it will be necessary to substitute the retaliatory strike concept, which is currently our official American doctrine, with the preemptive nuclear strike concept. If the Americans accept this strategy too (as they already hinted in their 2018 nuclear policy review), the threshold for using nuclear weapons will be drastically lowered. Today, before the start of the discussion, we talked about the doomsday clock being close to twelve because of that.

A few words about Russia. Russia, of course, influences and at the same time adapts to the changes in the balance of power in the outside world and the technological challenges – the two critical factors that drive the transformation of the world order. I believe that the pivotal contradiction of the current transformation of the world order is the attempt by the United States to reinstate unipolarity in place of the polycentric architecture of the world order. In my opinion, this contradiction can be addressed by the

formation of a new bipolarity, the bipolarity of the 21st century, with the United States, Japan and the NATO countries on one side, and Russia, China, and the Collective Security Treaty Organization countries on the other. In our strategic forecast until 2035, which was released 5 years ago, the bipolarity scenario was one of the four. Today, after 5 years, I rate its probability above 50%.

The US recently released their Global Risks 2035 forecast. It doesn't have this picture, but I have put together the main points, and the critical one is that the United States is pursuing a policy towards the creation of a Pacific Treaty according to the NATO model, and this will inevitably lead to the fact that we will be forced to conclude a military-strategic alliance with China and everything that goes with it. You can see some of the comments.

I think that today we are already living in a situation of soft bipolarity. I would formulate this bipolarity as follows in relation to China: never against each other, not always together. But this is a soft bipolarity. And there is a trend towards hard bipolarity.

What are the challenges for Russia? If we take the left side of the equation, where the United States is, its leadership is obvious. It is confirmed, in particular, by the presence of the US armed forces on the territory of its two largest allies - Japan and the Federal Republic of Germany. On the right side of the equation, of course, the leadership is debatable. It is obvious that in the medium term, China will widen the eight-times gap in GDP which exists between themselves and Russia today and will increase its technological leadership. We remain superior in defense technology, of course. The Chinese have been unable to launch a mass production of modern gas turbine engines for decades. They do not possess small-sized nuclear power plants or a number of other technologies. The latest example: in September, Vladimir Putin said that we had sold them a missile attack warning system. It is a very sophisticated technology, and only the United States and Russia have it. And it is curious that the Chinese media, as if on cue, omitted this important information. Of course, Beijing can't help taking into account that only two countries are able to destroy in 30 minutes not only one another, but also China, and, of course, this fact will be somewhat restraining China's trend towards global domination, but, most likely, only until China has achieved a strategic parity with Russia and the United States, or until a strategic military alliance is concluded between us. The Americans, of course, are pushing us toward such an alliance. Let me remind you that today we seem to be subject to 77 rounds of US sanctions. Of course, the trade war with China is also not very popular in Beijing.

What are the Chinese interpretations of this scenario of the new bipolarity? The Chinese say that no such thing will emerge within the next 10 years (the minimum term for high-tech

cooperation with the United States). Today, 70% of new technologies come to China from Germany. They describe a possible model: one world, two technological ecosystems. The alternative ecosystem will include China, Russia and the EEC; the Chinese say that according to that model everything should be equal, harmonious, there will be a community of common destiny; the leadership and coordination will belong to China, since Russia is at odds with Europe over Ukraine, and China is friends with both sides of the triangle. It's a simplified picture, but it's close to what the strategic planners in Beijing think today.

Obviously, it is not in the interests of Russia and the European Union to play a secondary role. Among the European Union leaders, only Macron seems to understand those things for now. Obviously, we should expect a period of rather difficult relations with the United States and the European Union, and in the future probably with China as well. We apparently will have to master a new model of foreign policy. We will play the role of a balancing power. I believe such a policy model with a changing geometry of partnerships has been successfully tested in the Middle East. This approach is gaining acceptance. You know that, according to a survey conducted among 20,000 experts, Russia ranked second last year in terms of aggregate power and international influence.

What line of conduct should be chosen? I think that we should seek tactical rapprochement with China, while sending signals to Beijing about the need for China to respect Russia's interests at least in post-Soviet countries. At the same time, we should seek compromise with the EU, thus making both Washington and Beijing more willing to reach an agreement with us. You can see a few lines from the TASS report which describe the work that's being done on the matter.

ЧАСТЬ II

ГЛАВНЫЙ УДАР
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

НАПРАВЛЕНИЕ ГЛАВНОГО УДАРА

ЧТО ЦИФРОВИЗАЦИЯ НАМ ГОТОВИТ?

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ — ОСНОВА
НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

РОССИЙСКИЙ ЦИФРОСЕЛЬХОЗ

ЧЕГО ЖДАТЬ ОТ РОБОТОВ?

КАК ИННОВАЦИИ МЕНЯЮТ БАНКОВСКИЙ СЕКТОР

НАПРАВЛЕНИЕ ГЛАВНОГО УДАРА

Мы решили взять заходной главой этой части выступление, почти целиком, профессора Сергея Бодрунова 29 января 2020 года на совместном заседании Отделения общественных наук РАН и ВЭО России по одной простой причине — его теория вбирает и включает в себя все разные нюансы нового технологического общества, но не просто охватывает их, а создает цивилизационный взгляд на все проявления нового формирующегося мира.

Сергей Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Из доклада на совместном заседании
Вольного экономического общества России
и Отделения общественных наук РАН
29.01.2020

Мы живем сейчас в совершенно необычном мире. Наступила очередная, совершенно особенная по своему смыслу, содержанию и последствиям технологическая революция. Ее особенностью является не просто базирование на совершенно новых технологиях шестого технологического уклада, но на глубокой интеграции обеспечивающих их научных областей. Так называемые гуманитарные технологии, к которым справедливо сейчас добавляется символ «С» — социальные науки, но еще важнее то, что впервые в истории человеческой цивилизации осуществляется принципиальное изменение экономических основ жизни общества. В частности, очень важно, происходит постепенная замена основного ресурса экономической деятельности. На первый план, в отличие от предыдущих этапов развития экономики, в качестве основного ресурса постепенно выходит знание, вытесняя на вторые роли материальную компоненту в решении задачи удовлетворения человеческих потребностей. На наших глазах возникает новое знаниеёмкое производство, создающее знаниеёмкий продукт. Происходит глобальный переход к эпохе нового индустриального общества второго поколения, основу которого составит знаниеёмкая экономика преимущественно совместного пользования.

Эти грядущие изменения в материальной основе жизни общества не могут не отразиться на развитии его институтов. Меняется характер труда и отношение к собственности, роль государства и общественных институций, растет роль науки и образования, возрастает конкурентная борьба за экономическое лидерство в геоэкономическом пространстве, растет геополитическая конфликтность, мы сейчас видим это на каждом шагу, идет слом сложившейся предыдущей системы международных издержек и противовесов. Все эти процессы требуют глубокого осмысления, и уже не только экономистами, но и социологами, философами, представителями других общественных наук.

От нас с вами, коллеги, время требует погружения в суть этих процессов, их научного анализа, идей, позволяющих рационально определить роль и место нашей страны в нарождающемся новом индустриальном мире, пути ее эффективного развития. Именно поэтому мы предложили сегодня на нашем совместном заседании уделить особое внимание именно драйверам экономического роста России.

И здесь важен анализ и различных аспектов развития, и горизонтов нашего движения. Отставание в этом движении в наше время, когда научно-технологический процесс, имплементирующий знание в реальный продукт, а вслед за ним и экономический прогресс, устремились вперед с так называемым ускорением ускорения, чревато не просто отставанием в экономике, но и ее деградацией с утратой, подчеркну, правосубъектности страны.

Следование в течение длительного времени постиндустриалистским представлениям о цивилизационном развитии, породившим неолиберальные экономические модели, у нас в стране в 90-е годы привело к деиндустриализации экономики, формированию критической зависимости от зарубежных технологий и институтов, утрате множества сегментов на мировых и внутреннем рынках, породило неустойчивость экономики и снижение уровня жизни населения. Эти проблемы, и особенно, в частности, вопрос о необходимости смены модели экономического курса страны, мы не раз поднимали в наших дискуссиях, в том числе с правительственными структурами, в Совете Федерации и Государственной Думе. Многие из поставленных вопросов нашли отражение в большом пакете государственных решений, которые начали постепенно приниматься в последние годы, особенно в последнее время. Я бы даже рискнул обозначить это явление так: происходит не артикулируемая постепенная смена курса нашего развития.

В майском Указе Президентом поставлена задача возобновления экономического роста России. До 2024 года нам необходимо, как мы помним, в два раза снизить бедность, существенно увеличить продолжительность жизни россиян, обеспечить естественный рост численности населения, войти в пятерку крупнейших экономик мира по паритету покупательной способности. Все это всеобъемлющая, комплексная проблема и, я бы сказал, достойный вызов для нашего общества и государства. И главная задача — не только преодолеть кризис в экономике и выйти на добротные темпы экономического роста, но и, подчеркну, весьма важно устранить технологическое отставание России от тех стран, которые находятся на переднем крае продвижения к новой генерации индустриального общества.

Чтобы догнать нынешних экономических лидеров по показателям роста, мы должны, согласно исследованиям присутствующего здесь академика Абе́ла Гезевича Аганбегяна, ежегодно увеличивать свой ВВП на 4,5% и более, если вести речь по догоняющему или в потенциале опережающему развитию. В то же время наши государственные институты — Минфин, Банк России — определяют темпы роста ВВП в пределах 1,5–2,5%. Таким образом, необходимо искать резервы роста, на что нацеливает нас и президентский Указ, и сама жизнь.

Исходя из теоретических посылок, на какие решения можно было бы выйти? На каких направлениях надо сосредоточиться, чтобы обеспечить экономический рост? И не просто рост, но рост качественный, повышающий уровень жизни наших людей, обеспечивающий формирование здоровой нации и массового креативного класса, без чего немислимо наше эффективное и позитивное участие в наступающем переустройстве миропорядка и в индустриальном обществе грядущего.

Выступая на прошлогоднем экономическом форуме, Президент главными факторами такого роста назвал следующие вещи: новые компетенции людей, знания, передовые технологии и коммуникации. В условиях экономического общества это то, что является нашим капиталом, человеческим и технологическим. При этом рынок в экономике он обозначил в качестве главного национально-го приоритета. Я процитирую, с вашего позволения: «В своем развитии мы намерены опираться на человеческий, творческий кадровый потенциал, готовый учиться и адаптировать лучшие мировые практики и, конечно, использовать, собственный успешный опыт решения сложнейших структурных задач». При этом Президент говорит о мегасайенс, технологическом рынке, призывая в своих недавних выступлениях нащупать параметры грядущего.

Правительству страны в рамках сформулированных национальных проектов, направленных на достижение конкретных целей развития по конкретным направлениям, поручено разработать и реализовать национальные программы во многих сферах. Я не буду их перечислять. Мы все это знаем. Это важнейшее, главное дело нового Правительства. При этом прорыв необходим по всем обозначенным направлениям, причем в самые короткие сроки, фактически в формате, если на то пошло, экономического чуда.

Возможно ли это? Мое мнение: да, возможно, однако при выполнении ряда условий. Позволю себе обозначить их. Одним из таковых является безотлагательная технологическая модернизация экономики. Об этом, кстати, четко заявил, что радует, новый глава Правительства при утверждении в Госдуме. Я специально слушал и услышал эту самую важную для меня фразу. Но при этом особенно важен переход к широкому и повсеместному использованию преимуществ нового технологического уклада. Что я имею в виду? Первое: я уже частично упоминал только что, что нынешний переход к новоукладным технологиям, резко и принципиально отличающимся от предыдущих, сопровождается превалированием новых технологий знания над материальной основой, а это влечет за собой драматический переход к использованию их в качестве базового ресурса в экономике, причем не только в продукте или услуге, но во всех, подчеркну, компонентах их производства, в первую очередь в технологиях, которые приобретают новое качество и становятся знаниеёмкими.

Мир идет к такому укладу, который составит экономику будущего. Не зря у мировых экономических лидеров и крупные результаты в научном применении знания. Сейчас в США, например, регистрируется до миллиона новых патентов в год, в Китае — более 600 000. Для сравнения: в России — 36 000 за 2018 год. Нам надо видеть, коллеги, эту вполне осязаемую в современных условиях корреляцию. И история также дает нам примеры эффективного экономического развития при быстром внедрении новых для своего времени технологий. Возьмите хотя бы Британию в эпоху первой индустриальной революции. Или более близкий пример: развитие стран Юго-Восточной Азии второй половины XX века. Но у нас, в отличие от азиатских тигров, создававших свое экономическое чудо в условиях не только предыдущего технологического уклада, но и в условиях, я бы не побоялся сказать, интеллектуальной нищеты. Есть (подчеркну это особо) существенные заделы и в продвинутости новых критичных новоукладных технологий, и в наличии знаний, плюс соответствующей интеллектуальной подготовки доста-

точно приличных специалистов, причем в отношении не только пятого, но и шестого уклада. Мне представляется, что это важный аргумент в пользу усиления нашего движения по этому пути.

Второе. Еще раз обратимся к той важной особенности, которая отличает технологии нового уклада. Они в своей основной массе существенно, на порядок менее капиталоемкие и фондоемкие в затратах на единицу продукции, чем технологии предыдущих укладов, где в производственных издержках в конечном счете доминируют материалы. При этом основу технологических решений будущего периода составляют нематериальные технологии, интегрирующие на единой цифровой платформе, формирующие ядро, информационно-технологическое ядро нового уклада. Поэтому надо учитывать и то важное свойство ИКТ-технологий, которое вам хорошо известно, выделяя в ИКТ-продукте его информационно-цифровую составляющую как сублимированное знание. Мы понимаем, что эта сегодня уже основная базовая компонента производства обладает свойством распределения издержек и не имеет такой затратности на условную единицу применения, как материальный продукт эпохи любого из предыдущих технологических укладов. Это обстоятельство очень важно для нашей аргументации. Это позволяет получить результат перехода к таким технологиям практически сразу же при внедрении, что резко сокращает и глобальные издержки, и период, и размер первоначальных инвестиций, связанных с переводом экономики на новую технологическую базу.

Третье. То, что нам придется жить в новом технологическом укладе и в новом социальном пространстве, хотим мы этого или не хотим, — объективная реальность. И надо искать и те силы, которые поддержат этот процесс, сделают его эффективным и позитивным. Поэтому не менее важный фактор и драйвер перехода к новому технологическому укладу — это модернизация социальной сферы, включая развитие ее инфраструктуры на новом технологическом уровне, повышение производительности труда, включение человека в новый производственный мир, мир новой экономики и роста на этой основе благосостояния людей, уровня удовлетворения их потребностей. Приведу еще одно высказывание нашего лидера: «Мы намерены строить нашу политику вокруг человека, его благополучия, интересов и запросов».

Убежден, что только та страна может быть сильной и успешной, где люди смогут в полной мере реализовать свои способности. Для этого нам предстоит продолжение модернизации экономики и создание современных рабочих мест, обеспечить рост доходов граждан, сделать отечественное здравоохранение, образование и так далее одними из

лучших в мире. Коллеги, уже сегодня мы видим, как изменяется характер труда, компоненты производственного процесса. В нем растет интегральная творческая компонента. На смену традиционным профессиям приходят компетенции широкого диапазона, более продвинутое интеллектуально.

Проще говоря, в новом знаниеёмком производстве завтрашнего дня главная роль будет принадлежать человеку-творцу. Что это значит? Идущее в мире технологическое развитие приведет к тому, что человек должен будет постоянно совершенствоваться в творческом процессе, постигать новое, переучиваться, переосмысливая и создавая мир вокруг себя, я бы сказал — создавая самого себя уже не столько как человека экономического, но более как творческую личность. И на каждом таком этапе технологического развития понадобятся все более и более творчески мыслящие люди. Отсюда наши обязательства перед будущими поколениями совершенствовать образование, развивать интеллектуальную сферу приложения сил общества. В это надо вкладываться не откладывая, учитывая, что риски потерь в этой сфере весьма и весьма трудно восполнимы и могут стать критичными для нашей экономики, ведь в прорыв надо идти с подготовленными кадрами.

Четвертое. Убедившись в том, что будущее экономическое развитие и решение социальных вопросов тесно сопряжены с интенсивным вхождением нашего общества в новый технологический уклад, зададимся вопросом, какими конкретно вехами обозначен этот путь, какие технологии, как, в каком порядке поднимать?

Несмотря на сложность этого вопроса, ответ, безусловно, есть. Его дает наша наука. По инициативе Российской академии наук большими группами весьма компетентных специалистов разработан и осуществляется уникальный документ — «Национально-технологическая инициатива», выверенный и научно обоснованный магистральный prospect нашего технологического развития. Она включает в себя и направления развития, и базовые идеи, и конкретные шаги. Инициатива развивается, учитывая и все более менее значимые тренды технологического развития в мире и нашу российскую специфику, и наши возможности.

Важно и то, что непрерывно корректируется с учетом требований рынка и его спроса на конкретные вещи, этот спрос и тащит одеяло экономики вперед, обозначая и обеспечивая потребности общества и нынешние, и перспективные. Непрерывно формируется запрос на новые технологии, и формирует его та часть общества, которая в ней уже заин-

тересована. Это либо реципиенты этих технологий, выступающие в качестве конечных потребителей, либо бизнес, использующий эти технологии, либо люди, которые разрабатывают конкретные технологии, управляют их созданием и применением и тому подобное, инженеры, конструкторы, технологи. И этот интегральный запрос также показывает нам, что называется, направление главного удара. Этот общественный запрос, реализуемый через спрос, покажет на практическом уровне, куда люди понесут свои деньги, где и в какой мере они будут пользоваться этими технологиями и создаваемыми на их основе продуктами и услугами. Фактически в предпринимательском, экономическом языке — во что они будут инвестировать. И здесь, в предпринимательском подходе, можно быть достигнута мощная синергия государственных и частных инвестиций.

Наконец, инвестиции — конечно, это принципиальный вопрос. Это пятое. Очень важно, что новый премьер обещает довести инвестиции до 5% ВВП. Но не менее важно, чтобы наши национальные проекты в значительной части были сопряжены с задачами технологического развития. Выполнение проектов будет, следовательно, означать таким образом и продвижение в технологическом развитии. Понятно, что на все, что связано с такого рода немалым поворотом, нужны и немалые деньги, немалые средства. Есть ли они у нас? Правительственные экономисты в свое время озвучили, что на выполнение майского Указа Президента необходимо в ближайшие годы изыскать, как помните, 8 триллионов рублей. Здесь можно много обсуждать, здесь множество аспектов, много где их взять, но я скажу просто для обсуждения. К примеру, 8 триллионов рублей — это не больше четверти наших золотовалютных резервов, накопленных Россией. Огромные средства, существенно превышающие ЗВР, находятся на руках у населения; еще больше — размещенные в финансовом секторе, на спекулятивных рынках капитала. Если мы сумеем потратить хотя бы часть этих резервов, вовлечь их в процесс, в реальный инвестиционный сектор, мы добьемся не просто выполнения нацпроектов, но подготовим почву для ускоренного технологического развития и перехода к новой индустриальной экономике.

Но, кроме средств и иных наших возможностей, нужна воля. И это мой тезис №6. Мы часто слышим: время сложное. Мы практически противостоим основной экономической элите мира. Необходимо иметь страховку. И наши резервы решают эту задачу. Это верно. Резервы иметь жизненно необходимо. Однако по этому поводу у меня такой взгляд. Первое: от всего застраховаться невозможно. Второе: излишние ресурсы — это груз в пути, излишние ресурсы — балласт. И наконец, третье:

лучшая страховка экономических неприятностей — не подушка безопасности, которая рискует превратиться в перину, на которой удобно спать, да вот не проспать бы время рывка, а продвинутая, современная, действенная экономика.

Говорят и другое: вроде бы в атаку надо идти, хорошо подготовившись, сначала добиться высокой устойчивости экономики. Тоже верно. Но мы с вами, коллеги, вместе с нашим лидером уже в прошлом году констатировали, что, несмотря на сложности, наша экономика приобрела некое новое качество, стала более устойчивой к внешним шокам и внутренним проблемам. Более того, в этом году мы перешли пусть не к слишком активному, но наращиванию ВВП, росту промпроизводства и сельского хозяйства, инфляция ниже таргета 4%, начали подрастать впервые за последние 5–6 лет реальные доходы населения. И я сегодня, коллеги, не столь уже сильно убежден в том, что для того, чтобы существенно увеличить внутренние инвестиции, широко развернуть индустриализацию нашей экономики на новой высокотехнологичной основе, сейчас нужно продолжать осторожничать, добиваться еще более твердой устойчивости экономики и так далее.

Скорее, по моему мнению, надо двигаться параллельно, по возможности даже больше акцентируя внимание на научно-индустриальном технологическом развитии, подтягивая под него государственную финансовую и технологическую инфраструктуру. Это стоило бы приоритетно поддерживать институтами частно-государственного партнерства, соответствующей модернизацией финансовой и банковской системы, мерами налогового стимулирования и другими формами новой промышленной политики. Но это только мое мнение. Я уверен, что есть и другие, возможно, отличные от сказанного. Это и есть предмет сегодняшнего нынешнего диспута. Однако нас объединяет, коллеги, уверен, одно — понимание, что дорогу, как известно, может осилить идущий, а не спящий на подушке безопасности.

THE DIRECTION OF THE MAIN STRIKE

We decided to use the full text of Professor Sergey Bodrunov's speech at the joint meeting of the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences and the VEO of Russia as the leading chapter of this part for one simple reason – his theory embraces and includes all the different aspects of the new technological society; yet it doesn't simply encompass them but also creates a civilizational view of all the manifestations of the new emerging world.

Sergey Bodrunov,
*President of the VEO of Russia,
President of the International Union of Economists,
Director of the S.Yu. Witte Institute of New Industrial
Development, Doctor of Economics, Professor*

M

We live in a completely unusual world. Yet another technological revolution has taken place, with a completely special meaning, content and consequences. It's special not because it's based on completely new technologies of the sixth technological mode, but because it's based on the deep integration of the fields of research which support those technologies, the so-called humanitarian technologies, to which the symbol "S" has been properly added – social sciences. But most importantly, for the first time in the history of human civilization, a fundamental change is taking place in the economic foundations of society's life. In particular, it is very important that there is a gradual replacement of the main resource of economic activity. Unlike the previous stages of economic development, knowledge comes to the forefront as the main resource, pushing back the material component of solving the task of satisfying human needs. Before our eyes, a new type knowledge-based production arises, creating a knowledge-based product. There is a global transition to the era of a new industrial society of the second generation, which will depend on a mostly shared knowledge-based economy.

Those upcoming changes in the material basis of the life of society cannot but affect the development of its institutions. The nature of labor and attitudes towards property are changing, the role of the state and public institutions is growing, the role of science and education is growing, competition for economic leadership in the geoeconomic space is growing, geopolitical conflict is growing, we are now observing it everywhere, the pre-existing system of international checks and balances is breaking down. All those processes require deep understanding, not only by economists but also by sociologists, philosophers, and other types of scholars.

Colleagues, it's time for us to dive deep into the essence of those processes, their scientific analysis, and the ideas that allow us to rationally determine the role and place of our country in the emerging new industrial world and the ways of its effective development. That is why we have proposed at our joint meeting today to pay particular attention to the drivers of Russia's economic growth.

And here the analysis of various aspects of development and the horizons of our progress is important. Any lag in that advancement at the time when the scientific and technological processes that incorporate knowledge in material products followed by economic progress are rushing forward with the so-called acceleration of acceleration is fraught not only with a lag but also with the degradation of the economy, and the loss of the country's legal standing.

The long-time adherence to the post-industrial ideas about civilizational development that gave rise to neoliberal economic models caused our country to de-industrialize its economy in the 1990s, and to form a critical dependence on foreign technologies and institutions, resulted in the loss of many segments of global and domestic markets, and created unstable economy and declining living standards. We have raised these issues, including the need to change the model of the country's economic course in our discussions, particularly before government entities the Federation Council and the State Duma. Many of the questions raised are reflected in the large package of government decisions that is being gradually adopted over the recent years. I would even dare to describe this development as follows: a non-articulated gradual change in the course of our development is taking place.

In his May Decree, the President set the task of resuming the economic growth of Russia. Until 2024, we need to reduce poverty by half, significantly increase the life expectancy of the Russian population, ensure a natural population growth, and enter the world' top five economies in terms of purchasing power parity. It is a comprehensive, complex problem and, I would say, a worthy challenge for our society and government. The main task is not only to overcome the economic crisis and achieve good growth rates, but, I emphasize, it is very important to eliminate the technological gap between Russia and those countries that are at the forefront of moving on to a new generation of industrial society.

In order to catch up with the current economic leaders in terms of growth indicators, we must, according to the studies of academician Abel Gezevich Aganbegyan who is present here, annually increase our GDP by 4, 5% or more, if we think of catching up or potentially overtaking. At the same time, our government institutions – the Ministry of Finance, the Bank of

Russia – have determined the growth rate of GDP to be no greater than one and a half or two and a half percent. Thus, it is necessary to look for growth reserves, as both the presidential decree and life itself dictate.

Based on theoretical premises, what solutions could be achieved? What areas do we need to focus on in order to ensure economic growth? And not just growth, but qualitative growth, an increase in the living standards of our people, and the formation of a healthy nation and a massive creative class, without which our effective and positive participation in the upcoming reconstruction of the world order and in the industrial society of the future is unthinkable.

Speaking at the last year's economic forum, the President named the following factors as the main factors for such growth: new people's competencies, knowledge, advanced technologies and communications. In an economic society, that is what our capital is, both human and technological. At the same time, he named economic breakthrough the nation's top priority. I will quote, with your permission: "In our development, we intend to rely on human capital, creative human resources, ready to learn and adopt the world's best practices and, of course, to use our own successful experience in solving complex structural problems." At the same time, the President has mentioned mega-science, the technology market, urging in his recent speeches to look for the parameters of the future.

The country's government, acting within the framework of the formulated national projects aimed at achieving specific development goals in specific areas, has been tasked with developing and implementing national programs in many areas. I will not list them. We all know them. It is the most important task of the new government. At the same time, a breakthrough is necessary in all the designated areas, and within the shortest possible time; actually, what we need is a kind of economic miracle.

Is it possible? In my opinion, yes; however, subject to a number of conditions. Let me name them as I see them. One of those is the urgent technological modernization of the economy. Incidentally, it was clearly stated by the new head of government while being approved by the State Duma. I listened closely and heard that phrase, which was extremely important to me. But at the same time, the transition to a widespread use of the advantages of the new technological order is especially important. What do I mean? First: I have just partially mentioned that the current transition to new-mode technologies, which are drastically and fundamentally different from the previous ones, is accompanied by the prevalence of new knowledge technologies

over the material basis, and this entails a dramatic transition to using them as a basic resource in the economy, not only in products or services but also in all components of production, primarily in the technologies that acquire a new quality and become knowledge-intensive.

The world is moving towards a mode that will make up the economy of the future. It is not by chance that the world's top economies have great results in the scientific application of knowledge. For example, up to a million new patents are registered annually in the USA, and over 600,000 in China. For comparison: 36,000 patents were registered in Russia in 2018. Colleagues, we must take note of this correlation, which is quite tangible in modern conditions. History also gives us examples of effective economic development with the rapid introduction of new contemporary technologies. Take Britain, for example, during the era of the first industrial revolution. Or a closer example: the development of Southeast Asia in the second half of the 20th century. But unlike the Asian tigers, who created their economic miracle based on the previous technological mode, amidst, I would dare to say, intellectual poverty, Russia has made significant achievements both in the advancement of new critical new-mode technologies and in the availability of knowledge and proper intellectual training of decent specialists, not only for the fifth but also for the sixth mode. It seems to me that it's an important argument in favor of strengthening our progress along this path.

Second: once again we turn to the important feature that is characteristic of the technologies of the new mode. Most of them are substantially, by an order of magnitude, less capital-intensive and asset-intensive in terms of cost per unit of production, than the technologies of the previous modes, where materials ultimately accounted for most of the production costs. At the same time, the basis of future technological solutions consists of intangible technologies integrated on a single digital platform, which forms the core, the information and technological core of the new mode. Therefore, it is necessary to take into account the important property of ICT technologies that you are well aware of, highlighting its information-digital component in the ICT product as sublimated knowledge. We understand that today that basic component of production already possesses the property of cost distribution and does not have such a cost per unit of application as the material product of the era of any of the previous technological modes. This fact is very important for our argument. This allows you to ensure transition to such technologies almost immediately upon their implementation, which dramatically reduces global costs, the period and the size of the initial investment associated with the transfer of the economy to a new technological base.

Third: the fact that we will have to live in a new technological mode and in a new social space, whether we want it or not, is an objective reality. And we must look for those forces that will support this process, will make it effective and positive. Therefore, an equally important factor and driver of transition to a new technological mode is the modernization of the social sphere, including the development of its infrastructure at a new technological level, increased labor productivity, the inclusion of man in a new production world, the world of a new economy, and the growth of people's well-being, the level of satisfaction of their needs. I'll quote another statement of our leader: "We intend to build our policy around man, his well-being, interests and needs."

I am convinced that only those countries where people can fully realize their potential can be strong and successful. To this end, we'll need to continue modernization of the economy, creation of modern jobs, we'll need to ensure the growth of our citizens' incomes and to make domestic health care, education, etc. the world's best. Colleagues, we can see today how the nature of labor and the components of the production process have changed. The share of the integrated creative component has been growing. Traditional professions are being replaced with wider competencies that are more intellectually advanced.

Simply put, in tomorrow's new knowledge-based production the main role will be played by man-creator. What does it mean? The technological development that's taking place in the world will lead to the fact that man will have to constantly improve his creative process, comprehend new things, re-train, rethink and re-create the world around him, re-create himself, I would say, not so much as an economic entity but more as a creative person. And at each such stage of technological development, more and more of such creative-minded people will be needed. Hence our commitments to future generations to improve education and develop the intellectual sphere for the application of the forces of society. The corresponding investments should commence without delay, given that the risks of losses in this area are very, very difficult to make up for and can become critical for our economy, because one must deal with breakthroughs fully armed with skilled personnel.

Fourth: having made sure that future economic development and the resolution of social issues are closely associated with our society's rapid entry transition to a new technological mode, we ask ourselves what specific milestones mark this path, what technologies, how, in what order to develop?

Despite the complexity of this question, there is certainly an answer. It is given by our science. At the initiative of the Russian Academy of Sciences, large groups of highly competent specialists developed and started implementing a unique document, “National Technology Initiative”, a verified and scientifically substantiated roadmap of our technological development. It includes development guidelines, basic ideas, and concrete steps. The initiative is being developed taking into account all more or less significant trends of technological development, both in Russia and abroad, and Russia’s capabilities.

It is also important that it is continuously updated taking into account the requirements of the market and its demand for specific things; this demand drags the blanket of the economy forward, identifying and meeting the society’s needs, both current and future. New technologies are constantly being requested, by those parts of the society which are already interested in them. Those people are either the recipients of such technologies, acting as end users, or members of the business community which use those technologies, or developers of specific technologies, or those who manage their creation and application, engineers, designers, technologists. Those requests, taken together, also show us the direction of the main strike. Those public requests, realized through demand, will show at a practical level what people will spend their money on, where and to what extent they will use those technologies and the products and services created on their basis. Or, using an entrepreneurial, economic language – in what they will invest. And here, based on an entrepreneurial approach, a powerful synergy of public and private investment can be achieved.

Finally, investment is, of course, a matter of principle. This is the fifth point. The fact that the new prime minister has promised to bring investments to 5% of GDP is very important. But it is equally important that our national projects be associated to a large extent with the tasks of technological development. The implementation of the projects will therefore also mean progress in technological development. It is clear that everything connected with that kind of profound change requires considerable money and assets. Do we have them? At one time government economists announced that the implementation of the May Presidential Decree will require, as you might recall, 8 trillion rubles in the coming years. There’s a lot to discuss here, there are many aspects, there are many ways to get the money, but let me say this just for the sake of discussion. 8 trillion rubles is no more than a quarter of the gold and foreign exchange reserves accumulated by Russia. A huge amount of funds which significantly exceeds the gold reserves is in the hands of the population; even more money has been placed in the financial sector, in speculative capital markets. If we are able to spend at

least a part of those reserves, use them for investing in the real sector, we will be able not only to implement the national projects, but also to prepare for accelerated technological development and the transition to a new industrial economy.

But besides the way and means and other possibilities, political will is needed. And this is my sixth point. We often hear: the times are difficult. We are practically in opposition to the world's economic elite. We need insurance. Our reserves will solve this problem. It's true. Having reserves is vitally important. However, in this regard I have the following view. Firstly, it is impossible to insure against everything. Secondly, surplus resources are an extra load, a ballast. And finally, the best insurance for economic troubles is not a safety cushion that might turn into a bed of feathers (which is comfortable to sleep in, but you don't want to sleep through a breakthrough), but an advanced, modern, and efficient economy.

They also say that one should attack when well prepared, having first achieved a high degree of economic stability. It is also true. But, colleagues, we together with our leader stated last year that despite the difficulties, our economy has acquired some new quality, has become more resistant to external shocks and internal problems. Moreover, this year, the GDP growth has resumed, we increased industrial production and agriculture, inflation is below the 4% target, and for the first time in 5-6 years, real incomes of the population began to grow. And today, colleagues, I'm not so strongly convinced that in order to significantly increase domestic investment, to greatly expand the industrialization of our economy on a new high-tech basis, we still need to move with caution, to seek more economic stability, and so on.

Rather, in my opinion, it is necessary to take a parallel course, if possible, focusing more on scientific, industrial and technological development, appropriately adjusting the country's financial and technological infrastructure. It would be worthwhile, as a matter of priority, to support the institutions of public-private partnership, the corresponding modernization of the financial and banking system, tax incentives and other formats of the new industrial policy. But this is just my opinion. I am sure that there are others, which possibly differ from what has been said. It's the subject of today's debate. However, I'm sure that the one thing that unites us, colleagues, is the understanding that you just have to keep putting one foot in front of the other, rather than sleep on a safety cushion.

ЧТО ЦИФРОВИЗАЦИЯ НАМ ГОТОВИТ?

Слово «цифровизация» сегодня у всех на слуху. Для властей разных стран — это вызов, для СМИ — инфоповод. Одни живописуют прелести и преимущества цифровизации, другие говорят об ужасах, которые ждут людей из-за цифровизации. Что же будет на самом деле? Как себя будут чувствовать россияне в цифре?

По материалам программы «ДОМ Э» на телеканале ОТР, 24.11.2019

Владимир Борисович Бетелин,
научный руководитель Научно-исследовательского
института системных исследований РАН,
академик РАН, д. физ.-мат. н., профессор

Андрей Константинович Сельский,
директор по направлению «Кадры» для цифровой
экономики Автономной некоммерческой организации
«Цифровая экономика»

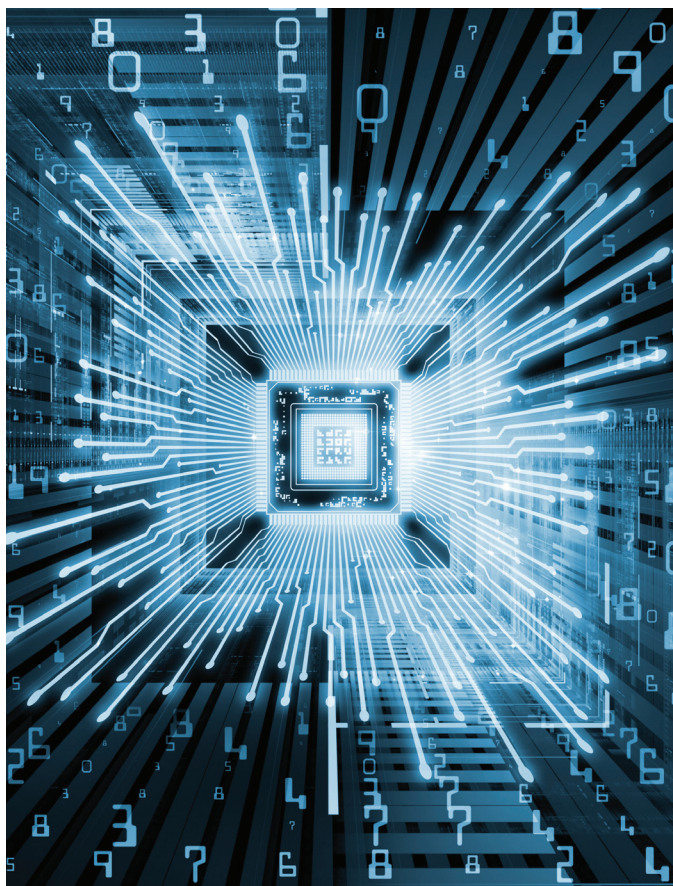
Анна Владимировна Абрамова,
заведующая кафедрой цифровой экономики
и искусственного интеллекта МГИМО

Сергей Александрович Афонцев,
заместитель директора
ИМЭМО им Е. М. Примакова РАН,
член-корреспондент РАН, д. э. н.

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного союза
экономистов, директор Института нового
индустриального развития им. С. Ю. Витте, д. э. н.,
профессор

Абрамова: Интересные цифры, что с 1992 года объем информации, которая циркулирует в мире, вырос несоизмеримо. И прогнозируется, что к 2020 году 150 тысяч гигабайт информации будут в секунду циркулировать в мировой экономике. Это значительный рост объемов информации, который ставит новые вызовы перед всем международным сообществом и требует выработки адекватных мер по реагированию на эти вызовы. Доклад отмечает, что, к сожалению, существует на сегодняшний день диспропорция в развитии цифровой экономики. Четко совершенно выделяются два крупных лидера — это Северная Америка, Соединенные Штаты Америки, и в Азии это Китай. Это основные центры. По оценкам ЮНКТАД, на эти две страны приходится до 90% капитализации крупнейших 70 цифровых платформ. Для сопоставления ЮНКТАД подсчитал цифры, которые относятся к российской экономике. Вот в этой доле 70 платформ крупнейших мировых российские две крупнейшие Mail.Ru Group и «Яндекс», взятые для оценки, их доля составляла 0,2%. То есть да, потенциал у России очень большой, рынок считается одним из наиболее инновационных и технологически развитых, но по уровню капитализации все-таки пока еще уступаем. И погоду во многом, в том числе и технологическую, и регуляторную, задают именно два крупнейших центра.

Афонцев: Каких-то четких трендов в поддержку алармистских прогнозов, которых была масса в последние 10-летия, что вот сейчас целые профессии отомрут, сейчас какие-то люди просто перестанут получать заработную плату, доходы, все уйдет в цифру, само собой будет решаться, пока этого нет. И кажется, не будет. Если мы посмотрим на те исследования, которые были посвящены предшествующим этапам — роботизации, автоматизации и так далее, там умирали функции, а не профессии. Мне нравится результат известного исследования, которое показало, что за 60 лет с 1950 года в Соединенных Штатах Америки умерла только одна профессия — оператор лифта, который закрывал руками дверцы лифта. Вот когда появились автоматические дверцы, еще в старых фильмах американских можно видеть, что там люди заходят в гостинице в лифт, и такой специальный человек эти двери закрывает... вот эта профессия умерла. Все остальные живут и торжествуют, только функции поменялись.

Бодрунов: Уважаемые коллеги, согласно докладу ЮНКТАД — это Конференция ООН по торговле и развитию — о цифровой экономике, в мире существуют в этой области серьезные диспропорции. Лидерами сейчас являются США и Китай, это известно. Но на этом диспропорции не заканчиваются. Наиболее алармистские прогнозы связаны с тем, что часть людей будет, вероятно, заменена машинами. Кто-то говорит, что много профессий сменится, кто-то — что благополучно будут сохранены почти все профессии, разве что набор функций у них поменяется. Условно говоря, если пользоваться реалиями вчерашнего уже дня: была доярка, стала оператор машинного доения. Но доярок меньше не стало — коров стало больше. Может быть, здесь тоже будет больше функций, которые нужно будет выполнять, больше потребностей сможет удовлетворить то число людей, которые и сейчас заняты в тех или иных областях? Как вы считаете, какие навыки, компетенции нужны для того, чтобы в этот мир войти?

Сельский: Я бы сформулировал это так, если коротко отвечать, то идеальный набор, которым я бы и сам хотел обладать, это, с одной стороны, хорошие знания, хорошая экспертиза в одной из предметных областей, в которой работает человек...

Бодрунов: Именно в своей отдельной предметной области.

Сельский: В любой предметной области абсолютно. Второй компонент — это составляющая, связанная с владением информационными технологиями, причем не просто

на уровне пользователя, не просто инструментарий, а на уровне хорошего понимания математики и, как следствие из этого, умения создавать код своими руками. То есть не просто быть пользователем, но быть создателем информационных систем. И третья составляющая — это то, что сейчас называют soft skills, или «мягкие навыки», универсальные навыки, — это способность общаться, способность проводить свои идеи, способность взаимодействовать.

Бодрунов: Доносить свои идеи до коллег.

Сельский: Взаимодействовать в команде, да. Способность критически воспринимать информацию, делать выводы. На самом деле, это вечные навыки, которые, мне кажется, в любые времена были бы полезными.

Бодрунов: Я с вами согласен, просто они сейчас актуализируются и становятся все более остро потребными.

Сельский: Да. Просто, если сейчас у тебя их нет, то ты рискуешь быть выброшенным вообще за рамки рынка труда. И вот если у тебя есть сочетание этих трех составляющих, то, мне кажется, тогда ты — идеальный такой боец цифрового фронта.

Бодрунов: Владимир Борисович, у нас в Вольном экономическом обществе и Международном союзе экономистов на обсуждении доклада о цифровой экономике отмечалось, что профессии в основном будут менять свой функционал, но не будут уходить совсем. Согласитесь ли Вы с этим?

Бетелин: Мы обсуждаем с Вами, какие навыки нужны, но рабочие места-то уходят на самом деле. Например, то, что собираются уволить половину сотрудников Сбербанка — это точно.

Бодрунов: Это очень показательный пример, да.

Бетелин: И вопрос простой: что же им делать? Конкретных предложений нет. Бедность у нас — проблема, верно? Как же мы можем обходить этот вопрос? Поможет ли эта самая цифровая экономика решить проблему бедности и проблему снижения числа рабочих мест? Так вот, с этого надо начинать. Кто выгодоприобретатель тех изменений, тех технологий, о которых идет речь? Четверка, или банда четырех, как называют Google, Amazon, Facebook, Apple (и иногда Microsoft) — это не Америка. У четверки есть акционеры — вот они выгодоприобретатели, это точно. Вы меня простите, в 2017 году на счетах зарубежных Apple было

250 миллиардов долларов. Это больше половины того, что мы собираемся потратить на все наши нацпроекты. Это огромная мощность. В 2017 году и «Фейсбук», и «Гугл» вбросили 29 миллиардов долларов в разработки, которые им нужны, естественно, а не кому-нибудь. Если говорить абстрактно, какие нужны квалификации, это одно, но, простите за резкость, мы говорим, но не знаем, какие рабочие места появятся реально. Что уходит, мы видим, а что появится-то, я лично не вижу, например.

Бодрунов: Мне кажется, как поется в песне: «ты и я, мы оба правы», каждый со своей стороны.

Сельский: Безусловно.

Бодрунов: Действительно, Вы смотрите в экономический корень этой проблемы. Но можно сказать и по-другому. Можно сказать, что в данном случае и общество является выгодоприобретателем этих технологий. Другое дело, как будет распределен потом полученный результат. И здесь уже чисто политэкономический взгляд должен быть. Другое дело, что и профессии действительно уходят, огромное количество.

Сельский: Конечно.

Бодрунов: Действительно, каждый технологический передел, каждая технологическая революция, переход к новому технологическому укладу порождает колоссальные движения и миграционные, и в рабочей силе, и в переустройстве общества в целом, и так далее. Вспомним времена, когда мы с лошадей пересаживали на трактор деревню. Были и споры о том, куда девать огромное количество крестьян. Но потом возникла индустриальная революция, люди пошли в город, появились рабочие места. Вспомним наши атомные проекты, куда высвобождавшиеся из других сфер сотрудники переходили. Я помню, что людей не хватало. Я в те времена уже связан со сферой технологий. Тогда готовили специально в вузах специалистов прикладной математики, кибернетики. Я был сначала на мехмате, потом — прикладная математика и кибернетика, системное программирование, начинал работать. И уже студентом пятого курса принимал у студентов второго курса экзамены, не хватало преподавателей. Было такое.

Сельский: Сейчас ровно такая же ситуация.

Бодрунов: Но тогда государство решало проблему комплексно, создавая сразу отрасли, суботрасли, одновременно решая вопросы образования, готовя людей. Да, были пере-

косы, были отставания. Но, по крайней мере, был подход. И если мы очень оперативно, быстро не решим эти проблемы, упреждая их, то можем столкнуться с серьезными вызовами уже в ближайшее время.

Бетелин: Если позволите, подчеркну, какую основную проблему я вижу здесь. Дело в том, что в Советском Союзе была экономика промышленного производства. Сейчас у нас — экономика услуг. То есть реально у нас нет задачи, никогда ни в одной стратегии не ставилась задача создать промышленное, серийное производство. Хотя оно — основа всего. А когда есть промышленное производство, есть, естественно, потребность в кадрах. Так вот, дело в том, что база цифровой экономики, назовем ее так, вот этой самой четверки — это полупроводники, все идет от них. Вообще, если говорить в общем, откуда берется вся цифровая экономика — все от полупроводников. Откуда взялись дешевые цифровые технологии? Они взялись от того, что падала стоимость в первую очередь передачи данных. С 1998 года по 2010-й стоимость падала каждый год на 60%. За счет чего? За счет прогресса именно в полупроводниках.

Сельский: Абсолютно верно.

Бодрунов: Конечно.

Бетелин: Но мы их не делаем. У нас нет промышленности полупроводников, мы покупаем.

Сельский: Это китайцы.

Бетелин: Не важно, где мы покупаем.

Бодрунов: Самое главное, что мы не имеем этой базы.

Бетелин: Мы услугу оказываем на основе того, что мы покупаем. И вот это проблема. У нас вопрос промышленного производства как основы экономики не ставится. И в этой самой цифровой экономике, назовем ее так. Скажем, тот же интернет вещей. Это же опять — заказ полупроводников, потому что до недавнего времени, чем хороши были полупроводники? Высокой доходностью. За счет того, что при уменьшении, технологическом уменьшении размеров, грубо говоря, падала цена, причем очень сильно. В год память дешевела на 30–35%, например. Дальше возник переход к следующим нормам, более высокого порядка. Но тут оказалось, что стоимость нового оборудования такова, что доходность, грубо говоря, уже не та. Она уже не так растет, как хотелось бы. Какой следующий выход тогда у бизнеса? Надо расширять рынки сбыта, правильно?

Сельский: Да.

Бетелин: Отсюда выход — давайте все и всех подключим к интернету. Правильно? Вот и все. Надо понимать, что эта идея оттуда. В 1998 году мировой рынок полупроводников — 132 миллиарда долларов. В 2018 году — порядка 430–440 миллиардов долларов. Как и в то время была половина у США, так и сейчас половина этого рынка — у США. Вот вам, собственно, и основа той экономики, которую они делают. А у нас-то где эта основа? Мы-то чего делаем? Мы покупаем у них, и вы говорите сейчас про профессии в области услуг — предоставления услуг на основе того, чего мы не делаем. И вот это главная проблема. Я лично ее вижу так.

Бодрунов: Наша экономическая, по крайней мере, проблема...

Сельский: Я не во всем здесь соглашусь. Если мы с вами пользуемся, например, таким продуктом, как карта МИР, то карта МИР собрана на российских полупроводниках. Если мы обратимся в военно-промышленный комплекс, то все, на чем работает отечественный ВПК, полностью собрано на российских полупроводниках. Это тоже рынок, достаточно большой рынок.

Бодрунов: Но, согласитесь, с другой стороны, под рынок будущей цифровизации необходимо гораздо больше, чем у нас.

Сельский: И я подчеркну, что Россия в этой ситуации является одной из трех стран мира, которая способна делать эту продукцию. То есть, в этом смысле у нас есть определенные заделы. Другое дело, что дальше мы упираемся в то, о чем вы говорите.

Бодрунов: Необходимо масштабирование.

Сельский: Масштабирование, необходим рынок сбыта и так далее.

Бетелин: Вы привели хороший пример, но позвольте контрпример к тому, что вы говорите. Дело в том, что наша оборонка развивается по принципу другой модели, чем развивается все остальное. Вот это принципиальный вопрос.

Бодрунов: Имеется в виду, у нас, в России.

Бетелин: Оборонка работает по другой модели. Она работает не по модели короткоживущих полупроводников. Короткоживущие — это изделия массового производства. Оборонная промышленность работает на долгоживущих полупроводниках. Это другая модель абсолютно.

Бодрунов: И это дорогие полупроводники, на самом деле. Это не дешевая продукция — оборонная.

Бетелин: Правильно. И это как раз связано с темой, что нам дальше делать. Потому что оборонная промышленность по большому счету отношения прямого не имеет к обсуждаемому вопросу. Она развивается по другой модели, по старой советской модели. И любая оборонная промышленность — примерно по тому же принципу.

Бодрунов: Понятно, Владимир Борисович, речь идет о том, что, как говорится, это разная вода в разных чашках. И вроде бы вода одинаковая, но тут она горячая, а там она холодная.

Сельский: Всего несколько ремарок. Когда мы говорим о вытеснении профессий, почему-то сразу приходят в голову роботы, хотя, на мой взгляд, это совершенно не главный фактор, потому что робот — это не просто какой-то искусственный интеллект. Это еще набор механизмов и железа. Каждый робот стоит достаточно дорого. Он эффективен только там, где возникает достаточно существенная добавленная стоимость рабочего места, или там, где есть, например, вредное производство. Более того, если мы сравним текущий показатель роботизации производства в промышленности России с какой-нибудь Южной Кореей, то увидим, что по показателю количества роботов на одного работника мы отстаем на два порядка.

Бодрунов: В разы, да, на порядки, совершенно справедливо.

Сельский: Реальные угрозы, на мой взгляд, немного в другой области состоят. Они находятся в том, что вы уже упоминали один раз, говоря о четверке, — в том, что людей становится менее выгодно брать на полный рабочий день, что люди могут работать удаленно, реализовывать свои задачи, люди могут работать на нескольких работодателей, и при этом ни у одного из них не быть достойным образом социально защищенными. Гораздо большей автоматизации подвергается сейчас интеллектуальный труд: бухгалтерия, аудит, юриспруденция.

Бодрунов: Да, согласен.

Сельский: И эти вещи не видны. То, что на виду, — это вот хайп. На самом деле автоматизация угрожает другим профессиям.

Бетелин: Главный вопрос все-таки лежит на более высоком уровне анализа. Если мы говорим о частном бизнесе, то у частного бизнеса главная задача — снизить себестоимость и увеличить объем рынка. И он за то и другое отдаст что угодно. Будут при этом увольняться люди, не будут увольняться — его это не интересует. Выгодоприобретателем всей цифровой истории в частном бизнесе будет всегда акционер, но никак не потребитель. Это по определению так. Все эти технологии — для бизнеса, но не для людей. Вот в чем принципиально вопрос стоит. И в противовес этому — то, что было в СССР: там бизнес был для всех, все, что делалось, было для всех. Были рабочие места, их много было. Сейчас уже такого количества нет. И вот над этим надо думать — это принципиальный вопрос: кто выгодоприобретатель научно-технологического прогресса?

Бодрунов: Я бы хотел добавить, коллеги, в какой-то мере подводя итог этой дискуссии, очень показательной и важной: стоимость продукции, в том числе материальной продукции, интеллектуальной продукции, снижается. Значит, соответственно, количество не в деньгах, а в количестве удовлетворенных потребностей, а люди в новой экономике будут получать больше в целом. И это действительно несомненный плюс всей ситуации с цифровизацией.

Другое дело, что кто-то будет, используя эти возможности технологические, все более и более усиливать свои позиции по доходам, и все больше может нарастать та доля людей, которая находится на грани нищеты. Почему? Потому что, несмотря на то что количество услуг можно больше и дешевле вроде получить, если нет рабочего места, если нет доходов, которые позволяют тебе пользоваться этими услугами хотя бы в удешевленном варианте, то это становится тяжелой проблемой для общества. И в первую очередь в этой связи одна из социальных проблем — это проблема кадров, проблема людей, которым вскоре некуда будет идти, если их будет вытеснять цифровизация.

Сельский: С другой стороны, есть огромная проблема нехватки кадров для этих самых информационных технологий.

Бодрунов: Абсолютно согласен.

Сельский: Мы одновременно живем в ситуации и избытка, и нехватки кадров.

Бодунов: Это, на мой взгляд, всегда было. Помните, я приводил пример, когда нас учили опережающими темпами в советское время переходить на новые технологии, потому что не хватало кадров. Я хотел бы в связи с этим сказать, что у нас в Вольном экономическом обществе имеется библиотека, где есть книги в том числе по самым современным областям развития экономики, технологического прогресса и так далее. Одну из таких книг Высшая школа экономики нам передала. Она называется «Атлас профессий будущего». Мне кажется, что стоило бы с ней познакомиться всем, особенно молодым людям, кто хотел бы сориентироваться в том бурном море цифровизации и ее проблем, которые мы будем наблюдать в ближайшее время.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ — ОСНОВА НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Роботы, большие данные, нейросети и другие цифровые технологии прочно связаны в общественном сознании с таким понятием, как искусственный интеллект. В чем важность развития ИИ для экономики России? Что каждый из нас может получить от внедрения искусственного интеллекта? Есть ли риски?

СОБЕСЕДНИКИ

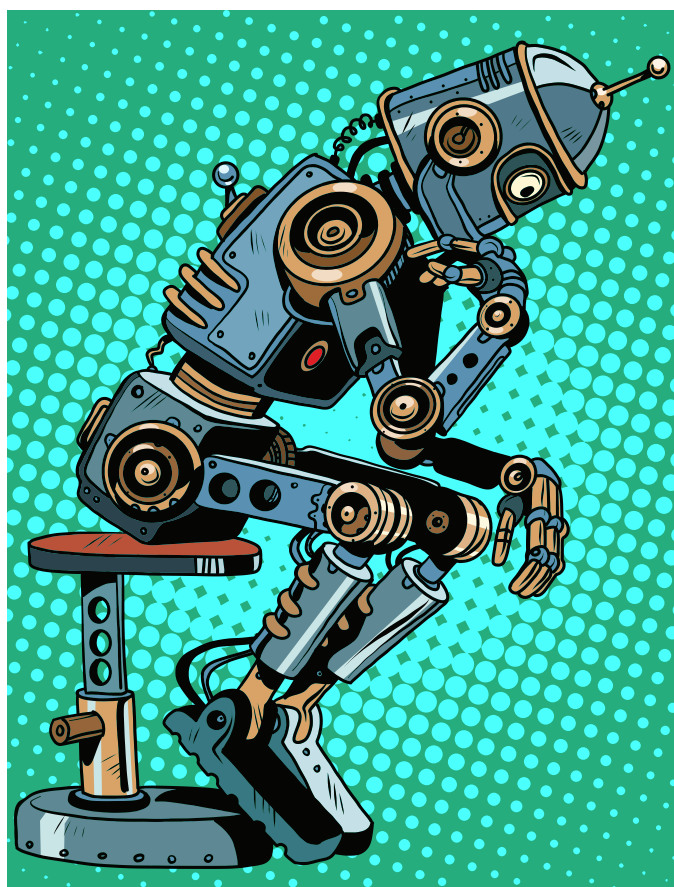
Игорь Анатольевич Соколов,
директор Федерального исследовательского центра
«Информатика и управление» Российской академии наук,
декан факультета вычислительной математики
и кибернетики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН

Андрей Юрьевич Зотов,
управляющий партнер ADJ Consulting,
эксперт Института развития интернета

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Бодрунов: Об искусственном интеллекте у нас в последнее время говорят на самом высоком уровне. Президент России назвал развитие искусственного интеллекта одним из ключевых направлений технологического развития, которое определяет будущее, в том числе экономическое будущее страны. В ближайшие месяцы, как известно, стартует проект Правительства России и Сбербанка по внедрению искусственного интеллекта в разные сферы. По оценкам Минэкономразвития, если мы внедрим искусственный интеллект в том масштабе, в котором предполагается, это даст нам примерно 1% прироста производительности труда. А собственно, о каких сферах может идти речь? Где ИИ может иметь наиболее эффективное приложение, если речь идет о росте высокотехнологичной экономики?

Соколов: Как мне кажется, искусственный интеллект — это обозначение для некоторого глубинного процесса, который происходит сейчас в обществе в целом. Так называемый научно-технический прогресс начался примерно 350 лет назад. Старт этому прогрессу, на мой взгляд, дали труды таких ученых, как Ньютон и Лейбниц, совершенно определенные труды. Именно эти два человека создали инструмент под названием «дифференциальное исчисление». И если посмотреть на последующие успехи в технике, в технологиях, а значит, и во всех остальных сферах жизни, то мы увидим, что все благодаря этому инструменту — дифференциальному исчислению...

Бодрунов: Да, интересный взгляд на процесс.

Соколов: Двигатели — цикл Карно, все успехи в прогнозировании климата, в химии, в сельском хозяйстве — это не более чем успехи в качественном решении уравнения Навье-Стокса, успехи в ядерной физике, успехи в космологии — это, конечно, уравнение Шредингера и все, что вокруг этого. И действительно, мы очень активно, я бы сказал, взрывно развивались. Кстати, именно тогда Ньютон написал Лейбницу зашифрованное письмо, которое до сих пор интересно расшифровывать. Основная мысль такая — весь мир описывается дифференциальным уравнением. И это главное достижение Ньютона...

Бодрунов: А не та известная история с яблоком...

Соколов: С яблоком, конечно, анекдот, утрирование, хотя яблоко было на самом деле... Так вот, следующий толчок — это, конечно, 50-е годы XX века, появление вычислительной техники. Собственно, что произошло: мы научились быстро и точно находить решение дифференциальных уравнений. До этого мы их находили, но медленно и не всегда точно. А теперь быстро и точно благодаря электронно-вычислительной технике. И мы видим, какой всплеск, какой взрывоподобный прогресс начался в технике. А наряду с этим одновременно мы стали осознавать, что есть процессы и объекты в окружающем мире, которые не поддаются описанию дифференциальными уравнениями. Это принципиальный момент.

Вот перед вами лежит листок бумаги. Никаким дифференциальным уравнением вы его не опишите. Однако же, согласитесь, что именно там все достижения человеческой мысли — в письменном виде, в речи, которая дифференциальными уравнениями не описывается. Мозг человека — еще один объект, который никак не поддается описанию этим инструментом. Сюда же можно отнести поведение людей, особенно с появлением социальных сетей. И это породило необходимость создания новых инструментов, в первую очередь математических. И именно эти инструменты получили название «искусственный интеллект». То есть мы сегодня с вами являемся свидетелями зарождения, как было и 350 лет назад, нового математического инструмента описания объектов и процессов. 150 лет назад математик Абель доказал, что никакое уравнение выше четвертой степени не имеет алгоритма решения — это обычный математический результат, строгий математический результат. Это значит, что не существует станков, теоретически, пятикоординатных, а они есть, теоретически не может быть манипуляторов — роботов с девятью степенями свободы, но они есть.

Это и есть предмет той зарождающейся науки, которая называется искусственным интеллектом. Появились новые логики. Мы с вами все прекрасно пользуемся индукцией, дедукцией, даже школьники пользуются этими методами. Сейчас новые логики возникают в математике, которые являются как раз предметом того, что мы называем искусственный интеллект: абдукция, например, и другие.

А это означает, что появились и новые экономические инструменты. Мы научились или учимся управлять производствами, которыми до сих пор не могли управлять, если грубо говорить. Например, выплавка тонких насыщенных металлов, различных сплавов — конечно, это один из предметов искусственного интеллекта. Управление удаленными объектами. Если космический корабль улетает на расстояние, когда сигнал распространяется дольше, чем 250 миллисекунд, то оказывается, что время на принятие решения меньше, чем...

Бодрунов: Да, чем потом реакция...

Соколов: Это тоже предмет для работы искусственного интеллекта. И так далее, и так далее. Мы живем в интересное время.

Бодрунов: То есть это многие интересные области применения, которые, собственно говоря, являются вызовами для современной экономики.

Соколов: Так же как вся экономика есть предмет работы дифференциальных уравнений, при этом дифференциальные уравнения никуда не уйдут, они будут развиваться, им жить и жить века.

Бодрунов: Андрей Юрьевич, у нас есть национальный проект «Цифровая экономика», известный всем. Реализация должна быть завершена в 2024 году. И там, конечно, есть разные разделы, в том числе искусственный интеллект. Скажите, какое-то продвижение мы уже имеем в этом направлении?

Зотов: Тут важно отличать то, что я хочу рассказать, от того, что говорил Игорь Анатольевич. Он в целом дал инструментальное, если можно так выразиться, определенное отрасли. Но существует и феноменологическое определение того, чем занимается большая группа исследователей, инженеров и ученых, выражающееся в приложениях, которые мы применяем повседневно...

Бодрунов: Да, как говорил один мой знакомый инженер, хорошо говорить теоретически, а как это будет в железе?

Зотов: Да, или хотя бы в программном обеспечении. Так вот, в этой области национальная технологическая инициатива охватывает более 20 направлений, так или иначе ассоциирующихся с искусственным интеллектом. И когда нашей компании посчастливилось в прошлом году делать исследование рынка в этом направлении, мы обнаружили более сотни организаций, которые тот или иной элемент искусственного интеллекта развивают для решения прикладных задач. И это было очень радостно и интересно для нас, потому что обнаружилось, что фронт, которым двигаются эти многочисленные исследователи, достаточно широк. Многие из их результатов уже используются в практической деятельности. Но я совершенно согласен, что не существует интегрального определения отрасли, которое можно кратко уложить буквально в одну фразу. Это примерно как ядерная физика начала XX века — то, чем занимались Резерфорд и его коллеги.

По сути своей, отрасль искусственного интеллекта сейчас подвержена определенному, если угодно, искаженному отображению, потому что часто авторы, журналисты, частные лица описывают его как некоторое принципиально меняющееся человеческую сферу деятельности воздействие.

Бодрунов: Причем каждый описывает со своей точки зрения, исходя из своего опыта.

Зотов: Конечно. И удивительно как раз то, что часто раздаются негативные или попросту пугающие прогнозы на этой основе, что, мне кажется, является проявлением, что ли, обычного человеческого предубежденного мышления.

Бодрунов: Да, что непонятно, то ужасно.

Зотов: Так вот, мне очень радостно, что наша страна придает высокое значение развитию различных направлений искусственного интеллекта. Потому что как раз познание этой отрасли и приводит к пониманию ее эффектов и, соответственно, нивелирует негативные прогнозы, которые постоянно приходится слышать как в массовой информации, так и от людей.

Бодрунов: Страшилки.

Зотов: Конечно, страшилок нужно избегать. И у нас в стране накоплено уже достаточно много в этом направлении. То, что буквально два дня назад была принята стратегия развития искусственного интеллекта, — тоже один из шагов, который придает дополнительный вес таким исследованиям. В терминах, которые использует наша компания, этот документ, может быть, не содержит целеполагания

и изложения совокупности взаимосвязанных задач, которые нужно решить для достижения целей. То есть, с этой точки зрения, возможно, он формально и не является стратегией. Но он является декларацией принципов, на которых эта стратегия должна быть построена Правительством.

А возвращаясь к определению отрасли, я хочу сказать, что даже те ученые, которые глубоко находятся в этой тематике, зачастую избегают прямых и коротких формальных определений. И поэтому мы находимся сейчас за фронтиром в области искусственного интеллекта. Направления исследования расходятся иногда совершенно в разные стороны. Но, поскольку это постоянно обсуждается среди тех, кто занимается такими разработками, мы шаг за шагом вырабатываем свое отношение к получаемым результатам. И это предохраняет как раз от того, чтобы пугать себя или запугивать остальных.

Бодрунов: Когда вот эти все страшилки доходят до людей, которые принимают законы, какие-то инициативы вносят и так далее, и начинается бурное обсуждение, вот тогда и начинают возникать проблемы, которые непросто решить. В частности, какие-то этические моменты, проблемы получения и обработки Big Data, доступность личных данных, которые используют многие системы искусственного интеллекта, предлагаемые к реализации, и так далее. Вот вы — специалисты, вы прекрасно понимаете, что, чем дальше мы будем двигаться по этому пути, тем больше таких проблем будет возникать. Что сегодня важно для того, чтобы они как-то оперативно были решены? Это же на самом деле тормозит реальное развитие искусственного интеллекта.

Соколов: Больше 30 лет назад мы оказались примерно в такой же ситуации, когда стало понятно, что необходимо развивать отрасль вычислительной техники. В 1983 году было два постановления тогдашнего ЦК Коммунистической партии и Совета Министров: одно — о развитии вычислительной техники в Советском Союзе, другое — о развитии математики. Мне кажется, вот это замечательный подход, правильный подход к решению подобных проблем.

Бодрунов: Абсолютно согласен.

Соколов: Все остальное — технологии, промышленность — это уже производные. Поэтому сегодня, конечно, в первую очередь надо обратить внимание на то, что именно фундаментальные исследования заложат основу будущего успеха, будь то технологии искусственного интеллекта, либо как-то по-другому мы это будем называть — большие данные, нейросетевые технологии, все что угодно. Это первое.

И второе, конечно же, подготовка кадров. Вот эти два вопроса, безусловно, требуют вмешательства именно на государственном уровне. К сожалению, как мне представляется, недостаточно внимания уделяется фундаментальным исследованиям. И как следствие, мы начинаем готовить людей не к научным исследованиям, а к использованию уже готовых инструментов и технологий, что тоже нужно, но...

Бодрунов: Но без первой части это не будет работать как следует.

Соколов: Совершенно верно. На ряде факультетов Московского государственного университета уже началась подготовка специалистов в смежных, близких областях. Это различные факультеты — это не только мехмат и ВМК...

Бодрунов: Это и Ваша заслуга, и ректор у нас математик...

Соколов: Конечно, это в первую очередь заслуга Виктора Антоновича Садовниченко. Формируются школы научные, в том числе уже и школы по искусственному интеллекту. Вот этому примеру, конечно, надо следовать. Безусловно, Академия наук здесь не на вторых ролях.

Бодрунов: Есть кадровая проблема — это очень важно подчеркнуть. Есть подход, который должен быть реализован в качестве базового, что ли, — фундаментальная наука и прикладная часть, применение. В некоторых отношениях развитие идет стремительно, поэтому эти направления не должны отставать друг от друга, они должны быть вместе. И наш советский опыт в том числе нельзя здесь сбрасывать со счетов. А что сейчас те люди, которые принимают решения, куда и как они нас ведут?

Зотов: Дело в том, что при том темпе смены технологий, парадигм научных, в котором мы существуем сейчас, образование, по-видимому, уйдет от сугубо университетских рамок и превратится в постоянную инкрементальную систему получения дополнительных знаний и навыков.

Бодрунов: Абсолютно с Вами согласен.

Зотов: Этот процесс уже идет, и, кстати, МГУ здесь играет вполне определенную, ясную роль. Но, к чему мы придем в итоге в этом изменении системы достижения высоких знаний и приобретения новых навыков, пока предсказать трудно. И это потребует своего регулирования и своих

отдельных планомерных изменений социального плана. А вот говоря о той проблеме, что вы затронули, о юридическом обосновании процессов, связанных с искусственным интеллектом...

Бодрунов: Это то, с чем мы сегодня сталкиваемся на практике.

Зотов: Это то, что потребуется уже завтра. Я бы хотел упомянуть проблему аутентификации личности, которая решается во многом средствами как раз искусственного интеллекта. И сегодня во многих взаимодействиях людей, например, с банком в платежном пункте, в розничной сети, там, где мы получаем документы, необходимые для подтверждения или получения каких-то прав, в принципе, было бы достаточно аутентификации личности, а все эти многочисленные справки получались бы непосредственно в момент обращения автоматически. Причем мне не нужно ее забирать в качестве документа и передавать в орган, который выполняет некоторую функцию.

Бодрунов: Да, он уже имеет сам возможность добыть документ, рассмотреть и предъявить.

Зотов: Конечно. Вот это направление использования средств искусственного интеллекта, безусловно, заслуживает регулирования, потому что пространство для злоупотребления в этой области, очевидно, безгранично.

Бодрунов: Вы абсолютно правы: вспомним хотя бы недавнюю историю, которая касается аутентификации. Человек едет на автомобиле, пожалуйста, система искусственного интеллекта, через видеокамеру посмотрели, определили, сразу о нем есть вся информация. Люди протестуют.

Зотов: Это логично.

Бодрунов: Да, это частная информация: куда я еду, зачем я еду, почему, с кем и так далее — это все становится публичным фактически.

Зотов: Безусловно, наделение государственной системы столь мощными средствами аутентификации личности не может не сопровождаться защитой прав гражданина.

Бодрунов: Поэтому и необходимо правовое решение.

Зотов: Конечно. То есть в каких-то ситуациях любой гражданин должен уметь надеть некую информационную паранджу, то есть сказать, вот сейчас, путешествуя пешком

по этому лесопарку, я хочу, чтобы меня не узнавал никакой дрон, никакая камера, встроенная в фонари. Я хочу быть частным лицом без аутентификации. Это обеспечение прав граждан. И это как раз аспект законодательного закрепления новых феноменов, связанных с искусственным интеллектом, в нашей жизни.

Но возникают и огромные этические проблемы. Давайте рассмотрим ситуацию, при которой человек начинает последовательно встраивать в свой организм некоторые элементы искусственного интеллекта, например, при плохом зрении заменять глаза на бионический глаз. Продолжая это при помощи нехитрой экстраполяции, мы можем прийти до границы, на которой будет не до конца очевидно, является ли эта личность естественной, натуральной, полностью обладающей правами гражданина, или уже превратилась в искусственную сущность, стала андроидом, который, наверное, тоже должен обладать каким-то набором прав. И задуматься о том, какие права мы выделим для искусственных сущностей, управляемых искусственным интеллектом, уже пора, потому что горизонт планирования появления так называемого сильного искусственного интеллекта, который в состоянии функционировать в обществе, достаточно короткий, это 30–40 лет.

Бодрунов: То есть такого, который сможет создавать задачи сам для себя.

Зотов: Да, есть известная гипотеза о возникновении некоей точки сингулярности. И многие опасаются ее, потому что после того, как искусственный интеллект сможет развивать себя сам, считается, что мы не сможем участвовать в этом процессе и не можем предсказать результат его развития.

Бодрунов: Как сказал один специалист, выступавший у нас на одном из мероприятий, рано или поздно мы можем прийти к ситуации, когда искусственная личность скажет: «Зачем нам естественная личность? Она нам мешает развиваться, ей требуется слишком много биоресурсов и много чего другого. А пользы для нынешней цивилизации никакой». Может быть, мы должны опасаться и такой ситуации?

Зотов: Ну, это как минимум. Давайте отдадим себе отчет в одной простой, но очень глубокой отличительной черте нас от искусственного интеллекта: мы конечны во времени. Мы рождаемся, живем и умираем. Искусственный интеллект, будучи однажды создан, существует до тех пор, пока есть электропитание.

Бодрунов: Или не расплавится металл, из которого собрана микросхема.

Зотов: Я думаю, сильный искусственный интеллект вряд ли будет зависеть от какой-то одной локации.

Бодрунов: Сам будет себя ремонтировать.

Зотов: Судя по всему, что мы знаем, это будет сетевая структура, живущая в распределенном режиме. Поэтому гибель одной микросхемы вряд ли здесь скажется.

Соколов: Все новые инструменты, естественно, вызывают обсуждение, пока они не войдут в нашу жизнь как что-то естественное, например, как автомобиль. Ведь автомобиля тоже боялись.

Бодрунов: Да, было время, когда перед автомобилем бежали с колокольчиком и звонили. А сегодня обычны и самолеты, и космические корабли. Поэтому, мне кажется, эти страшилки естественным образом возникают и естественным образом кончатся. Наша задача, по крайней мере, научного и образовательного сообщества — это готовить инструменты, правильно ориентировать власти, в каком направлении поддерживать те или иные исследования. Скажем, в той же стратегии, которую утвердил президент, декларируется создание к 2024 году микропроцессорной элементной базы мирового уровня.

Соколов: Но вот есть один момент, о котором Вы, Сергей Дмитриевич, сказали, — безопасность. Безотносительно искусственного интеллекта, просто развитие информационных технологий, развитие средств вычислительной техники, действительно, может привести к очень серьезной проблеме, когда объект будет и создаваться, и идентифицироваться одними и теми же вычислительными ресурсами. И вот это уже действительно серьезная проблема. Ну, она, как мне представляется, имеет простое решение. В этом мире не существует закрытой информации.

Бодрунов: Рано или поздно все тайное становится, как известно, явным...

Соколов: Ничего тайного просто не будет. Мы должны готовиться именно к этому.

Зотов: Ведь мы об этом и говорим: социальные страхи и впечатления, которые Игорь Анатольевич справедливо назвал страшилками, они тоже должны получать отклик от государства, потому что они могут стать материальной силой, например, препятствием развитию технологий.

Бодрунов: Я, честно говоря, не зря затронул этот вопрос насчет страхов общественных. У нас в Вольном экономическом обществе есть библиотека, куда поступают разнообразные книги по экономике или связанные так или иначе с экономикой. В этой библиотеке известная, достаточно популярная сегодня книга Марка О'Коннела «Искусственный интеллект и будущее человечества», и подзаголовок «Вы не умрете». Немного провокационный и требующий размышления. Книгу написал не специалист в сфере искусственного интеллекта. Это, скорее, историк искусственного интеллекта. И здесь многое, в том числе о тех страшилках, которые мы сегодня с вами обсуждали. Но у нас есть и другая книга — Макса Тетмарка «Жизнь 3.0», подзаголовок «Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта». «Вы не умрете» и «Жизнь 3.0» в чем-то пересекаются, но это взгляд другой...

Зотов: Это уже от ученого.

Бодрунов: Это взгляд академического специалиста, ученого, который, на самом деле, так же, как у нас уважаемый Игорь Анатольевич, смотрит на эту проблему с точки зрения фундаментальной науки. И вот эти вещи надо, конечно, действительно, изучать, исследовать фундаментально, обстоятельно. Уважаемые коллеги, я хочу еще напомнить, что Андрей Юрьевич еще является соавтором очень известной хорошей книги, коллективной монографии «Вызов 2035». Это о том, что же будет к 2035 году, как нам придется жить в эту эпоху.

Зотов: Очень интересно было бы рекомендовать эту книгу как раз как попытку показать искусственный интеллект в мультифасеточном взгляде разных категорий специалистов, писателей, экономистов, который в сумме может дать обобщенное впечатление.

Бодрунов: Благодарю вас, коллеги, за ваше время и ваши ценные мнения. Всего доброго, до новых встреч!

СОБЕСЕДНИКИ

Надежда Владимировна Орлова,
заведующая отделом экономики инноваций в сельском
хозяйстве Института аграрных исследований НИУ ВШЭ,
член Экспертного совета Минсельхоза России по
Федеральной научно-технической программе развития
сельского хозяйства

Сергей Герасимович Митин,
первый заместитель председателя Комитета Совета
Федерации по аграрно-продовольственной политике
и природопользованию, председатель Временной комиссии
Совета Федерации по вопросам законодательного
обеспечения развития технико-технологической базы
агропромышленного комплекса РФ, член Правления ВЭО
России, д. э. н., профессор

РОССИЙСКИЙ ЦИФРОСЕЛЬХОЗ

Современные технологии приходят в сельское хозяйство не менее уверенно, чем в любую другую отрасль, может быть, местами даже более. Цифровизация, искусственный интеллект, дроны уже сейчас могут повышать продуктивность агросектора.

*Яков Петрович Лобачевский,
первый заместитель директора
Федерального научного агроинженерного центра ВИМ,
член Президиума РАН, член-корреспондент РАН, д. т. н.*

*Александр Владимирович Труфанов,
технический директор компании «АгроДронГрупп»*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Бодрунов: Уважаемые коллеги, известная исследовательская компания McKinsey & Company недавно изучала ситуацию с цифровизацией, с автоматизацией сельского хозяйства в мире, и мы посмотрели, на каком месте там Россия. Как Вы думаете на каком?

Орлова: Где-то в серединке.

Бодрунов: А Вы как думаете?

Труфанов: Я думаю, ближе к концу.

Бодрунов: Вот, вы неправы. Сельское хозяйство у нас — на четвертом месте по потенциалу автоматизации.

Труфанов: По потенциалу, может быть.

Орлова: Мы о текущем состоянии.

Бодрунов: Я поэтому и обратил внимание на это исследование: потенциал и сегодняшняя ситуация — очень разные вещи. Скажите, пожалуйста, какие глобальные цифровые тренды будут влиять на российский аграрный сектор в ближайшем будущем? Что сделать так, чтобы мы этот потенциал смогли использовать?

Труфанов: Для того чтобы внедрять цифру в сельское хозяйство, нам нужна соответствующая техника. Я не зря сказал, что мы находимся ближе к концу списка по развитию на данный момент. Да, потенциал у нас из-за этого намного выше, чем у кого-то другого, кто уже давно использует технику точного земледелия в сельском хозяйстве, например. Так вот, недостаток техники точного земледелия и является тем самым потенциалом.

Бодрунов: То есть радоваться нам рано?

Труфанов: Как раз этому можно радоваться, потому что есть потенциал. Да и сегодняшний уровень сельского хозяйства совсем неплох.

Бодрунов: То есть это немножко выглядит так, что я в школе двоечник, но есть потенциал, что я буду получать четверки, пятерки.

Труфанов: Я сказал бы — не двоечник, троечник.

Бодрунов: А как Вы полагаете, какие тренды к нам придут?

Орлова: Здесь, в общем-то, Россия не сильно отличается от мира. И надо понимать, что в нынешнем состоянии сельское хозяйство в России — это очень современная отрасль. И она развивается год от года. Судя по тому, какое количество продукции мы производим на внутреннем рынке, поставляем на экспорт, можно судить, что мы создали одну из очень успешных отраслей в российской экономике. Естественно, как любая конкурентоспособная отрасль, она будет внедрять инновации, самые разные, в том числе все, что касается цифровых технологий, если это будет добавлять какие-то преимущества, например, контроля, экономии, быстроты или еще чего-то. Это не только касается умного гектара и оцифровки земель.

Бодрунов: Об этом мы поговорим сегодня.

Орлова: Это очень важная программа. Мы, наверное, впервые за много лет понимаем, что у нас реально происходит с землей, как она управляется, кто ею владеет, как она

обрабатывается. Это уже за собой повлекло целый набор мер, связанных с эксплуатацией земли, с оценкой ее стоимости. Это касается и всех технологических этапов производства продукции, начиная с того, что есть проекты по оцифровке профессии, когда камеры, искусственный интеллект контролирует, что происходит на агрокомплексе. Это очень удобно, потому что можно снижать количество контроля, заканчивая продажей продукции в России и в мире. На то же направлены так называемые маркетплейсы. Это электронная система, доставляющая продукцию от производителя до конечного продавца.

Бодрунов: И отслеживающая все этапы.

Орлова: Да, и отслеживающая все ее происхождение, хранение, условия и так далее. Это одни из самых востребованных сервисов и крупнейших проектов, которые есть сейчас, включающих узкие специфические сектора, связанные с исследованиями, генетикой, с учетом генетики поголовья. Нельзя представить себе систему без очень больших информационных цифровых систем, которые все это хранят, учитывают, рассчитывают и так далее. И поэтому, наверное, в какой бы сегмент сельского хозяйства, на первый взгляд, очень консервативной отрасли, мы бы ни посмотрели, мы везде будем видеть эту самую цифру.

Бодрунов: То есть цифровизация на самом деле — это наиболее глобальный, важный тренд автоматизации процессов в сельском хозяйстве, повышения его эффективности на сегодняшний момент. Но мне сегодня все-таки хочется сказать немножко еще и о другом. Вот я не зря пригласил на сегодняшнюю нашу беседу руководителя компании «АгроДронГрупп». Поясните суть названия для начала.

Труфанов: Мы используем беспилотные летательные аппараты для того, чтобы мониторить и оценивать реальную ситуацию на поле. Поэтому мы «АгроДрон». Используем мы различные беспилотные летательные аппараты — летающее крыло, коптеры, в последнее время, конвертопланы. Но основное, что является поставщиком информации, — это, конечно, та полезная нагрузка, которую можно поставить на беспилотный летательный аппарат. Как правило, это камеры, вот они являются поставщиком той информации, которую можно проанализировать и потом уже принять определенное решение, которое каким-то образом может повлиять на эффективность дальнейших действий в сельском хозяйстве.

Бодрунов: Получается, если помечтать, вместо агронома — электронный агроном, который получает электронную информацию с носителя.

Труфанов: В общем-то да...

Бодрунов: Вы говорите о сложных системах передачи и анализа, там, получения, передачи, обработки данных. Эти данные могут дальше обрабатываться в компьютерах...

Труфанов: Это искусственный интеллект, совершенно верно.

Бодрунов: Искусственный интеллект, который дальше выходит на инфраструктуру обработки поля того же самого и так далее. То есть вот сегодняшнее сельское хозяйство — это его перспектива...

Труфанов: Обработка образов...

Бодрунов: Пшеница пожухла или еще зелененькая стоит?

Труфанов: Примерно так, но еще...

Бодрунов: Конечно, я утрирую, но для общего понимания картины.

Труфанов: Но еще есть и спектральные образы тех растений, которые находятся на полях. Вот как раз эти образы и говорят о том состоянии, в котором находятся растения.

Бодрунов: Созрела пшеница или нет...

Труфанов: Это к концу уже, да. Но перед этим есть более важные этапы, которые должны привести к созреванию этой самой пшеницы.

Бодрунов: И это тоже спектральный анализ позволяет...

Труфанов: Конечно...

Бодрунов: Это очень важно, на самом деле. Можно относиться к этому делу с некоторой долей юмора, но это действительности вовсе не юмор. Это очень серьезная агротехническая задача, которая решается средствами современных технологий.

Труфанов: Да. Но мы являемся поставщиками информации и все. Все, что происходит дальше, мы на это повлиять никак не можем.

Бодрунов: Это специализация не вашей уже компании.

Труфанов: Нет. Совершенно верно, это уже не наше. Мы делаем экспертное заключение, предоставляем его потребителю, и он уже сам принимает решение, что ему делать. Он может ничего не делать и оставить как есть. А вот если он использует эту информацию, ну, тогда у него есть потенциал повысить свою производительность.

Бодрунов: Уважаемые коллеги, на Экспертной сессии Вольного экономического общества обсуждалось создание первого в России Агробиотехнопарка для содействия развитию инноваций в сельском хозяйстве. И там также прозвучало немало мыслей о технологическом развитии агропрома. Хотел бы предложить вашему вниманию небольшой сюжет.

Россия в разы отстает по урожайности

МИТИН: В 2017 году мы собрали рекордный урожай зерновых — 135 миллионов тонн. Никогда Россия в истории не собирала такой урожай — 29,9 центнера с гектара урожайность, оказалась, она тоже самая высокая за всю историю России. Но она в разы, хочу сказать, в разы отстает от урожайности таких же культур в европейских и американских странах. То есть мы видим, что эффективность сельского хозяйства, она, безусловно, отстает значительно. То же самое можно и об экспорте сказать. Вот если

неплохая цифра, мы — экспортеры №1 сегодня по пшенице... но, если взять общий объем экспорта, то пищевая перерабатывающая промышленность, продукция пищевой перерабатывающей промышленности составляет в общем экспорте продовольствия только 13%. И конечно, это говорит о том, что эффективность, которая в принципе основана на технологическом обеспечении, на машинах, механизмах, энергетической обеспеченности сельского хозяйства, — она у нас значительно отстает.

Нучная площадка для сельхозпроизводителей

ЛОБАЧЕВСКИЙ: Мы можем сделать в рамках подготовки Агробиотехнопарка стационарную площадку, на которой каждый год, из года в год будут демонстрироваться новейшие достижения аграрной науки, новой сельскохозяйственной техники, новых достижений в селекции семеноводства и так далее. То есть это должна быть площадка, которую и специалисты, и ученые, и сельхозтоваропроизводители всей страны должны знать. Она может использоваться не в течение одного-двух дней, как это сейчас происходит на «Днях поля», а в течение, по крайней мере, всего сельскохозяйственного сезона. Там могут проходить и различные образовательные программы, популяризация новейших

достижений науки и техники, обучение и так далее. То есть функционирование этой площадки может быть очень и очень широкое. А в перспективе мы видим создание постоянно действующего научного городка, с привлечением туда разноплановых специалистов, ученых, конструкторов, производственников. Там проводились бы исследования и разработки по наиболее перспективным направлениям: таким как селекция семеноводства, технология точного земледелия, цифровые технологии, автоматизация, роботизация сельскохозяйственных машин, оборудования. То есть те направления, в которых мы, к сожалению, сейчас еще отстаем.

Бодрунов: Вот, уважаемые коллеги, как раз там шло обсуждение нового проекта Минсельхоза «Цифровое сельское хозяйство». Вы немножко начали упоминать сегодня элементы этого проекта в разговоре. Я бы хотел сказать, там три принципиальных решения есть: это умная ферма, умное поле и умная теплица, что красиво звучит, но на самом деле...

Орлова: Она действительно умная, да.

Бодрунов: Что вы можете по этому поводу нам рассказать? Как эта программа в принципе работает и к чему приведет внедрение интернета, интернета вещей, больших данных в отрасль?

Орлова: Это приведет к тому, что, во-первых, будет понятно происхождение продукта от и до, и потребитель будет иметь более качественную информацию обо всем, что касается этого продукта. Это приведет к оптимизации экономики производства — выращивания, селекции, генетики, оценки урожайности, обработки и так далее. То есть это будет сокращать издержки на каждом цикле производства и, естественно, приводить к увеличению экономического эффекта. Коллеги справедливо упомянули такую вещь, что сейчас мы №1 в экспорте пшеницы, но при этом фактически не экспортируем продукцию перерабатывающей промышленности. Ответ на этот вопрос очень простой...

Бодрунов: В экспорте нет продуктов переработки этого зерна.

Орлова: Переработки не только зерна, но и всех остальных видов продукции сельского хозяйства. Сейчас это уже не совсем так, потому что мы постепенно начинаем экспортировать, например, мясо птицы. И я думаю, что эта тенденция экспорта будет расти, допустим, по индейке. Знаю, что первые такие поставки за рубеж уже происходят. Я уверена, что в ближайшее время значительно вырастет экспорт продукции так называемого органического земледелия, потому что принят соответствующий закон. И соответственно, в силу того, что у нас, в общем-то, очень большая территория и достаточно экологически чисто, мы можем стать хорошим поставщиком такой продукции на европейский рынок, на рынок Азии. И естественно, в том числе и здесь нужно будет постоянно отслеживать на каждом этапе, что происходит с этой продукцией. А то, что сказали коллеги про Агротехнопарк, это очень правильная инициатива, потому что это касается и цифровизации любых других научных разработок для сельского хозяйства. У нас существует в настоящее время разрыв

между наукой и конечным потребителем. Очень часто мы делаем неплохие технологии на уровне лабораторий института...

Бодрунов: Да, а массового внедрения...

Орлова: А вот дальше у нас нет возможности апробировать и доказать производителю, что эта технология действительно эффективна. Поэтому нужны такие зоны, которые государство будет поддерживать, для промышленных испытаний: у производителя задача — массово производить экономически выгодную продукцию...

Бодрунов: На эксперименты времени у него нет...

Орлова: Да, он не может на себя просто брать эти риски. Хотя многие крупные компании сейчас это делают.

Бодрунов: Очень верное замечание, мне кажется. Должна быть создана такая инфраструктурная точка, где интересы тех, кто разрабатывает, тех, кто внедряет, сходятся.

Орлова: Конечно.

Бодрунов: Риски, связанные с этим, должны быть как-то интегрированы. И кто должен разрубить гордиев узел? Тот, кто должен поддерживать, — в первую очередь государство.

Орлова: Конечно. Во всех странах — это кооперация между государственными программами и бизнесом. И, собственно говоря, наше государство, наверное, в первый раз за постсоветскую историю предпринимает очень значимые усилия в этой области.

Бодрунов: И это очень разумные усилия.

Орлова: Да. Они очень разумные. Потому что программа цифровизации сельского хозяйства — гигантская программа. Первый раз сделали умный гектар, оцифровку земель, в общем-то, впервые поняли, что у нас происходит на полях. Дальше пошли умные фермы, умная теплица. Дальше пошли программы, в частности, Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства...

Бодрунов: Напомню коллегам, что Вы эксперт этой программы.

Орлова: В том числе. В каждой подпрограмме есть отдельный блок, который связан с цифровизацией. Нет ни одной подпрограммы, где бы данные технологии не требова-

лись. Естественно, на это предусмотрены меры поддержки. Я надеюсь, что в перспективе 3–5 лет это даст такой хороший рывок, что мы перестанем быть просто экспортером сырья, мы перейдем к экспорту более сложных продуктов переработки, сложных производных и так далее. Я считаю, что потенциал для этого есть.

Бодрунов: У меня даже возник небольшой такой интеллектуальный спор, что ли, с одним из участников Экспертной сессии уже после ее завершения. Он из такой когорты людей, которые немножко постарше, мне вот за шесть десятков перевалило, а ему несколько больше... Он послушал и сказал, мы не раз уже слышали об экспорте пирожков, там, от кого-то к бабушке через посредство Красной Шапочки. Придет Серый волк и все равно всех съест. Мне кажется, что для того, чтобы волк не съел, надо быть на уровне тех, кто бегаёт быстрее волка, кто может сделать передачу информации о том, где пирожки, где внучка, где бабушка и как их защитить.

Орлова: Такая же аллегория: волков бояться, в лес не ходить.

Бодрунов: Молодец.

Орлова: Просто вот коллега сегодня привел пример по поводу дронов и оцифровки земель. Я знаю практический прикладной пример в Ставропольском крае — это один из крупнейших экспортеров пшеницы, как мы знаем. Они ориентированы на европейские стандарты технологий. Они очень жестко соблюдают всю агротехнику. И у них с урожайностью все, в общем-то, очень хорошо.

Бодрунов: И с качеством продукции.

Орлова: И качество, естественно. Дронами просто облетели поле, сделали схему, как устроен этот участок, и после этого поняли, что система орошения должна быть немножко по-другому устроена. Потому что здесь у нас склон, здесь у нас водичка затекает. И просто переставили вот эти вот самые оросительные системы, получив экономию 30% урожайности после этого. Вот это просто на том, что сделали цифровой макет...

Труфанов: Это называется цифровая модель рельефа. И сделали распределение водотоков, возможно, экспозицию склонов...

Орлова: Да, все верно.

Труфанов: Именно так, да. Вот как раз наша технология, мы этим и занимаемся.

Бодрунов: Я хотел сказать в связи с этим, что вообще проблема цифровизации — это не только проблема компьютерной технологии, так сказать, софта какого-то и искусственного интеллекта. Это еще и проблема инфраструктуры: как эту информацию добыть, как ее обработать, как использовать эту информацию...

Труфанов: Да, именно так.

Бодрунов: В том числе в агротехнических мероприятиях различного рода, например, переставили, как вы говорите, точки полива культуры — и все, пожалуйста, пошел другой урожай.

Орлова: То же самое касается всех систем. Например, умный агроном. Провели мониторинг, дальше фермер или, там, главный агроном хозяйства на свой телефон получает рекомендации, что надо сделать: у вас здесь не хватает, здесь у вас такой прогноз погоды, в связи с этим просим вас провести такие мероприятия.

Труфанов: Да. Это называется система поддержки принятия решений.

Орлова: Да, принятия решений.

Бодрунов: Это так называемый подсказчик.

Орлова: Только этот подсказчик может интегрироваться с прогнозами погоды, с метеостанциями...

Труфанов: Он обязательно должен интегрироваться.

Орлова: С прогнозами мониторинга...

Бодрунов: Это хорошо. А что же препятствует у нас развитию технологий в сельском хозяйстве? Что тормозит инновационный процесс, как Вы представляете?

Труфанов: Я так думаю, что есть все-таки некоторая консервативность в мышлении. Люди предпочитают работать старыми, дедушкиными методами, проверенными еще во время доисторического материализма. И очень скептически относятся к внедрению чего-либо нового, пока они не получают наглядного доказательства эффективности использования.

Орлова: Это возвращает нас к Агробиотехнопаркам, к промышленным испытаниям, они могут прийти и посмотреть...

Труфанов: Я знаю точно, что все химические предприятия, которые занимаются поставкой химии для сельского хозяйства — удобрений, гербицидов, пестицидов, — имеют опытные поля, все имеют договора с теми, кто занимается промышленным производством растительной продукции, и они все приходят и, как правило, бесплатно показывают, чего можно добиться с помощью их технологий. Но вот здесь есть как раз и обратная сторона медали. Вот то, что мы в 2017 году получили рекордный урожай и экспортировали очень много зерновых. Качество этих зерновых, хоть и говорят, что оно отстаёт от Европы, от Америки, но чистота той продукции, которую мы имеем на наших полях в России, она, наверное, на порядок выше и лучше того, что есть за рубежом. Там пчелыдохнут...

Бодрунов: Вы интересную вещь заметили...

Труфанов: А у нас к полю подвозят ульи, и пчелы собирают нектар именно с сельхозполей.

Бодрунов: По роду своей деятельности я еще Международный союз экономистов возглавляю, часто приходится ездить за рубеж, на конференции, встречи с коллегами. Сидишь в каком-нибудь немецком отеле, включаешь канал, реклама идет германская, немецкая для русскоговорящих. И часто рекламу слышишь, с некоторым удивлением, а потом уже с некоторой гордостью...

Труфанов: Продукция российского производства...

Бодрунов: Да, говорят, экологически чистая продукция из России. И даже я слышал такую рекламу: грибы по старинному русскому рецепту. Очень часто упор делается на то, что чистая продукция. Особенно что получено из российского чистого сельскохозяйственного сырья с применением передовых немецких технологий обработки.

Труфанов: Переработки, да.

Бодрунов: То есть я говорю о перспективе, да, когда мы говорим о качестве продукции, то одно из перспективных направлений — вот эту самую переработку, эти самые пирожки печь у себя начинать и давать туда качественный пирожок.

Орлова: Именно поэтому, собственно говоря, Владимир Владимирович у нас в Послании, выступая перед Федеральным Собранием, попросил разработать экологический стандарт и дать определение, что такое «экологический», что такое «био», что такое «органик» и как эту систему отслеживать. Опять же цифровизация, к ней возвращаемся. И ровно сейчас Росстандарт занимается тем, что совместно с профильными союзами разрабатывает порядок оценки, стандартизации и контроля качества продукции.

Бодрунов: Это очень важный момент, который замечен нашим правительством, нашими властями. Потому что, пока бренд России как производителя экологически чистой сельскохозяйственной продукции в мире ценится высоко, нам нельзя этот бренд отпустить.

ЧЕГО ЖДАТЬ ОТ РОБОТОВ?

Совет по цифровой экономике при Совете Федерации предложил защитить людей от рисков роботизации. Обычно в числе основных рисков называют сокращение рабочих мест. Но все ли это риски? И есть ли они вообще?

По материалам программы «ДОМ Э» на телеканале ОТР, 29.06.2019

СОБЕСЕДНИКИ

*Алиса Егоровна Конюховская,
исполнительный директор
Национальной ассоциации участников рынка
робототехники*

*Тимур Кайратович Бергалиев,
генеральный директор ViTronics Lab,
заведующий лабораторией прикладных кибернетических
систем МФТИ,
лидер трека нейротехнологий олимпиады
Национальной технологической инициативы*

*Дмитрий Николаевич Курочкин,
вице-президент
Торгово-промышленной палаты РФ*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Бодрунов: Уважаемые друзья, мы сегодня поговорим о развитии технологий в смысле рисков. Поэтому сразу задам вопрос, который особенно беспокоит в последнее время общественность: заменят ли роботы людей? Алиса Егоровна?

Конюховская: Не заменят.

Бодрунов: А Ваше мнение?

Бергалиев: Я тоже считаю, что в ближайшем будущем не заменят.

Бодрунов: А не в ближайшем?

Бергалиев: Трудно сказать.

Конюховская: А кто будет создавать тех роботов, которые нас заменят?

Бодрунов: Вот — ключевой вопрос. Совет по цифровой экономике при Совете Федерации предложил защитить работников от рисков роботизации. На таком серьезном уровне пошел разговор. Стоит ли бояться того, что роботы вытеснят людей из цехов и офисов в ближайшем будущем? Какие меры можно было бы принять, чтобы защитить людей в связи с развитием цифровых технологий. Я недавно наблюдал за работой сборщика мебели. Человек с высшим образованием, потому что те схемы, которые у него лежали для того, чтобы собрать какие-то там шкафы, явно требуют инженерной подготовки. Там надо разбираться: порядок, последовательность действий, детали, иначе все это... И при этом он еще и физически работает. Представим себе на его месте робота. Он все легко прочитает, правда? Легко завинтит. И через какое-то время этот сборщик даже с высшим образованием будет уже, в общем-то, не нужен.

Конюховская: В данном примере сборщика нужно еще учесть, что все равно кто-то разберет весь алгоритм создания данной мебели. Программисты разберут весь этот алгоритм и запрограммируют робота, чтобы робот всю эту работу производил. А в целом по теме я скажу, что для того, чтобы минимизировать риски, связанные с роботизацией, нам нужно больше переобучать людей, нужно обновлять образовательные программы.

Бодрунов: В какую сторону?

Конюховская: В сторону технологий.

Бодрунов: В сторону интеллектуализации.

Конюховская: Интеллектуализация, роботизация, потому что зачастую сейчас у студентов, которые учатся в университетах, вообще может даже не быть робототехники как элемента образовательного, даже если они занимаются автоматизацией производства.

Бодрунов: Хотя замечу, что в некоторых московских школах уже сейчас есть предмет «Технология и информатика». И там уже роботизация имеет место как предмет технологии. 3–5-й класс, а он уже технологиями занимается.

Конюховская: Если сказать о школьном предмете «Технология», то его содержание устарело, его нужно обновлять и больше внедрять робототехнику. Сейчас очень много всяких образовательных программ для школьников популяризационного детского формата. А вот перехода от детской робототехники к взрослой робототехнике, реальному при-

менению в промышленности, еще где-то, этого нет. Даже недостаточно информации о том, как развивается эта отрасль.

Бодрунов: Кстати, Вы говорите, как президент Академии наук. Недавно был Московский академический экономический форум, мы были там с Александром Михайловичем Сергеевым сопредседателями. И вот он, когда выступал, сказал примерно то же самое: что существует провал между фундаментальной наукой и прикладной. И вот эта часть у нас проваливается. Нет этого трансфера, хорошо организованного. Вы говорите примерно о том же самом.

Конюховская: В части образования в области робототехники и сейчас в индустрии наблюдается колоссальный дефицит кадров. Потому что не готовят специалистов.

Бодрунов: Таким образом, можно сразу такой контрапункт поставить, что на самом деле робототехника, конечно, убирает людей из каких-то областей, но в то же время появляются другие потребности в кадрах, правда? Вы говорите, колоссальный дефицит кадров...

Конюховская: Да.

Бодрунов: Не проблема, так сказать, лишнего человека, да, а дефицит кадров. Тимур Кайратович, как Вы это наблюдаете?

Бергалиев: В этом смысле я с Алисой полностью согласен — риски в первую очередь связаны с тем, что человек не готов к новой технологизации, информатизации и так далее. Для этого как раз-таки и действуют сегодня в стране такие программы, как Национальная технологическая инициатива, которая работает не только со взрослыми — со стартапами, зрелыми компаниями, но и с молодыми ребятами, которые на горизонте 5–10 лет станут теми самыми разработчиками различных технологий. Но при этом они уже будут иметь определенный уклад образовательный, общее понимание предмета и так далее, и так далее. И, на мой взгляд, основной риск связан с тем, чтобы уметь людей подготовить к этому. Есть некий эффект особой социализации. В стране есть несколько очагов, где вот именно такой социализацией занимаются. В данном случае образовательная деятельность является формой такой социализации. И по поводу провала, который Вы отметили: он заключается в том, что нет перехода от образовательных, игровых моментов к «взрослым» задачам — это один аспект. А то, что Вы отметили про прикладную науку, — это, наверное, чуть другой аспект...

Бодрунов: Совершенно верно, это другая сторона одной проблемы.

Бергалиев: Да, когда мы говорим про фундаментальную науку и прикладную, то это как бы чуть другой аспект, и в этом смысле даже вот мы втроем разговариваем, и уже видна такая многогранность этого вопроса.

Бодрунов: Естественно. Каждый сидит на своем стуле. Тем не менее проблема общая, и она очень важная. Мне представляется, что когда мы говорим о вытеснении людей, то речь идет о естественно-историческом, цивилизационном процессе. На самом деле, всегда было так. Наименее творческие функции постепенно заменялись, орудия труда менялись. Сегодняшняя компьютеризация, цифровизация, роботизация — это новый инструментарий для освобождения людей от рутинной работы. Поэтому, мне кажется, мы уже в какой-то мере понимаем, что заменить просто так людей нельзя. Алиса, скажите, пожалуйста, какие профессии появятся взамен существующих в какой-нибудь из областей, в двух-трех областях?

Конюховская: Появятся операторы роботов, те, кто управляет беспилотными системами, появятся в большом количестве те, кто программирует роботов и как-то их вообще обслуживает. То же, что уже произошло и с разными терминалами, банкоматами и так далее.

Бодрунов: То есть сначала не было профессии, грубо говоря, загрузителя денег в банкомат.

Конюховская: Да, и она появилась. И количество, и содержание этих профессий будут расширяться. Изменения коснутся тех профессий, которые сейчас существуют. Они не будут ликвидированы, они будут видоизменены, получают другое содержание. Скажем, дворник. Это может быть дворник с метлой, а может — дворник на крутой уборочной машине. Здесь нужно не забывать, что не всё роботы могут выполнить. И у них есть определенные устройства, сопряженное оборудование, которым они выполняют ту или иную функцию. У нас есть иллюзия того, что роботизировать можно всё. Это неверно. Сейчас технологии позволяют роботизировать только рутинные процессы, повторяющиеся. Стоимость перепрограммирования робота сейчас очень высокая. И в целом, если мы посмотрим на то, что сейчас роботизируется, — это сферы, где человеческий труд очень дорого использовать. Допустим, почему в Европе и сейчас даже в Китае больше происходит роботизация, потому что там очень дорогой человеческий труд, и на каких-то опасных операциях лучше ставить робота, это снизит риски и в то же время позволит немного сэкономить расходы.

Бодрунов: Тимур Кайратович, как Вы думаете, что появится в перспективе? Что наиболее интересно? Куда людям нужно будет, молодежи особенно, стремиться попасть, чему учиться?

Бергалиев: Добавляю к тому, что уже сказано. Какое-то время назад зародилась такая сфера, как человеко-машинное взаимодействие. Вот как раз это человеко-машинное взаимодействие — либо человек-машина-человек, либо человек-человек-машина и различные комбинации — это новое поле деятельности, которое сейчас, скажем так, видоизменяется за счет новой компонентной базы, новых алгоритмов, новых подходов в материалах и так далее, и так далее. Например, вот у Вас на книжке нарисована красивая рука такая...

Бодрунов: Да, мы о ней поговорим в конце передачи.

Бергалиев: Если поговорить с людьми, которые хотели бы иметь такую руку, то они скажут, что функционал иногда избыточен. То есть если говорить про бионический протез руки, то управлять каждым пальцем достаточно сложно с помощью бионических систем управления. И более того, нет такой необходимости. Так вот, я думаю, что это одно из явлений на новом поле человеко-машинного взаимодействия. Каким образом роботом можно управлять: с помощью голоса, с помощью речи, с помощью движений...

Бодрунов: Мысли...

Бергалиев: Да, это сейчас очень популярно, собственно говоря, мы в какой-то степени...

Бодрунов: Вы же занимаетесь нейротехнологиями.

Бергалиев: Тут сразу поправлюсь: управление мыслью нужно брать в привычку, потому что управление мыслью как такового нет. Есть управление с помощью регистрации электрической активности мозга и другой электрической активности — мышц, например.

Бодрунов: Так или иначе должна быть некая посредническая часть.

Бергалиев: Да-да. И, соответственно, возникает вопрос, что в некоторых ситуациях такой тип интерфейса удобен, а в некоторых — неприемлем. Где-то, например, останутся кнопки.

Бодрунов: Где-то джойстики, где-то штурвалы.

Бергалиев: Совершенно верно. И таким образом появляется новое поле деятельности проектировщика, даже метапроектировщика, который будет проектировать пространство будущего: то, как роботы будут взаимодействовать. Например, если мы работаем вместе с коллаборационными структурами, системами, нужно понимать, какой вред они нанесут или не нанесут и так далее, и так далее. Это все опять зависит от человеко-машинного взаимодействия, конкретных типов интерфейсов, конкретных типов взаимодействия, которые человек туда заложит. А это сумасшедшее творческое направление.

Бодрунов: Уважаемые коллеги, я не знаю, насколько эта оценка верна, но то, что эта абсолютно новая профессия, связанная с технологическим прогрессом, может стать массовой, это сомнению, наверное, не подлежит, правильно я понимаю?

Бергалиев: Есть нюансы: если даже на примере беспилотного транспорта рассматривать, возникают разного рода проблемы, которые нужно решать. Про социально-психологические аспекты можно отдельно говорить, но, например, самое явное — это юридические ограничения, нормативные ограничения использования беспилотников.

Бодрунов: Конечно, да.

Бергалиев: И вот эти картинки, когда ребята весело рисуют карту полета над городом — это, на самом деле, должно быть ограничено.

Бодрунов: Там есть зоны, где нельзя летать, есть персональные данные, нельзя заглядывать в окно...

Бергалиев: Да-да. И эта область должна быть отрегулирована. Она сейчас, конечно, уже регулируется. Многие наши знакомые производители дронов, разработчики дронов от этого страдают, потому что многие потенциальные сферы направления бизнеса исключаются.

Бодрунов: Здесь развернуться можно было бы, а законодательство отстает.

Бергалиев: А пока нельзя, да. Соответственно, нормотворчество — тоже очень интересное направление.

Бодрунов: Говорят, что России так называемый робокалипис не грозит. А почему не грозит? А потому, что вот у меня данные: в мире — 100 промышленных роботов на 10 занятых человек, а в России — 4 робота на 10 тысяч человек. Мы, как всегда, отстаем, и в этом наше счастье.

Бергалиев: Если продолжать разговор в той же логике, в которой мы начали: что роботы все-таки помогают человеку, оптимизируют его труд, снижают издержки и так далее, то пусть этот робокалипис наступит побыстрее. Другая часть этого вопроса связана с тем, что отставание очень сильно зависит от потребностей экономики. То есть если, допустим, кто-то в этом сильно очень преуспел, то, значит, есть определенные потребности.

Бодрунов: Да, они стали развиваться по этому пути...

Бергалиев: Я совершенно согласен с тем, какую важную роль играет экономическая составляющая. То есть, если это окупается, если это, на самом деле, увеличивает эффективность производства, снижает издержки...

Бодрунов: Повышает производительность труда.

Бергалиев: Другой аргумент с экономической составляющей — это здоровье человека. В принципе, если мы посмотрим на развитие робототехники, то очень многие объекты стали своего рода культурным мемом. Та же бионическая рука — тоже в какой-то степени культурный мем. Потому что в целом там проблема уже в какой-то степени решена, но у людей все равно возникает желание сделать в том же направлении что-то новое, классное, многофункциональное: там, третью руку человеку добавить и так далее.

И в этом смысле два направления: чисто экономическая составляющая и здоровье человека, куда можно сейчас отнести и протезирование, и экзоскелеты...

Бодрунов: Да, тут еще вторая часть аргументов, касающихся здоровья, — участие роботов в массовом масштабе в тех профессиях, где человеку тяжело работать.

Бергалиев: Плюс огромное поле — это реабилитация человека, послеинсультная реабилитация, например.

Бодрунов: А вредные профессии так называемые.

Бергалиев: Да, в том числе вредные профессии.

Бодрунов: Человека убрал оттуда, он будет здоров, а работать станет робот.

Бергалиев: Что самое интересное, сегодня очень популярна беспилотная технология. Но мало кто знает, что беспилотники еще около 30–40 лет назад стали применяться уже в добыче полезных ископаемых, потому что на большой глубине неблагоприятные для человека условия.

Бодрунов: И соответственно, там эту эволюцию развития технологии уже прошли: начиная от оператора, заканчивая сегодняшними беспилотными системами.

Новые производства нам помогут

КУРОЧКИН: Несмотря на то что часть ныне существующих профессий действительно будет либо видоизменяться, либо отмирать, тем не менее параллельно будет идти процесс создания новых производств, новых технологических платформ, создание новых направлений, которые в свою очередь создадут и рабочие места, и инфраструктуру, и новые сферы услуг. Это мы и наблюдаем во многих странах мира. Поэтому о восстаниях луддитов, наверное, можно на какое-то время забыть. Тем не менее пробле-

ма на самом деле существует. И вопросами подготовки кадров, своевременного создания инфраструктуры, развития сферы услуг нужно заниматься, что называется, здесь и сейчас. Бояться следует того, что мы не впишемся в те процессы, которые происходят сейчас в мире в рамках и четвертой промышленной революции, и бояться стоит несбалансированности развития наших отраслей и регионов. И повторяю, этим нужно заниматься своевременно, здесь и сейчас. Вот это нам необходимо сделать.

Бодрунов: Алиса Егоровна, мне недавно приходилось беседовать с одним из лидеров профсоюзов, который говорил, что он не против роботизации, но против того, что мы людей, которых вот сейчас роботы заменяют или заменят, ничему не учим.

Конюховская: Задачи переобучения лежат и в субсидировании переобучения. Когда сейчас на предприятиях внедряются роботы, обычно сами предприятия оплачивают обучение. И причем люди обучаются где? В компаниях, которые этих роботов создают. Сейчас компетенции, все знания о том, что такое робототехнические технологии, сконцентрированы даже не в университетах и не в исследовательских центрах, а в компаниях, которые нам из-за рубежа роботов продают.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

Джон Маркофф

«ХОМО РОБОТИКУС?
ЛЮДИ И МАШИНЫ
В ПОИСКАХ
ВЗАИМОПОНИМАНИЯ»

Бодрунов: Вы говорите о тех людях, которых учат управлять роботами, условно говоря.

Конюховская: Да-да.

Бодрунов: А что делать тем людям, которых роботы выбросили из производства?

Конюховская: Сейчас картина наблюдается следующая: те страны, те предприятия, которые внедряют у себя роботов, не только увеличивают число роботов, но они увеличивают число людей, которые там работают. У них благодаря тому, что они повысили эффективность своего производства, продали более качественный и дешевый продукт, больше покупают этот продукт. И у них есть деньги для того, чтобы опять расширять производство, устанавливать новых роботов, нанимать новых людей. Развитие автопрома и электроники показывает, что прирост числа роботов сопровождается приростом числа людей. Например, в США в автопроме увеличивалось число занятых на 6% в среднем в год, когда прирост роботов был порядка 9% — это данные с 2010 по 2015 год, реальные цифры. То есть это уже сейчас происходит. Чем мы рискуем? Если мы не внедряем технологии, значит, мы проиграем в конкуренции, потому что кто-то создает качественный продукт и сокращает свои издержки. И вот тогда — да, у нас может быть безработица.

КАК ИННОВАЦИИ МЕНЯЮТ БАНКОВСКИЙ СЕКТОР

Под влиянием новых технологий стремительно меняется банковская система России. Банки приходят в несвойственные ранее сферы, а нефинансовые организации — на финансовый рынок. Чего в этом процессе полезного для людей и экономик?

По материалам программы «ДОМ Э» на телеканале ОТР, 27.10.2019

СОБЕСЕДНИКИ

*Василий Михайлович Солодков,
директор Банковского института НИУ ВШЭ,
профессор, к. э. н.*

*Роман Анатольевич Прохоров,
председатель правления
Ассоциации финансовых инноваций*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Бодрунов: Уважаемые коллеги, банковский сектор России сейчас меняется, меняется стремительно. Появляются новые технологии, инновационные решения: многие банки создают определенное пространство, платформу, вокруг которой сформируется некая экосистема, которая меняет наше традиционное представление о банках. Сейчас Россия, по вашему пониманию, как-то отстает от такого типа изменений в Европе, в мире? Или мы все-таки, как подозревают некоторые аналитики, чуть ли не впереди планеты всей?

Солодков: Вы знаете, в прошлом году я был в Шотландии, очень красивый отель. И там я был первым человеком, который осуществил платеж с помощью телефона. Собрался весь персонал и смотрел, как это возможно! С другой стороны, я был уже почти 10 лет назад в Бангладеш и обратил внимание, что все расчеты идут с помощью мобильных телефонов. И потребности как в таковом в банке, банкомате просто не возникает. Поэтому, мой ответ: смотря с кем нас сравнивать. С точки зрения того, что у нас был низкий старт, да, мы развиваемся очень быстро. Это наше преимущество по сравнению со старыми устоявшимися рынками, такими как в Шотландии, но мы отстаем по сравнению с Бангладеш, Филиппинами, Японией, Китаем, где все эти вещи делаются значительно проще.

Бодрунов: Скажите, пожалуйста, Роман Анатольевич, у российской банковской системы есть шанс в этом отношении стать одной из передовых в мире?

Прохоров: Мы, как ассоциация, регулярно проводим исследования с точки зрения развития финансовых инноваций у нас и за рубежом. И я соглашусь с Василием Михайловичем: действительно, наша банковская отрасль по ряду направлений является достаточно передовой. Если смотреть по тем направлениям, которые наиболее активно развиваются, это платежи и кредитование, мы как раз видим активную динамику. Что касается Вашего вопроса о том, какое место может занять наша банковская система в мире, надо очень четко понимать, что ответ на этот вопрос связан с тем, какое место займет экономика России, потому что небольшая экономика, в принципе не может породить глобальную банковскую систему. И что касается того, каким образом развиваются инновации в зарубежных банках: я тоже отмечал, что в той же самой Великобритании банковская система достаточно консервативна в отношении инноваций. Они буквально несколько лет назад только внедрили мобильный банк для юридических лиц.

Бодрунов: Извините: овсянка, традиция, Темза...

Прохоров: Да, с одной стороны, овсянка, традиция, но с другой — люди просто очень четко считают деньги и не реализуют инновации ради инноваций. То есть, если они видят, что существует возможность работать с традиционными инструментами, не перекраивая существующие подходы, они работают по этим подходам. У них нет задачи продемонстрировать свою инновационность как таковую.

Бодрунов: В силу моей деятельности в качестве председателя Международного союза экономистов мне приходится бывать за рубежом часто, в том числе и общаться с разными финансовыми структурами. И, вы знаете, многие вещи в России мне сделать проще и понятнее, чем в той же Британии или в той же Германии, где очень много ограничений в банковском секторе, в том числе и в технологическом отношении.

Прохоров: И они, заметим, усиливаются.

Бодрунов: И в этом плане я не стал бы, так скажем, особенно жестко нападать на нашу банковскую систему с точки зрения ее технологичности, с точки зрения ее уровня инновационного наполнения.

Прохоров: По-моему, никто на нее и не нападает.

Бодрунов: Скажите, а что, по Вашему мнению, может сдерживать развитие инновационного подхода к развитию банковской системы?

Солодков: В первую очередь — это регулирование. Если мы говорим о банковской системе, это либо Минфин, либо Госдума. И, естественно, неформальным регулятором и законодателем является Центральный банк, хотя таковым по закону он не является. В связи с этим у нас не внедряется целый ряд инструментов, которые могли бы быть полезны для потребителей. Можно опять-таки спорить, хорошо это или плохо, нужно это или нет. Но по целому ряду параметров мы очень серьезно отстаем. Допустим, я устал об этом говорить, с 2011 года я предлагаю такой очень удобный инструмент, как депозитный сертификат. Предложение прошло обсуждение в Госдуме прежнего созыва, в Правительстве, много где, и везде было получено одобрение. Однако инструмента в том виде, о котором я говорил, как не было, так и нет. А до сих пор ломаются копыя вокруг того, нужны нам были или не нужны безотзывные вклады. Хотя понятно, что это совершенно прошлый век.

Бодрунов: Вы справедливо заметили, что недостатки регуляторной системы становятся уже реальным тормозом и многих вещей не хватает. Но я бы добавил еще со своей стороны, что многих вещей, что называется, чересчур. Я имею ввиду нормы, устаревшие в регуляторном отношении. Недавно РСПП внес предложение о применении регуляторной гильотины, которая планируется в России, к Центральному банку. Центральный банк, если я не ошибаюсь, пока молчит? Одни утверждают, что ничего нельзя делать, иначе мы все разрушим. Другие — что в нормах много избыточных ограничений, которые не позволяют далее инновационный процесс развивать. В частности, многие новые предложения, которые связаны с внедрением технологий, наталкиваются на старые инструкции, которые просто нельзя будет использовать после внедрения той или иной инновации. Вы в Ассоциации эти вопросы исследуете?

Прохоров: Что касается предложения применить регуляторную гильотину к Центральному банку, насколько мне известно, ЦБ не молчит, а поддерживает идею.

Бодрунов: Поддерживает? В Правительстве было сообщение, что Центральный банк молчит.

Прохоров: По крайней мере, Центральный банк даже запрашивал общественные организации о том, в каких отношениях это действительно разумно было бы применить. И это совершенно правильно, потому что, как и в слу-

чае правительственных структур, для которых гильотина предусмотрена, применение ее в отношении Центрального банка позволило бы, конечно, оптимизировать регуляторную систему, потому что там очень много так называемых хвостов. У нас регулирование развивается последовательно, не на пустом месте. К существующим нормативам наращиваются следующие на некоей базе. И вот эти хвосты для тех людей, которые только начинают вникать в эту проблему, являются зачастую совершенно непонятными. Не зная всей этой истории целиком, сложно понять, откуда взялись такие нормы. Тем не менее надо отметить, что регулирование достаточно активно развивается, в том числе пытается соответствовать новым вызовам рынка. Я отмечу принятый Госдумой летом 2019 года закон об инвестиционных платформах. Это одна из фундаментальных вещей с точки зрения развития банковского и околобанковского бизнеса, потому что оно подразумевает прямое кредитование, взаимное фактически, одними субъектами экономики других. Здесь роль банков становится несколько сторонней с традиционной точки зрения, но это реальная конкуренция.

Бодрунов: То есть в финансовый сектор приходят нефинансовые субъекты.

Прохоров: Да, которых нам сегодня, действительно, очень сильно не хватает, особенно учитывая тенденцию к монополизации на нашем финансовом рынке, которую мы все не можем не замечать.

Бодрунов: Вот, уважаемые коллеги, сегодня в этом сюжете мы видим некоторые обозначенные тенденции направления развития, скажем, технологического развития поддержки доступа к банковским услугам и так далее. Я думаю, что очень показателен Ваш пример по поводу Бангладеш и азиатских стран, где это действительно очень активно развито и так далее, в том числе и из-за неразвитости, собственно говоря, потребителей, да... Скажите, пожалуйста, если говорить об упрощении доступа к банковским услугам, особенно для потребителя, какие такие тенденции, кроме, может быть, тех, что сегодня обозначены, вы еще могли бы назвать?

Прохоров: Я очень люблю приводить такой пример: когда я приходил заверять документы по Ассоциации к нотариусу, она обратила внимание на название ассоциации. «О, — говорит, — финансовые инновации. А когда нам можно будет оплачивать платежи силой мысли?» Вот ожидание потребителя. И, в принципе, движение и происходит в этом направлении.

Солодков: Когда я создавал Банковский институт, у меня был голландский партнер — это был 1995 год. Он говорит, так быстро меняется банкинг, что скоро не будет нужно никаких отделений, ничего. Кардинально поменяются бизнес-стратегия, маркетинг и так далее. Сейчас у нас 2019 год, партнер ушел на пенсию. Я у него спрашиваю: «Как дела?» Говорит: «Иду в банк». — «Зачем?» — «Ты знаешь, я хочу посмотреть в глаза банкиру». Вот эта проблема остается. И когда мы с вами видим, что человек может за полторы минуты получить кредит, это замечательно... Но при этом есть вторая сторона: что у нас будет происходить с ростом плохой задолженности?

Бодрунов: Да, как мы будем доверять друг другу.

Солодков: Да. Как происходит верификация того, что клиент является платежеспособным? Достаточно ли скрупулезно?

Бодрунов: Я думаю, что в этой проблеме есть несколько аспектов. Один из аспектов я упомянул — доверие. Исторически так сложилось, что должны быть какие-то системы верификации информации, которую ты получаешь со стороны, допустим, партнера. Скажите, а вот технология блокчейна, которая применяется сейчас, как один банкир писал, для расшатывания банковской системы — виртуальные деньги и так далее — как они сопоставляются сегодня с финансовой системой? Это расшатывает систему, меняет, дополняет или как?

Прохоров: Здесь надо разделять все-таки саму технологию блокчейна, да и ее применение...

Бодрунов: Это понятно, да, технологию можно применять не только в финансовой и банковской сфере...

Прохоров: Да. Если мы говорим о применении, то на сегодня единственное широко распространенное применение — это криптовалюты, собственно, для чего вся эта история создавалась — чтобы осуществлять быстрые, в том числе трансграничные анонимные платежи.

Бодрунов: В том-то и дело, что анонимное, и здесь как раз высокое доверие к системе должно быть.

Прохоров: Но когда мы пытаемся применить блокчейн к чему-то другому, мы сразу видим, что на этом пути у нас возникают разные проблемы: со скоростью, например.

Когда люди между скоростью и анонимностью выбирали анонимность, соответственно, они жертвовали скоростью. Но если мы снимаем требование по анонимности, ведь ряд центральных банков говорили, что планируют перейти тоже на цифровые валюты, возникает вопрос, а зачем это нужно тогда?

Солодков: Я немного дополню. Чем, собственно говоря, замечательны фиатные деньги? Фиатные деньги — это деньги, которые выпускаются центральными банками. Тем, что они обязательны к приему. То есть, когда ко мне приходит человек с рублями и говорит, продай такой-то товар — вот тебе рубли, я не могу ему отказать на том основании, что я не принимаю его рубли. Они все одинаковые. Но, когда ко мне человек приходит с некой криптовалютой, там, биткоин или что-то еще, это мое дело, принимать ее или нет. И вот в этом принципиальная разница, это надо понимать.

Бодрунов: Вообще-то, вы знаете, были времена, когда не было платежных карт, была одна банковская система, были чековые книжки...

Прохоров: А в Америке они есть до сих пор и ими пользуются.

Бодрунов: Тем не менее, я думаю, что новые технологии перевернули наше представление о финансовых услугах, банковскую систему изменили, изменился маркетинг, изменились способы передачи информации, обработки данных. Может быть, сейчас впереди какая-то другая технология нас ждет? Что мы можем ожидать в будущем? И будет ли в ближайшие 10–15 лет инновационная система, которая перевернет снова банковскую систему, как Вы думаете, Василий Михайлович?

Солодков: Если мы с Вами говорим о способах расчетов, то здесь Роман Анатольевич уже предложил — переводы силой мысли. Как бы ни фантастически это звучало, способы идентификации развиваются: есть варианты по зрачку, по лицу, по отпечатку пальца, по голосу. То есть очевидно, что вместо карт, вместо даже смартфонов появится что-то другое, что упростит саму по себе технологию расчетов. Совершенно очевидно, что будет использоваться технология блокчейна. Постольку поскольку она кардинально решает проблему со всякими расчетами типа аккредитивов, инкасы и так далее. Там все прозрачно, ясно и понятно, и не требуется всех сложных вещей, которые используются сейчас. А что-то такое, что кардинально изменит всю отрасль, я, честно говоря, пока не вижу. Но к тому, собственно говоря, революция и называется революцией, что чего-то не было,

но внезапно появляется и ломает систему. Мы с вами все 10 лет назад жили без тех же самых криптоваплют и прекрасно себя чувствовали без технологии блокчейн. Жили еще раньше и без карт пластиковых, и все замечательно было, даже без чековых книжек...

Прохоров: Нет, все же грустно было без карт...

Бодрунов: С нынешней точки зрения, возможно, грустно. Но с таким же успехом можно сказать, что были счета и тоже люди себя чувствовали неплохо.

Солодков: Абсолютно, да, ущерба не было.

Бодрунов: С другой стороны, я не знаю, сам лично в интернете не нашел, без ссылки, так сказать, но тем не менее Виталику Бутерину...

Прохоров: На которого теперь все ссылаются, что он во всем виноват...

Бодрунов: Да, приписывают такие слова, что придет время, когда банковской системы вообще не будет как таковой, а будут прямые платежи по транзакциям между людьми на основе технологий блокчейна.

Прохоров: Криптовалюты на этом же и построены, что в обход банковской системы...

Бодрунов: Да. Как вы думаете, может, это как раз тот самый шаг, который похоронит банковскую систему или сделает ее неэффективной, и она сама постепенно редуцируется?

Прохоров: Еще раз возвращаюсь к своему тезису, о котором я говорил, банковская система, она же не существует сама по себе. Она существует для того, чтобы обслуживать определенные потребности экономики и субъектов экономики. Соответственно, в том виде, в котором она сформировалась, она сформировалась в рамках текущего видения экономики...

Бодрунов: Тех потребностей, которые есть...

Прохоров: Да. Если мы будем наблюдать изменения экономики и тех экономических моделей, которые существуют... Сейчас много говорится о так называемой sharing есопому, когда у нас экономика потребления меняется

на экономику совместного потребления ресурсов. Возможно, под это потребуются какие-то другие финансовые инструменты. Просто в чем на сегодня принципиальная роль банковской системы: это система, которая обеспечивает трансформацию финансового доверия между государством и потребителями.

Бодрунов: В этом плане она выступает посредником между вами и мной, например.

Прохоров: Да. То есть мы говорим о том, что есть как бы доверенный субъект, уполномоченный на это государством, который выполняет определенную роль. Если экономические субъекты найдут другую возможность договариваться между собой, ситуация изменится. То же самое — использование криптовалюты. Ведь что такое? Это перенос доверия от институтов к алгоритму.

Бодрунов: А вспомним традиционный бартер: ну, договорились, поменялись.

Солодков: Коллеги, на мой взгляд, дело-то на самом деле не в расчетах. Расчеты запросто могут идти без банков, тут банк не нужен...

Прохоров: Нет, мы не про расчеты, мы вообще про финансовую систему.

Солодков: А дело в том, что банк выполняет совершенно другую функцию — он управляет риском. Я у кого-то взял деньги, я кому-то дал деньги, кто-то из контрагентов может просто по дороге исчезнуть, а риск-то у меня. Можно меня устранить из цепочки, как банк? Да, можно, тогда будет МФО. Тогда риски переходят к другому контрагенту, а у другого контрагента ставки будут в 10 раз выше. Вот и все.

Прохоров: Относительно рисков я полностью Вас поддерживаю. Но я не зря сказал о том, что у нас в этом году произошло, с моей точки зрения, знаменательное событие — принятие законопроекта об инвестиционных платформах — это кредитование без банков, когда риски распределяются между пулом инвесторов. И это как раз вот та самая история про ставки, о которых Вы говорите, — они оказываются ниже, чем банковские. А для инвесторов они выше, чем по вкладам. Это интересно для всех. Насколько она будет взлетать в рамках текущей экономики в России, это пока большой вопрос.

Солодков: Посмотрим.

Бодрунов: Одна из тенденций.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

Джонатан Макмиллан

«КОНЕЦ БАНКОВСКОГО
ДЕЛА. ДЕНЬГИ И КРЕДИТ
В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ
РЕВОЛЮЦИИ»

Эту книгу написал коллектив авторов под общим псевдонимом, причём среди них — банкир высокого уровня, который решил, чтобы не выступать против своей корпорации, выступить анонимно.

Солодков: Это интересно очень, конечно.

Бодрунов: Действительно, мы идем в общество, в котором потребление, распределение, в том числе рисков, будет играть большую экономическую роль.

ЧАСТЬ III

РОССИЯ 2020:
РЕАЛЬНОСТЬ И ПОТЕНЦИАЛ

ГОД ПРОШЕЛ: ЧТО ДАЛЬШЕ?

НАЦПРОЕКТЫ НАБИРАЮТ ОБОРОТЫ

ВНУТРЕННИЙ СПРОС — ДРАЙВЕР РОСТА

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ: ТЕНИ НЕ ИСЧЕЗНУТ?

ПЕРСПЕКТИВЫ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

ЭКОНОМИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МИРОВОЙ
ОБСТАНОВКИ

ГОД ПРОШЁЛ: ЧТО ДАЛЬШЕ?

(По материалам Абалкинских чтений ВЭО России, 5 февраля 2020 г.)

СОБЕСЕДНИКИ

Сергей Дмитриевич Бодрунов, президент ВЭО России, президент Международного союза экономистов, директор Института нового индустриального развития

им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Андрей Николаевич Клепач, член Правления ВЭО России, заместитель председателя (главный экономист) Внешэкономбанка

Дмитрий Евгеньевич Сорокин, вице-президент ВЭО России, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ, член-

корреспондент РАН, д. э. н., профессор

Сергей Юрьевич Глазьев, вице-президент ВЭО России, член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической

комиссии (ЕЭК), академик РАН, д. э. н., профессор

Наталья Владимировна Орлова, главный экономист, руководитель центра макроэкономического анализа Альфа-банка

Александр Владимирович Бузгалин, вице-президент ВЭО России, директор Института социэкономике «Московского

финансово-юридического университета МФЮУ», заслуженный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, д. э. н.

Леонид Маркович Григорьев, главный советник руководителя Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, ординарный профессор,

научный руководитель Департамента мировой экономики, к. э. н., профессор

Антон Викторович Данилов-Данильян, сопредседатель «Деловой России», заместитель председателя Общественного совета

Минпромторга РФ, председатель Экспертного совета Фонда развития промышленности

Владимир Алексеевич Сальников, руководитель направления анализа и прогнозирования развития отраслей реального

сектора Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, к. э. н.

Руслан Семенович Гринберг, вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор

Александр Владимирович Данильцев, директор Института торговой политики НИУ ВШЭ, д. э. н., профессор

Василий Игоревич Богоявленский, член Правления ВЭО России, заместитель директора Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт проблем нефти и газа РАН (ИПГН РАН), член-корреспондент РАН, д. т. н.

Роберт Искандрович Нигматулин, член Правления ВЭО России, научный руководитель Института океанологии РАН им. П. П. Ширшова, член Президиума РАН, академик РАН, д. ф.-м. н., профессор

Елена Борисовна Ленчук, член Правления ВЭО России, директор Института экономики РАН, д. э. н., профессор

Владимир Михайлович Давыдов, член Правления ВЭО России, научный руководитель Института Латинской Америки РАН, президент Ассоциации исследователей иberoамериканского мира, заместитель председателя Национального комитета по исследованию БРИКС, член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор

Владимир Дмитриевич Миловидов, руководитель Центра социально-экономических исследований Российского института стратегических исследований, доктор экономических наук. Тема выступления: «Эпоха подрывных перемен: первые 20 лет»

Михаил Владимирович Ершов, член Президиума ВЭО России, главный директор Института энергетики и финансов, профессор, д. э. н.

Виктор Меерович Полтерович, член Правления ВЭО России, заведующий лабораторией математической экономики Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, д. э. н., профессор

Александр Дмитриевич Некипелов, вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, д. э. н., профессор

Алексей Анатольевич Громыко, член Президиума ВЭО России, директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, д. полит. н.

Бодрунов: У нас сегодня очень строгий, жесткий регламент. Докладчиком — Андрей Николаевич Клепач, один из ведущих экономистов страны, хорошо понимающий ситуацию. Мы надеемся, что сегодня он доложит нам не столько то, что есть, а сколько то, что будет.

Сорокин: Договорились на 25 минут.

Бодрунов: 25. Замечательно. У нас такая традиция в Экономическом обществе — от 20 до 30 минут докладчику. Это не маленький доклад, это серьезный доклад. Это не столько дискуссия, сколько чтение, поэтому для дискуссий у нас есть другие площадки — координационный клуб, экспертная сессия и прочие вещи. Здесь мы рассчитываем больше на взвешенный аналитический подход в выступлениях. Поэтому у нас регламент для комментариев — от 7 до 10 минут, но думаю, что мы будем просить уважаемых коллег укладываться до 7 минут.

Клепач: Сейчас сказать о том, как сложится экономическое развитие, может быть, сложнее, чем это было до Нового года, потому что я практически уверен, что будут существенные изменения в экономической политике именно с акцентом на повышение эффективности выполнения и нацпроектов, и ускорение темпов экономического роста. Предугадать, какие решения будут приняты, сложно, хотя определенный пакет мер, который обсуждался и даже сейчас начинает вырисовываться, ясен. Но тем не менее, как бы ни повышалась устойчивость нашей экономики к тому, что происходит в мире с ценами на нефть и другими ценами, я все-таки по традиции начну с этого, тем более что здесь тоже есть развилка.

Мы все знаем, что официальный прогноз МЭР, и бюджет базируется на том, что цены на нефть существенно снижаются. Условно говоря, с 64 долларов за прошлый год, если брать прогноз МЭР, до 53 в 2024-м. При этом темпы роста ускоряются, и с бюджетом все хорошо, он профицитный, но за счет существенного ограничения расходов.

Наше видение — ближе к консенсус-прогнозу, хотя консервативнее. Оно исходит из того, что цены на нефть снизятся в текущем году. Мы это, собственно говоря, сейчас и наблюдаем, провала не будет, а дальше все-таки возобновится определенный рост — 59 долларов, и, может быть, даже следующий год будет почти такой же, как этот, но дальше цены выйдут на 65, 60 с лишним долларов за баррель. То есть это другая картина, и она более благоприятна для экономического роста и для бюджета, чем то, что заложено в прогноз.

При этом есть вторая развилка, по которой ясности еще меньше — это какие объемы добычи и экспорта нефти и других углеводородов. Россия присоединилась к ОПЕК+. У нас до конца марта действует соглашение об ограничении объемов добычи, но этот прогноз исходит из того, что после марта мы все-таки из этого ограничения выйдем. Почему? Потому что многие проекты, которые запускали нефтяные компании, так или иначе связаны с существенным увеличением объемов добычи, и падение на старых месторождениях не компенсирует тот рост, который предполагается в ближайшие годы. В то же время, если брать последние заявления и переговоры президента с монархом Саудовской Аравии, где было заявлено, что Россия или ОПЕК+, скорее, будет придерживаться этих ограничений, даже с учетом ожидаемого падения, но, собственно говоря, оно и началось. Падает спрос со стороны Китая, и производители готовы пойти на сокращение добычи в целом на миллион баррелей. Поэтому здесь есть тоже неопределенность, и она существенна и для темпов роста, и для экономики в целом.

Понятно, что это существенно влияет на курс рубля. Все-таки если цены проседают (а они и сейчас, мы видим, снижаются), то курс, несмотря на достаточно крепкий уровень в конце прошлого года и начала этого, тоже несколько снижается, однако в дальнейшем — этот вывод тоже в разрез с тем, чтобы было в прогнозе Минэкономразвития — будет постепенное укрепление курса рубля, а не его снижение, по мере того, как цена на нефть вырастет, а не упадет. При этом, естественно, рубль оказывается крепче, чем то, что мы ожидали раньше, в том числе из-за того, что существенно снизился, даже более резко, чем мы ожидали, отток капитала.

Вкратце по мировой экономике. Один из серьезных вызовов — это даже, может быть, не коронавирус, хотя он оказывает, помимо чисто трагического влияния на людей, которые заболели или умерли, тормозящее влияние на экономику Китая, и это может сказаться, действительно, на мировой экономике, на нас. Есть официальные ожидания или многие эксперты ждут, что пик пройдет уже фактически в марте, если брать за образец прошедший в свое время вирус птичьего гриппа, но тем не менее сейчас и масштабы, и потери больше, и сроки могут оказаться дольше. Мы видим, что это начинает сказываться, по-видимому, на мировых ценах на нефть и на ряде других сырьевых товаров, то есть к снижению может добавиться где-нибудь 2 доллара за баррель. Сейчас сложно сказать, больше или меньше. Это зависит от продолжительности спада. Торможение китайской экономики возможно, если у них было ожидание и мы ожидали порядка 6%, то в этих условиях может быть 5,8. Естественно, это окажет понижающее давление на цены.

На нас это сказывается уже через туризм. Тут полных оценок нет, но, в принципе, это по-любому несколько сотен миллионов долларов. Это скажется на авиаперевозках, уже сказалось. У «Аэрофлота» 30% транзитных полетов — это китайское направление. S7 вообще сейчас запретили летать в Китай. То есть здесь потери будут достаточно значимые. Вряд ли для России это тем не менее большие потери, но грубо, может быть, 0,1 или около того темпов роста ВВП это может стоить, опять же при условии, что пандемии не будет и все-таки эпидемия в Китае пойдет на спад и все останется под контролем.

При этом есть существенные возможности для ускорения роста, которые не были использованы раньше, — это 8 с лишним, почти 9% средств, которые должны были быть использованы по нацпроектам, перешли на текущий год. Более того, значительная часть того, что было перечислено в декабре, естественно, работать не начало, и сейчас идет восстановление или возврат значительной части перечисленных денег по федеральным проектам. Прибыли и остатки на счетах предприятий высоки. Как известно, многие компании резко увеличили дивидендные выплаты, хотя оттока капитала нет, то есть он резко снизился, все равно это ресурс, который не инвестируется, а тем не менее может потенциально превратиться в инвестиции.

Возможный эффект дополнительных стимулирующих мер за 2020-2024 годы

Стимулирующие меры	Доп. прирост ВВП*		Доп. расходы бюджета
	%	млрд руб.	млрд руб.
 Всего	6,1	22 427	18 741
 Дополнительная индексация зарплат бюджетников и пенсий	1,4	4 258	3 967
 Дополнительное снижение ключевой ставки Банком России	0,4	1 998	
 Докапитализация институтов развития	0,8	2 760	2 475
 Дополнительное финансирование науки	0,2	857	838
 Дополнительное финансирование образования	0,9	3 642	3 299
 Дополнительное финансирование здравоохранения	1,2	4 220	3 957
 Дополнительное финансирование инфраструктуры	1,1	4 690	4 205

* С учетом лагов, т.е. учитывается и прирост ВВП полученный в 2025 г. за счет стимулирующих мер 2024 г.

Это оценки, которые мы приводили и раньше. Наверху — это ожидаемый рост мировой экономики — базовый сценарий. Поскольку все ожидают ускорения по сравнению с прошлым годом в большей или меньшей степени, здесь нет прогноза возможной рецессии, хотя я бы, скорее, на нее поставил 50% на конец 2020 или на 2021 год. Но это отдельная тема. Еще раз говорю: здесь есть разные симптомы, но даже с той степенью вероятности, с которой мы ожидали кризис в конце 2008–2009 г., — сейчас такого нет. Появилось много сложностей в экономиках разных стран из-за Китая, но пока это не складывается в более вероятную картину рецессии. Тем не менее, я думаю, такой риск существует. Серая линия со скачком вверх — это базовый прогноз Минэко, который лежит в основе бюджета и был недавно принят, хотя Минэко сейчас готовит новый, и, судя по заявлению министра, он станет даже еще более оптимистичным. Зеленая линия — это наш прогноз по России, тоже относительно оптимистичный, базовый, но базировавшийся на том, что уже заявленные ранее меры Правительства будут в полной мере реализованы, тем не менее он не позволял выйти на темпы роста мировой экономики. Тут можно спорить про десятое, но выйти на темпы роста в 3 с лишним процента в рамках той политики, достаточно жесткой, и бюджетной, и денежной, и с серьезным недоверием бизнеса к заявленным мерам и ожиданиям, на наш взгляд, получить нельзя.

Теперь что можно выделить? Или какие изменения назревают? Во-первых, Послание Президента все-таки предложило достаточно серьезный социальный пакет. Окончательные цифры мы увидим в мае, когда будут вноситься поправки в закон о бюджете, но то, что на днях заявляли, — это 4 с лишним триллиона. Так или иначе все исходит из того, что ЦБ будет смягчать свою денежно-кредитную политику, хотя то, как он это делает, означает, что она все равно будет достаточно жесткая.

Меры стимулирования инвестиций — тоже важный, известный закон, законопроект о поддержке инвестиций, который внесен в Государственную Думу. При этом была серьезная критика и со стороны бизнес-сообщества, и Греф высказывался в части того, что он заблокирует и уже приостановил многие концессионные соглашения. Но, судя по последним сообщениям, удастся разблокировать эти ограничения, поэтому концессионные соглашения и механизмы будут работать.

Это заявление прозвучало и раньше, хотя параметры неясны, что все-таки будет дано добро на инвестиции ФНБ в российскую экономику, чего до сих пор не было. Как известно, в свое время было принято решение это приостановить, потом рассматривались инвестиции только за рубежом. Сейчас и в Послании, и на уровне рабочих обсуждений, по-видимому, определенные инвестиции пойдут, но вряд ли это будет быстро, и, скорее, начиная с 2021 года и дальше.

И опять же — вопрос эффективности реализации нацпроектов. По оценке пакета, и то не всего, социальных мер, которые содержатся в Послании, связанных с материнским капиталом, связанных с выплатами на ребенка до 7 лет, это даст для роста ВВП, по нашей оценке, где-то до 0,3 процентных пункта даже в 2020 году и в 2021, хотя опять же многое будет зависеть от правил, и пока до конца правила того, как будет выплачиваться материнский капитал, неясны, то есть это пока, скорее, оптимистическая гипотеза. Плюс неясно, как там учитывается демографический прогноз и ряд других моментов, потому что либо предполагается, сверхоптимистичная гипотеза, что сразу все начнут рожать. Но если базироваться на тех демографических прогнозах, которые раньше были у Росстата, которые он еще не успел поменять в соответствии с новой политической ситуацией, там получится несколько другая картина.

Сложившиеся тенденции развития не позволяют выйти на темпы роста, опережающие мировые

- В 2020 году российская экономика ускорится до 1,9% (при этом добавочный день високосного года даст 0,3 п.п. прироста). В 2021-24 годах среднегодовой рост прогнозируется на уровне 2,1-2,6%, что уступает ожидаемому прогнозу роста мировой экономики
- Высокая вероятность принятия новых стимулирующих мер, которые потребуют изменения бюджета и денежно-кредитной политики, чтобы выйти на темпы роста в среднем 3-4% в год

Прогноз ВВП в базовых сценариях Института ВЭБ и МЭР (прирост, %)

1

При этом, что очень важно, это все-таки серьезный, значимый фактор с точки зрения динамики доходов населения и динамики ВВП, это серьезно может повлиять на сокращение бедности. Поскольку у нас по опросам примерно 8–9% домашних хозяйств относятся к бедным, точнее, их больше, а это те, у кого есть много детей. Эти меры, если бедные не начнут резко повышать рождаемость, могут существенно снизить как минимум на 1 процентный пункт размеры бедности. Поэтому здесь в целом приведен прогноз динамики реальных доходов населения и заработной платы в рознице.

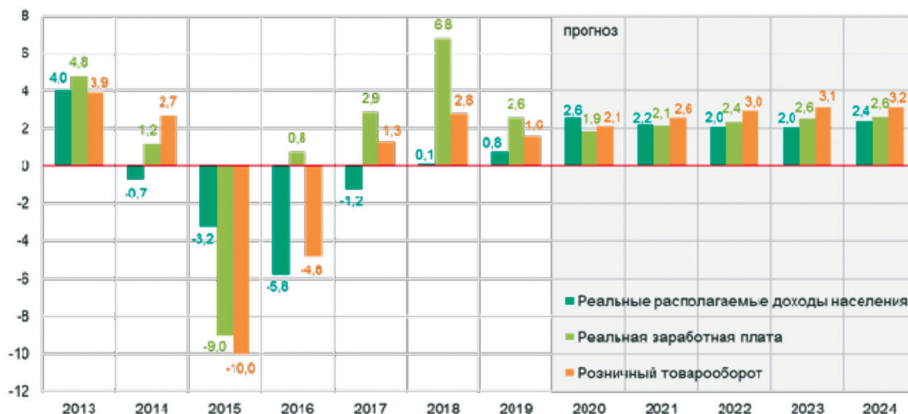
На самом деле получается, что в какой-то мере этот социальный пакет, предложенный Президентом, очень сильно изменил ту конструкцию, которая была раньше заложена в прогноз МЭР и в бюджет, который, по сути дела, базировался на том, что в 2020 году у нас существенно ограничится потребительский спрос, не сильно вырастут доходы населения. И отсюда была идея, что, зажав население, мы получим скачок в инвестициях. Я не считаю, что эта идея была правильной, но тем не менее сейчас та логика, которая следует из Послания Президента, другая, и мы получаем серьезный социальный пакет, который так или иначе на потребительском спросе, на доходах существенно скажется.

Второй вопрос, который здесь возникает и на который нет ясного ответа, — это все-таки что с нашим любимым бюджетным правилом? С одной стороны, у нас такая догма: бюджетное правило не меняется, не отменяется, это как Библия. С другой стороны, по факту, если брать бюджет, который принимали в 2019 году, начиная с 2020, его уже несколько модифицировали миллиардов на 500, и это, соответственно, отразилось в создании инвестиционного фонда, который отражен в бюджетном кодексе, в увеличении заимствований. Сейчас подтверждается, что бюджетное правило меняться не будет, бюджет остается профицитным.

Исходя из нашего прогноза развития экономики, но включая те установки, которые были сделаны, что дополнительные расходы федерального бюджета будут финансироваться начиная с 2021, 2022 года за счет условно распределенных расходов, и, в принципе, это попадает в тот профицит, который есть, а на 2021 год потребуют дополнительных заимствований. Поэтому мы получаем ту конструкцию, которая была и раньше: с одной стороны, профицитный бюджет, но при этом у нас растет государственный долг, и в основном за счет этого роста продолжает финансироваться разбухание суверенных фондов. Альтернатива: если мы хотим, на наш взгляд, более существенно ускорить экономический рост, дополнительный социальный пакет, дополнительный инфраструктурный, технологический, то нам придется переходить к дефицитному бюджету с 2021 года, и, естественно, получится другая картина.

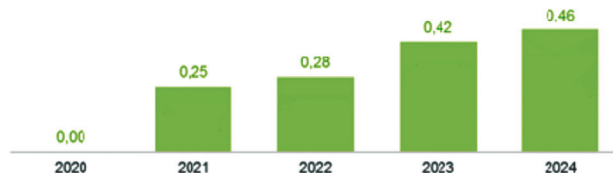
Когда удастся преодолеть провал реальных доходов населения 2014-2017 годов? Умеренный, но стабильный рост реальных доходов и потребительского спроса

Доходы населения и розничный товарооборот, базовый сценарий (прирост, %)

Здесь дана оценка тоже некоторых опять же еще не принятых, но обсуждаемых мер, то есть это дополнительная индексация зарплат бюджетников, дополнительное повышение пенсии, чтобы не ухудшалось соотношение пенсии и средней заработной платы, это дополнительная капитализация институтов развития, которая отчасти даже была обещана Правительством в лице ВЭБа, но еще не реализована но без долгосрочного финансирования инфраструктурных проектов, да и той же ипотеки, это сделать будет на самом деле невозможно. Соответственно, примерная наша оценка, сколько это могло бы стоить и какой вклад в рост ВВП это дало бы. По сути дела, это позволило бы поднять темпы роста (этим я дальше завершу) примерно с 2–2,5% в базовом сценарии до 3 с лишним, даже с выходом за 4%.

Дополнительный прирост ВВП в умеренно-оптимистичном сценарии по сравнению с базовым за счет большего повышения зарплат бюджетников и пенсий (п.п.)

По населению, я уже сказал, у нас запланировано: бюджетники — индексация в октябре, соответственно только при низкой инфляции это дает небольшой реальный рост. Это опять же возвращение долга по денежному довольствию военнослужащих, это повышение индексации пенсий. Но здесь дана оценка, сколько это добавило бы в рост ВВП, особенно с 2023, 2024 года. Что касается снижения процентных ставок, опять же здесь, скорее, вопрос не в том, что денег мало и нужно увеличить объемы инвестиций, потому что есть очень большие средства и в бюджетной системе, и в банковской, которые не инвестируются. Это вопрос снижения процентных ставок более агрессивный, чем то, что, допустим, мы ожидаем от Центрального банка, и есть достаточно много вопросов, связанных со смягчением рисков, или пруденциальной, политики. Не в смысле прощения вывода денег, а в смысле облегчения кредитования и распределения рисков между заемщиками и кредиторами. Соответственно, сколько это могло бы дать итогово за 4 года, в данном случае за 5, ускорение роста ВВП — 1,2 п. п. в год.

По ипотеке. Тоже было много оценок о том, что трудно выйти на целевое значение 120 миллионов квадратов. Основная трудность — не в строительстве, поскольку мощности есть и в цементной промышленности, и по строительным организациям. Основная проблема в том, кто это купит. И сейчас уже значительная часть жилья, которая вводится во

многих регионах, да и в Москве и Московской области — ее не могут продать. Есть допмеры, тоже на самом деле минимальные, по целевикам и опять же по так называемым целевикам, но которые работают в науке, образовании и здравоохранении, потому что там получились большие перекосы, сколько миллиардов как минимум это стоит и насколько может ускорить рост расходов.

Дополнительные вложения в транспортную инфраструктуру. Здесь на самом деле первый вопрос — чтобы вообще была какая-то ясность с этими вложениями, даже теми, которые заложены в магистральный план. Даже не хочется вспоминать так называемую ВСМ, которая до сих пор стоит в плане, причем в версии Москва — Казань, но, как известно, никакого решения и финансирования не началось. То есть вначале пойдет Москва, Нижний Новгород, где трассировка сделана и проектные работы завершены, или все-таки пойдет в Питер; и пойдет ли она через Великий Новгород или так. Еще как минимум 2 года проводить проектно-изыскательские работы. На самом деле не ясно, будет этот проект, не будет или он снесётся куда-нибудь к 2024 году и дальше, что с ним происходило уже несколько раз. Поэтому хочется надеяться, что какая-то ясность здесь возникнет.

То же самое — платная дорога Москва — Казань, по которой работы и финансирование не началось, хотя тоже она есть в плане: но не договорились в конце прошлого года, какой участок до конца финансирует бюджет. Я надеюсь, что как раз новое Правительство все-таки первое, что сделает — это определится по этим ключевым проектам. Причем они масштабные и очень значимые с точки зрения объема госинвестиций, а главное — участия бизнеса, и это будет иметь серьезный мультипликативный эффект. Тогда сверх этого можно обсуждать уже какие-то допы, которые нужны, потому что можно, конечно, заняться садомазохизмом, сравнить, мы даже когда-то это делали, все версии так называемых стратегий развития транспортной инфраструктуры до 2030 года, потом у нас было несколько серий с 2012 года и дальше госпрограмм по развитию транспортной инфраструктуры. Если брать предыдущие версии, они на 30–50% по финансированию больше, чем то, что есть даже сейчас в программе развития транспорта с учетом нацпроектов.

И это как раз предполагало не только обходы городов, развязки, обходы, городскую транспортную инфраструктуру, но и завершение всей так называемой опорной сети автодорог, что пока в рамках существующих параметров финансирования вряд ли можно выполнить.

С учетом тех разрывов, которые есть между сбережениями и инвестициями, оттока капитала, повышение нормы накопления всего как минимум на 2–3 процентных пункта ВВП — задача вполне реальная. Это вопрос опять же, скорее, инвестиционной настроенности бизнеса. При этом есть вопрос, который был в свое время объявлен, и, более того, было принято решение — это финансовое оздоровление ключевых предприятий оборонно-промышленного комплекса. Параметры называть нельзя, но это крайне важная вещь, потому что это значительная часть высокотехнологичного машиностроения, и, более того, все планы по диверсификации АПК или значительная часть планов по наращиванию несырьевого экспорта — все зависят от того, насколько здесь удастся решить проблему накопленных долгов и, главное, высвободить ресурсы и привлечь новые для дальнейшего развития.

Экспорт: риски не достичь целевых показателей. Необходимость создания новой инфраструктуры для экспорта на Восток

Экспорт по товарным группам (прирост 2024 к 2019 г., %)

Это цифры по экспорту. Синие высокие столбцы — это нацпроект. Зеленый и потемнее, тоже зеленоватый столбик — это наши прогнозные оценки. Они, как вы видите, существенно ниже. Проблема даже не в этих цифрах, больше они или меньше; есть несколько общих проблем. Первая: одно дело, когда мировая торговля росла по 6% в год, в первую очередь за счет развивающихся стран, тогда и нам достаточно легко было наращивать экспорт; когда мировая

торговля растет значительно медленнее, это делать значительно сложнее. Степень конкуренции на рынках крайне высокая. И отсюда прорывы, хотя они возможны, требуют не просто денег, а очень серьезной, а где-то и многолетней работы. Потенциально в тот же Китай можно экспортировать миллионы тонн мяса, только вначале надо получить сертификаты, надо выстроить всю схему. Поэтому первые пробные поставки, условно говоря, «Мираторга», и то идущие не под его маркой, а через других, даже в ближайшие год-два погоды не сделают. Нужна работа, которая потребует как минимум несколько лет. Хотя потенциал там с учетом африканской чумы свиней и падения чуть ли не на 40% поголовья, они, конечно, позволяют нарастить огромные объемы. Тем не менее это требует совсем другой инфраструктуры. У нас даже для поставок зерна в Китай нет нормальной инфраструктуры, ее надо еще создавать. То же самое — поставки сложной продукции или если говорить о химических продуктах, то же самое по лесу, древесине, по бумаге, но если брать планы по бумаге со строительством 4 целлюлозно-бумажных заводов, это почти 10 миллиардов долларов, пока еще ни один строить не начали, хотя там проектов и планов и сейчас, и 10 лет назад более чем достаточно. Даже начав, построив завод, мы начнем экспорт этой продукции уже за 2024 годом, а не до него. И все же окно возможностей здесь есть, но это требует и больших денег, и очень долгой организационной работы. Но даже, по нашей оценке, с учетом всех этих ограничений, выйти за 3% роста ВВП мы можем начиная с 2021 года, однако это потребует существенных дополнительных вложений. На 2020 год наша оценка — 1,9 ВВП, но потенциально, если бы мы начали прямо с начала года дополнительные меры, это могло быть и 2, и 2,1%, но, как обычно, пройдет полгода, а то и больше, поэтому эффекты даже дополнительных мер скажут о себе уже в 2021 году.

Еще вкратце два сюжета.

На самом деле, чтобы не просто получить ускорение, как у нас это бывало в 80-е годы при советской власти, а действительно перейти к устойчиво высоким темпам роста в долгосрочной перспективе, нужны ещё достаточно серьезные системные решения. Может быть, первый вопрос в том, что у нас вообще вся политика, если брать бюджетно реально даже не три года, а один, а то и меньше, вся в целом политика — это от выборов до выборов. По сути дела, надо все равно запускать проекты, которые ориентируются на долгосрочную перспективу, на 10, 15 лет. Я уж не говорю про китайцев с их 50 годами. Нам хотя бы 7, 10, 15 лет. И здесь потребуются новые приоритеты и правила той же политики доходов. Мы сейчас зафиксировали эту планку зарплат к средней по региону. Причем с 2012 года пытались исправить ошибку, ведь это просто ошибка и ляп, что средние и младшие меди-

цинские работники — 100% к средней, хотя всю жизнь и во всех странах разница — не более 40–50%. Мы за восемь лет даже эту ошибку не исправили. Здесь нужны другие правила, которые в том числе предполагают, как наши зарплаты и доходы будут конкурентоспособны с европейскими и мировыми, иначе тот же эффект, что на Украине, в Прибалтике, в Молдове, — значительная часть людей может уехать туда.

Второе, этот вопрос тоже многократно обсуждается, но ни одного решения нет — это все-таки единый стандарт благосостояния или какие-то общие принципы оплаты за одинаковый труд в разных регионах. Возможно, сейчас начавшееся обсуждение новых подходов к зарплате, пока, правда, только у учителей и врачей, хоть как-то уменьшит ту чрезмерную дифференциацию. Применительно к науке это пока вообще не обсуждается. Опять же про вложение в развитие человеческого капитала — все за, но, как известно, даже если брать нацпроекты, они не превысят относительно ВВП показатели 2008–2010 года, поэтому здесь нужны новые принципиальные решения, но тогда это и другая бюджетная конструкция, и прочее.

При этом в заключение подчеркну, что все-таки, может быть, наиболее важные вопросы и острые — это неравномерность регионального развития. В двух словах об этом не скажешь, но здесь масштаб дисбаланса колоссален и с точки зрения зарплат, и с точки зрения темпов роста. По предварительным данным Росстата, как известно, примерно 50% инвестиций — это московская агломерация, питерская агломерация и Тюмень. На всю остальную страну, соответственно, около 50%. Нужно менять здесь не просто инвестиционную политику, но это означает и изменение межбюджетных отношений, и в этом смысле — получение регионами и муниципалитетами серьезных финансовых ресурсов. Без этого обеспечить ускорение развития в целом страны только за счет Москвы, Питера и Тюмени невозможно. При такой модели развития мы никогда не выйдем на высокие темпы роста.

Сорокин: Спасибо, Андрей Николаевич. Коллеги, мы переходим к нашей дискуссии. Я еще раз напоминаю о том, что возможные вопросы к докладчику, возможное несогласие или согласие выражайте в своих выступлениях, а докладчику в конце мы дадим 3–4 минуты. И мы начинаем с выступления академика Глазьева Сергея Юрьевича.

Глазьев: К названию нашего сегодняшнего обсуждения больше подходит немножко перефразированная крылатая фраза: «Год прошел, и слава богу». Но Правительство, лозун-

гом которого было «могло бы быть и хуже», сегодня отправлено отдыхать. Новые люди мне кажутся более энергичными. Возможность для роста у нас есть. Многие присутствующие знают, что у меня более оптимистический взгляд на наши возможности роста, и эти возможности не сильно зависят от внешних факторов, в том числе таких важных, как динамика цен на нефть, в том смысле, если даже цены на нефть растут на мировом рынке, то сверхприбыль, как известно по бюджетному правилу, до экономики дополнительно не доходит, а разрешение нефтяникам не продавать валютную выручку в обязательном порядке создает ситуацию, когда чем больше цены на нефть, тем больше денег остается на валютных счетах и тем более у нас становится государственных и квазигосударственных резервов, у нас больше капитала, но эта сверхприбыль как источник инвестиций для развития не очень-то используется.

Я убежден, что сегодня у нас существует только одно серьезное ограничение для развития — это денежно-кредитная политика, искусственно созданный дефицит кредитных ресурсов для инвестиционных целей. Притом что внешние денежные власти говорят о профиците, но мы все понимаем, что профицит связан только с тем, что в силу завышенных процентных ставок и всевозможных постоянно ожесточающихся требований к залогу и так далее, плюс залоговое рейдерство, которое процветает в последние пять лет, делает для большинства предприятий реального сектора займы государственных банков крайне дорогими, опасными, и именно это и вызывает искусственный профицит на фоне катастрофической нехватки инвестиций даже для устойчивого развития.

Я думаю, что у нас реальные темпы роста, потенциально возможные исходя из объективных ограничений существенно выше, чем 5%, поскольку и по основному капиталу у нас свободные производственные мощности довольно большие, порядка 40%, и по трудовым ресурсам у нас нет ограничений благодаря Евразийскому Союзу, как и по неквалифицированным, так и в силу печальной ситуации на Украине, приток квалифицированных кадров достаточно большой. У нас нет ограничений по природным ресурсам и нет ограничений по интеллектуальным ресурсам хотя бы потому, что наши с вами рекомендации практически никто не востребует, а талантливая молодежь уезжает по-прежнему десятками тысяч за рубеж.

Главный вопрос — как связать имеющиеся ресурсы. Как раз этим должна заниматься денежно-кредитная политика. Именно деньги связывают излишние ресурсы в процессе производства. Существуют два пути, я бы сказал, для этого: один путь туманный и сложный, с непонятными результатами,

и второй путь простой и ясный. Правительство и власть у нас предпочитают идти сложным путем. Бесконечные разговоры про улучшение бизнес-климата, про защиту прав инвесторов, наивная надежда на цифровизацию — все это сложные пути, потому что мы видим, что, несмотря на существенное увеличение рейтингов нашей страны, наших партнеров по Евразийскому Союзу, по тому же критерию, да и по другим, — инвестиция не происходит. То же самое касается макроэкономической стабилизации. Уже несколько лет у нас достигнуты цели по снижению темпов потребительских цен, однако роста инвестиций при этом не происходит.

Все эти фразы блуждают по всем форумам, начиная от Давосского и заканчивая районными, но дело в том, что за этими общими фразами на самом деле нет никакой целенаправленной политики. И подчас получаются парадоксальные вещи, когда ставится задача, допустим, ускорения экономического роста, а налоговый маневр, который предпринимает Правительство, ухудшает условия для экономического развития, причем довольно-таки существенно. И прогнозы, которые мы сегодня имеем от органов власти, в основном инерционные, исходящие из того, что, в принципе, ничего меняться не будет.

Хотя нам все время говорят, что один рубль, который государство вкладывает в инвестиции, должен привлечь от 3 до 10 рублей из частного сектора, по идее, эффект для ВВП, роста ВВП, особенно для роста инвестиций, когда мы правильно организуем работу институтов развития, мне кажется, должен быть в разы выше. По поводу сложного пути я считаю, что мы в этих банальных ориентирах, что бизнес сам должен благодаря макроэкономической стабилизации и мер по улучшению бизнес-климата ответить государству бурным ростом инвестиционной активности, должны перейти на более ясный путь, более конкретный и более понятный для тех же деловых кругов.

Мы многократно обсуждали эти предложения. Я думаю, что простого смягчения денежно-кредитной политики мало по той простой причине, что у нас сегодня ключевая ставка используется как некая ставка для неполучения кредитов от Центрального банка, и как ставка складирования денег в Центральном банке. И в этом смысле Центральный банк сегодня своей ключевой ставкой устанавливает минимально допустимую цену кредита, потому что если ваш банк может положить под ключевую ставку на депозит в Центральном банке, то он никому не объяснит, почему он под более низкую ставку выдаст деньги с рисками для себя. Гарантированно безрисковый доход на уровне ключевой ставки, которую

Центральный банк обеспечивает коммерческим банкам, привлекает деньги на депозиты и, имитируя облигации, по сути, запрещает коммерческим банкам снижать процентные ставки ниже ключевой, хотя многие, может быть, на это и пошли бы, но под страхом правоохранительных органов не идут, потому что боятся, что у них спросят: «Зачем вы берете на себя риски и кредитуете дешевле, чем могли бы получить просто ничего не делая?»

Поэтому, во-первых, мне кажется, нужно прекратить эти безумные операции Центрального банка по стерилизации профицита ликвидности. У нас уникальный Центральный банк, он убыточный, во-первых, и Правительство еще не получает ничего от государственного права на денежную эмиссию; во-вторых, он изъял из экономики сегодня в чистом виде 5 триллионов рублей и не собирается их отдавать, судя по трехлетней программе денежно-кредитной политики.

Напомню, что в сумме Центральный банк, во-первых, за последние пять лет изъял все деньги, которые выдал на рефинансирование, — это порядка 10 триллионов, и еще 5 триллионов составляет его баланс чистого плюса за счет изъятия денег из экономики, что является полным абсурдом. Эти изъятые деньги следовало бы направить не через снижение ключевой ставки, потому что в настоящий момент денежные власти искусственно завышают доходность спекулятивных операций на рынке.

Исходя из кредитных рейтингов России, сегодня доходность наших облигаций должна была бы быть в три раза ниже, чем она фактически есть. А главная причина — это искусственное завышение доходности через операции Центрального банка на рынке, которое выгодно только тем, кто занимается керитрейдом, то есть международным спекулянтам. Я берусь утверждать, что у нас главный бенефициар проводимой денежной политики — это международные валютные спекулянты, которые, несмотря на санкции, прекрасно ощущают себя на российском финансовом рынке.

Поэтому я думаю, что, исходя из этого искусственного барьера, который создан денежными властями между финансовым сектором и реальным сектором, нужно пробивать просто такие целевые каналы с помощью целевых инструментов рефинансирования. Технология хорошо известна. У нас такие инструменты были. Рефинансирование коммерческих банков под малый и средний бизнес по льготной ставке, под проектное финансирование. Можно снижать

процентную ставку существенно, не на полпроцента, а до 2–3%, связывать это со специальными инвестиционным контрактами, со стратегическим планированием, с другими формами государственно-частного партнерства. И тогда можно рассчитывать на то, что мы свяжем те избыточные сегодня резервы, которые фактически присутствуют.

В завершение хочу сказать, что у нас есть, конечно, другой вариант: Правительство убедит мерами налогово-фискального или валютно-контрольного плана тех, кто вывез большие капиталы, вернуть их в страну и вложить под нацпроекты, но это тема другого разговора.

Сорокин: Спасибо, Сергей Юрьевич. Руководитель центра макроэкономического анализа Альфа-банка Орлова Наталья Владимировна.

Орлова: Мне представляется, что прошлый год был для бизнеса потерян, потому что были ожидания роста за счет нацпроектов, они не были реализованы. Прошлый год оставался достаточно сложным из-за внешней санкционной повестки. Но с начала этого года, мне представляется, с точки зрения внутреннего расклада ожиданий ситуация выглядит лучше, потому что новое Правительство, как оно воспринимается рынком, в большей степени настроено реализовать то бюджетное финансирование, которое уже заложено, то есть ожидания наконец могут быть реализованы. В этом аспекте появился оптимизм. Правда, с точки зрения изменения прогноза мы видим, что мы входили в этот год с прогнозом около 1,7%. Сейчас очень многие аналитики двигают прогноз ближе к 2%, но в основном это переоценка роста за счет социального пакета. По большому счету это ожидание, что мы опять будем расти на потреблении. Есть некое заложенное ожидание, что рост инвестиций будет таким, как был обещан, но не быстрее. И все равно есть большие сомнения, что нацпроекты, допустим, на уровне регионов, удастся полностью реализовать. Мне кажется, эта уверенность по поводу финансирования нацпроектов касается в большей степени федерального бюджета, настроя федерального правительства.

И еще раз вернусь к тому, что в глазах частного бизнеса ускорение темпов роста на 2020 год — это больше связано с тем, что потребители, которые в конце прошлого года уже исчерпали ресурс по приобретению новых кредитов за счет того, что доходы не росли и перспективы были непонятны, могут получить 2-процентный рост реальных располагаемых доходов на 2020 год, соответственно, это возможность нарастить и кредитное плечо. Поэтому это пока все-таки в глазах рынка потребительская модель.

Второй момент — по поводу Центрального банка. К сожалению, в ситуации, когда мы ждем больших расходов Правительства или такого, как было обещано, бюджетного финансирования, Центральный банк, конечно, будет вынужден эти бюджетные риски инкорпорировать в свою политику. И в этом смысле это сокращает потенциал снижения процентной ставки. Но мы видели, что фактор бюджетной политики как риск упоминался в течение всего 2019 года, просто не был реализован, именно поэтому дальнейшее снижение процентной ставки в таких условиях выглядит ограниченным.

Кроме того, конечно, Центральный банк еще функционирует в очень сложных внешних условиях, потому что, напомним, в 2019 году произошло радикальное изменение политики ФРС. В начале 2019 года все думали, что ставка будет расти. Сейчас мы увидели три снижения процентной ставки в США. На этот год из-за ситуации в Китае растут ожидания дополнительного смягчения на конец этого года, но на самом деле это тоже ожидание, которое очень чувствительно к этим новостям по вирусу, к сиюминутной информации.

В общем, может быть, в конце года мы окажемся в совсем другом раскладе. Возможно, ФРС опять вернется к более жесткой риторике. Безусловно, Центральный банк России должен считаться с тем, что этот внешний фактор стал гораздо менее предсказуем. На самом деле ситуация, когда ФРС, как в начале 2019-го, за месяц изменило риторику с обещания, что оно будет повышать ставку, до обещания снижения, достаточно беспрецедентно, поэтому здесь нужно понимать, что мы не можем с уверенностью прогнозировать внешний фон.

Ситуация с вирусом — это сейчас предмет сиюминутных обсуждений. Я только скажу, что у рынков есть такие бенчмарки. Бенчмарк — начало марта, конец февраля — если уровень заболеваемости выйдет на 2%, для рынков это будет серьезным фактором. К сожалению, 2003 год, когда была вспышка атипичной пневмонии, не является прецедентным, потому что тогда мировая экономика была все-таки в условиях роста, а сейчас мы только в прошлом году обсуждали глобальную рецессию и торговые войны, которые, безусловно, не создают положительный контекст для каких-то проблем.

В Китае обсуждается замедление роста до 4 с половиной процентов. Я не могу сказать, что это консенсус, но мне кажется, что замедление не в пределах по процентному пункту, а может быть более значительное.

Теперь я хотела сказать еще по поводу нашей внутренней ситуации как человек, соприкасающийся с финансовым сектором. Я совершенно согласна, что взгляд на факторы, за

которые отвечает государство, на 2020 год стал лучше. Поддержка маткапитала создает основание для ожидания дополнительного ипотечного роста, для роста в строительстве, возможно будут траты из ФМБ. Здесь вопрос, насколько мультипликатор частного сектора отрезонирует. Пока, к сожалению, по итогам прошлого года мы видели, что спрос на корпоративные кредиты замедлялся. В прошлом году рынок вырос всего на 1%. при этом там продолжалось сокращение валютного кредитного плеча, то есть российским банкам компании загасили 15 миллиардов долларов, это такая же сумма, как в 2018 году.

К сожалению, несмотря на то что объем долга сокращается, темп его сокращения пока не замедляется, а если мы будем смотреть в процентах, то даже ускоряется. По внешнему долгу — у нас внешний долг — за 300 миллиардов долларов. Там есть еще значительные возможности для погашения долга. Поэтому, к сожалению, есть впечатление, что компании сейчас предпочитают направлять свои прибыли на погашение кредитного плеча, хотя оно и так небольшое, доля корпоративного долга в ВВП — 50%, с 2013 года фактически не изменился, но мы не видим никакого аппетита на дополнительное кредитование. И в целом я хочу сказать, что в банковском секторе такой консенсус отчасти связан с санкционными рисками, с тем, что в условиях санкций физические лица, конечно, являются более привлекательными клиентами, там не существует санкционных рисков, которые могут привести к затруднениям.

С точки зрения динамики банковского сектора, с одной стороны, у банков нет большого желания стимулировать рост корпоративного кредитования в силу санкционных рисков. Санкционные риски сейчас не усиливаются, но они не ушли с повестки дня. И мы понимаем, что лучший сценарий для нас на 2020 год — в том, что не будет эскалации санкций. Поэтому весь взгляд финансового сектора, конечно, прикован к розничным кредитам. И хочу сказать, что на 2020 год как подтверждение динамики на сокращение кредитного плеча предстоят большие погашения корпоративных еврооблигаций, они будут почти в три раза больше, чем в 2019 году, и мы в конце 2020-го можем прийти в ситуацию, когда рынок корпоративных еврооблигаций станет очень-очень небольшим. И это в каком-то смысле будет ограничивать приток иностранного капитала в российский рынок, потому что фактически единственным ликвидным рынком у нас останется рынок ОФЗ. И тогда, наверное, у нас основным инвестором в экономике действительно должно стать государство в таких условиях, потому что по умолчанию иностранный капитал, конечно, будет идти в ликвидные рынки.

Сорокин: Владимир Дмитриевич Миловидов, руководитель Центра социально-экономических исследований Российского института стратегических исследований.

Миловидов: Во-первых, я тоже хотел бы выразить благодарность Андрею Николаевичу за интересную презентацию, за интересные цифры, которые действительно нас всех беспокоят. Но я бы хотел сегодня немножечко отойти чуть в сторону от непосредственной темы и раздвинуть рамки того горизонта, который мы обсуждаем, — экономического развития, конечно, прежде всего нашей страны.

Все дело в том, что то, что сегодня происходит, в конечном счете нельзя вырывать из контекста общих глобальных перемен, которые произошли в мире. И они произошли не сегодня, они накапливались на протяжении целого ряда лет, и поэтому я назвал сегодня свою презентацию «Эпоха подрывных перемен: первые 20 лет». Сегодня все чаще и чаще слышишь о том, что наше время — это эпоха подрывных перемен, и на самом деле для этого есть основания. Это первое, что я хотел сказать.

Второе. Мне очень нравится одна гипотеза, которая была высказана примерно в середине 2000-х годов, о том, что экономическая наука обладает так называемой характеристикой перформативности, то есть она имеет способность влиять на поведение людей, на общественное сознание, а общественное сознание производит дальнейшие действия. И таким образом под влиянием новых идей, теорий меняется реальная жизнь, и эта жизнь так или иначе движется по своей траектории. Мне хотелось бы, чтобы наши обсуждения тоже имели свою перформативность и на что-то влияли, влияли на лучшие перемены, но если мы посмотрим на изменившийся мир, то заметим, что идеи и, как сейчас модно выражаться, нарративы, действительно менялись на протяжении последних не то чтобы десятилетий, но даже столетия, и привели к такому сознанию, которое отражено сегодня в научной литературе.

Сейчас есть несколько ресурсов, которые позволяют оценивать количество и популярность, во-первых, запросов в интернете — это Google Trends — который становится более популярным аналитическим средством для анализа модных и популярных тем. Второе — сервис Google, который позволяет оценить использование тех или иных терминов, слов и словосочетаний в различной литературе, русскоязычной, немецкоязычной, англоязычной на протяжении последних 200 лет. Я попробовал провести такой эксперимент и подобрать некоторые термины, которые показались мне интересными, как они используются в научной англоязычной литературе.

Вот динамика использования таких слов, как social, international, state и community. Мы видим, что на протяжении 200 лет постепенно такие термины, как «международный», «общественный», «сообщество», потихонечку росли. Но более показательным является динамика слов network (сеть), industrial (промышленный), digital (цифровой) и global (глобальный). Мы видим, что такие слова, как «сеть», «цифровой», «глобальный», становятся трендами в последние годы, а слово «индустриальный» резко сокращается в своей популярности начиная с середины 70-х годов.

Я попытался выстроить лесенку использования разных терминов в международной научной литературе. И обнаружил, что если слово «свобода» чаще всего используется в литературе в 1800 году, «государство» — в 1835-м, в 1974-м — «индустриальная промышленность», «социальный» — в 1976-м, «контроль» — в 1985-м, в 1999-м — «комьюнити», «международный» — в 2000-м. И постепенно мы пришли к тому, что сегодня наиболее используемыми словами в научной литературе становятся global, digital и security. И на самом деле, если мы посмотрим на то, как характеризуют сегодняшнюю эпоху, то увидим, что о ней говорят как о сетевом обществе, глобальном обществе, обществе, в котором господствуют цифровые технологии и коммуникации. И это, естественно, все влияет и на нашу страну, это влияет на тот мир, в котором мы живем, и мы не должны абстрагироваться от этих глобальных и серьезных изменений. Это первый тезис, подводка к тому, о чем я хотел бы сказать дальше.

Второе. Я проделал тоже такой поисковый путь и уже взял за основу сервис Google Trends и задал ему несколько вопросов, чтобы выявить внимание и интерес пользователей интернета к наиболее ярким, заметным событиям, которые произошли на протяжении последних 20 лет. Я выбрал 10 таких терминов.

Они отмечались всплесками интереса пользователей. Самый первый всплеск, едва различимый, — это скандал с корпоративными отчетами в 2000 году в Соединенных Штатах Америки, которые начали достаточно серьезный процесс реформирования всей корпоративной отчетности, корпоративного управления и отношений корпораций в целом. Следующий всплеск, очевидный — это финансовый кризис. Еще один всплеск, который даже пришлось давать по отдельной шкале, — это Крым, 2014 год, внимание к нашим событиям и событиям на Украине, следующий — это голосование за Трампа, и последняя небольшая зигзагообразная линия — это торговая война, которая начата против Китая

США. Затем, на втором месте как бы, идут — это первый всплеск — Ирак, второй — голосование за Обаму, третье — это борьба с ИГИЛ, и далее — брекзит, а последний всплеск — возможный импичмент господина Трампа.

Почему я привожу эти примеры? Все эти события оказали существенное влияние на российскую экономику и на нашу жизнь. Естественно, мы оказались в ситуации, когда вопрос о развитии технологий, ответы на международные вызовы, санкции впрямую затронули нашу страну и будут действовать, как об этом уже говорилось, и дальше. Мы действительно видим, что сегодняшний мир, который нас окружает, в корне поменялся. Я попытался сформулировать несколько его принципиальных характеристик, которые сводятся к пяти вещам. Часть из них мы уже обсуждали на семинарах, на встречах.

Как я уже сказал, это вопросы высокотехнологического сетевого общества с развитием высоких технологий, 5G, искусственного интеллекта и так далее, это значительная гуманизация связей, развитие так называемой концепции стейкхолдеров, которая повышает социальную ответственность компаний, корпораций и корпоративную ответственность. Это то, о чем сегодня уже говорилось, — результат финансового кризиса, затяжная экономическая стагнация, рецессия, которая вызвала к жизни массивные количественные смягчения и отрицательные процентные ставки. Это новый тренд, который сегодня все больше выражается в защите национального бизнеса за пределами собственной страны и в реформах международных финансовых и экономических организаций, которые действительно являются отражением и этой торговой войны между США и Китаем. И, естественно, обострение международных отношений.

Я специально на сегодняшний день привел эти характеристики для того, чтобы сказать о том, что, когда мы рассуждаем о перспективах экономического развития в России на ближайший год, два или три, мы должны понимать, что все эти глобальные факторы, которые изменили общественное сознание за счет произошедших важных и очень сильных действующих событий в мире будут продолжать действовать. И в этой связи, конечно, было бы правильным существенное усиление политики в области и поддержки современной науки и технологии, о которой здесь уже говорилось. Это и вопрос повышения роли и социальной ответственности бизнеса, о которой мы говорили, и, конечно, один из важнейших вопросов, на которые нам предстоит ответить, — это вопрос нашего участия в международных экономических организациях, потому что вопрос о реформировании ВТО и изменения правил игры в торговой сфере будут стоять, что называется, ребром в самое ближайшее

время. И уже на Давосском форуме господин Трамп заявил о том, что следующая его цель — это не только соглашение с Евросоюзом, но и самое главное — это встреча с руководством ВТО и, по существу, изменение правил этой организации. И когда мы говорим о том, что мы ожидаем роста торговли с Китаем или другими странами, мы должны понимать, что на сегодняшний день другие страны, в том числе Соединенные Штаты Америки, не только об этом говорят, они реально выталкивают конкурентов со всех рынков, которые им интересны. Поэтому я считаю, что на эти проблемы следует обратить внимание и из них тоже исходить.

Сорокин: Спасибо большое. Леонид Маркович Григорьев. Леонида Марковича знают хорошо. Я в целях экономии буду опускать титулы.

Григорьев: Прямо сейчас много новых, интересных вещей в мире происходит. Пока радикально не изменится баланс на рынках, нефть мы будем как-то удерживать, видимо, еще год-другой; чем дальше, тем меньше определенности в разумных колебаниях цены. И это, конечно, совершенно выдающееся достижение превратить ОПЕК в Global Public Good. Это не каждому министру энергетики доступно. Это все тоже теперь вошло в историю.

Второе. По рецессии. Я непрерывно отбиваюсь от мнения о рецессии. Главное, пытаюсь уговорить людей, что единственный настоящий шанс влезть в рецессию — это уговорить себя на рецессию, запугать себя до последней степени. С этой стороны ползет вирус, с той стороны — где-то какие-то долги. Все знают, что мы сидим на долгах, но вроде как сидим довольно комфортно, потому что, напомним, стоимость обслуживания гигантского американского долга — где-то 2% ВВП, а при Рейгане, когда долг был примерно вдвое меньше, было 4% с лишним процента ВВП.

Поэтому пока нет инфляции, пока нет проблемы обслуживания долга, нету вот этого взрыва, с этой стороны. Мировые инвестиции — я выписал статью специально в декабре из «Вопросов экономики»: практически весь мир несколько снизил инвестиции и норму накопления после великой рецессии, и нету никакого скачка. Кстати, это означает, что мир не инвестирует в решение глобальных проблем: ни в бедность, ни в климат, просто-напросто этого не делает и все. Говорит много — ничего не делает. Поэтому нет скачка ставок, нет классического цикла сырья, поэтому пока все финансисты сходятся, что рецессии не видать. То, что после выборов Трампа еще что-то может быть, — во-первых, это очень далеко, во-вторых, все равно перед кризисом что-то должно происходить. И встряски финансового сектора всегда возможны. Напомним, что финансовых шоков всегда в два раза больше,

чем рецессий. Поэтому финансовый шок 2008 года был на большом пороге, он практически снес теорию реального цикла за одну свежую Нобелевскую премию.

Второе — это про инвестиции. Есть один пункт, по которому я в качестве Кассандры выступаю уже много лет. Я хочу напомнить, обратить внимание, что инвестиции в этой стране не идут, хоть тресни. Ни при каком климате — правительства меняются, центральные банкиры меняются, процентные ставки были высокие, стали низкие, потом опять высокие, инфляция — а инвестиции не идут. Самая выдающаяся первая фраза, которую я запомнил, — это была фраза Грефа, когда он был вице-премьером в соответствующем году: «Я чувствую инвестиции кончиками пальцев». Они все равно не пошли. Он их уже чувствовал, а они все равно не пошли. Граждане, мы провели такой транзишен, при котором предприятия не инвестируют. И всё.

Всё остальное — это танцы вокруг этого факта. Надо дробить как минимум для анализа: совершенно отдельный инвестиционный климат у крупных компаний, государственных, полугосударственных, частных по собственности, но полугосударственных по принятию решений, еще сильно зависящих от бюджетных; другой климат — у обыкновенного средне-частного бизнеса; третий — у мелкого. А у всех разные факторы, они по-разному инвестируют, но главное — они должны хотеть это делать. Если сделать климат, в котором собственнику выгоднее брать ренту и экономить на чем можно и пересиживать или вообще гонять деньги с малого рынка, с дешевых ставок на крупные? Я посмотрел балансы, когда у нас отняли дешевые кредиты, у некоторых крупных компаний исчезли безумные деньги сразу с обеих сторон ликвидного баланса. Они просто брали дешевые ставки, дешевые деньги за рубежом и инвестировали. Такой скрытый бенкинг. И ничего у них не произошло.

По потреблению то же самое. Нету никакого потребительского рынка. Совершенно разные потребительские рынки у верхних 20%, у середины и у нижних. Верхним уже ничего не хочется, лишь бы от них отвязались. Они не будут покупать второй, третий автомобиль. То же самое с квартирами. Надо быть очень осторожными. У нас треть жилья, мы подсчитали, построена в XXI веке из того, что применяется. У нас очень неплохая ситуация. Четверть миллиона частных домов в год со средним размером 135 метров. Это очень приличная ситуация. Вы не можете туда просто так спихнуть, как правильно говорит Андрей Николаевич, еще полмиллиона квартир. Кому они нужны? Поэтому я думаю, что у нас эти проблемы важнее. Не решая эти проблемы, мы только замучаемся с борьбой вокруг ставок процента и дополнительных средств.

Сорокин: Спасибо, Леонид Маркович. Член-корреспондент Российской академии наук Алексей Громыко.

Громыко: Во-первых, я еще хочу сказать о том, что общей красной нитью через выступления, по-моему, прошла мысль о том, что не все так плохо, как кажется, но намного хуже, чем надо. Философия такая. Мне кажется, что все не так плохо, если я правильно уловил эту философию, потому что в рамках нашей существующей социально-экономической модели развития, даже в ее рамках есть значительные заделы, но намного хуже, чем хотелось бы или надо.

Так как речь не идет все-таки, насколько я понимаю, в ближайшие годы о значимой перестройке структуры нашей экономики, повисает вопрос о том, промышленная политика у нас есть или ее нет. Я помню, как на Примаковских чтениях в прошлом году один из ключевых министров нашего Правительства на вопрос из зала, а что у нас с промышленной политикой, сказал — я слышал собственными ушами: «Вы что, из советского времени? Какая промышленная политика? Мы создаем общие транки для бизнеса». Я был поражен. Например, в сфере искусственного интеллекта кто-нибудь слышал о государственной промышленной политике? Я помню, было заседание одного комитета в Госдуме, где участвовали профильные замминистра ряда министерств, и им задали вопрос: «Вы знаете, какие целевые статьи в бюджете направлены на государственную политику в сфере искусственного интеллекта?» Замминистра не ответили на этот вопрос. Я помню, как на президиуме РАН пару лет назад обсуждался вопрос о робототехнике в медицинской хирургии и говорилось о том, что нельзя идти по пути закупки роботов «Да Винчи», у нас есть свои разработки, но государство должно этому помочь. На днях я смотрю репортаж, как отчитываются у нас о ситуации в здравоохранении и заявляют о том, насколько у нас подскочила закупка «Да Винчи», это роботы, которые делаются в США. И так далее, и так далее.

Теперь был слайд про барьеры бизнесу, и там была такая фраза: «Из-за высокой неопределенности», — и дальше она продолжалась. Два слова об этой высокой неопределенности. Андрей Николаевич это затронул, но, я думаю, здесь можно еще два слова сказать. В том числе высокая неопределенность по экстерналии. Например, какие в ближайшие 3–4 года могут быть новые региональные или межрегиональные конфликты? Или уже по существующим, насколько где-то может произойти достаточно сильная эскалация, которая повлияет на экономическое развитие нашей страны? Или санкционные режимы? Здесь есть много тех, кто считает, что с санкционными режимами в ближайшие 2–3 года станет лучше. Скорее

всего, большинство думает, что станет хуже. Или использование недобросовестной конкуренции — я думаю, здесь ситуация тоже станет хуже. Например, «Норд Стрим 2». Ведь было ясно, что санкции на трубу, на эти корабли из Швейцарии будут наложены. Это было ясно. Мы обсуждали это два года. Почему за эти два года не была проведена модернизация нашего судна, которое оказалось в декабре прошлого года на Дальнем Востоке, на Сахалине. А чего же его не модернизировали? Это к вопросу о стратегическом мышлении, что когда его нет, то его нет. Или зеленая сделка, так называемая зеленая сделка Евросоюза. Мы же с вами прекрасно знаем, что новая Еврокомиссия заявила о себе как о геополитической Еврокомиссии, впервые в истории, и эта самая зеленая сделка — они будут использовать огромные вложения в эту сферу и вводить протекционистские меры на своих внешних границах для усиления своего конкурентного преимущества и против США, и против Китая, и против России.

Андрей Николаевич Клепач говорил немножко о бедности и социальном неравенстве. У нас в стране часто можно слышать: «А что вы хотите?» Чтобы мы были похожи на развитые страны? Мы же еще вот такие-сякие». Но по паритету покупательной способности мы же на шестом месте в мире! Это что, маленькая экономика, с маленькими доходами? Мне кажется, что решение этих вопросов по бедности, по нашему социальному неравенству до сих пор по сути нашим государством рассматривались как какой-то тормоз на пути ускорения экономического роста, как некое бремя для госбюджета. Все разговоры об экономике, основанные на знаниях о важности социального, человеческого капитала в основном, насколько я это вижу, оставались разговорами. Вы знаете, социальные расходы в нашем ВВП — это 11,6%. А во всех странах, с кем мы хотим наравне, они в несколько раз меньше.

Была сказана фраза о бюджетном федерализме. Воз и ныне там. Я напомним, что последнее выступление Евгения Максимовича Примакова в клубе «Меркурий» было посвящено бюджетному федерализму. С тех пор прошло уже три года. И коррупция — это слово не прозвучало. Я думаю, это очень сильный фактор в том, насколько наша экономика в следующие 3–5 лет будет расти или медленно, или быстро.

Сорокин: Спасибо. Коллега Антон Викторович Данилов-Данильян.

Данилов-Данильян: В первую очередь я буду говорить, что мы ожидаем от следующего года в сравнении с прошедшим. Ответ со стороны нефинансового бизнеса: ничего. Все те пять основных тенденций, которые мы имели в прошлом году, несмотря на смену Правительства, сохраняются.

1. Денежно-кредитная политика Центрального банка, о которой здесь говорил академик Глазьев, на самом деле сильно не влияет ни на что, и двухпроцентный рост НДС практически никак не сказался на таргете по инфляции. Реально что влияет — это располагаемые денежные доходы граждан. В последние шесть лет они стагнируют. Даже если они чуть-чуть подрастут в следующем году, это ни на чем не скажется.

2. У нас идет сокращение числа малых и средних компаний, притом что растет доля и количество индивидуальных предпринимателей и микропредприятий. Если за рубежом число компаний от микро до самых крупных — это такая пирамида, то у нас, простите, все больше и больше напоминает расплывшуюся женскую фигуру. И пока мы не видим никаких причин, чтобы это остановилось. Это означает, что то, о чем говорил Леонид Маркович Григорьев, сохранится в полной мере, потому что нет причин, почему эти три группы как-то будут сглаживаться. Средние будут вымываться, крупные примерно на месте сохранятся, нижние — все больше и больше увеличиваться.

3. Наступление госсектора. Если раньше, года 4–5 назад, это происходило путем поглощения государственными компаниями, корпорациями, в следующий год-другой — их дочками, сейчас активно вошли в фазу внучки. И это происходит уже совсем незаметно, но очень быстро и эффективно. Среди самых значительных, наверное, действий прошлого года — это поглощение «Ростехом» единственной крупной частной станкостроительной группы «Стан». То, что не давали частной группе, тут же выделили кредитные ресурсы уже части «Ростеха», и ситуация там быстро начала нормализовываться. И какую подотрасль ни возьми из пятисот основных промышленных, всюду одна и та же картинка, в том числе побуждаемая требованиями государства к крупным государственным компаниям развивать инновационные проекты, а самый простой способ что-нибудь развить — это не сделать что-нибудь у себя, а купить существующее, и этот позыв будет лишь усиливаться.

4. Неопределенность сохранится. Под неопределенностью мы понимаем неопределенность трех видов: неопределенность по спросу, неопределенность по экономической политике и административно-силовое давление, неопределенность собственного будущего у инвесторов, у компаний. Вряд ли что-то серьезно изменится, даже несмотря на все те усилия государства, о которых тут говорилось, в плане государственных инвестиций, быстро их не развернуть, значит следующий год вряд ли будет отличаться от предыдущего. Административно-силовое давление сохранится. Здесь пока ничего не делается, чтобы это как-то пресечь. Регуляторная

гильотина — это не силовое давление, это контрольно-надзорное, это несколько иное, это проще. Здесь надежды кое-какие есть.

5. Мы не ориентированы на рост уже хотя бы потому, что есть различные режимы налогообложения: из-за них, как только компания достигает определенного предела, она перестает расти, она начинает дробиться. Если мы с этим ничего не сделаем, то у нас вряд ли что-то получится. В следующем году точно не сделаем.

Сорокин: Спасибо, Антон Викторович. Академик Некипелов Александр Дмитриевич. И подготовиться академику Полтеровичу.

Некипелов: Спасибо большое. Мне хотелось бы вот какие вопросы очень коротко затронуть.

Первое: конечно, у нас в экономике очень много системных проблем, и о них коллеги говорили. Но притом что, конечно, необходимо к ним подступаться и их решать, мне кажется, что если мы сейчас будем говорить о том, что, пока мы их не решим, не будет возможности вообще ничего сделать по всем другим направлениям, мы займем очень неконструктивную позицию, примерно такую, которая нас была все эти годы транзита. Сколько лет прошло с 1992 года, я уже запутался, уже под 30 лет прошло, мы добивались макроэкономической стабилизации, теперь заявили о том, что наконец макроэкономическая стабилизация достигнута, сейчас будем добиваться роста. Еще 30 лет будем добиваться роста по этой логике? Кроме всего прочего, вообще-то говоря, в первое десятилетие 2000-х годов, хотя особых преимуществ системного плана, структурного плана у нашей экономики не было, но это была экономика, которая развивалась достаточно динамично, с высокими темпами инвестирования и так далее.

Что касается денежно-кредитной политики: я очень давно недоумевал, зачем в стране формировать такие валютные резервы и международные резервы. Я помню, в свое время, когда еще на заседаниях Правительства допускались выступления приглашенных, а мне приходилось от Академии наук там участвовать, тогда Герман Оскарович с гордостью сказал о том, что у нас начали расти валютные резервы, и вот уже 200 миллиардов с лишним, и я спросил: «Герман Оскарович, какие резервы нужны нашей стране, по Вашей оценке?» Он так немножко замылся и сказал: «Миллиардов 300». Он так с завистью сказал, что хорошо

бы на 300 миллиардов, и тогда начнется жизнь. Меня, честно говоря, никогда не убеждали аргументы, в соответствии с которыми в условиях неопределенности внешней среды, ситуации, в которой находится страна, нужна подушка безопасности и так далее. Потому что даже в наиболее острые моменты, я уверен, мы далеко не самым оптимальным образом действовали во время острой фазы кризиса. Мы за полгода 200 миллиардов долларов из резервов израсходовали. Но можно, конечно, считать, что это будет происходить регулярно, и придется с такими темпами расходовать резервы.

Я сегодня все больше и больше прихожу к тому выводу, что мы попали в ловушку. Резервы — это инструмент, без которого нынешняя макроэкономическая стабилизация просто невозможна. Когда Центральный банк действует достаточно консервативно и снижая процентную ставку, и вообще проводя всю денежно-кредитную политику, то я вообще-то понимаю Центральный банк, потому что да, этот огромный профицит ликвидности в значительной степени является результатом высокой процентной ставки, которая существует в стране, потому что предприятия, у которых масса денег на счетах, не инвестирует их, и правильно делает, потому что в любом учебнике финансового менеджмента они могут прочесть, что отдача от основного капитала должна быть выше, чем от оборотного. Если у вас наоборот, то инвестировать могут только филантропы. Но я также уверен, что если в этой ситуации просто снижать процентную ставку, снять ограничения, то трудно представить, что это не повлечет подрыв той самой макроэкономической стабильности, о которой мы говорили, потому что деньги пойдут и на валютный рынок, и инфляционные процессы не могут не начаться в этой ситуации.

Мне кажется, ключевая проблема заключается в том, о чем Сергей Юрьевич в конце сказал, что хотел бы говорить в другой раз. Мы оказались, и это особенно странно, что мы ничего не меняем в ситуации, когда против страны применяются санкции разного рода и усиливаются. Мы совершенно несвоевременно сняли ограничения, по крайней мере, формально сняли ограничения по капитальным статьям. У нас ведь в среднем 65 миллиардов долларов нам приходится в последние лет 15 поддерживать чисто активов текущих статей платежного баланса. Да, цифры оттока капитала по линии частного капитала колеблются, они то увеличиваются, то уменьшаются. А 65 миллиардов нашей чистой кредитной позиции по отношению ко всему миру каждый год практически постоянны. Посмотрите, это больше триллиона долларов за 15 лет. Поэтому мне кажется, что выход из этой ситуации состоит не в резком смягчении денежно-кредит-

ной политики, он не состоит в том, чтобы просто начинать пытаться пускать деньги по отдельным каналам проектов, потому что деньги не остаются в этих каналах, они все равно потом расходятся по всей экономике, а ключевой вопрос сегодня заключается в том, чтобы вывести не запреты, не обязательство продавать валютную выручку. Надо использовать активные механизмы налогов, нужно снижать спекулятивную составляющую. Нас должна интересовать не столько, какая будет ликвидность акций корпоративного сектора, мне так кажется, потому что сегодня все эти вещи могут казаться очень симпатичными, но не имеют ровно никакого отношения к попаданию денег в реальный сектор экономики.

Сорокин: Академик Полтерович Виктор Меерович.

Полтерович: Спасибо большое. Я много лет изучаю страны экономического чуда, пытаюсь понять, что нам нужно делать для того, чтобы быстро развиваться. Обнаруживается, что эти успешные страны, несмотря на различие в культурах, во времени, в обстоятельствах, они использовали очень близкие институты и благодаря этому добивались успеха. Речь идет о таких разных странах, как послевоенная Япония, как франкистская Испания или современная Малайзия. Поскольку времени сейчас практически нет, я хочу в течение оставшихся у меня шести минут просто наметить основные препятствия, которые мешают нам развиваться. Это является некоторым выводом из изучения опыта успешных стран.

Первое препятствие носит институциональный характер. У нас нет законченной системы управления проектами или системы индикативного планирования. На самом деле в самое последнее время в России проходила очень масштабная реформа управления проектной деятельностью. Был создан соответствующий совет при Президенте, президиум совета, проектные офисы и много-много всякого всего, но тем не менее эта система не заработала по-настоящему. И здесь несколько причин. Одна из них состоит в том, что не решен фундаментальный конфликт, который решали все страны экономического чуда для того, чтобы добиваться успеха, — конфликт между Министерством финансов, задачами роста и Министерством экономики. Об этом писали очень многие историки. Последние изменения, которые у нас здесь произошли в составе Правительства, они действуют, на мой взгляд, в очень правильном направлении, но до конца все-таки этот конфликт не решают.

Второе препятствие носит идеологический характер. Мы все еще полагаем, что основное направление вмеша-

тельства государства в экономику состоит в развитии инфраструктуры. По существу, все национальные проекты в широком смысле этого слова носят инфраструктурный характер. Нет ни одного проекта, который был бы направлен на совершенствование технологий. Даже проект, касающийся цифровой экономики, — не тот, который должен был бы быть. А ведь в этом на самом деле, именно совершенствование технологий, заимствование и создание новых технологий — именно в этом корень роста. Таким образом, без преодоления вот этого идеологического препятствия мы дальше двигаться не сможем, а как только мы начинаем об этом думать, возникают сразу же вопросы, связанные с развитием национально-инновационной системы, с развитием науки, в частности, с созданием цепочки от фундаментальных исследований к практическому применению. В этой цепочке у нас совершенно не хватает отраслевых институтов, которые необходимо создавать.

Третье препятствие — культурного характера — это проблема доверия. До тех пор пока мы не преодолеем взаимное недоверие, повсеместное недоверие граждан к государственным институтам и к бизнесу, бизнеса к государству, государства к бизнесу — до тех пор на самом деле быстрый рост недостижим. Решение этой проблемы связано с решением и тех вопросов, которые я упоминал перед этим. Речь идет о вовлечении широкого круга агентов, в том числе гражданского общества, в процессы принятия решений, и речь идет о социальной политике и политике снижения неравенства. На самом деле мы так и не решаемся все еще на внедрение прогрессивного налога на доходы физических лиц, а без этого на самом деле двигаться вперед очень сложно.

И наконец, четвертое препятствие, конечно, состоит в правильном выборе международной политики. И этот вопрос очень сложный, а поскольку мое время закончилось, я только скажу, что мы должны, на мой взгляд, стремиться к союзу с Европой. И именно этот союз может дать нам необходимые ресурсы для того, чтобы развивать технологии и развивать торговлю, которая нам необходима. Спасибо.

Сорокин: Спасибо, Виктор Меерович. Директор Института экономики Елена Борисовна Ленчук.

Ленчук: Я остановлюсь на таких важных моментах, которые сегодня уже затрагивались, но, в общем-то, именно о них хотелось бы высказать свое видение.

Прежде всего, при отсутствии стратегии социально-экономического развития на долгосрочную перспективу, которая определяла бы нашу модель развития на предстоящий 10–15-летний период, мы живем в таких контурах развития, которые определяются на среднесрочный прогноз. Майский Указ Президента, инаугурационный приказ 204 — уже здесь мы видим некую нестыковку, потому что если смотреть на Указ и те цели, которые он определяет, прежде всего это обеспечение прорывного научно-технологического и социально-экономического развития, которое будет реализовываться через 12 проектов, уже реализуется — в определенной степени, конечно, это зависит от наращивания ресурсной базы и ресурсных возможностей. И прежде всего такая возможность зависит от общих темпов экономического роста.

Прогноз, например, в принципе не решает такую задачу, потому что прежде всего, на мой взгляд, речь должна идти о структурных изменениях, которые могут обеспечить наращивание темпов экономического роста. И прежде всего, мы на прошлом заседании говорили, речь должна идти о возрождении реального сектора экономики, потому что именно в реальном секторе формируются предпосылки для экономического роста. И такое возрождение реального сектора экономики должно происходить за счет технологической модернизации и внедрения самых передовых технологий и инноваций. И сегодня ни для кого не секрет, что именно научно-технологический фактор определяет конкурентоспособность и процветание тех или иных стран.

Сегодня модно говорить о цифровой экономике, но это и есть процесс внедрения во все сферы экономической деятельности самых передовых, прорывных технологий. У нас же сегодня цифровизация больше сводится к госуправлению, к использованию в финансовой сфере, довольно активно и успешно используются у нас цифровые технологии в фискальной области, а если говорить о промышленности, то здесь, конечно, стоит очень много вопросов и здесь как раз использование новых технологий тормозится. В принципе, это и определяет наши возможности в выпуске конкурентоспособной продукции и в наращивании несырьевого экспорта. И я полностью соглашусь с Алексеем Анатольевичем Громыко, который сказал, что необходимо проводить соответствующую промышленную и прежде всего технологическую политику.

В принципе, сегодня у нас нет ни одного нацпроекта, который затрагивал бы реальный сектор экономики. У нас в стране нет никакой ясной технологической политики. Нацпроект «Наука» вообще не затрагивает вопрос технологий, а занимается совершенно непонятными вопросами наращивания публикационной активности, инфраструктур-

ных проектов. А кто определяет ключевые технологии? Минэкономразвития не определяет, Минпромторг не определяет. Если брать Министерство науки и высшего образования, так, как они существуют, и эффективные менеджеры, которые там сидят, вряд ли они способны определить технологический вектор развития страны. И у нас есть стратегия научно-технологического развития, там тоже о технологиях фактически ничего не сказано.

И, заканчивая, я хочу сказать, что без научно-технологической политики, промышленной политики невозможно сформировать новую модель развития, потому что в век научно-технического прогресса и четвертой промышленной революции фактически нет альтернативы курсу на инновационное развитие, поэтому на этих вопросах, мне кажется, необходимо акцентировать внимание. Спасибо.

Сорокин: Спасибо, Елена Борисовна. Академик Нигматулин Роберт Искандрович.

Нигматулин: Дорогие коллеги! Наша встреча связана с именем Леонида Ивановича Абалкина, и я вспоминаю свои встречи с ним, Дмитрий Евгеньевич способствовал, чтобы он поддержал мои публикации и так далее. Мне очень приятно встретиться и вспомнить Леонида Ивановича. Это выдающаяся личность.

В последние несколько месяцев группа наших ученых готовит рекомендации по развитию экономики, экономического роста, и об основных пунктах вот этих рекомендаций академик Аганбегян рассказал, я сейчас на них останавливаться не буду. Но я бы упомянул еще один момент, который не затрагивался: у нас очень дорогое сырье. У нас бензин, в стоимость которого заложена нефть, примерно в два с лишним раза дороже по паритету покупательной способности, чем в Америке. Это тоже сильнейший тормоз в развитии нашей экономики, потому что все основано на сырье.

Я согласен, Елена Борисовна, с Вашими рекомендациями, с рекомендациями Александра Дмитриевича, со всеми своими коллегами я абсолютно согласен, но в последнее время я все больше и больше думаю, что у нас есть сильнейший экономический тормоз, к которому мы пришли за последние 30 лет, и в том числе за последние 20 лет, когда страной руководит нынешний президент.

Вот несколько цифр. У нас прирост ВВП на рубль инвестиций в основной капитал — 2. На рубль 2. В РСФСР было 4. Мир — от 3 до 5. Затраты ВВП на ликвидацию катастроф и так далее: в мире — 0,5% ВВП, у нас — 1,4%. В три раза больше. Это опять же качество руководства и качество наше-

го народа. Мы так давили наше образование, так его совершенствовали, что пришли к такому состоянию, что это становится сильнейшим тормозом, и мы быстро никакого экономического роста не достигнем.

Еще одна цифра: вероятность погибнуть в авиакатастрофе — у нас в три раза выше, чем в мире. Погибнуть при пожаре — в четыре раз выше, чем в Соединенных Штатах Америки. Вот до какого состояния мы довели свою страну этими преобразованиями в области образования, когда его раздавили, особенно образование в области инженерных кадров. Нет спроса на эти инженерные кадры, хотя и говорим «нужны, нужны инженеры». Я читаю лекции в «Сколково», там готовятся инженеры высшего класса с участием иностранных профессоров. Это удивительное учебное заведение. Всем рекомендую: если есть возможность, посетите. Построено здание этого университета, шикарное. За последние годы 45 PhD-диссертаций там было защищено. Практически все уехали на Запад, потому что нет спроса. Я знаю, как руководят экономикой в области машиностроения, энергомашиностроения, гражданского авиастроения, электроэнергетики. Это кошмарный уровень и одна из важнейших проблем.

Нужно отказаться от давления на науку. Мы тратим на науку 1 % ВВП. Но мир-то тратит 2–3%. И все время хотим что-то реорганизовать, перестроить ученых в рамках этих же денег, чтобы они стали более продуктивно работать. Вот эти все требования публикационной активности, планирование по публикационной активности — это же абсолютнейшая глупость и вздор, который исходит от власти. И это, я еще раз подчеркиваю, сильнейший экономический тормоз во всех наших планах. Это будет нас тормозить, и никакого роста 5% в ближайшие 10–15 лет мы не достигнем. Хотя те мероприятия, о которых я говорил и о которых Абел Гезевич в прошлый раз говорил, конечно, необходимы и нужно делать, но инвестиции в экономику знаний, чтобы экономикой знаний и наукой, организацией науки руководили специалисты, а не бухгалтеры, как сейчас у нас в последние годы давно это делается, мы не достигнем экономического роста.

Сорокин: Спасибо, Роберт Искандрович, Вы как всегда точны. Если я не ошибаюсь, я объявил коллегу Гринберга Руслана Семеновича, члена-корреспондента и прочее и прочее.

Гринберг: Во-первых, я должен сказать, что разговор уже скоро заканчивается, было сказано многое и из того, что я хотел сказать, но все-таки что-то важное хотел подчеркнуть.

У нового Правительства есть какой-то шанс. Я имею в виду прежде всего такого человека, как Андрей Белоусов. Все-таки он не идеологический человек, и похоже, что, может быть, наш президент разрешил ему провести какие-то эксперименты с государственно-частным партнерством и со знаменитыми инфраструктурными проектами. Я по-прежнему считаю, что при любой политике, при хорошей или плохой, наша страна находится в такой ситуации, что для того чтобы даже не то что ускорить рост, а просто прекратить стагнацию, из которой трудно выходить, как говорил Абел Гезевич, труднее, чем из рецессии, это правильно, я не знаю ни одного прецедента такого выхода, но, по-моему, все-таки нет никакой альтернативы государственным инвестициям и пресловутым ЛГЧП, об этом уже столько было сказано. На самом деле этого ничего не происходит. Происходит как бы, но я называю это двойной имитацией. Правительство имитирует успех, а бизнес имитирует провалы, потому что нельзя имитировать успех, ибо, как только ты заговорил о том, что у тебя все хорошо получается, за тобой приходят.

Теперь я хочу сказать, что в этом смысле нет никакой альтернативы одному очень примечательному высказыванию Алексея Улюкаева перед тем, как с ним случилась беда, он очень уверенно произнес такую фразу, что риски от государственных инвестиций намного меньше, чем отсутствие всяких инвестиций. И это золотые слова. Потому что думать об инвестиционном климате, коррупции — сколько уже можно говорить на эту тему, я вообще не знаю. Но это понятно, что принципиально должна измениться, конечно, экономическая политика. Я думаю, что есть какая-то надежда на Андрея Белоусова, и даже у меня есть надежда на Мишустина, поскольку время собирать камни, время разбрасывать камни, и он научился очень хорошо собирать деньги, пора тратить деньги. Теперь у него задача их тратить. И в этом смысле, конечно же, государственное финансирование с многочисленными мультипликативными эффектами мне кажется безальтернативным. Но ничего этого не происходит.

Теперь о рисках. Виктор Дмитриевич говорил об идеологическом препятствии. Я хочу сказать, что вся экономическая политика России — это идеологически обусловленное препятствие. Несмотря на то что во всем мире две утопии уже умерли — утопия директивного плана и утопия свободного рынка, но у нас она очень живучая и, судя, по всему, не хочет сдаваться. А это, конечно, берет свое начало еще с начала 90-х годов, где очень в моде была доктрина естественных конкурентных преимуществ: что ты можешь продать, то и делай прямо сейчас и всегда, а то, что временно

у тебя не получается, не можешь продать, мы тебе это завезем. И надо сказать, что это все проходит. Поэтому, когда сейчас говорят о промышленной политике или о каком-то ободряющем целеполагании, я считаю, что, может быть, мы многое упустили. Я не могу себе представить, как можно заменить потребительские товары Китая и инвестиционные товары Европы.

И здесь возникает вопрос: что делать? Мне кажется, что есть две школы мышления. Одна говорит, что все-таки нужно смягчать денежно-кредитную политику. Но я соглашусь с Некипеловым здесь в том плане, что мы абсолютно специфическая страна на мировой карте, поскольку так называемый QE, печатание денег, если говорить грубо, это прерогатива развитых стран, нормальных стран. И я хочу сказать, что это срабатывает там. Если бы не было печатания 80 или 90 миллиардов долларов в месяц в странах Запада, то тогда бы там была рецессия, а сейчас все-таки есть какой-то рост, и даже выше, чем у нас, в три раза.

У нас же что происходит? У нас, если взять нашу экономику, она совершенно непригодна для QE, потому что печатание денег автоматически приведет к инфляции или к покупке импортных товаров или вкладыванию их в иностранные деньги. Поэтому, если бы я был на месте Путина, в теперешней ситуации я бы тоже копил деньги. Копил бы деньги на черный день. Правда, для многих он уже наступил, но все равно бы копил, потому что непонятно, что нужно делать, потому что всякий частный бизнес, конечно же, абсолютно парализован, а мантра правящего дома в стране по-прежнему направлена на то, чтобы постепенно все-таки уходить из экономики. Когда ты спрашиваешь этих людей, которые руководят экономикой, вообще страной: «А что надо делать?» — они говорят: «Государство должно уходить из экономики». Это, конечно, абсолютно бесперспективно.

Сорокин: Спасибо большое, Руслан Семенович. Владимир Михайлович Давыдов, член-корреспондент Российской академии наук, БРИКС.

Давыдов: Во-первых, я хотел бы поблагодарить Андрея Николаевича. Очень богатую пищу он нам дал для того, чтобы провести серьезное обсуждение.

Я обратил внимание на одну его фразу: для того чтобы краткосрочный прогноз, краткосрочные, может быть даже средние, оценки были корректными, их нужно поместить в долгосрочную перспективу. Я думаю, это очень конструктивная мысль, и в этой связи хотел бы обратить внимание

на то событие, которое оказалось мало замеченным, но на самом деле оно имеет стратегическую важность для нашего развития. Под занавес Правительства Медведева был ратифицирован Парижский договор, Парижское соглашение по климату. Не совсем понятно, почему Правительством, а почему не Парламентом, почему мы ждали четыре или почти пять лет, прежде чем это сделалось. Мы очень долго думаем. И сейчас совершенно очевидно, что мы ведем развитие в долг по большому счету, причем в долг перед будущими поколениями, с одной стороны, а потом огромный социальный долг. И у нас есть бомба замедленного действия. Вопрос в том, когда эта бомба начнет функционировать.

Я думаю, что, для того чтобы подтвердить мои соображения, нужно обратиться к опыту Европы. Мы говорили о том, что у нас будет экспорт. Может быть, он будет 2–3 года, но если речь идет о наших отношениях с Евросоюзом, которые Виктор Меерович считает предпочтительными, то там внедряется законодательство, причем очень интенсивно. Об этом говорят наши переговорщики из МИДа, которые имеют дело с тематикой устойчивого развития, глобального потепления, что будет совершенно дискриминационная ситуация по отношению к нам.

Готовятся серьезные налоги, серьезные санкции для тех, кто неспособен перейти на низкоуглеродное производство и смежные производства. Если говорить о структуре нашей экономики, то мало стран, которые сопоставимы с нашими высокоуглеродными производствами, перегруженностью. Кроме того, мы пытаемся выйти на коне атомной энергетики, на том, что у нас газ, который менее токсичен. Но в мировой практике нет аналогичного отношения к нашей ядерной и газовой энергетике. Конечно, на азиатских и, может быть, на латиноамериканских рынках это не будет особенно сказываться, но на ключевом направлении нашего развития это очень серьезный вызов.

Я думаю, что речь идет не о расширении и диверсификации. Мы неспособны произвести диверсификацию. Коллеги говорили о состоянии накопления, об инвестиционном потоке, здесь много говорилось, я не берусь судить, но это не обеспечивает совершенно императива диверсификации обновления нашей экономики. На это нужны триллионы и триллионы долларов, чтобы решить ту задачу и как-нибудь приблизиться к тому положению, которое сейчас есть в среднеразвитых европейских странах.

Еще одно обстоятельство. Я внимательно слушал Андрея Николаевича. У нас анализ ведется по показателям конъюнктуры, которые характеризуют экономическую ситуацию.

Но ведь сейчас это невозможно. Мне кажется, нужно сделать прорыв в другом направлении — измерять социальное настроение. Я чувствую, что мне надо завершать, я сделаю только одну ссылку. 27 декабря в «Российской газете» появилась целая полоса с результатами социологических обследований. Обратите внимание на эту статью. Там три позиции. Какой вывод: нужны перемены, считает российский народ, нужна справедливость и нужно доверие, которого нет. Еще одно обстоятельство, очень интересное, которое напоминает ситуацию латиноамериканских стран: после президента самое большое доверие армии.

Сорокин: Да, опыт Латинской Америки нам это подсказывает. Все. Спасибо большое. Поскольку наш главный докладчик начал вопрос с нефтегазового сектора, с этих проблем, я не могу не дать слово заместителю директора Института проблем нефти и газа, члену-корреспонденту РАН Богоявленскому Василию Викторовичу.

Богоявленский: Я, к сожалению, не смог выступить в прошлый раз, и у меня был подготовлен доклад, который был на тему прошлого мероприятия «Человеческий капитал, наука и технологи добычи полезных ископаемых». Но сегодняшняя тема: «Год прошел: что дальше?» — они очень перекликаются.

В дополнение к моим выступлениям в предыдущие годы я в последнее время по просьбе академика Малышева, который является самым известным нашим специалистом в угольной промышленности, бывший министр угольной промышленности, с головой окунул в угольную отрасль и скажу вам, что это было невероятно полезно, невероятно интересно. Я думаю, что моим коллегам-угольщикам также было интересно пообщаться со мной на эту тему. В ближайшее время выйдет достаточно большая статья.

В декабре прошлого года мы отметили 50-летие начала добычи и транспортировки углеводородов в Арктике, а именно 27 декабря был подписан прием большой комиссией первого трубопровода в месторождении Мисосяха, Норильск и Норильский комбинат. Он произвел практически революцию в этом регионе, поскольку все базировалось на угле, и, надо сказать, ежегодно гибло колоссальное количество людей. Традиционно это достаточно закрытая информация, но скажу вам, что в процессе попытки понять, сколько же людей гибнет в угольной промышленности, я был в шоке от Соединенных Штатов. Мы привыкли, что это технологичная страна. Так вот, за прошлый век, за 100 лет там погибли больше 100 000 шахтеров, то есть ежегодно в среднем 1000 человек. В 1907 году, антирекордном, погибли 3200 человек. Думаю, у нас было что-то соизмери-

мо, хотя здесь у угольщиков принято пересчитывать на миллион тонн угля. Так вот, в среднем в России, академик Малышев озвучивал, 1 человек на 1 миллион тонн. Если в прошлом году мы добыли больше 400, то должно было быть 400. Но сразу скажу, что все-таки прогресс идет, и сейчас ежегодно в Соединенных Штатах гибнут не более 30 человек, а мы вышли на показатель 0,2 человека на миллион, при 400, значит 80 человек. Но рекордная гибель шахтеров — это больше 100 человек за один раз. В Китае такое было. Представляете себе! За один раз в одной шахте, то есть за один день погибли 1200 человек в Китае, причем это было не так давно.

Но я отойду от этих совершенно ужасающих цифр, хотя, повторяю, они наводят еще и на размышление о стоимости человеческой жизни. Вы знаете, до недавнего времени в нашей угольной промышленности выплачивался годовой оклад, при средней зарплате еще недавно 40 000 выплачивалось семьям полмиллиона рублей, и до свидания. Сейчас это, слава богу, изменяется, и выплаты достигают 2 миллионов, а в одном случае на Воркуте, когда была достаточно массовая гибель, там выплатили до 10 миллионов на человека. Немножечко исправляемся. В Соединенных Штатах — миллион долларов. Может быть, сейчас даже выше. Они как-то индексируют это все.

Теперь вернемся к нефтяным делам. В прошлом году установлены очередные рекорды в Арктике — растет добыча нефти и газа.

Конечно, газовая промышленность и чище, и безопаснее с точки зрения добычи. Хочу сказать также, что добыча угля в Арктике несравнимо тяжелее, и гораздо чаще происходят взрывы при выбросах газа. Но тем не менее рекорды по гибели людей принадлежат отнюдь не нам. Я выяснил — это норвежцы. На одной из шахт на Шпицбергене у них статистика — 25 человек на 1 миллион кубометров, то есть 40 000 кубов угля — 1 человеческая жизнь. Но они ее в 1963 году закрыли.

Замечательно развивается проект «Ямал СПГ». Я его мониторю, 10 раз был там в разное время, и вот статистика загрузки на танкер — 20 миллион тонн на СПГ. Все работает как часы, поверьте мне, очень хорошо. Но необходимо совершенствовать технологии, чем мы, собственно, занимаемся.

Мы являемся абсолютным лидером по алмазам. Вот это тоже интересная цифра. 29% добычи мировых алмазов — это Россия. Я сам удивился, когда это все раскопал. Но при этом вы видите, как мы уродуем природу, в первую очередь арктическую, потому что это главным образом добывается в Арктике. И нефтью, и газом мы природу тоже достаточно изуродовали, это нам предстоит устранивать в будущем.

Бузгалин: Уважаемые коллеги! Сейчас, когда все устали, можно рассказывать анекдоты или что-то подобное, но не сухую, серьезную экономическую теорию. Я позволю себе только две ремарки, прежде чем говорить по существу.

Первая ремарка: мне посчастливилось вести интереснейший семинар по сравнению науки логики Гегеля с наукой логики «Капитала» Маркса. К концу этого семинара осталось только два человека, которым это было интересно. Один из них — главный докладчик на сегодняшнем круглом столе Андрей Клепач, вторым был Андрей Белоусов. Если бы эти люди взяли руководство Правительством в 90-е годы, я думаю, сейчас мы жили бы в другой стране. Но сейчас надежды на то, что что-то серьезное изменится в связи с изменением нескольких человек, у меня нет. В этой связи я позволю себе старый анекдот, который будет очень точен, мне кажется. Что такое изменение руководства? (Анекдот советских времен. Здесь многие жили в Советском Союзе и помнят, что там были авоськи.) Когда авоську потрясешь, крупная авоська поменяется местами, а мелкая высыплется. К сожалению, такого рода ситуация произошла в настоящее время.

Вторая притча: мужчин или женщин можно оценивать по объему, высоте, длине или количеству долларов, но есть какие-то другие качества, которые важнее.

То же самое касается экономики. Мне кажется, очень важно говорить о системе экономических отношений институтов, ставить диагноз нашей экономике и уже потом использовать какие-либо цифры для того, чтобы говорить о том, как можно количественно отобразить серьезные качественные проблемы и изменения, которые необходимы.

Я берусь утверждать, это не мое утверждение, это утверждение мировых величин. У нас с этой очень важной темой выступает Сергей Дмитриевич Бодрунов, измерять ростом ВВП экономику бессмысленно в сегодняшних условиях. Нужны другие качественные индикаторы. Они есть. Это тезис №1.

Тезис №2: главная проблема сегодняшней российской экономики — это препятствия в развитии (не в росте, в развитии), эти препятствия связаны не с финансовой системой и не с теми или другими соотношениями макроэкономических индикаторов. Главная причина — это сложившаяся система общественных отношений, экономических отношений институтов. Коротко это можно назвать так: олигархический бюрократический капитализм полупериферийного типа. Что такое полупериферийный — иллюстрации не требуются. Что такое олигархический бюрократический? Власть принадлежит именно этому социальному слою. Существующая система соотношений и правил игры ему выгодна, он в этих условиях получает главный контроль за

богатством, доходами и потоками властных полномочий. Соответственно, если мы хотим выйти из стагнации, нам надо изменить распределение богатства, властных полномочий и доходов, иначе ситуацию изменить нельзя. На этом я заканчиваю.

Сорокин: Итак, коллеги, я предоставляю слово директору Института торговой политики Высшей школы экономики Александру Владимировичу Данильцеву.

Данильцев: Спасибо большое. Я постараюсь не злоупотребить терпением коллег. Несколько слов, как это было всегда по традиции, о внешних условиях.

Я не знаю, можно ли считать Россию с точки зрения экономической теории экспортно-ориентированной экономикой, но реально она экспортно-зависимая, это так. И поэтому это, конечно, важный вопрос. И что хотелось бы отметить, если нас призывают внешние экономические условия к поддержанию нашего роста, качество экономики не улучшится, хорошо, если оно не будет ухудшаться.

Мы все знаем, что происходит замедление и экономического роста в мире, но сейчас, может быть, будет чуть-чуть лучше, и торговля, особенно в 2019 году, хотя он не считается кризисным или годом спада, но тем не менее. Много причин. Я, наверно, не буду углубляться. Там и снижение инвестиций называют, и снижение доверия к политике и регулированию торговли и экономики в целом, и слабый потребительский спрос, и пресловутые торговые войны.

Но что бы хотелось сказать? Из такой стагнации или спада могут вывести два пути. Первое — это ликвидировать причины. Но причины вряд ли можно будет ликвидировать, потому что они достаточно системные, что называется. Второй путь — это появление некоего локомотива, драйвера, то есть таких решений, нововведений и секторов, которые даже в неблагоприятных условиях все равно являются привлекательными и могут создать и стимулы для инвестирования, и так далее. А мы не видим их сейчас, к сожалению. На мой взгляд, таких нету, потому что мы все говорим с большим энтузиазмом, самое то, что на слуху — это цифровизация, использование цифровых технологий, искусственного интеллекта.

Но на самом деле ведь пока всё это способствует только более эффективному использованию существующих технологий, подходов и производств. Пока это не стало самостоятельным сектором существенным. И на краткосрочном горизонте, особенно в следующем году, если мы говорим о нем, скорее всего, это не даст такого очень ощутимого эффекта. А что касается российской позиции, то здесь, мне кажется,

мы не в самом хорошем положении, но почему? Потому что мы не самые конкурентоспособные, и в условиях низких темпов развития мировой торговли, естественно, вытеснять будут прежде всего нас с нашей продукцией, будь то товары или услуги. Конкуренция резко усиливается. Это связано и с неким ростом протекционизма, и с усилением дискриминационного фактора.

И наконец, что может быть неким смягчающим фактором? Это пресловутые цепочки, то есть сформировавшиеся взаимоотношения между производствами, компаниями, экономиками, которые так или иначе поддерживают существующие взаимосвязи и мешают их разрушению и деградации. А мы как раз в этом компоненте достаточно слабы. Поэтому, я полагаю, нас ждут не очень веселые времена в этой области.

Ершов: Спасибо большое ВЭО за дискуссию, спасибо докладчику. Несколько соображений на тему доклада и нашей дискуссии. Чрезмерно мягкая политика в развитых странах и чрезмерно жесткая политика у нас, и у них, и у нас деформировалась связь между реальной экономикой и финансовой сферой.

Смотрите, что мы наблюдаем и у них, и у нас: фондовые индексы бьют рекорды и в их случае, и в нашем случае, а экономика и у них, и у нас еле-еле растет. Обычно корреляция была более живой; реальный сильный рост экономики и сильный рост фондовых индексов как иллюстрация реального сектора. Сейчас ни там, ни здесь этого не демонстрируется.

В нашем случае у нас еще один маленький нюанс: наши фондовые индексы в том числе, мы знаем, быстро растут из-за того, что нашими компаниями выплачиваются максимально высокие дивиденды. Возникает риторический вопрос: хорошо, привлекательность акций становится, естественно, более высокой из-за такой дивидендной политики, но не подрывают ли компании таким образом основу для своего будущего роста? Если я как компания выплатил более большой дивиденд своим акционерам, а не инвестировал снова в себя, в мои будущие промышленные активы, значит, мои перспективы на будущее будут более блеклыми.

Следующий момент: мы говорим о том, что в этих же условиях как следствие инструменты финансовые, денежно-кредитные подрывают свою эффективность. У них длительный период отрицательные ставки, это ни к чему, по сути, не

приводит. У нас ставки начали снижаться, к счастью, начали снижаться, и многие из нас здесь за это дело, естественно, выступают, но будет ли оказываться положительный эффект? Проблема стала более комплексной.

Если мы лечили больного, образное сравнение, горячим чаем долгое время вместо уколов пеницилином, то когда мы, наконец, сделали укол пенициллина, то больной уже не так реагирует, как должен был бы реагировать, потому что укол надо было делать год назад, болезнь стала более сложной. Предположим, я — наш российский коммерческий банк, ставка стала ниже нормы рентабельности, ставка, пофантазируем, 3%, моя эффективность проектов, которые я финансирую, 5%, то есть я могу себе позволить деньги взять. Но буду ли я их брать, даже если мне дает их ЦБ?

Значит, я взял деньги под эту ставку, произвел свой проект, я сделал этот проект более высокой эффективностью, но спрос на продукцию уже отсутствует, поэтому я понимаю, что тариф-то большой. Деньги есть. И неспроста же те самые 30 триллионов рублей на счетах реального сектора в наших банках, которые не идут в экономику, потому что компании понимают, что хорошо, они будут их брать... А куда? Это комплексная, многомерная проблема.

И чрезмерная мягкость, и чрезмерная жесткость, как в их случае, так и в нашем, плоха. Соответственно, в таких условиях, как у нас надо уже быть готовым к тому, что не только меры денежно-кредитной политики, но и, как правильно сегодня звучало, меры бюджетной политики, меры всех форм регулирования и стимулирования промышленной политики, денежной трансмиссии, можно было бы использовать, хоть как-то направляя деньги в важные сферы. У нас выступило рекордно 17 человек. Это хорошо. Я попросил бы коллег соблюдать вежливость по отношению к присутствующим, если они хотят, чтобы в следующий раз их приглашали.

Хотел бы в заключение сказать только одно: у нас неслучайно вот этот стол назван так. Для нас этот год... для нашего круглого стола это год юбилейный. Именно в этом году 5 мая 90 лет исполняется Леониду Ивановичу Абалкину. А почему именно эта тема? Я хочу напомнить, что впервые эта тема прозвучала в 2001 году. Я тогда первый раз пришел на этот круглый стол, и мне тогда поручил Леонид Иванович сделать стартовый доклад. Вот я взял стенограмму, она у меня сохранилась, в компьютере есть. Вот так я завершил свой доклад, как мы сделали в феврале 2002 года. В 2003 году мы повторили такой круглый стол, и так завершил этот круглый стол в своем заключительном слове Леонид Иванович.

Я хочу сказать, что у нас последние три встречи здесь, которые мы проводили, прошли под лозунгом: «Прошел. И что дальше?». Я имею в виду презентацию доклада ООН, я имею в виду нашу предшествующую экспертную сессию и, наконец, сегодня. К сожалению, послушав все эти три вещи, мне приходится констатировать, что у меня ощущения 2002 и 2003 годов повторяются. Но как сказал Андрей Николаевич, и я с ним тоже солидарен, я остаюсь оптимистом: я же ношу часы «Победа» 1953 года выпуска.

Бодрунов: Уважаемые друзья! Я хочу поблагодарить всех участников сегодняшнего мероприятия. Мне кажется, что прозвучали доклады все очень содержательные. Все эти мероприятия, которые только что назвал Дмитрий Евгеньевич, у нас, уважаемые коллеги, проходят в рамках подготовки к нашему Московскому академическому экономическому форуму.

Пометьте себе в ваши календари. 20, 21 мая. С президентом Академии наук мы приняли решение, все подтвердили официально документами. Всех приглашаю участвовать. Как раз там мы будем готовы обсуждать эти темы. Сегодня мы должны на основе всех этих наших обсуждений и чтений сделать некий такой общий вывод, он должен быть все-таки выстроенным консенсусом, иначе результата не будет.

В завершение короткий анекдот о консенсусе. Дочка приходит к маме и говорит: «Мама, как мы с тобой родились на свет? Как мы появились?» Она объясняет: «Знаешь, был Господь Бог, Адам, Ева, дети пошли. Вот мы и появились». Приходит папа с работы, она к папе с вопросом: «Папа, как мы появились на свет?» — «Ну понимаешь, дочка, была обезьяна, потом дальше больше, вот дальше человек». Она возвращается к маме и говорит: «Мама, папа сказал вот так и так». — «Ой, дочка, извини меня. Я имела в виду нашу половину семьи. У нас консенсуса нет».

Так вот, чтобы был консенсус, я просил бы внимательно относиться к проблемам всех сторон, и все проблемы, которые сегодня поднимались, на самом деле очень важные. Давайте найдем консенсус, чтобы решать эти проблемы и вместе выдвигать на нашем академическом форуме правильные идеи. Спасибо!

A YEAR'S GONE BY: WHAT'S NEXT?

(Based on the materials from the Abaikin readings at the VEO of Russia, February 5, 2020)

PANELISTS:

Bodrunov Sergey Dmitrievich,
President of the VEO of Russia,
President of the International Union
of Economists, Director of the S.Yu.
Witte Institute of New Industrial

Development, Doctor of Economics, Professor.

Klepach Andrey Nikolaevich,
member of the Management Board of
the VEO of Russia, Deputy Chairman
(Chief Economist) of
Vnesheconombank.

Sorokin Dmitry Evgenievich,
Vice-President of the VEO of Russia,
Research Director of the Financial
University under the Government of
the Russian Federation,

Corresponding Member of the Russian Academy of
Sciences, Doctor of Economics, Professor.

Glazyev Sergey Yuryevich,
Vice President of the VEO of Russia,
Member of the Board (Minister) for
Integration and Macroeconomics of
the Eurasian Economic Commission

(EEC), Academician of the Russian Academy of
Sciences, Doctor of Economics, Professor.

Orlova Natalya Vladimirovna,
Chief Economist, head of the Center
for Macroeconomic Analysis of Alfa
Bank.

Milovidov Vladimir Dmitrievich,
Head of the Center for Social and
Economic Research of the Russian
Institute of Strategic Studies, Doctor
of Economics. Speech topic: "The Age
of Subversive Change: The First 20 Years."

Grigoryev Leonid Markovich,
chief adviser to the head of the
Analytical Center under the
Government of the Russian
Federation, Research Director and
Head of the Department of World
Economy, Candidate of Economics, Professor.

**Danilov-Danilyan Anton
Viktorovich**,
Co-Chairman of Delovaya Rossiya,
Deputy Chairman of the Public
Council of the Ministry of Industry
and Trade of the Russian Federation, Chairman of
the Expert Council of the Industrial Development
Fund.

Salnikov Vladimir Alekseevich,
Head of the Analysis and Forecasting
Department for the Development of
Real Sector Industries of the Center
for Macroeconomic Analysis and
Short-Term Forecasting, Candidate of Economics.

Grinberg Ruslan Semenovich,
Vice President of the VEO of Russia,
Research Director of the Institute of
Economics of the Russian Academy of
Sciences, Corresponding Member of

the Russian Academy of Sciences, Doctor of
Economics, Professor.

**Daniltsev Alexander
Vladimirovich**,
Director of the Institute for Trade
Policy of the Higher School of
Economics, Doctor of Economics,
Professor.

Bogoyavlensky Vasily Igorevich,
member of the Management Board of
the VEO of Russia, Deputy Director of
the Federal State Budgetary Science
Institution Institute of Oil and Gas

Problems of the Russian Academy of Sciences,
Corresponding Member of the Russian Academy of
Sciences, Doctor of Engineering.

Nigmatulin Robert Iskandrovich,
member of the Board of the VEO of
Russia, Science Adviser of the P.P.
Shirshov Institute of Oceanology of
the RAS, member of the Presidium of

the Russian Academy of Sciences, Academician of the
Russian Academy of Sciences, Doctor of Physics and
Mathematics, Professor.

Lenchuk Elena Borisovna,
member of the Board of the VEO of
Russia, Director of the Institute of
Economics of the Russian Academy of
Sciences, Doctor of Economics,
Professor.

Ershov Mikhail Vladimirovich,
member of the Presidium of the VEO
of Russia, Chief Director of the
Institute of Energy and Finance,
Professor, Doctor of Economics

Davydov Vladimir Mikhailovich,
member of the Board of the VEO of
Russia, Research Director of the
Institute of Latin America of the
Russian Academy of Sciences,

President of the Ibero-American Studies Association,
Deputy Chairman of the National Committee for
BRICS Studies, Corresponding Member of the RAS,
Doctor of Economics, Professor.

**Buzgalin Alexander
Vladimirovich**,
Vice-President of the VEO of Russia,
Director of the Institute of
Socioeconomics of the Moscow

Finance and Law University, Honored Professor of the
M.V. Lomonosov Moscow State University, Doctor of
Economics.

Polterovich Viktor Meerovich,
member of the Management Board of
VEO of Russia, head of the
Laboratory of Mathematical
Economics of the Central Economics

and Mathematics Institute of the Russian Academy of
Sciences, Academician of the Russian Academy of
Sciences, Doctor of Economics, Professor.

Nekipelov Alexander Dmitrievich,
Vice President of the VEO of Russia,
Director of the Moscow School of
Economics, M.V. Lomonosov Moscow
State University, Academician of the

Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics,
Professor.

Gromyko Alexey Anatolyevich,
member of the Presidium of the VEO
of Russia, Director of the Institute of
Europe of the Russian Academy of
Sciences, Corresponding Member of

the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political
Sciences.

Bodrunov: Today we have very strict time constraints. Andrey Nikolayevich Klepach, one of the country's leading economists who understands the situation well, will be the rapporteur. We hope that today he will report to us not so much on what is, but on what will be.

Sorokin: Twenty-five minutes is OK.

Bodrunov: Twenty-five. Great. We have a tradition at the Economic Society — the rapporteur gets 20 to 30 minutes. It will not be a small report, it will be a serious report. This is not so much a discussion as a reading, therefore, for discussions we have other platforms — the coordination club, the expert session and so on. Here we rely more on a balanced analytical approach in presentations. Therefore, we've set a time limit for comments — 7 to 10 minutes, but I think we will ask our distinguished colleagues to fit in 7 minutes.

Klepach: Now it's more difficult to say how economic development will proceed than it was before the New Year, because I'm almost certain there will be significant changes in economic policy with an emphasis on improving the efficiency of the implementation of the national projects and the acceleration of economic growth. It is difficult to predict what decisions will be made, although a certain package of measures that has been discussed and is even starting to take shape is clear. But nevertheless, no matter how the stability of our economy increases with regard to what is happening in the world with oil and other prices, I will still begin with this, especially since there are several alternatives.

We all know that the official forecast of the Ministry of Economic Development and the budget are based on the fact that oil prices have been dropping significantly. Relatively speaking, from 64 in the previous year, if we take the Ministry of Economic Development forecast, to 53 in 2024. At the same time, the growth rate is accelerating, and everything is fine with the budget, it is in surplus, but due to significant expenditure constraints.

Our vision is closer to the consensus forecast, although it is more conservative. It is based on the fact that oil prices will be declining this year. As a matter of fact, we are now observing this, there will be no plunge, and then growth will resume anyway — 59 and maybe even next year they will be almost the same as today, but then prices will go up to 65, 60 dollars per barrel or higher. It is a different picture, and it is more favorable for economic growth and for the budget than what has been projected.

At the same time, there is a second fork in the road on which there is even less clarity: what will be the volumes of the production and export of oil and other hydrocarbons. Russia has joined OPEC +. Until the end of March, we have an agreement on limiting production volumes, but this forecast assumes that after March we will no longer be subject to that restriction. Why? Because many of the projects launched by the oil companies are somehow connected with a significant increase in production volumes, and a drop of production at the old oil fields will not compensate for the growth that is expected in the coming years. At the same time, if we take the President's recent statements and negotiations with the Saudi monarch, where it was stated that Russia or OPEC + would rather adhere to those restrictions, even taking into account the expected drop, which, in fact, has begun. Demand from China is shrinking, and producers are ready to reduce production by a million barrels in total. Therefore, there is also uncertainty here, and it is significant both for growth rates and for the economy as a whole.

It is clear that this will significantly affect the ruble exchange rate. Still, if prices are sagging (and now, we see, they are decreasing), then the rate, despite its fairly strong level at the end of the last year and the beginning of this year, will also somewhat decrease, but in the future — this conclusion is also contrary to the Ministry of Economic Development forecast — there will be a gradual strengthening of the ruble exchange rate, not its decrease, as the price of oil will rise, not fall. At the same time, of course, the ruble will become stronger than what we expected before, particularly due to the fact that the outflow of capital has decreased significantly, even more than we expected.

Briefly on the global economy. One of the serious challenges is perhaps not even the coronavirus, although it has, in addition

to the purely tragic effect on people who are sick or dead, an inhibitory effect on China's economy, and it can really affect both the world economy and Russia. There are official expectations, many experts expect that it will actually peak in March, based on the bird flu virus, but currently the scale and the losses are greater and it may take longer. We see it is apparently beginning to affect global oil prices and a number of other commodities, that is, a decrease of around \$ 2 per barrel may be added. Now it's hard to say whether it will be more or less. It depends on the duration of the recession. A slowdown of the Chinese economy is possible, if they had an expectation and we expected about 6%, then under these conditions it could be 5.8. Naturally, it will be driving the prices down.

The effect is felt through tourism. There are no full-fledged estimates, but, in principle, it is in hundreds of millions of dollars. It will affect air travel, and has already affected. Aeroflot has 30% of transit flights in the direction of China. S7 is now generally banned from flying to China. That is, the losses will be quite significant. They won't be too big for Russia, but roughly they could cost us about 0.1 or of the GDP growth rate, provided that there will not be a pandemic, and the epidemic in China will abate and everything will remain under control.

At the same time, there are significant opportunities for accelerating growth that have not been used before — more than 8, almost 9% of the funds that should have been used for the national projects were carried forward to the current year. Moreover, a significant part of what was transferred in December, of course, has not started working yet, and now a significant part of the funds transferred for the federal projects is being restored or refunded. Profits and balances in the accounts of enterprises are high. As you know, many companies sharply increased their dividend payments, although there is no outflow of capital or, rather, it has sharply decreased, it is still a resource that is not being invested, but, nevertheless, it could potentially turn into investment.

Возможный эффект дополнительных стимулирующих мер за 2020-2024 годы

Стимулирующие меры	Доп. прирост ВВП*		Доп. расходы бюджета
	%	млрд руб.	млрд руб.
 Всего	6,1	22 427	18 741
 Дополнительная индексация зарплат бюджетников и пенсий	1,4	4 258	3 967
 Дополнительное снижение ключевой ставки Банком России	0,4	1 998	
 Докапитализация институтов развития	0,8	2 760	2 475
 Дополнительное финансирование науки	0,2	857	838
 Дополнительное финансирование образования	0,9	3 642	3 299
 Дополнительное финансирование здравоохранения	1,2	4 220	3 957
 Дополнительное финансирование инфраструктуры	1,1	4 690	4 205

* С учетом лагов, т.е. учитывается и прирост ВВП полученный в 2025 г. за счет стимулирующих мер 2024 г.

Here are the estimates we have given before. Up above is the expected growth of the global economy — a basic scenario. Since everyone expects acceleration to a greater or lesser extent compared to the last year, on recession is being forecast, although I would say it's likelihood is 50% at the end of 2020 or in 2021. But this is a separate issue. Let me say it again: there are different symptoms, but even with the degree of likelihood that we expected the crisis at the end of 2008-2009 — currently the situation is different. There are indeed many barriers for the economies of Korea, China, and Japan thanks to China and Germany, but so far it does not add up to a more likely picture of recession. However, I think such a risk exists. The gray line with a peak is the basic forecast of the Ministry of Economy, recently adopted, on which the budget is based, although the Ministry of Economy is now preparing a new one, and judging by the Minister's statement, it will be even more optimistic. Nevertheless, the green line is our forecast for Russia, which is also relatively optimistic but based on the fact that the measures already announced by the Government will be fully implemented; yet it did not allow us reaching the world economic growth rate. Here you can argue about the figures behind decimal point, but in our opinion, it is impossible to get to the growth rate of more than 3 percent in the framework of that policy, which is rather strict, budget-oriented, and monetaristic, with a serious distrust on the part of the business community towards the proposed measures and expectations.

What else can be pointed out? What changes are brewing? Firstly, the Presidential Message offered a fairly serious social package. We will see the final figures in May, when the budget law will be amended, but what was recently announced is over

4 trillion. One way or another, everyone proceeds from the assumption that the Central Bank will soften its monetary policy, although the way it usually does it means that it will still be quite strict.

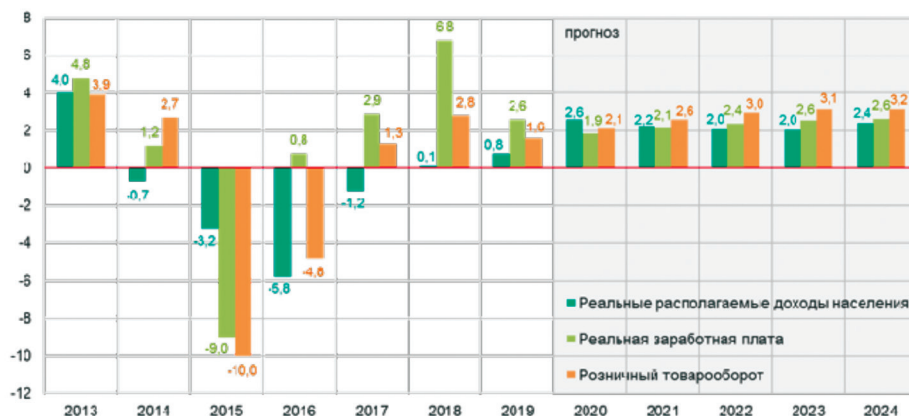
Investment promotion measures are also an important, much-needed law, a bill on investment support which has been submitted to the State Duma. At the same time, it fell under serious criticism on the part of the business community as well, and Gref spoke out about the fact that he would block and have already suspended many concession agreements. But judging by the recent reports, it will be possible to unblock those restrictions, so the concession agreements and mechanisms will work.

A statement was made earlier, although the parameters are unclear, that approval will be given for investing the NWF funds in the Russian economy, which has never happened so far. As you know, at one time it was decided to suspend such activity, and only investments in foreign countries were considered. Now, both the Message and the working discussions suggest that certain investments will apparently take place, but it is unlikely to happen soon, more likely from 2021 onwards.

And again — a question of the effectiveness of the implementation of the national projects. According to the assessment of the package of social measures (not all of them) contained in the Message related to the maternity capital and payments for children aged under 7, this will add to our GDP up to 0.3 percentage points as early as 2020, and in 2021, although much will depend on the rules, and the rules on how the maternity capital will be paid are still unclear, i.e. it is rather an optimistic hypothesis. Plus, it is unclear how the demographic forecast and a number of other points will be taken into account, because it seems a super-optimistic hypothesis is assumed that everyone will immediately have children. But if we proceed from the demographic forecasts that Rosstat had previously published, which he has not yet managed to change in accordance with the new political situation, the picture will be a little different.

Когда удастся преодолеть провал реальных доходов населения 2014-2017 годов? Умеренный, но стабильный рост реальных доходов и потребительского спроса

Доходы населения и розничный товарооборот, базовый сценарий (прирост, %)

At the same time, which is very important, it is still a serious, significant factor in terms of the dynamics of the population's incomes and the dynamics of GDP that can seriously affect poverty reduction. Since according to polls about 8–9% of households are poor, or rather, there are more of those and I mean only those who have several children. Those measures, unless the poor immediately start having lots of children, can significantly reduce the size of poverty by at least 1 percentage point. Therefore, here's a forecast for the growth of real incomes of the population and wages in the retail sector.

In fact, it turns out that to some extent this social package, proposed by the President, has drastically changed the structure underlying the forecast of the Ministry of Economic Development and the budget, which was based on the fact that consumer demand will be significantly limited in 2020, and the incomes of the population will not be growing much. Hence, there was the idea that by holding back the population we will get a surge in investment. I don't think that idea was correct, yet the logic that follows from the President's Message is different, and we are getting a serious social package that will one way or another significantly affect consumer demand and income.

The second question that arises here and to which there is no clear answer is: what about our favorite budget rule after all? On the one hand, we have this dogma: the budget rule does not change, it cannot be canceled, it's like the Bible. On the other hand, in fact, if we take the budget which was adopted in 2019, starting in 2020 it has already slightly modified, by 500 billion, and this, accordingly, has been reflected in the creation of the

investment fund, which is reflected in the budget code and in the increase of borrowings. Now it has been confirmed that the budget rule will not change, the budget will remain in surplus.

Based on our forecast for the development of the economy, but including those statement that additional expenses of the federal budget will be financed from 2021, 2022 on account of conditionally distributed expenses, and, in principle, this falls under the surplus that currently exists, and will require additional borrowing in 2021. Therefore, we get the structure that existed before: on the one hand, a surplus budget, but at the same time we have a growing public debt, and mainly due to this growth, the swelling of sovereign funds continues to be financed. An alternative proposal: if we want to accelerate economic growth more significantly, if we want an additional social package, an additional infrastructure package or a technological package, then we will have to adopt a deficit budget from 2021, and, of course, we'll get a different picture.

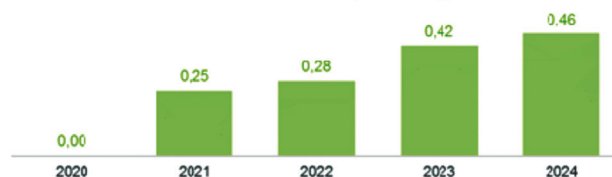
Возможный эффект дополнительных стимулирующих мер за 2020-2024 годы

Стимулирующие меры	Доп. прирост ВВП*		Доп. расходы бюджета
	%	млрд руб.	млрд руб.
 Всего	6,1	22 427	18 741
 Дополнительная индексация зарплат бюджетников и пенсий	1,4	4 258	3 967
 Дополнительное снижение ключевой ставки Банком России	0,4	1 998	
 Докапитализация институтов развития	0,8	2 760	2 475
 Дополнительное финансирование науки	0,2	857	838
 Дополнительное финансирование образования	0,9	3 642	3 299
 Дополнительное финансирование здравоохранения	1,2	4 220	3 957
 Дополнительное финансирование инфраструктуры	1,1	4 690	4 205

* С учетом лагов, т.е. учитывается и прирост ВВП полученный в 2025 г. за счет стимулирующих мер 2024 г.

Here, an assessment is also given of some measures which have not yet been implemented, but which are being discussed, i.e. an additional indexation of public sector salaries, an additional pension increase so that the ratio of pension to average wage does not deteriorate, an additional capitalization of development institutions, which, in part, was even promised by the Government in the person of VEB but has not yet been implemented, — without long-term financing of infrastructure projects, not to mention mortgage, it will actually be impossible. Accordingly, our approximate estimate is how much it would cost and what contribution it would make to GDP growth. In fact, it would allow us to increase the growth rate (I will return to it closer to the end) from approximately 2–2.5% according to the basic scenario to over 3%, or even over 4%.

Дополнительный прирост ВВП в умеренно-оптимистичном сценарии по сравнению с базовым за счет большего повышения зарплат бюджетников и пенсий (п.п.)

As for the population, I've already said that we have planned: indexation for government employees in October; if inflation is low it will yield a small real growth. Then, the repayment of the debt on salaries of the military, an increase in the indexation of pensions. But here's an estimate of how much this would add to GDP growth, especially beginning from 2023, 2024. With regard to lowering the interest rate, it's not a question of having too little money or of the need to increase investment, because there is a lot of money in the budget system and in the banking system that is not being invested. It is a matter of lowering the interest rate more aggressively than what we expect from the Central Bank, and there are quite a few issues related to easing the risk policy or prudential policy. Not in the sense of forgiving the withdrawal of money, but in the sense of facilitating lending and sharing risks between borrowers and lenders. Accordingly, for a total of 4 years, or 5 years in this case, it could have given us 1.2 percentage points per year in accelerated GDP growth.

On mortgage. There are also many estimates that it is difficult to reach the target value of 120 million square meters. The main difficulty is not in construction, since there are capacities both in the cement industry and in construction companies. The main problem is who will buy real estate. Currently, a significant portion of the housing which is being constructed in many regions, including Moscow and the Moscow Region, cannot be sold. There are additional measures, which are in fact also minimal, for the so-called targeted and non-targeted individuals, those who work in science, education and healthcare, because there have been significant distortions, how many billions it would cost and how much it can accelerate the growth of expenditure.

Additional investments in transport infrastructure. Here, in fact, the first question is that there should be some kind of clarity with those investments, even the ones that are included in the master plan. I don't even want to remind you of the so-called High-Speed Railway, which is still included in the plan as the Moscow-Kazan railway, but, as you know, it was decided that it would be built from Moscow to St. Petersburg. No clear solution or funding has been offered. What will be built first: the Moscow — Nizhny Novgorod line for which the route has been

proposed and the design has been completed, or will it be St. Petersburg; and whether or not it will pass through Veliky Novgorod. Design and survey work will take at least another 2 years. In fact, it is not clear whether this project will be implemented, or postponed until 2024 and beyond, which has already happened to it several times. Therefore, I hope some kind of clarity will emerge.

The same is true for the Moscow — Kazan toll road, on which no work or financing has commenced, although a plan has also been prepared: but at the end of the previous year, they failed to agree as to which section would be fully financed from the budget. I hope the first thing the new Government will do is decide on the key projects. Moreover, they are large-scale and very significant from the point of view of the volume of government investments, and most importantly — business participation, and this will have a serious multiplier effect. Then on top of that, it is already possible to discuss special stages that are needed, because you can, of course, engage in sadomasochism and compare (we once did it) all versions of the so-called strategies for the development of the transport infrastructure until 2030, we've had a few of them since 2012 and beyond, government programs for the development of the transport infrastructure. If we take the previous versions, they are 30-50% bigger in terms of financing than what is currently proposed in the transport development program, taking into account the national projects.

Not only detours, junctions, roundabouts and urban transport infrastructure were proposed, but also the completion of the entire backbone road network, which can hardly be accomplished within the existing financing parameters.

Given the gaps that exist between savings and investment, the outflow of capital, the increase in the rate of accumulation by 2-3% of GDP, the task is quite realistic. It is primarily a matter of the investment mood of the business community. At the same time, there is a question of financial recovery of key enterprises of the military-industrial complex. It is not allowed to describe the parameters, but still it is an extremely important point, because it is a significant part of high-tech mechanical engineering, and, moreover, all plans to diversify the agricultural sector or a significant part of the plans to increase non-oil exports all depend on how much it will be possible to solve the problem of accumulated debts and, most importantly, free up resources and attract new ones for further development.

Экспорт: риски не достичь целевых показателей. Необходимость создания новой инфраструктуры для экспорта на Восток

Объем неэнергетического экспорта (млрд \$)	2019 год: 140	2024 год: 186 200 250
--	---------------	-----------------------

Экспорт по товарным группам (прирост 2024 к 2019 г., %)

These are the export figures. Tall blue columns are the national projects. The green column and the darker column, also green, are our projected estimates. They are significantly lower, as you can see. The problem is not even in those figures, whether they are high or low. There are several common problems. Firstly, when world trade grew 6% per year, primarily due to the developing countries, then it was easy enough for us to increase exports; when world trade grows much more slowly, it is much more difficult to do so. The degree of competition in the markets is extremely high. Hence, the failures (which are possible) require not just money but very serious work which might take many years. Potentially, millions of tons of meat can be exported to China, only you need to get certificates first, you need to build the whole arrangement. Therefore, the initial trial deliveries of, say, Miratorg, which are being made under a different branding, will not make much of a difference in the next year or two. We need work that will take at least a few years. Although the existing potential (taking into account the African swine fever and the death of almost 40% of the pig population) will, of course, allow us to build up huge export volumes. However, this will require a completely different infrastructure. We do not have a normal infrastructure even for grain deliveries to China; we still need to create it. The same thing — the delivery of complex products, or if we should talk about chemical products, the deliveries of wood, timber, paper, but if we consider plans for paper including the construction of 4 pulp and paper plants, it is almost 10 billion dollars, so far not

a single one has been built, although there are more than enough projects and plans, same as there were 10 years ago. Even having started, having built a plant, we will not commence exports until 2024, and not before it. Nevertheless, there is a window of opportunity here, but it will require a lot of money and a very long organizational work. But even, in our estimation, taking all those limitations into account, we can surpass 3% of GDP growth starting from 2021; however, this will require significant additional investments. For 2020, our estimate is 1.9% of GDP, but potentially, if we started additional measures right from the beginning of the year, it could be 2 or 2.1%, but, as usual, six months or even more will elapse and, therefore, the effects of additional measures will not be felt until 2021.

Two more points.

In fact, in order to not simply get an acceleration, as we did in the q980s under the Soviet regime, but to really obtain high growth rates in the long run, we need quite serious systemic solutions. Maybe the first point is that all our policy fits within the period between elections. In fact, it is still necessary to launch projects that focus on the long term, 10 to 15 years. I'm not talking about the Chinese with their 50 years. We need at least 7, 10, or 15 years. We will require new priorities and rules for our income policy. We have now fixed the salary level to the regional average. And since 2012, they have been trying to correct the mistake, because it's just a mistake that the middle and junior medical personnel should earn 100% of the average, although always and in all countries the difference is no more than 40-50%. In 8 years, we have not even corrected that error. We need different rules, which also presuppose how our salaries and incomes will be competitive with Europe and the world, otherwise we'll get the same effect as in Ukraine, in the Baltic states, in Moldova — a significant part of the population will go there.

Second, the issue has been discussed many times, but no solution has been proposed — a single standard of welfare or some general principles of payment for the same work in different regions. It is possible that the discussion of the new approaches to salaries that have been taken, albeit so far only with regard to teachers and doctors, will somehow reduce that excessive inequality. With regard to science, this has not yet been discussed at all. Again, investing in the development of human capital is lauded by all, but, as you know, even if we consider the national projects, they will not exceed the 2008-2010 indicators in relation to GDP, therefore, new fundamental decisions are needed, but then another budget scheme is also required. And so on.

At the same time, in conclusion, let me emphasize that, nevertheless, maybe the most important and pressing issue is the unevenness of regional development. It cannot be described

in brief, but the scale of the imbalance is enormous both in terms of salaries and in terms of growth rates. According to the preliminary data from Rosstat, as you know, the Moscow agglomeration, the St. Petersburg agglomeration, and Tyumen account for nearly 50% of investments. The rest of the country accounts for the remaining 50%. It is not only investment policy that needs to be changed here, but it also means a change in intergovernmental relations, and in this sense, the receipt of serious financial resources by the regions and municipalities. Without this, accelerating the development of the country as a whole is impossible only at the expense of Moscow, St. Petersburg and Tyumen. With such a development model, we will never reach high growth rates.

Sorokin: Thank you, Andrey Nikolaevich. Colleagues, we are moving on to discussion. Once again, let me remind you that you should use your time asking questions or expressing your disagreement with the rapporteur, and then we will give the rapporteur 3 or 4 minutes at the end. I give the floor to Academician Sergey Yuryevich Glazyev.

Glazyev: A slightly paraphrased catch phrase is more suitable for the title of our discussion today: “A year’s gone by, and thank God for that”. But the Government, whose slogan was “it could have been worse,” was sent to rest today. The new people seem more energetic to me. We have an opportunity for growth. Many of those present know that I have held a more optimistic view of our growth opportunities, and those opportunities do not depend much on external factors, including such important factors as the dynamics of oil prices, in the sense that even as oil prices are rising in the world market, the super-profit, according to the budget rule, does not reach the economy, and allowing oil workers not to sell foreign currency earnings without fail creates a situation where the higher the price of oil, the more money remains in foreign currency accounts and the more government and quasi-government reserves we get, the more capital we get, but that excess profit is never used as a source of investment to boost development.

I am convinced that today we have only one serious limitation for development: monetary policy, an artificially created shortage of credit resources for investment purposes. Despite the fact that the monetary authorities speak of a surplus, we all understand that a surplus is only connected with the fact that due to higher-than-necessary interest rates and all kinds of constantly tightening requirements for collateral, etc., plus collateral raids that have flourished over the past 5 years, it is extremely expensive and dangerous for the majority of the real-sector enterprises to get loans from state-owned bank, and that’s what causes an artificial surplus amid a catastrophic lack of investment, even for sustainable development.

I think that we have real growth rates, potentially possible on the basis of objective limitations, that are significantly higher than 5%, since our unused production capacities are quite large, nearly 40%, and we have no limitation on labor resources due to the Eurasian Union; the inflow of both unskilled and skilled labor (due to the bad situation in Ukraine) is quite large. We do not have limitation on natural resources and there are no limitations on intellectual resources, although no one in practical wants our recommendations, and talented young people still leave the country in tens of thousands.

The main question is how to tie down the available resources. It should be done by means of monetary policy. It is money that holds together surplus resources in the production process. There are two ways to do this: one way is vague and complex, with unclear results, and the second way is clear and simple. Our government prefers to go the hard way. Endless conversations about improving the business climate, protecting investor rights, the naive hope placed on digitalization are all difficult ways, because we see that despite a significant increase in our country's ratings, and in the ratings of our Eurasian Union partners, by the same criterion and by some of the others, there are still no investments. The same is true for macroeconomic stabilization. Several years ago, we achieved the goal of reducing the growth of consumer prices, but no investment growth has occurred.

All these words get spoken at every forum, from Davos to regional ones, but the fact is that behind these general phrases there really is no purposeful policy. And we sometimes get paradoxical results when a certain task is set — for example, to accelerate economic growth, while the tax maneuver undertaken by the Government worsens the conditions for economic development, and quite significantly. The forecasts that we have today from the authorities are mostly inertial, based on the premise that nothing will change in principle.

Although we are always told that one ruble invested by the government should attract 3 to 10 rubles from the private sector, in theory the effect on GDP, GDP growth, and especially investment growth should be way greater, provided we correctly organize the work of the development institutions. Regarding the hard way, I believe that we, according to those banal guidelines that, thanks to macroeconomic stabilization and measures to improve the business climate, business will automatically respond to the government by rapidly increasing its investment activity, we must switch to a clearer path, which will be more concrete and more comprehensible for the business community.

We have repeatedly discussed those proposals. I think that simply easing monetary policy is not enough because today the key interest rate is used as a certain rate for not receiving loans from the Central Bank, and as a rate for holding money in the Central Bank. And in this sense, the Central Bank today sets its key interest rate as the minimum allowable price for a loan, because if your bank can deposit its money with the Central Bank at the key rate, it will be unable to explain why it should lend money at a lower rate with risks for itself. Guaranteed risk-free income at the level of the key interest rate that the Central Bank provides to commercial banks, attracts money for deposits; by issuing bonds, the Central Bank, in fact, prohibits commercial banks from lowering their interest rates below the key rate, although many would probably do it, but they don't for fear of law enforcement because they are afraid that they will be asked: "Why are you taking risks and lending cheaper than you could have by simply doing nothing?"

Therefore, firstly, it seems to me that those crazy operations of the Central Bank to sterilize the liquidity surplus need to be stopped. We have a unique Central Bank, because, firstly, it loses money, and the Government still has not received anything from its right to print money; secondly, it has withdrawn 5 trillion rubles from the economy and it's not going to give it back, judging by the three-year monetary policy program.

Let me remind you that, in total, the Central Bank has withdrawn all the money it issued for refinancing over the past 5 years — i.e. nearly 10 trillion, and there's another 5 trillion on its balance sheet from withdrawing money from the economy, which is completely absurd. The withdrawn money should be sent other than through a reduction in the key interest rate, because at the moment the monetary authorities are artificially inflating the profitability of speculative operations on the market.

Based on Russia's credit ratings, the yield on our bonds should have been 3 times lower than it actually is. The main reason is the artificial overstatement of profitability through the market operations of the Central Bank, which is good only for those involved in carry trade, that is, international quick-profit traders. I can assert that the main beneficiary of the current monetary policy is the international currency trader, who, despite the sanctions, feels great on the Russian financial market.

Therefore, I think that based on this artificial barrier created by the monetary authorities between the financial sector and the real sector, it is necessary to break through special channels with the help of targeted refinancing tools. The technology is

well known. We had such tools. Refinancing of commercial banks for small and medium-sized businesses at a reduced interest rate, for project financing. We can reduce the interest rate substantially, not by half a percent, but by up to 2-3%, tying it in with special investment contracts, strategic planning, other forms of public-private partnership. And then we can hope we will be able to tie down the excessive reserves that are actually there.

In conclusion, I want to say that we, of course, have another option: the Government will convince, either by fiscal or currency control measures, those individuals who have taken their capitals abroad to return them to the country and invest in the national projects, but this is a topic for another discussion.

Sorokin: Thank you, Sergey Yuryevich. Head of Alfa-Bank's Center for Macroeconomic Analysis Natalya Vladimirovna Orlova.

Orlova: It seems to me that last year was a lost year for business, because although there were growth expectations due to the national projects, they were never realized. The past year remained challenging due to the foreign sanctions. But from the beginning of this year, it seems to me the situation looks better in terms of what to expect at home, because the new Government, as it is perceived by the market, is more inclined to implement the budget financing that has already been planned, i.e. the expectations can finally come true. In this regard, there is a certain optimism. However, in terms of changing the forecast, we see we've entered this year with a forecast of about 1.7%. Many analysts are shifting their forecast closer to 2%, but basically it's a reassessment of growth due to the social package. By and large, it's expected we will again grow based on consumption. There is a certain inherent expectation that the investment growth rate will be as promised, but not higher. And still there are big doubts that the national projects, at the regional level for example, will be fully implemented. It seems that the confidence regarding the financing of the national projects has more to do with the federal budget and the mood of the federal government.

I repeat that in the eyes of private business the acceleration of growth rates in 2020 is more due to the fact that consumers who at the end of last year already exhausted their resource for acquiring new loans due to the fact that incomes did not grow and prospects were unclear, might get a 2 percent increase in real disposable income in 2020, which will enable them to increase their credit leverage as well. Therefore, this is still a consumer model in the eyes of the market.

The second point is concerning the Central Bank. Unfortunately, in a situation where we are expecting more

government expenditure or heavier budget financing, the Central Bank, of course, will be forced to incorporate those budget risks into its policy. In this sense, it will reduce the potential for lowering the interest rate. But we see that the factor of budget policy as a risk, although mentioned throughout 2019, simply has not materialized, which is why a further reduction in the interest rate under such conditions seems to have its limitations.

In addition, of course, the Central Bank still operates under very difficult conditions, because, I recall, in 2019 there was a radical change in the Federal Reserve's policy. At the beginning of 2019, everyone thought that the rate would increase. So far, we have seen three interest rate cuts in the United States. This year, due to the situation in China, expectations for additional easing at the end of this year are growing, but in fact it is also an expectation that is very sensitive to the virus news, to momentary information.

In general, maybe at the end of the year we will find ourselves in a completely different scenario. Perhaps the Federal Reserve will again return to tougher rhetoric. Of course, the Central Bank of Russia must reckon with the fact that this external factor has become much less predictable. In fact, the situation when the Federal Reserve, as in early 2019, changed the rhetoric from the promise that it would raise the rate to the promise of a reduction in a single month is unprecedented, so we need to understand that we cannot confidently predict the external background.

The situation with the virus is now being widely discussed. I can only say that markets have certain benchmarks. A benchmark is the beginning of March or the end of February — if the incidence rate reaches 2%, it will be a serious factor for the markets. Unfortunately, the 2003 SARS outbreak is not a precedent, because at that time the global economy was still in the midst of growth, whereas last year we discussed a global recession and trade wars, which certainly does not create positive context for any kind of problems.

China is discussing a slowdown to 4.5 percent. I can't say there is a consensus, but it seems the slowdown is not just one percentage point, it may be more significant.

I wanted to say more about our domestic situation as a person who is in contact with the financial sector. I completely agree that the outlook for the factors for which the government is responsible has become better in 2020. The support of the maternity capital leads us to expect additional mortgage growth expectations, growth in construction, expenditures from the National Wellbeing Fund. The question is how much the private sector multiplier will resonate. Last year unfortunately, we saw that the demand for corporate loans slowed down. Last year, the

market grew by only 1%. while there continued to be a reduction in foreign currency leverage, that is, companies paid off \$15 billion to Russian banks, same as in 2018.

Unfortunately, despite the fact that the volume of debt is decreasing, the rate of its reduction has not yet slowed down, and even accelerates in terms of percentage. As regards debt, we do have a foreign debt, 300 billion dollars. There are still significant opportunities for debt repayment. Therefore, unfortunately, there is an impression that companies currently prefer to direct their profits to paying off leverage, although it is already small, we have the corporate debt amounting to 50% of the GDP, and it has actually remained unchanged since 2013, but we don't see any appetite for additional lending. In general, I would say that in the banking sector such a consensus is partly associated with the sanctions-related risks and the fact that under the sanctions, individuals are, of course, more attractive customers because they are not subject to any sanctions risks that may lead to difficulties.

In terms of the dynamics of the banking sector, on the one hand, banks have no great desire to stimulate the growth of corporate lending due to sanctions risks. Sanctions risks are not increasing now, but they have not left the agenda. We understand that the best scenario for us in 2020 is the absence of any escalation of sanctions. Therefore, the eyes of the financial sector, of course, are riveted to retail loans. I would say that, as a confirmation of the reduction of credit leverage, large repayments of corporate Eurobonds are expected in 2020, they will be almost 3 times greater than in 2019, and by the end of 2020 we may come to a situation when the corporate Eurobonds market will become tiny. And this, in a sense, will limit the inflow of foreign capital into the Russian market, because our only liquid market will be the Federal Loan Bond market. Under such conditions the government should probably become the main investor in the economy, because foreign capital will, of course, go to liquid markets by default.

Sorokin: Vladimir Dmitrievich Milovidov, Head of the Center for Social and Economic Research of the Russian Institute of Strategic Studies.

Milovidov: First of all, I would also like to thank Andrei Nikolaevich for the interesting presentation, for the interesting figures which really are a matter for concern to all of us. But today I would like to step a little bit away from the immediate topic and expand the scope of our discussion — which is economic development, of course, of our country first of all.

The thing is that what is happening today, ultimately, cannot be taken out of the context of the overall global changes that

have been occurring in the world. They haven't happened overnight, they have been accumulating over a number of years, and therefore I would call my presentation today "The Age of Subversive Changes: The First 20 Years". Today, more and more often you get to hear that our time is an era of disruptive changes, and in fact there are reasons for this. This is the first point I wanted to make.

The second point. I really like a hypothesis which was proposed around the mid-2000s, that economic science has the so-called performative characteristics, i.e. the ability to influence people's behavior, social consciousness. And public awareness causes subsequent actions. Thus, under the influence of new ideas and theories real life changes and one way or another moves along its trajectory. I would like our discussions to have their own performative qualities and influence, I'd like them to have the best influence on changes, but if we look at the changed world we will notice that ideas and, as they say, narratives, have been really changing over the course of last decades, even centuries, and have led to the awareness that is reflected in the scientific literature today.

There are several online resources that allow us to measure the number and the frequency of, firstly, online queries — e.g. Google Trends — which is an increasingly popular analytical tool for analyzing trendy and popular topics. The second one is the Google service which allows you to evaluate the use of certain terms, words and phrases in various literature, be it Russian-language, German-language or English-language, over the last 200 years. I tried to conduct such an experiment and select some terms that seemed interesting to me, as they are used in scientific English-language literature.

Here are the dynamics of the usage of such words as "social", "international", "state" and "community". You will see that over the course of 200 years, the frequency of use of such terms as "international", "public", "community" gradually grew. But more demonstrative is the dynamics of the use of the words "network", "industrial", "digital" and "global". Such words as "network", "digital", "global" have become trendy in recent years, and the word "industrial" has been sharply declining in popularity since the mid-1970s.

I tried to build a frequency diagram for various terms used in international scientific literature. I discovered that the word "freedom" was most often used in literature in 1800, "state" in 1835, "industrial production" in 1974, "social" in 1976, "control" in 1985, "community" in 1999, "international" in 2000. And gradually we came to a conclusion that today the most used words in the scientific literature are "global", "digital" and "security". In fact, if we look at how they characterize today's era, we will see they describe it as a network society, a global

society, a society dominated by digital technology and communications. Of course, it all affects our country, it affects the world in which we live, and we should not ignore those serious global changes. This is the first point, which leads up to what I'd like to say further.

Second, I made a similar search using the Google Trends service as a basis and asked it several questions in order to identify the most striking and noticeable events that have been of interest to Internet users over the past 20 years. I chose 10 terms.

They were marked by peaks of user interest. The very first peak, barely distinguishable, was the scandal with corporate reports in 2000 in the United States of America, which kicked off a rather serious process of reforming all corporate reporting, corporate governance and corporate relations in general. The next surge, the obvious one, is the financial crisis. Another swell that had to be shown on a separate scale is Crimea, 2014, the attention to events in Russia and Ukraine; the next one is the vote for Trump, and the last small zigzag is the US trade war against China. The ones that are in second place are as follows: Iraq, the vote for Obama, the fight against ISIS, then Brexit, and the last peak is the possible impeachment of Mr. Trump.

Why am I giving these examples? All those events had a significant impact on the Russian economy and on our lives. Naturally, we found ourselves in a situation where the question of technological development and answers to global challenges and the sanctions directly affected our country and will continue to do so in the future. We really observe that today's world that surrounds us has changed radically. I tried to formulate several of its fundamental characteristics, which boil down to five things. We have already discussed some of them at seminars and meetings.

I'm talking about matters of a high-tech networking society with the development of high technologies, 5G, artificial intelligence and so on, a significant humanization of relations, the development of the so-called stakeholder concept which increases the social responsibility of companies, corporations and corporate responsibility. It's what we have already talked about today — the result of the financial crisis, prolonged economic stagnation, recession, which brought to life massive quantitative easing and negative interest rates. It's a new trend, which today is increasingly manifested in the protection of national business outside the borders of one's own country and in the reforms of international financial and economic organizations, which are indeed a reflection of the trade war between the US and China. And, of course, it's the aggravation of international relations.

I specifically brought those characteristics up in order to say that when we talk about the prospects for economic development in Russia in the following year, or two or three years, we must understand that all those global factors that changed public consciousness due to the important and remarkable international events will continue to operate. And in this connection, of course, it would be right to significantly strengthen the policy in the field of supporting modern science and technology, as already mentioned here. This is a question of increasing the role and social responsibility of business, as we've already mentioned, and, of course, one of the most important questions that we need to answer is the question of our participation in international economic organizations, because the question of reforming the WTO and changing the rules of the game in trade will persist in the nearest future. At the Davos forum, Mr. Trump announced that his next goal is not only making an agreement with the European Union, but, most importantly, meeting with the WTO leadership and, essentially, changing the rules of the organization. And when we say we expect growth in trade with China or other countries, we must understand that other countries today, including the United States of America, not only talk about this, they really squeeze their competitors out of the markets they are interested in. Therefore, I believe that those problems should be addressed and taken into account.

Sorokin: Thank you very much. Leonid Markovich Grigoriev. Leonid Markovich is well known. I will omit the titles in order to save time.

Grigoriev: Right now, a lot of new and interesting things are happening throughout the world. Until the balance in the markets changes radically, we will hold on to oil, apparently, for another year or two; the further down the line, the less certainty in reasonable price fluctuations. And it's, of course, an absolutely outstanding achievement to turn OPEC into Global Public Good. This is not for every energy minister. It has now come down in history.

Second: the recession. I am constantly struggling against admitting a recession. I'm trying to persuade people that the only real chance to get into a recession is to persuade yourself you have a recession, to intimidate yourself to the highest degree. A virus is creeping up from one side, the debts from the other side. Everyone knows we are sitting on debts, but it seems like we are sitting quite comfortably, because, as I recall, the cost of servicing the giant American debt is somewhere around 2% of the GDP; under Reagan, when the debt was about half of that, it was 4% or more of the GDP.

Therefore, as long as there is no inflation, as long as there is no problem of servicing the debt, there will be no explosion from

that side. Global investments — I copied an article from the December issue of *Voprosy Ekonomiki*: almost all the world has slightly reduced investments and the rate of accumulation after the great recession, and no leap forward has occurred. By the way, this means that global investors do not invest in solving global problems, nor in poverty, nor in climate, it simply does not do it, and that's all. They talk a lot and do nothing. Therefore, there is no surge in growth rates, no classical cycle of raw materials, and so far, all financiers agree no recession is visible. There may be something after the Trump election but, firstly, it is too far away, and secondly, something must happen before the crisis. Shocks to the financial sector are always possible. Let me remind you that there are always twice as many financial shocks as there are recessions. Therefore, the financial shock of 2008 had a lot of gunpowder, it almost demolished the real business-cycle theory for one fresh Nobel Prize.

The second point is about investment. There is a point on which I have been acting as Cassandra for many years. I want to remind you to pay attention to the fact that in this country investments are not going well no matter how we try. Climate changes, governments change, central bankers change, interest rates become high, then low, then high again, inflation changes — and still no investments. The first most outstanding phrase that I remembered was Gref's phrase when he was deputy prime minister: "I feel the investment with the tips of my fingers." Still no investments. He already felt them, but they never materialized. Citizens, we conducted a transition under which enterprises did not invest. And that's it.

Everything else is just dancing around the fact. It is necessary to split in order to analyze: completely separate investment climates for large companies, state-owned companies, semi-government companies, privately owned but semi-government in terms of decision-making and in terms of their dependence on the budget; ordinary privately owned medium businesses have a different climate, small businesses have yet a different climate. Everyone is affected by different factors, everyone invests in a different manner, but they still need to care for it. If there's a climate in which it is more profitable for the owner to take rent and save on everything else and sit things out or even move his money from small markets, from low interest rates to high ones? I looked at the balance sheets at the time when cheap loans were taken away from us: windfall money disappeared from both sides of liquid balance sheets of some big companies. They simply borrowed cheap money abroad and invested. A clandestine banking. Nothing happened with them.

It was the same for consumption. There is no consumer market. The upper 20%, the middle and the lower strata have completely different consumer markets. The upper ones do not

want anything, they just want to be left alone. They will not be buying a second or a third car. Same thing with apartments. One must be very careful. One third of the housing in use, as we calculated, was built in the XXI century. We have a very good situation. A quarter of a million private homes a year with an average size of 135 meters. This is a very decent situation. You can't just push another half a million apartments on top of that, as Andrei Nikolaevich correctly says. Who needs them? Therefore, I think those problems are more important for us. Without solving those problems, we will not be having any progress with interest rates and additional funds.

Sorokin: Thank you, Leonid Markovich. Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences Alexei Gromyko.

Gromyko: First, let me say that, in my opinion, the common leitmotif of what has been said is the idea that not everything is as bad as it seems, but much worse than it should be. A philosophy of sorts. It seems to me that everything is not so bad if I correctly grasp this philosophy, because within the framework of our existing socio-economic development model, even within its framework, some groundwork has been done, but still it's much worse than we would want it to be.

Since, as far as I understand, in the coming years there won't be a significant restructuring of our economy, the question of whether we have an industrial policy is moot. I remember how at the Primakov readings last year one of the key ministers of our Government answered the question from the audience: what about our industrial policy? I heard with my own ears: "Are you from the Soviet era? What is an industrial policy? We are creating common trunks for business." I was amazed. For example, in the field of artificial intelligence, did anyone hear about a government industrial policy? I remember a meeting of a State Duma committee, attended by the relevant deputy ministers, and they were asked: "Do you know which special budget items are intended for the government policy in the field of artificial intelligence?" The deputy minister couldn't answer that question. I remember how a couple of years ago, the RAS Presidium discussed the issue of robotics in medical surgery, and said it's impossible to keep purchasing Da Vinci robots, we have our own developments, but the government should help. The other day I'm watching a report on the health situation and how much our purchases of Da Vinci robots have surged; those robots are made in the USA. And so on and so forth.

Now there was a slide about barriers to business, and it had the phrase: "Because of the high uncertainty" and so on. A couple words about this high uncertainty. Andrei Nikolaevich has mentioned it, but, I think, a couple more words can be said. Including the high uncertainty in foreign policy. For example,

what new regional or interregional conflicts may occur in the next 3 or 4 years? Or, if they already exist, how far a sufficiently strong escalation should go to affect the economic development of our country? What about the sanctions? There are many who believe that with the sanctions in place in the next 2-3 years it will get better. But the majority of people believe it will only get worse. Or what about the use of unfair competition — I think the situation here will also get worse. For example, Nord Stream 2. After all, it was clear that sanctions will be imposed on the pipeline or the Swiss sea vessels. It was obvious. We have been discussing this for 2 years. Wasn't 2 years enough to modernize our won ship which turned out to be in the Far East, off Sakhalin last December. Why didn't they upgrade it? It's a matter of strategic thinking: when it is not there, it's not there. Or the "green deal", the so-called green deal of the European Union. We all know very well that the new European Commission declared itself to be a geopolitical European Commission, for the first time in history, and they will make huge investments in that area and introduce protectionist measures at their external borders to strengthen their competitive advantage against the USA, against China, and against Russia.

Andrei Nikolaevich Klepach spoke a little about poverty and social inequality. In our country you can often hear "what else do you want?" You want for us to be like the developed countries? We are such and such. But in terms of purchasing power parity, we are in sixth place in the world! Is this what you'd call a small economy with low incomes? It seems to me that the solution of the poverty problem, of the social inequality problem is still considered by our government as some kind of an obstacle on the way to accelerating economic growth, as a kind of burden for the state budget. None of what has been said about a knowledge-based economy, about the importance of social and human capital, has basically materialized as far as I can see. You know, social spending is 11.6% of our GDP. And in all the countries with which we want to be on an equal footing it's several times smaller.

Budget federalism was mentioned. But nothing changed. You might recall that the last speech of Evgeni Maksimovich Primakov at the Mercury club was devoted to budget federalism. 3 years have passed since then. Nothing was said about corruption. I think it's a very strong factor in how slowly or how rapidly our economy will grow over the next 3-5 years.

Sorokin: Thank you. Colleague Anton Viktorovich Danilov-Danilyan.

Danilov-Danilyan: First of all, I would talk about what we expect next year in comparison with the past. The answer from non-financial business is: nothing. All the 5 main trends we had last year will continue despite the change of the Government.

1. The monetary policy of the Central Bank, which Academician Glazyev mentioned, does not really affect anything, and the 2% increase in VAT had practically no effect on the inflation target. What affects the economy is the disposable cash income of the population. It has stagnated for the last 6 years. Even if it grows a little next year, such growth will not have any effect.

2. We are reducing the number of small and medium-sized companies, while the number of individual entrepreneurs and microenterprises is growing. If abroad the number of companies, from micro to the biggest ones, is a kind of pyramid, here, you will excuse me, it increasingly resembles an overweight female figure. So far, we haven't seen any reason for this to stop. This means that the things Leonid Markovich Grigoriev described will be fully preserved, because there is no reason why those 3 groups will somehow even out. The ones in the middle will disappear, the big ones will remain in place, and the number of the lower ones will increase.

3. The attack of the public sector. If earlier, about 4–5 years ago, it happened through the absorption by state companies and corporations, and in the next couple of years — by their subsidiaries, currently we have entered the sub-subsidiary phase. And it is already happening quietly but quickly and efficiently. Among the most significant events of the last year is Rostekh's takeover of Stan, the only large private machine-building group. What had been denied the private group was immediately allocated in the form of credit resources to parts of Rostekh, and the situation quickly began to improve. And no matter what sub-industry you consider, out of the five hundred main industrial ones, the picture is the same everywhere, induced by the government's requirements for large state-owned companies to develop innovative projects; the easiest way to develop something is not to invent something at home but rather to buy an existing product, and this urge will only intensify.

4. Uncertainty will persist. By uncertainty we mean the uncertainty of three types: uncertainty in demand, uncertainty in economic policy and administrative pressure, uncertainty of the future of investors and companies. It is unlikely that something will seriously change (even despite all the efforts of the government that were mentioned here) in terms of public investments, they can't be quickly ensured, so the next year is

unlikely to be different from the previous one. Administrative pressure will continue. Nothing has been done so far to stop this. The regulatory guillotine is not administrative pressure, it's a different thing, one of control and supervision; it is much simpler. There is still hope.

5. We are not focused on growth, e.g. because there are different taxation regimes: therefore, as soon as a company reaches a certain limit, it stops growing, it starts to split up. If we do nothing about it, then we are unlikely to succeed. Next year, we definitely won't be doing anything about it.

Sorokin: Thank you, Anton Viktorovich. Academician Nekipelov Alexander Dmitrievich. And prepare for academician Polterovich.

Nekipelov: Thank you very much. I would like to briefly address the following issues.

First: of course, there are a lot of systemic problems in our economy, and the colleagues spoke about them. But despite the fact that it is necessary to approach them and solve them, it seems to me that if we say that until we solve them there will be no opportunity to do anything in other areas, we are taking a counterproductive position similar to that which has been taken during all the years of transit. How many years have passed since 1992, must be nearly 30 years, we were trying to achieve macroeconomic stabilization, now we have announced that macroeconomic stabilization has finally been achieved and now we will proceed to achieving growth. By the same logic, will another 30 years be necessary to achieve growth? Among other things, generally speaking, in the first decade of the 2000s, we had an economy that developed quite rapidly, with high investment rates and so on, although that economy did not have any particular systemic or structural advantages.

As regards monetary policy: I have long wondered why we need to accumulate such substantial foreign exchange reserves and international reserves. I remember, at one time, when even guest speakers were allowed to speak at Government meetings, and I attended one as a representative of the Academy of Sciences, German Oskarovich proudly said that our country's foreign exchange reserves had started to grow and had already exceeded 200 billion. I asked: "German Oskarovich, how much reserves are enough for our country in your estimation?" He hesitated slightly and said, "300 billion." He was so certain that at 300 billion a new life will begin. To be honest, I have never been convinced by the arguments to the effect that in the situation of uncertainty both at home and abroad we need a safety cushion. Because even in the most critical moments, I am

sure, our response was not optimal by far during the acute phase of the crisis. In six months, we spent \$200 billion from reserves. One can, of course, assume it will happen on a regular basis, and we will have to spend our reserves at such a rate.

Today I've come to the conclusion that we are trapped. Reserves are an instrument without which the current macroeconomic stabilization is simply impossible. When the Central Bank acts conservatively, reduces the interest rate and generally pursues its monetary policy, I do understand the Central Bank because the huge surplus of liquidity is largely the result of the existing high interest rate, because enterprises that have a lot of money in their accounts and do not invest it, and they are right, because you can read in any financial management textbook that the return on fixed capital should be higher than the return on working capital. If you have the opposite result, you should be a philanthropist in order to invest. But I'm also sure that if in such a situation the interest rate is lowered and the limitations are removed, it's hard to imagine it will not undermine the macroeconomic stability we discussed earlier because the money will flow to the foreign exchange market and inflationary processes will certainly commence.

It seems that the key problem is the one Sergey Yuryevich mentioned at the end of his speech saying he would speak about it another time. We are facing that problem, and it is especially strange we haven't changed anything in a situation where various sanctions have been applied against the country. We completely removed the limitations at a wrong time, at least we formally removed the limitations on capital items. After all, on average, over the last 15 years we have been maintaining \$65 billion's worth of assets in our current balance of payments items. Yes, private capital outflow figures have been fluctuating, either increasing or decreasing. And our \$65 billion net credit positions in relation to the entire world is almost a constant each year. Look, that's over a trillion dollars in 15 years. Therefore, it seems to me that the way out of this situation is not a drastic relaxation of monetary policy, it is not just sending money through separate channels for the projects because money will not stay in those channels, it will spread throughout the economy. The key issue today is to avoid bans or requirements to sell foreign currency earnings. It is necessary to use active taxation mechanisms, it is necessary to reduce the speculative component. We should be less interested in the liquidity of shares in the corporate sector, because today all those things, despite looking very attractive, have absolutely nothing to do with getting money into the real sector of the economy.

Sorokin: Academician Polterovich Viktor Meerovich.

Polterovich: Thank you very much.

For many years I have been studying the economic miracle countries, trying to understand what we need to do in order to develop rapidly. I have found that those successful countries, despite different cultures, times, and circumstances, used very similar institutions and because of that they succeeded. We are talking about such diverse countries as post-war Japan, Franco's Spain or modern Malaysia. Since we are running out of time, in the remaining 6 minutes I would like to simply outline the main obstacles that prevent us from developing. It's the conclusion I drew from studying the experience of successful countries.

The first obstacle is institutional in nature. We do not have a complete project management system or an indicative planning system. In fact, a large-scale project management reform has been recently underway in Russia. A corresponding council was set up under the President, complete with a presidium, project offices and many, many other things, but still the system does not really work. And there are a few reasons for this. One of them is that a fundamental conflict that all countries of the economic miracle solved in order to succeed has not been resolved — the conflict between the Ministry of Finance, the objectives of growth and the Ministry of Economy. Many historians wrote about this. The latest changes that were made to the Government was, in my opinion, a step in the right direction, but they still did not fully solve the conflict.

The second obstacle is ideological in nature. We still believe that the main area of state intervention in the economy is the development of infrastructure. In fact, all the national projects in the broad sense of the word are infrastructural in character. There is not a single project that's aimed at improving technology. Even the digital economy related project is not what it should be. But, in fact, the improvement of technologies, the borrowing and creation of new technologies are the most important growth factors. Thus, without overcoming this ideological obstacle, we will not be able to move on, and as soon as we begin to think about it, questions immediately arise related to the development of the national innovation system, the development of science, in particular, the creation of a chain extending from basic research to practical use. A lot of essential sectoral institutions are missing from that chain and should be created from scratch.

The third obstacle is of a cultural nature, it is the question of trust. Until we overcome mutual distrust, the widespread distrust of citizens towards government institutions and business, the distrust of business towards the government, the distrust of the government towards business, no rapid growth can be achieved. The solution to this problem is related to the

resolution of the issues I mentioned before. It is about the involvement of a wide range of actors, including civil society, in decision-making processes, and it is about social policy and the policy of reducing inequality. In fact, we still do not dare to introduce a progressive tax on personal incomes, and until it's done it will actually be very difficult to move forward.

And finally, the fourth obstacle, is of course the proper choice of international policy. This matter is very complicated, and since my time is over, I will only say that we should, in my opinion, seek an alliance with Europe. And it is this alliance that can give us the necessary resources for developing technology and trade. Thank you.

Sorokin: Thank you, Victor Meerovich. Director of the Institute of Economics Elena Borisovna Lenchuk.

Lenchuk: I would dwell on some of the important points that have already been discussed today, but, on the whole, I would like to share my views on them.

First of all, in the absence of a long-term socio-economic development strategy that would determine our development model for the coming 10–15-year period, we live within the contours of development provided by medium-term forecasts. The President's May Decree, inaugural order 204, has a certain inconsistency, because if you look at the Decree and the goals that it defines, first of all consisting in ensuring breakthrough scientific, technological and socio-economic development, which will be, and is already being, implemented by means of 12 projects — to a certain extent, of course, it depends on our ability to build up resources and opportunities. And above all, those opportunities depend on the overall rate of economic growth.

A forecast cannot, in principle, solve such a problem because, in my opinion, we should first talk about structural changes that can ensure the acceleration of economic growth. Most importantly, as we said at the last meeting, we should talk about the revival of the real sector of the economy, because it is in the real sector that the prerequisites for economic growth are formed. And such a revival of the real sector of the economy should occur due to technological modernization and the introduction of the most advanced technologies and innovations. And everyone knows that it's the scientific and technological factor that determines the competitiveness and prosperity of a particular country.

Today digital economy is in fashion, but it is the process of introducing the most advanced, breakthrough technologies into all spheres of economic activity. In Russia, digitalization today is limited to government administration, the financial sector, digital technologies are being used actively and successfully in the fiscal area, and as for industry, the use of new technologies

is questionable. In principle, it's what determines our ability to produce competitive products and increase non-commodity exports. I completely agree with Alexei Anatolyevich Gromyko, who said it was necessary to pursue an appropriate industrial and, first and foremost, technological policy.

In principle, today we don't have a single national project that would affect the real sector of the economy. There is no clear technological policy in Russia. The national project "Science" does not address the issue of technology at all but deals with completely incomprehensible issues of building up publication activity and infrastructure projects. Who defines the key technologies? Neither the Ministry of Economic Development, nor the Ministry of Industry and Trade. If we take the Ministry of Science and Higher Education, as it exists, and the effective managers who sit there, they are hardly able to determine the technological vector of the country's development. We have a strategy for scientific and technological development, but it doesn't mention any technologies.

In the end, I'd like to say that without a scientific and technological policy, without an industrial policy it is impossible to create a new development model, because in the age of scientific and technological progress and the fourth industrial revolution there is virtually no alternative to innovative development. Therefore, I believe we need to focus on those issues. Thank you.

Sorokin: Thank you, Elena Borisovna. Academician Nigmatulin Robert Iskandrovich.

Nigmatulin: Dear colleagues! Our meeting is connected with the name of Leonid Ivanovich Abalkin, and I recall my meetings with him. Dmitry Evgenievich helped in convincing him to support my publications. I am very pleased to be here and to remember Leonid Ivanovich. His was an outstanding personality.

Over the past few months, a group of our scientists has been preparing recommendations on developing the economy and economic growth, and Academician Aganbegyan has already spoken on the main points of those recommendations, I will revisit them now. But I would mention a point which remained unaddressed: our raw materials are very expensive. Our gasoline, whose cost includes the cost of oil, is more than twice expensive compared to American gasoline by purchasing power parity. It's also a mighty obstacle for the development of our economy, because everything is based on raw materials.

Elena Borisovna, I agree with your recommendations and with those of Alexander Dmitrievich, I absolutely agree with all my colleagues, but lately I have been thinking more and more of the mighty economic obstacle we have erected over the last 30 years, including the last 20 years the current President is in power.

Here are a few numbers. We have GDP growth per ruble of investments in fixed assets equaling 2. Two per ruble. It was 4 in the RSFSR. Globally, it's 3 to 5. The GDP expenses on accident response and so on: 0.5% of GDP globally, and 1.4% in Russia. Three times more. Again, it is a matter of the quality of leadership and the quality of the people. We put such pressure on our education, improved it so much that we've made it a strong slowdown factor, and we will not be able to quickly attain economic growth.

Another figure: the likelihood of dying in a plane crash is 3 times higher in Russia than abroad. The likelihood of dying in a fire is 4 times higher than in the United States of America. This is the state we brought our country to with all those transformations in the field of education, especially education in the field of engineering. There is little demand for engineers, although we say "we need more engineers." I read lectures at Skolkovo, where top-class engineers are trained by foreign professors. It is an amazing educational institution. I recommend it to everyone: visit if possible. The university building is gorgeous. In recent years, 45 PhD dissertations have been defended. Almost everyone left for the West, because there is no demand. I know the current state of economic management in mechanical engineering, power engineering, civil aircraft, and electricity. It's a nightmare and it's one of the key problems.

It is necessary to let up pressure on science. We spend 1% of the GDP on science. But the world spends 2-3%. And we keep reorganizing things, reorganizing scientists while paying them the same amount money to make them more productive. All those publication requirements and associated planning from on high are absolutely stupid and nonsensical. And let me emphasize this once again, it is the strongest economic obstacle for our plans. It will slow us down, and we will not achieve the 5% growth in the next 10-15 years. And yet investments in knowledge-based economy I mentioned earlier (Abel Gezevich mentioned them when he last spoke) are necessary and should be made, so that knowledge economy and science are led by specialists, not accountants, as it's been the case in recent years. Otherwise we will not achieve economic growth.

Sorokin: Thank you, Robert Iskandrovich, you are accurate as always. If I'm not mistaken, I announced Greenberg Ruslan Semenovich, a corresponding member and so on and so forth.

Greenberg: First of all, I have to say that the conversation is ending soon, much has been said of what I wanted to say, but still I want to emphasize an important point.

The new Government has a chance. First of all, I mean Andrey Belousov. He is not an ideological person, and it seems that, perhaps, our President allowed him to conduct some experiments with public-private partnerships and with the infrastructure projects. I still believe that no matter what the policy, whether it's good or bad, our country is in a situation where, in order to simply halt the stagnation which is difficult to get out of, as Abel Gezevich said, it's more difficult than getting out of a recession, that's right, I don't know a single precedent for such an outcome, in my opinion, so, there is still no alternative to public investment and the notorious public-private partnership as it was previously discussed. But it's not happening. What happens is double imitation, as I would call it. The government imitates success, and business imitates failures, because success cannot be imitated, because as soon as you talk about how everything is working out well, they come for you.

In this sense, there is no alternative to one very remarkable statement Aleksey Ulyukaev made before he got into trouble; very confidently he uttered a phrase to the effect that public investment risks are much less than the risk of the absence of investments. Those words should be etched in gold. I don't know how much longer we can talk about investment climate and corruption. It is clear our economic policy should change fundamentally. I lay some hopes on Andrei Belousov and even on Mishustin because it's time to gather stones, time to throw stones around, and he learned how to collect money very well, it's time to spend money. Now he has the task of spending it. In this sense, of course, government funding with numerous multiplier effects has no alternative. But it's not happening.

Now about the risks. Viktor Dmitrievich spoke of the ideological obstacle. I want to say that the entire economic policy of Russia is an obstacle based on ideology. Despite the fact that two universal utopias have already died — the utopia of the directive plan and the utopia of the free market, we still hold on to them and, apparently, do not want to give them up. And this, of course, dates back to the beginning of the 90s, where the doctrine of natural competitive advantages was very fashionable: sell you can sell, and what you can't sell, we will buy elsewhere. Therefore, when people are talking about an industrial policy or some encouraging goal-setting, I think that maybe we've missed a lot. I cannot imagine how it is possible to replace Chinese consumer goods or European investment goods.

The question arises: what is to be done? It seems there are two schools of thought. One says that we still need to relax the monetary policy. But I agree with Nekipelov here in the sense

that we are an absolutely specific country on the world map, since the so-called QE, or money printing, is the prerogative of developed countries, normal countries. And it works for those countries. Had the Western countries not been printing 80 to 90 billion dollars a month, there would have been a recession, but now there is still growth, and at a rate that's 3 times higher than ours.

What is going on here? If we consider our economy, it is completely unsuitable for QE, because printing money will automatically lead to inflation or purchasing imported goods or investing in foreign currency. Therefore, if I were in Putin's place, in the current situation I would also save money. I would save up money for a rainy day. True, that day has already come for many, but I would still be saving up, because it is not clear what needs to be done, because any private business is, of course, completely paralyzed, and the mantra of the ruling house in the country is still aimed at gradually relaxing their grip on the economy. When you ask those people, who run the economy and the country in general, "What is to be done?" — they say: "The state should leave the economy alone." This, of course, is absolutely futile.

Sorokin: Thank you very much, Ruslan Semenovich. Vladimir Mikhailovich Davydov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, BRICS.

Davydov: First of all, I would like to thank Andrei Nikolaevich. He gave us much food for a serious discussion.

I noted one of his phrases: in order for a short-term forecast, a short-term, maybe even a medium-term estimate to be correct, it needs to be considered in the long term. I think it's a very constructive thought, and in this connection I would like to draw your attention to an event that was little noticed, but in fact it had a strategic importance for our development. Toward the end of the Medvedev government, the Paris Treaty and the Paris Climate Agreement were ratified. It is not clear why the Government did it, and not the Parliament, why we waited 4 or almost 5 years before it was done. We take a very long time to think things over. And now it's quite obvious that we are developing on borrowed resources, borrowed from future generations, on the one hand, and we've created a huge social debt. We've built a time bomb. The question is when this bomb will be set off.

To confirm what I have stated we need to consider the European experience. We've mentioned the fact we will have exports. Maybe it will be 2-3 years, but if we are talking about our relations with the European Union, which Viktor Meerovich considers preferential, appropriate laws are being rapidly introduced there. This is evidenced by our negotiators from the

Foreign Ministry, who are dealing with the topics of sustainable development, global warming. The laws will be completely discriminatory in relation to Russia.

Serious taxes are being prepared, serious sanctions for those who are unable to switch to low-carbon production and related industries. If we talk about the structure of our economy, then there are few countries that are comparable to our high-carbon production, congestion. In addition, we are trying to leverage nuclear energy and gas, which is less toxic. But the world does not have a similar attitude to our nuclear energy and our gas energy. Of course, this will not particularly affect Asian markets and, perhaps, Latin American markets, but it will be a very serious challenge to the main area of our development.

I think that this is not about expansion and diversification. We are unable to diversify. The colleagues spoke about the state of accumulation, about the flow of investments, a lot has been said here, as I can tell, but it does not ensure the absolute imperative to diversify the renewal of our economy. It will require trillions and trillions of dollars to solve the problem and somehow come closer to the situation that now exists in medium-developed European countries.

One more thing. I carefully listened to Andrei Nikolaevich. We have conducted our analysis based on the indicators which characterize the economic situation. But now it's impossible. It seems to me that we need to make a breakthrough in another direction — to measure social mood. I feel that I need to wrap up my speech, I will make only one reference. On December 27, a whole page in Rossiyskaya Gazeta was devoted to the results of sociological surveys. Check out that article. It has 3 main points. In conclusion it says: the Russian people need changes, we need justice and we need trust, which no longer exists. Another point, a very interesting one, which resembles the situation in Latin American countries: after the president, it's the army that inspires the greatest trust.

Sorokin: Yes, the Latin American experience tells us as much. All right. Thanks a lot.

НАЦПРОЕКТЫ НАБИРАЮТ ОБОРОТЫ

Чтобы решить застоялые социально-экономические проблемы, президент заявил, а Правительство России сформулировало 12 приоритетных национальных проектов. Что необходимо для их реализации, кроме выделенных денег: кадры инвестиции, технологии? Есть ли у нас эти ресурсы?

По материалам программы «ДОМ Э» на телеканале ОТР, 12.01.2019

СОБЕСЕДНИКИ

*Александр Александрович Широв,
заместитель директора Института народно-
хозяйственного прогнозирования Российской академии
наук, член-корреспондент РАН, член правления Вольного
экономического общества России*

*Олег Витальевич Буклемишев,
директор Центра исследования экономической политики
экономического факультета Московского
государственного университета им. М. В. Ломоносова*

*Сергей Юрьевич Глазьев,
член Коллегии (министр) по интеграции
и макроэкономике Евразийской экономической комиссии,
академик РАН, вице-президент ВЭО России*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Бодрунов: Уважаемые коллеги, национальные проекты способны ускорить экономическую динамику. Это то, на что рассчитывают наши правящие круги, и то, что заложено в качестве механизма поднятия экономического роста.

Широв: В последние два года многие экономисты, как правительственные, так и неправительственные, говорили о том, что нам требуются дополнительные действия в области экономической политики, которые смогли бы сначала вызвать некоторый начальный рост экономики, а потом обеспечить его ускорение. То есть главная задача — запустить экономический рост. И проблема состояла в том, что обычные регулярные меры экономической политики — денежно-кредитная политика, бюджетная политика — к сожалению, не могли быть инициаторами этого ускорения темпов экономического роста, потому что в экономике очень много структурных проблем, структурных дисбалансов, технологических разрывов и так далее. И многие говорили про идею национальных проектов, то есть таких проектов, которые бы связали между собой в общую макроэкономическую политику и региональную политику, и политику развития отдельных секторов экономики, а в конечном счете привели бы к определенному результату. И в результате мы увидели набор из 12 национальных проектов плюс план по развитию магистральной инфраструктуры.

Бодрунов: Не символическая цифра?

Широв: Надеюсь, что это не чертова дюжина. Но если смотреть с точки зрения ускорения экономического роста, проблема состоит в том, что суммарно все эти проекты весят примерно 24 триллиона рублей в период до 2024 года. А накопленный ВВП нашей страны за этот период превысит 750 триллионов рублей. Соответственно, 24 триллиона и 750 триллионов, понятно, что вклад не может быть радикальным. К сожалению, мы должны констатировать, что набор программ, который сейчас есть, он, с одной стороны, исходит из предположения о том, что государственные ресурсы могут разогнать экономику, а, на мой взгляд, это неправильно. А во-вторых, он исходит из того, что вот этот ограниченный набор средств, который мы запускаем в эти национальные проекты, может что-то радикально изменить в экономике.

Буклемишев: Я бы тоже посмотрел на ситуацию сначала со стороны достаточности. Вроде бы средств впрыскивается много, но дело даже не в сумме, которая выделяется. На мой взгляд, гораздо важнее структура этих проектов — на что они расходуются. Давайте посмотрим. Я как раз, готовясь к передаче, посмотрел самые ведущие национальные проекты и их финансирование. Вот самое большое — это как раз инфраструктурные стройки — 3,1 триллиона рублей. И там, изучая материалы к первому чтению бюджета, я с удивлением для себя обнаружил, что эти проекты не расписаны даже в укрупненных чертах...

Бодрунов: Даже блоками.

Буклемишев: Даже блоками, ничего там нет, ничего не готово. И вы понимаете, когда поднимается основной несущий налог, федеральный налог на добавленную стоимость на 2 процентных пункта для того, чтобы финансировать проекты, которых еще нет, вот это как раз очень хорошо демонстрирует подход.

Бодрунов: Не просто нет, а еще и наметок нет...

Буклемишев: И наметок нет. Более того, если мы посмотрим на перечень проектов, этот перечень достаточно широкий, там есть разного рода стройки. Есть вполне разумные. Есть мост на Сахалин, он уже который год появляется, и ни один, по-моему, грамотный человек не может понять, зачем это надо и что будут возить по этому мосту без каких-то других гораздо более крупных решений, нежели постройка этого моста, который, безусловно, отнимет значительную часть инфраструктурных ресурсов, если он

состоится. Это первое. Второй национальный проект называется «демография». Это 2,9 триллиона рублей. Из этих 2,9 триллиона рублей — сюрприз-сюрприз! — чуть больше триллиона занимает давно знакомый нам материнский капитал...

Бодрунов: Просто перенесли материнский капитал в сумму этого проекта.

Буклемишев: Да-да, он включен туда. То есть ничего нового в этом национальном проекте по большому счету нет...

Бодрунов: Такое ощущение, что это чиновничий кульбит.

Буклемишев: Это действительно кульбит...

Широв: И упаковка расходов бюджета, на самом деле.

Буклемишев: Учли его там, чтобы нарастить видимость, что мы тратим деньги на демографию. А сам материнский капитал, давайте посмотрим с точки зрения целесообразности. И демографы, и специалисты других отраслей экономики сегодня говорят, что никакой пользы, никакого демографического эффекта с точки зрения основной направленности материнский капитал не приносит, он ускоряет рождение второго ребенка — это вот максимально, что у тех семей, которые и так собирались этого второго ребенка завести, решение созревает быстрее.

Бодрунов: Да, кто не собирался, его это не стимулирует.

Буклемишев: И более того, сейчас появилась еще одна тема, с моей точки зрения, очень негативная на том фоне низкой финансовой грамотности, имеющейся в России... Материнский капитал сейчас затягивает бедные семьи в ипотеку. То есть вы можете сделать за счет материнского капитала первичный взнос, а дальше тянуть этот проект молодые семьи с детьми, с относительно небольшими доходами и в схлопывающейся экономике не способны. Это достаточно очевидно. И в этом смысле материнский капитал начинает приносить вред. Более того, я сейчас был на Алтае, мы ехали на автобусе на конференцию. Впереди нас ехала маршрутка и на маршрутке сзади висела реклама про обналичивание материнского капитала, полностью законно. За 8–10 дней вам обналичат материнский капитал. То есть вот и это тоже национальный проект.

Бодрунов: То есть структура этих проектов еще достаточно сыра, не доработана и многие вещи еще предстоит, на самом деле, серьезно прорабатывать. А средства уже как бы посчитаны, сколько надо...

Широв: Вот насчет посчитано я бы сильно поспорил в том смысле, что ведь обычно бюджетный процесс у нас был как устроен, и Минфин нас все время этому учит: а давайте-ка вы покажите бюджетную, экономическую эффективность тех или иных направлений средств. В этом случае, в случае национальных проектов, к сожалению, по-моему, мы пошли совсем другим путем.

Буклемишев: Обратным путем.

Широв: Обратным путем. Был выбран набор существующих в той или иной степени проработки проектов, сгруппирован по этим 13 направлениям. Но пока ни Министерство экономического развития, ни Министерство финансов, ни Правительство в целом не предоставили оценок совокупного влияния всех этих национальных проектов на экономическую динамику.

Бодрунов: Да, это другой вопрос. Я говорю о том, что посчитано, сколько денег надо потратить, но только не посчитан эффект. Кроме того, там есть очень много проектов, которые предполагают финансирование со стороны частного капитала. Но насколько частный капитал готов в этом участвовать в тех реальных фактических экономических условиях, на это пока нет, по-моему, ответа ни у кого. Я задумываюсь всегда, когда говорят об участии частного капитала в тех или иных государственных начинаниях. Инвестпроекты — это, собственно, такое большое государственное начинание, некая инициатива, которая должна подтолкнуть экономический рост, привлечь частного и так далее, а как вообще эти инвестпланы России влияют на кредитоспособность компании? Правительство, допустим, привлекло директивно госкомпании, записало их в эти проекты в качестве соисполнителей, а хотят ли они этим заниматься? Для них эффективно это или нет?

Широв: Нет, ну, есть позитивный момент, который возник после того, как был опубликован список Белоусова, потому что все это вышло, на мой взгляд, в некоторое конструктивное русло. То есть изначально понятно, что это была такая сильная встряска для частного бизнеса. И явно никакого улучшения инвестиционного климата мы от этого первоначально импульса не имели, но потом все-таки вопрос встал следующим образом: что готово сделать государство для того, чтобы компании поучаствовали в этих проектах...

Бодрунов: Хотя бы из списка.

Широв: Да. И насколько я понимаю, Министерство финансов, Министерство экономического развития сформулировали набор мероприятий, которые должны вроде бы сделать участие частного бизнеса в этих проектах привлекательным. Там имеются в виду и гарантирование спроса на продукцию, которую будут выпускать эти новые производственные мощности, и более доступные средства заемные — снижение уровня процентных ставок, субсидирование, другие действия. То есть государство показывает, что готово способствовать тому, чтобы для частного бизнеса соотношение риск — доход в данном случае было бы более-менее благоприятным.

Буклемшиев: Александр Александрович в данном случае в роли оптимиста выступает. Я думаю, что наше государство в лице и упомянутых ведомств, и других ведомств в последнее время, наверное, разучилось говорить с частным бизнесом в таком конструктивном ключе: что нужно частному бизнесу для того, чтобы участвовать на равных с государством, чтобы предлагать свои решения, свою точку зрения. Вот эта тактика: мы решили, а вы потом подключайтесь; вот это требование делать то, что нужно государству, причем очень часто государству и даже это не нужно, просто нужно участие... Я, честно говоря, не думаю, что со стороны обозначенных ведомств есть готовность вести диалог на равных. А диалог на равных именно здесь важен для того, чтобы что-то получилось.

Широв: Очень важно понимать, что (мы, там, делаем некоторые прикидочные расчеты) эти все национальные проекты в сумме, даже с теми деньгами частного бизнеса, которые туда записаны пока чисто виртуально, в принципе, ускоряют темпы экономического роста в период до 2024 года меньше чем на 1 процентный пункт. То есть, если у нас сейчас среднегодовые темпы 1,5%, мы получаем чуть больше 2. Понятно, что эти 2% никакой проблемы не решают...

Бодрунов: Вот сейчас НДС подняли — минус полпроцента, считай.

Широв: И для того, чтобы, например, решить задачу по наращиванию инвестиций в основной капитал в структуре ВВП, про что говорит президент, и без которого действительно невозможно модернизировать экономику, нужно, чтобы вклад частного бизнеса был примерно в полтора раза больше, чем вклад государства.

Бодрунов: По некоторым оценкам, Александр Александрович, даже в два раза больше.

Широв: Получается 0,35 на 0,65 — ну, да, в два раза. То есть еще раз: без того, чтобы создать условия для инвестиций частного бизнеса, ничего сделать невозможно. А частный бизнес в падающую экономику или в такую экономику, которая стагнирует длительный период времени, 10 лет...

Бодрунов: Или где его напрягают...

Широв: Напрягать-то в разумной мере можно, но вы обеспечьте людям доход.

Бодрунов: Должна быть рентабельность во всех этих делах, если мы говорим о частном бизнесе. Потому что частный интерес — в рентабельности дел.

Широв: Есть очень интересная статистика. Видно, что за последние 5–7 лет, в 2017 году, например, резко увеличилось соотношение дивидендов и инвестиций. Вот сейчас выплата дивидендов частными компаниями составляет примерно 65%. Это очень много.

Бодрунов: Да, это очень много.

Широв: Это значит...

Бодрунов: Не во что вкладывать.

Широв: Не во что вкладывать. То есть бизнес не видит целей для инвестирования.

Бодрунов: Эти инвестпроекты, о которых мы говорим, если их правильно сформулировать, структуру отработать, блоки описать, которые могли бы работать в комплексе между собой, инфраструктурно или как-то еще, может быть, они дадут какой-то все-таки эффект?

Буклемишев: Безусловно, могут дать. Но для этого предстоит сделать очень много. Не просто выделить деньги на эти проекты, а гарантировать, что выделение этих денег будет продолжаться, несмотря на то что происходит с ценой на нефть, скажем. Иначе вдруг через год мы вместо финансирования тех же проектов, уже начатых, бросимся в обратную крайность — выполнять бюджетное правило любой ценой и зафиксировав убытки по этим самым проектам.

Бодрунов: А частник, получив убытки, обязан будет все равно продолжать финансировать...

Буклемишев: Да, а частник будет продолжать работать. Очень хорошо мы помним истории, которые были связаны с Олимпиадой, когда те же самые государственно-частные партнерства завершились банкротством многих частных партнеров. И главное, чтобы те проекты, которые были отобраны, и это еще одна проблема потенциальная, которую я вижу, не просто приводили к повышенному уровню издержек, но и расширяли потенциал экономики, расширяли возможности бизнеса по производству, по транспортировке продукции на какие-то другие рынки. И здесь у нас непочатый край работы.

Бодрунов: Счетная палата говорит посчитала и озвучила одну цифру, Вы, Александр Александрович, назвали другую цифру. Но в любом случае денег на то, что заложено в паспортах национальных проектов, не хватит. Тогда, если не хватит, возникает вопрос, а как мы собираемся их завершить?

Широв: Про не хватит... Мы видели, с какими результатами закончил последние годы бюджет. Мы знаем, какие цифры профицита заложены в бюджет на трехлетку...

Бодрунов: То есть деньги есть.

Широв: То есть в этом смысле нельзя говорить, что у нас нет денег, причем деньги у нас есть везде. Даже вот в этом трехлетнем ближайшем бюджете на национальные проекты не распределено примерно около 400 миллиардов рублей. Притом что вроде бы есть паспорта, есть направления. Много денег будет вложено в инфраструктуру, то есть на строительство дорог, автомобильных дорог, железных дорог, портовой инфраструктуры. А, собственно, что мы будем возить? Где там существенные вложения в модернизацию нашей экономики, базовых секторов этой экономики? То, что определяет инвестиционный комплекс, — это прежде всего инвестиционное машиностроение. Но нет этого. Есть серьезные вложения в науку, да. Но вот перехода между наукой и производством тоже не видно.

Бодрунов: Я могу сказать, вот мы затронули тему, на которую недавно высказывался и известный нам всем Юрий Сергеевич Глазьев. Он выступал у нас на Всероссийском экономическом собрании на Дне экономиста.

Мы должны ориентироваться на 7–8% роста ВВП

ГЛАЗЬЕВ: Государство сочетает стратегическое индикативное планирование и механизм рыночной самоорганизации, контроль за движением денег и поощрение частного предпринимательства. А власть выступает как интегратор разнообразных социальных интересов, поощряет частный бизнес в той степени, в которой он работает на подъем экономики, на рост благосостояния общества. Примером является не только Китай такого интегрального мирохозяйственного уклада, но и Индия, страны Индокитая. Везде, где он формируется, мы видим взрывной экономический рост на уровне от 8 до 12% прироста валового продукта. К сожалению, мы остаемся пока в стороне от этих экономических чудес. Если перевести в цифры, на какие темпы роста мы должны ориентироваться, именно на те темпы роста, которые показывают страны, совершающие рывок сегодня в экономическом развитии. Это означает не менее 7–8% прироста валового продукта. В основе, конечно, лежит опережающий рост инвестиций, и сама центральная часть управляющей системы в этих странах обеспечивает, прежде всего, рост инвестиций. Все инструменты экономической политики настраиваются

именно на форсированный рост инвестиций, разумеется, не куда попало, а в те сферы, которые дают наибольший подъем в экономической эффективности. И очевидно, что это в первую очередь новый технологический уклад, о котором Сергей Дмитриевич Бодрунов говорил. Он растет сегодня с темпом в среднем около 35% в год. Это первая составляющая стратегии опережающего экономического развития. Вторая составляющая, мы ее называем «динамическое наверстывание». Это инвестиции в те сферы, где мы близки к фронту научно-технического прогресса, например, авиационная промышленность, где относительно небольшие, но системные именно инвестиции, в том числе в создании финансовых инструментов лизинга самолетов, могут дать взрывной эффект в этой потрясающей по своему мультипликативному эффекту для экономического роста отрасли высокотехнологического сектора нашей экономики. Наша экономика работает на половину своих производственных мощностей. То есть мы можем иметь в полтора раза больше продукции, если обеспечим предприятия оборотными средствами и дадим возможность финансировать инвестиции модернизацию основного капитала.

Широв: Я бы сказал, что идею форсированного наращивания инвестиций продвигает не только Сергей Юрьевич, но и президент нашей страны. Потому что, если мы посмотрим текст Послания Федеральному Собранию или на текст Указа, то там прямо говорится о том, насколько мы должны нарастить инвестиции в основной капитал. И это должно произойти в ближайшие пять лет, то есть, в довольно короткие сроки. В реальности наши оценки показывают, что норма накопления должна быть действительно не ниже 26–27% для того, чтобы иметь темпы роста выше 3%.

Бодрунов: Да, за рубежами за 30 переваливает всюю.

Широв: И безусловно, вся экономическая политика должна быть настроена на то, чтобы росли инвестиции. Потому что другой важнейший элемент роста ВВП в нашей экономике — потребление домашних хозяйств, спрос населения, к сожалению, ограничен сейчас.

Бодрунов: На одном из наших заседаний Вольного экономического общества, экспертного совета, обсуждалась проблема финансового форсажа. Я выступаю, конечно, за финансовый форсаж. Яков Миркин ввел эту идею финансового форсажа, ее поддержал академик Аганбегян и рассказы-

вал, откуда деньги взять и куда их, так сказать, форсированно направить. Я считаю, что надо в первую очередь форсажным образом финансировать технологическое развитие. Потому что здесь если мы отстанем, то отстанем глубоко и навсегда, а будущая экономика — это, вообще-то, технологическая экономика. Значит, поэтому здесь очень важно. Но, когда идет предметно речь о финансовом форсаже, говорят: вот дайте конкретно направление куда... Я, типа, деньги дам, но скажите куда. Вот, мне кажется, сейчас национальные проекты, если их, конечно, подчеркну, как Вы, Олег Витальевич, сказали, структурировать правильно, расписать по блокам, то, конечно, это вот будет куда направлять эти инвестиции.

Широв: Очень важно, что вот эти национальные проекты показывают приоритеты государства, в том числе бизнесу.

Бодрунов: Да, приоритет и направление.

Широв: Куда государство готово вложить свои ресурсы. Другой вопрос, еще раз, мне кажется, что для того, чтобы частный бизнес стал в этом участвовать, должны быть сняты ограничения, которые у нас есть со стороны регулярной экономической политики. Вот сейчас она должна быть настроена на то, чтобы поддерживать действия государства в рамках национальных проектов. То есть и денежно-кредитная, и бюджетная, и налоговая, и внешне-экономическая политика должны быть настроены на то, чтобы эти проекты создали мультипликатор.

Бодрунов: То есть необходимы некие инструменты перенастройки, переналадки...

Широв: Безусловно, да. Мы ввели этот инструмент национальных проектов, масштабный действительно, и оставили практически неизменной всю систему, которая это обеспечивает.

Буклемишев: Я вижу доводы, которые приводятся в пользу форсированного инвестирования. Но мне кажется, что слово «форсаж», вот оно меня здесь напрягает достаточно сильно по той простой причине, что действительно, деньги есть. И с другой стороны, как мы знаем, заставить лошадь пить, если лошадь пить не хочет, категорически невозможно. И речь идет не о форсаже, скорее, а о стимулировании, о том, чтобы бизнес захотел это делать. Не принудить его, включить его в какой-то список и из этого списка потом вытягивать по одному на разговор важный. Нет, это абсолютно не то. Нужны стимулирующие системы. И я глубоко согласен с тем, что говорит Александр Александрович в том,

что в стране нет единой экономической политики, нет уже довольно давно. Минфин занимается бюджетом так, как ему представляется оптимальным, Центральный банк занимается инфляцией. Я не против таргетирования инфляции. Но когда это идет вразрез со всей текущей экономической ситуацией, со всем, что происходит в экономике страны сегодня...

Бодрунов: Трудно обвинять Центробанк в таргетировании инфляции, когда нет общей экономической политики.

Широв: Вот к нам, к экспертному сообществу есть определенные тоже претензии. Мы долго говорили про эти национальные проекты. И вот оно совершилось. А мы довольны результатом? Наверное, нет, потому что слишком педалировали, видимо, эту тему, а вот тему регулярной политики немножко забыли.

Бодрунов: Мне кажется, Александр Александрович, здесь Вы правы, конечно, я с Вами соглашусь. Но мне представляется, что когда идея рождается в умах ученых и доходит до конкретного чиновничьего кабинета, и эту идею начинают или через Администрацию Президента, или как-то по-другому проверять, контролировать, рождаются вот эти вот самые мертворожденные телята. То есть идея, оболочка теленка, а внутри то ли мышь, то ли лягушка, то ли неведома зверушка. Вроде бы внешне все красиво...

Поэтому в этом плане надо смотреть на качество реализации тех идей, которые предлагаются экспертным сообществом. Я здесь на стороне экспертного сообщества все-таки. Я считаю, что среди тех материалов, которые у нас есть, среди тех документов, которые у нас есть, найти можно огромное количество позитивных, правильных и нормальных решений. Другое дело, что для того, чтобы их принять, осознать, надо перестроить систему восприятия этих документов, в том числе и в органах государственной власти.

СОБЕСЕДНИКИ

Михаил Владимирович Ершов,
главный директор по финансовым исследованиям
Института энергетики и финансов,
профессор финансового университета
при Правительстве России,
член Президиума ВЭО России, д. э. н.

Георгий Владимирович Остапкович,
директор Центра конъюнктурных исследований НИУ ВШЭ

Александр Васильевич Мурычев,
член Президиума ВЭО России,
исполнительный вице-президент РСПП,
председатель Совета Ассоциации региональных банков
России (Ассоциация «Россия»), д. э. н.

Виктор Викторovich Ивантер,
академик РАН
(14.11.1935–15.09.2019)

ВНУТРЕННИЙ СПРОС — ДРАЙВЕР РОСТА

В последние годы данные Росстата показывают стагнацию внутреннего спроса населения. Это очевидно связано со стагнацией реально располагаемых доходов людей. Но вот почему здесь стагнация? И как восстановить внутренний спрос в России?

По материалам программы «ДОМ Э» на телеканале ОТР, 29.08.2019

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Мукиса Китуйи,
генеральный секретарь Конференции ООН
по торговле и развитию

Татьяна Борисовна Крылова,
руководитель отдела
развития предпринимательства ЮНКТАД

Бодрунов: Уважаемые коллеги, эксперты Высшей школы экономики, начнем с вас, констатируют, что российская экономика остается в зоне риска, и самым уязвимым ее местом по-прежнему, остается внутренний спрос. Какие факторы угнетали динамику внутреннего спроса в последние годы? Почему так происходит? Какие риски негативного влияния на внутренний спрос существуют вообще?

Остапкович: Проблема внутреннего спроса — это проблема, которую еще описывали классики современной экономики — Адам Смит, там, Маршалл и Давид Рикардо. Внутренний спрос я считаю одним из фундаментальных явлений в экономике. И именно внутренний спрос благоприятствует экономике. Какие факторы у нас? Росстат проводит обследования деловой активности предприятий различных видов деятельности. И практически у всех респондентов, которых они опрашивали, внутренний спрос, вернее, сама проблема спроса, я сейчас не стал бы даже делить на внутренний и внешний, стоит всегда на первом месте. Причем не только в тучные годы, когда экономика росла почти двухзначными темпами, но и в период рецессии, в 2008–2009 году, в период нашей последней рецессии 2014–2015 года.

Бодрунов: Я бы сказал, даже 2016-го...

Остапкович: 2016-й все-таки мы по пересчету Росстата прошли получше.

Бодрунов: Если пересчитать еще раз, еще лучше будет...

Остапкович: Ну, Росстат — это вообще притча во языцах, это теперь, как говорится, ньюсмейкер №1...

Бодрунов: Прошу прощения, вспомнил шутку Руслана Константиновича Гринберга: не верь статистике, кроме той, которую сам фальсифицировал.

Остапкович: Это да, логичная шутка. Но, с другой стороны, у нас нет альтернативного источника информации. Все-таки Росстат — это мощнейшая вертикальная структура, которая собирает информацию от Калининграда до Владивостока, и кроме них никто не может.

Бодрунов: Здесь вопросы, наверное, в методиках?

Остапкович: Да я бы даже не сказал, что в методиках. Росстат работает на проверенных методиках, на статистической Библии, так называемой, систем национальных счетов, как работает весь мир, как работает Евростат. Тут не методики, здесь все-таки проблема сбора информации. Собрать с Калининграда до Дальнего Востока информацию, причем у них же бешеные сроки по многим показателям, в том числе и по показателям спроса и производства: и начинают требовать информацию. А там работают на какой-нибудь макаронной фабрике в Тюмени три дамы, которые вот что-то дали, только бы отстали.

Бодрунов: Да, а потом попробуй верифицировать эти данные.

Остапкович: Потом по регламенту в Росстат можно еще через месяц посылать...

Бодрунов: А в результате потом у нас Росстат пересматривает...

Остапкович: Иногда забывают пересмотреть, как у нас в прошлом году получилось, помните, когда «Ямал СПГ» в конце года выдал данные, про которые забыли

вообще. А это ни много ни мало 600 миллиардов рублей, и тогда у нас ВВП с планируемых Орешкиным 1,8 вдруг перескочил на 2,3% роста. Орешкин сам удивился. Он сказал, слушайте, это разовый фактор, и мы не знаем вообще, откуда это такое.

Бодрунов: А если посмотреть статистику нацспроса, я Вас немножко перебил, что угнетало все-таки наш внутренний спрос?

Остаткович: Во-первых, платежеспособность: и инвестиции, и потребительский спрос слабый. У тех предприятий, конечный продукт которых ориентируется на потребителя, а таких предприятий много, пятый год падают реальные доходы. Потребительский спрос практически стагнирует. Мы сейчас по отношению к 2014 году по доходам находимся в -10,5% по старой методологии. Но, даже пересчитав, Росстат показал, что мы на 8,5% в минусе относительно 2014 года. А вы представляете, что такое 8%! Это отбивать надо года три-четыре, если у нас даже темпы пойдут по 2% роста. А ведь 2014 год не самый лучший был, не самый благоприятный.

Ершов: Это точка зрения не только относится к сектору домашних хозяйств, то есть населения, нас с вами, но и бизнеса: и среднего, и мелкого, и крупного. В недавнем опросе Российского союза промышленников и предпринимателей, который был несколько месяцев назад проведен, именно внутренний спрос был назван как один из ведущих тормозов, мешающих бизнесу делать свое дело, мешающих экономике России. А с точки зрения факторов опять-таки эксперты все чаще и чаще говорят, что, например, в том же самом валютно-финансовом мире валютный курс как таковой, нестабильный и обесценивающийся курс — это фактор, тормозящий внутренний спрос, в отличие от ситуации, когда курс стабилен или даже повышается. Высокие процентные ставки, о чем все мы много говорим: понятно, чем дороже цена денег, тем меньше возможностей этими деньгами пользоваться. Поэтому история с реальными ставками, уровень которых у нас очень высокий, давно актуальная. Ну, и как таковые, реально располагаемые доходы, о чем коллега говорил: чем у вас меньше собственных денег, тем меньше вы можете их использовать. Но тут такой нюанс. Да, я, конечно, понимаю теоретически, что, чем меньше наш с вами денежный спрос, тем, по идее, должна быть ниже инфляция. По идее, для инфляции это, вероятно, хорошо. Чем меньше мы покупаем, тем, наверное, цены более устойчивые. Но тем меньше и экономический рост, рост экономики в целом. Это обратная сторона медали...

Бодрунов: Да, это очень тонкая грань...

Ершов: Поэтому здесь очень важно выстраивать баланс между этими подходами.

Бодрунов: Вы упомянули опрос РСПП, у меня тоже есть кое-какие данные, только, может быть, чуть более старые, но все-таки показательные, не думаю, что они сильно изменились. Октябрь 2018 года: 30% респондентов РСПП заявили, что их деятельность ограничивает снижение спроса на производимую ими продукцию. То есть они бы сами могли бы больше работать, производить больше продукции.

Недавно у нас в Вольном экономическом обществе была большая встреча, организованная Международным союзом экономистов, и там были высказаны очень важные мысли, в том числе и по теме нашей беседы.

Нужна новая гармоничная бизнес-модель

НИТУЙ: Международному научному сообществу необходимо мобилизоваться для разработки новой бизнес-модели, которая приведет в гармонию вопросы получения прибыли и социальной ответственности и поставит для собственников на одну линию интересы акционеров, простых людей и устойчивого экономического развития. Малым и средним предприятиям, которые создают большинство рабочих мест в эконо-

мике, сложнее, чем крупному бизнесу, быть зелеными и энергоемкими в силу ограниченных ресурсов. Государству следует создавать условия, при которых малые и средние предприятия должны иметь возможность внедрять передовые методы производства и брать на себя социальную ответственность с наиболее уязвимыми группами населения и в то же время оставаться жизнеспособными.

Культура предпринимательства

КРЫЛОВА: Во многих обсуждениях касательно малого бизнеса очень много всегда приводится различных проектов и мер по развитию, по содействию малому бизнесу. Но почему-то везде это создает очень большую проблему и меры эти не имеют того эффекта, на который рассчитаны, как правило. Опыт ЮНКТАДа говорит о том, что, в принципе, одним из существенных компонентов изменения этой ситуации является изменение к тому, как формируются предприниматели, и такой вот аспект, который именно нацелен на формирование культуры предпринимательства и предпринимательского менталитета.

Защита инвестиций

МУРЫЧЕВ: Бизнес живет все равно по своим законам. У России огромные возможности и проекты, долгосрочные, очень перспективные, и здесь есть на чем зарабатывать и как зарабатывать. Прибыль все-таки для бизнеса — это ключевой момент, и бизнес, прежде всего, оценивает эти возможности. Риски есть. Мы о них постоянно говорим и с властью, мы работаем. Но проинформирую вас, что сейчас принимается закон о поощрении и защите инвестиций в Российской Федерации. Этот закон очень важный с точки зрения того, что на политический цикл в шесть лет фактически вводится стабилизационная оговорка, которая после заключения соглашения с государством — бизнес может чувствовать себя уверенно — регуляторика меняться не будет.

Бодрунов: Когда доходы все-таки, по Вашему пониманию, выйдут из такого пике, как Вы полагаете?

Остапкович: Ну, во-первых, начнем с того, что Росстат измеряет три вида дохода: доходы в целом, реальные доходы и реальные располагаемые. Я считаю, что наиболее адекватный показатель — это именно реальные располагаемые доходы, которые остаются после вычета всех налоговых и других обязательных платежей, в том числе процентных выплат по потребительским кредитам, и не надо связывать это с реальной заработной платой, потому что реальная заработная плата — это лукавый показатель.

Бодрунов: Я с Вами согласен: это очень часто преподносится нашими чиновниками, специалистами как некое большое достижение у нас. На самом деле, это, конечно, как-то влияет на располагаемые доходы в лучшую сторону, но нельзя путать одно с другим.

Остапкович: Реальная зарплата в структуре дохода составляет где-то 60–65%. То есть в основном динамика реальных зарплат должна диктовать динамику реальных доходов. Тем более у нас не такая уж плохая ситуация с другими компонентами, я имею в виду социальные выплаты, пенсии, предпринимательский доход, но он немного тоже падает. Но все равно абсолютно не коррелируются зарплаты с доходом. У нас в прошлом году рост зарплаты доходил до 8, а то и до 10%.

Бодрунов: А когда мы выйдем из этого пике?

Остапкович: Во-первых, у нас сейчас наблюдается экономический нонсенс: 12 кварталов подряд растет ВВП, и пять лет подряд падает реальный располагаемый доход. В принципе, это нонсенс. Да, реальные доходы всегда идут с лагом за ростом ВВП. Но ради кого растет экономика? Ну, кто главный бенефициар? Конечно, население, домашние хозяйства, люди. А у нас получается, что экономика растет, а доходы падают. Ведь что такое ВВП? Это рост производства, значит, рост прибыли, значит, рост налогооблагаемой базы, значит, поступления в бюджет, бюджет распределяет на людей, это мотивация предпринимателей к найму и к повышению заработной платы. Но доходы падают. В прошлом году Минэкономики предусматривал рост доходов на 3,2%, в итоге получилось –0,2.

Бодрунов: Недавно Московский академический экономический форум, о котором я упоминал, прошел. И там по этому вопросу, мне кажется, было интересное мнение академика Виктора Ивантера.

Проблема заработной платы

ИВАНТЕР: Еще одна проблема, довольно принципиальная проблема — это проблема заработной платы. Не будет никакого экономического роста и технологического роста, если не будет роста заработной платы. Разговоры о том, что есть какой-то такой закон о том, что заработная плата должна расти медленнее производительности, — нет такого закона. И хотелось бы знать, кто его изобрел, кто его доказал такой закон. Если в базе у вас есть равновесие между

зарплатой и производительностью, а при этом в условиях производительности доходы инвестируются в развитие, тогда зарплата может отставать. А так, вообще говоря, эмпирические расчеты показывают, что это все не так. Есть хорошая, мне кажется, мысль такого малосимпатичного политического деятеля, но успешного предпринимателя Генри Форда, который доказал, что инвестиции в высокую заработную плату — это эффективный способ и развития спроса.

Бодрунов: Вот видите, мнение академика Ивантера: необходимо все-таки инвестировать в заработную плату. Михаил Владимирович, как Вы полагаете, поможет это решать наши проблемы?

Ершов: Это будет важным фактором на пути этого решения. Другое дело, что, конечно, есть целый комплекс примыкающих проблем. Вот, например, столь же давняя и актуальная тема инвестиций, тема инфляции. Вроде как с инфляцией мало-мальски ситуация начинает входить в нормальные рамки. Она становится все лучше и лучше. Но такой нюанс. Я опять ставлю себя в положение потребителя обычного: да по какому-то товару или какой-то группе товаров инфляция стала невысокой, там, 2–3%. Но сам абсолютный уровень этих цен по этой группе товаров вырос в 1,5–2 раза по сравнению с периодом, который был 5–7 лет назад. До девальвации в 2014 году, например, условно говоря, цена была тысяча, а стала 1500 или 2000 и расти перестала. Инфляция по этой группе товаров стала минимальной. Но я ее теперь уже покупаю в гораздо меньшем объеме, чем мог себе позволить раньше.

Бодрунов: Не настолько выросла заработная плата.

Ершов: Да, о том и речь, хотя формально инфляция выглядит нормальной.

Бодрунов: Не говоря о том, что располагаемый доход еще ниже.

Ершов: О том и речь. Поэтому это вообще отдельная тема. Когда мы говорим о ценах, мы почему-то говорим о динамике цен. А в ценах еще очень важный компонент — их абсолютный статичный уровень. И тут, если что-то стало вдруг стоить в два раза дороже, так я эту

вещь буду покупать в два раза реже или меньше. Хотя рост инфляции по ней будет уже ноль или почти ноль. Это отдельная большая тема.

Но о чем говорил академик Ивантер, совершенно верно, необходимы вложения и любые инвестиции и в заработную плату, и в промышленное производство, обеспечивающее снижение издержек и, так сказать, какие-то товары длительного пользования более дешевого уровня. Чем эффективнее будет производство, понятно, тем меньше будут у вас издержки, тем меньше у вас будет в итоге цена. Чем меньше будут опять условия обеспечения этого производства, те же процентные ставки, о чем мы уже говорили сегодня, тем опять будут дешевле условия функционирования.

Остапкович: Главные ключевые показатели, определяющие спрос и вообще производство, — это доля инвестиций и доля фонда потребления в ВВП.

Бодрунов: Абсолютно точно.

Остапкович: Вот сейчас президент поставил задачу довести долю инвестиций до 25%. И это маленькая доля. У нас сейчас 21,2% примерно, по данным Росстата. Китай, когда делал свои вот эти вот рывки, у них была доля 45–50%.

Бодрунов: Да-да.

Остапкович: Но когда вы повышаете долю инвестиций, вы автоматически понижаете долю потребления...

Бодрунов: Конечно.

Остапкович: У нас сейчас доля потребления 50–52% — домашних хозяйств, я даже не беру государственные. Это довольно приличная, довольно высокая доля, то есть это как раз к вопросу о зарплатах. Если мы пойдем на увеличение зарплат, у нас будет фонд потребления увеличиваться, а фонд накопления основных фондов будет уменьшаться или стоять на месте.

Бодрунов: Это если мы не найдем источников дополнительных.

Остапкович: Конкуренция — это очень хорошо, когда у вас работает частный бизнес. А когда у вас, по оценкам ФАС, 70% добавленной стоимости создается государством, какая конкуренция, когда я отдаю субсидированные кредиты, я даю задание, что делать, я опре-

деляю цены и тех, кому продавать. Поэтому конкуренция здесь, естественно, нарушается. Приватизируйте не стратегические предприятия, не какие-то государственной важности, а продайте, приватизируйте обычные предприятия, у нас же доля государства — 55–60%, по некоторым оценкам — 70%. Это обратная пирамида, по сравнению с Западом. На Западе, наоборот, 25 или 30 — государство и 75 частных. Вот тогда можно говорить и о конкуренции, и о предпринимательском климате. Опять же у нас парадокс. У нас падают доходы, а потребление растёт. То есть, у нас растёт товарооборот.

Бодрунов: В чем причина? Как это объяснить?

Ершов: Долги растут, кредиты...

Остапкович: Во-первых, потребительское кредитование...

Бодрунов: Закредитованность населения у нас сейчас достигла почти пика. У нас был такой уровень закредитованности населения в 2014 году, а потом снизился, а сейчас опять в районе 10%.

Остапкович: У нас очень большая, по-моему, до 15 триллионов задолженность потребительская растёт, сбережения падают, то есть потребляют за счет снижения сбережений. Остаток денег на руках падает. То есть падают доходы, но растёт потребление, товарооборот, услуги, покупки за границей по картам — все растёт, ну, не бешеными темпами, но на 1,5–3%...

Ершов: Значит, это будущие проблемы. Потому что потом с этими всеми вещами нужно будет как-то разбираться.

Бодрунов: А может быть тут и хорош рецепт академика Ивантера: давайте инвестируем в зарплату, чтобы расчитаться, расчистить это пространство, поле долгов, сохранив уровень потребления, а может, всё-таки уже тенденция пошла к росту и население привыкает к этому.

Ершов: Ох, думаю, у нас будут проблемы...

Бодрунов: Как превратить это во благо?

Остапкович: Потребительское кредитование, боюсь, достигнет точки бифуркации через полтора-два года.

Бодрунов: Я согласен.

Остапкович: И может быть эффект даже не 2014 года...

Бодрунов: В одной из наших передач я показывал книгу одного из иностранных авторов, как нам иметь кредиты и хорошо жить. А я говорю, как нам хорошо жить, чтобы за это нам ничего не было.

Ершов: С точки зрения роста, о котором коллега говорил, и, в принципе, роли населения и домашних хозяйств, еще важная проблема — качество роста, о чем неоднократно в вашей передаче говорили. Если мы посмотрим официальные данные, как рост замедлившийся раскладывается между обработкой и, скажем, сырьем, опять сырье растет более быстро, а обработка — более медленно. Мы делали анализ, почему это так. Это было влияние повышения НДС, который максимальное бремя возлагает на сферы, которые стоимость добавляют. А сырью, соответственно, и квазисырьевым сферам дают зеленый свет...

Бодрунов: Да, это гандикап для них...

Ершов: Получается перекося в структуре роста опять в пользу сырьевых сфер от технологичных сфер. Вот то, что можно было легко спрогнозировать еще до введения НДС, когда его ввели, мы сейчас видим уже по фактическим данным, как экономика начинает развиваться.

Остапкович: И плюс инфляция...

Ершов: И плюс инфляция.

Остапкович: Ведь что самое смешное — номинальные доходы-то выросли. Люди в первом квартале получили на руки больше денег, чем они имели в прошлом году. Но в прошлом году инфляция была 102,2, а в этом — 105,2, рост на 3%. И за счет инфляции у нас падение 2,3 по первому кварталу.

Ершов: Совершенно верно. У нас из-за налогов, кроме того, о чем мы сказали, естественно, произошел вклад в инфляцию, о чем коллега правильно сказал. И далее сам ЦБ говорит, что если дальше так будет идти, то ЦБ будет готов повысить процентные ставки опять. То есть раз инфляция, значит, он, естественно, в ответ повышает ставки.

Бодрунов: Тогда, Михаил Владимирович, какие государственные мероприятия, на уровне государства, на уровне нашего российского пространства экономического, могли бы дать какой-то позитивный эффект в этой части?

Ершов: Должна, очевидно, быть такая системная политика, где каждая из мер из всех смежных отраслей — и налоговой, и финансовой, и денежно-кредитной, нацелена на одну многоуровневую задачу. Если каждый раз какая-то одна мера будет денонсировать другую, из другой сферы...

Бодрунов: Да, мы видим массу противоречий, тут добавляешь, здесь увеличиваешь... Тришкин кафтан.

Остапкович: Разнонаправленная политика.

Ершов: О чем и речь. Вот поэтому должна быть именно такая сфокусированная, целенаправленная политика достижения указанных целей.

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ: ТЕНИ НЕ ИСЧЕЗНУТ?

Часто в сложные для экономик периоды увеличивается теневая занятость. Сегодня официальные данные говорят о том, что в российской экономике всё более или менее устойчиво. Однако, по данным Росстата, теневая занятость увеличилась. О чём это говорит? И какие риски несёт?

По материалам программы «ДОМ Э» на телеканале ОТР, 15.12.2019

*Кирилл Михайлович Никитин,
директор Центра налоговой политики
экономического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова*

*Александр Львович Сафонов,
проректор Академии труда и социальных отношений,
член Экспертного совета Правительства России,
профессор, д. э. н.*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Бодрунов: Итак, уважаемые коллеги, неформальная занятость. Росстат сообщает нам, что в 2018 году ее процент опять вырос. В неофициальном секторе, по этим данным, работает каждый пятый россиянин. Эксперты Всемирного банка отмечают, что обычно рост неформальной занятости связан с какими-то процессами, например, с деиндустриализацией экономики, когда люди переходят из сектора, где легко отследить формально тип работы, труда, в тот сектор, где больше неформальных отношений, например, торговли, где можно как-то устроить неформальные отношения и прочие сектора, где проще платить серую зарплату. На Ваш взгляд, в России те же процессы или есть специфика?

Никитин: Мне кажется, наша российская специфика во многом определяется тем, как у нас устроена система социальных взносов, система государственных социальных гарантий. Устроена она, на мой взгляд, следующим примерно образом: тем людям, которые находят свое место в теневом секторе экономики в виде неформально занятых, в виде самозанятых — зачастую это не работники, а в какой-то степени предприниматели, там сложно найти эту грань — государству особо нечего предложить в обмен на легализацию. И тут речь идет не только о людях, находящихся полностью в тени. Речь идет об огромном сегменте тех, у кого лежит трудовая книжка с зарплатой 10 тысяч рублей.

Бодрунов: Да, формально где-то он занят.

Никитин: И получает ли он эти 10 тысяч рублей, или их получает за него другой сотрудник, а этот человек имеет какой-то минимальный трудовой статус, получает какие-то минимальные свои отчисления и при этом работает совершенно в другом месте вот в этом неформальном секторе, не ясно.

Бодрунов: То есть там, где как раз никаких отчислений нет.

Никитин: Да. И тут вывод заключается в следующем: у нас из 130 рублей фонда оплаты труда на налоги и взносы уходит 43 рубля, а зарплата — 87 рублей. Треть на налоги и взносы, а 2/3 — на руки. Из этой 1/3 какая-то часть — это НДФЛ, безусловный налоговый платеж, а все остальное — это страховые взносы. Но при этом эти страховые взносы давно утратили свою страховую природу. У двух человек, один из которых получает зарплату 20 тысяч рублей, а второй — 100 тысяч, может быть, пенсия будет отличаться в конце жизни. А у людей, которые имеют зарплату 100 тысяч рублей и 500 тысяч рублей, пенсия не будет различаться, притом что страховые взносы будут различаться радикально.

Бодрунов: Да, в разы.

Никитин: И с этой точки зрения можно говорить, что люди обманывают государство. Но в какой-то степени возможна и точка зрения о том, что люди не находят оснований государству дать их обмануть еще больше. Они государству отдают небольшую часть или вообще не отдают никакой части, но и не рассчитывают особенно на пенсию, не рассчитывают на выплаты по больничным, не рассчитывают на защиту в случае безработицы и т. д. и т. п. И вот они думают: ну хорошо, плачу я свои взносы с 10 тысяч рублей, с 20 тысяч рублей, а большую часть своих доходов получаю вне этого поля. Но если я их буду получать официально, то пенсия моя не изменится, гарантии социальные не изменятся. Ради чего это делать? И есть второй фактор. Он трудно изменяемый. Есть известное исследование, в котором наши граждане регулярно опрашиваются. И вот жители России кардинальным образом отличаются от граждан стран первого мира всего лишь по двум параметрам: какие у людей ценности и на что они готовы. Так вот, мы гораздо охотнее соглашаемся на неуплату налогов и гораздо охотнее готовы получать социальные блага и гарантии, которые нам не положены, — льготы и так далее.

Бодрунов: Меньше дать — больше получить.

Никитин: Меньше дать — больше получить. И мы не рассматриваем это как воровство у соседа. Это устойчивая тенденция, которая не изменится завтра и не изменится послезавтра. И с этой точки зрения, еще раз хочу сказать, пока нет рациональной причины для того, чтобы полностью легализовать свои доходы у предпринимателя и у сотрудника, то вот эта 1/3 фонда оплаты труда, которую положено отдавать в государство, постоянно будет предметом для неофициальных трудовых отношений.

Сафонов: Я сейчас услышал расхожее представление о природе неформального рынка труда. Все сводится к упрощенному пониманию, что проблема ухода в тень — это высокие налоги, вернее, а отчисления в социальные фонды...

Бодрунов: Да, нагрузка на зарплату.

Сафонов: Да, нагрузка на зарплату, и это проблема, связанная с неправильным распределением пенсий и так далее. Я сейчас не хочу вдаваться в природу пенсионного страхования. Начнем с того, что неформальные взаимоотношения возникли задолго до проблемы реформ в области пенсионного страхования. Мы видели эту историю начиная с 90-х годов. Как только произошла трансформация экономических отношений, тут же возникла эта проблема. Но тогда она проявлялась в несколько иных формах. Это наша особенность, экономическую и социальную природу которой при дискуссиях с иностранными коллегами я просто не мог объяснить. Эта проблема связана с глобальной задолженностью по заработной плате, которую формировали работодатели до 2005 года. Вдумайтесь в ситуацию: ежемесячная задолженность по заработной плате в нынешних ценах составляла более 100 миллиардов рублей в месяц. При этом эти долги висели на всех, то есть и Газпром не платил, и Россети не платили: все успешные компании занимались одним и тем же — минимизацией своих расходов и увеличением маржинальности. Первая проблема, которая создала неформальные отношения, была связана с тем, что переход от одной формации к другой вызывал недоверие у бизнеса. Поэтому принцип был очень понятный: заработать здесь и сейчас. Поэтому за счет чего эта маржинальность повышается — за счет нарушения прав других граждан, за счет нарушения налогового законодательства — это в тот момент не имело никакого значения. И вот этот формат взаимоотношений — неправовые взаимоотношения между работником и работодателем — стал первым этапом в истории неформальных отношений. И именно тогда работника ставили в ситуацию, когда либо ты соглашаешься на заработную плату вне трудового договора, либо не работаешь. И почему

это было сделано: не для ухода от налогообложения, поверьте, потому что тогда очень легко было уходить, а потому, что отсутствие трудового договора — это отсутствие обязательств соблюдать права, которые можно хотя бы в судебном порядке защитить.

Бодрунов: Да, хотя бы теоретически.

Сафонов: И мне как участнику той дискуссии, тех процессов, было понятно, что эта система поддерживалась на уровне управления, когда мы приходили в Правительство, будучи представителями Министерства труда, и говорили о том, что нужно пересмотреть эти вопросы, ужесточить ответственность работодателя. Нигде в мире такого нет: везде обязательства по заработной плате должны выполняться, причем не важно, есть деньги — нет денег, вступает обязательство собственника. Когда я с французскими коллегами эту тему обсуждал, они вообще не понимали, как такое может происходить. А дальше происходила трансформация: как только выправилась более или менее экономическая ситуация и стабилизировались в определенной степени экономические отношения, возникли разного рода новации. Начну с того, что с 2001 года очень активно государство пыталось снизить налоги. Будем называть это налогами, потому что это не страховые взносы — природа там уже действительно не страховая...

Бодрунов: Да, фактически налог.

Сафонов: Начиная с 2001 года вводилось очень много изъятий, в том числе и ставок платежей: эффективная ставка падала до 16%, есть отрасли, где она составляет 10%, причем с экономической точки зрения невозможно это объяснить. В тот период времени, когда произошло наибольшее снижение ставок отчислений в социальные фонды, начинается активный рост теневой занятости. Причем опять она нашла интересную форму. Предприниматели, понимая, что их прищучивают за невыплату социальных налогов, начали выдумывать такую форму, как заемный персонал. Доходило это до смешных таких форматов, когда, например, крупное металлургическое предприятие вдруг неожиданно нанимает металлургами, которые стоят у печей, людей с непонятной специальностью. Какая цель? Опять та же самая, связанная с тем, что не надо платить надбавок, компенсаций за особые условия труда. В 2005 году за это ввели наказание вплоть до уголовного, посадки до пяти лет. Появилась новая форма, следующий шаг — это заемный персонал на суда дальнего плавания, когда появлялся посредник, вообще не имеющий отношения к работодателю, и заключал договор

с матросом о том, что он будет исполнять трудовые отношения на каком-то судне. А дальше (так устроено, к сожалению, законодательство морского права) капитан ссаживал этого человека, не заплатив ему ни копейки. И всегда в Правительстве, в Морской коллегии обсуждался вопрос, а что делать с нашими моряками, которые оказались за бортом, причем в разных странах мира. То есть, и механизма возврата их нет.

Бодрунов: Конечно, там тяжелейшие последствия...

Сафонов: И, естественно, когда сложилась, скажем так, такая неправильная система правовых отношений, она в значительной степени стала и продвигать теневой рынок. Конечно, Вы правы в том смысле, что есть консенсус между работником и работодателем: потому что, если я не вижу целесообразности в выплатах страховых из моего фонда оплаты труда, я в большей степени согласен на неформальные взаимоотношения. Но в большей степени это порождено особенностью нашей экономики. Когда есть диктат неправовых схем над правом, у человека и выбора нет, ему некуда пожаловаться, ему невозможно найти альтернативы. Попробуйте устроиться где-нибудь в регионе, где нет рабочих мест. И безусловно, вам предложат те условия, на которые вы вынужденно согласитесь. И вот это я бы назвал особенностью российского рынка труда, особенностью неформальных отношений — отсутствие правовых гарантий работника, которая появилась именно в 1991–1993 году. И кстати, именно тогда это было, я бы обострил это, государственной политикой.

Бодрунов: Фактически это государственная политика, следствия которой мы сейчас видим?

Сафонов: Да. И эта политика пронизывает все трудовые отношения: от крупных компаний до самых мелких, ничего не изменилось.

Бодрунов: Многие беды и проблемы нашей экономики возникают от того, что были приняты в свое время не очень эффективные или, может быть, неэффективные совершенно экономические решения. Скажите, а вообще есть какая-то возможность создать культуру в плане соблюдения налогового законодательства или нет?

Сафонов: Меня в этом смысле всегда удивляет последовательность или, скажем, непоследовательность действий...

Бодрунов: Скорее, непоследовательность...

Сафонов: Действий, связанных с налоговым регулированием. Это всегда мне напоминает велосипед с двумя рулями, направленными в разные стороны, который еще отлит из чугуна. Так вот, возвращаясь к теме: на всем протяжении времени, когда пытались решить проблему теневой занятости, каждый раз изобретали свой собственный велосипед. Мы снижали отчисления в социальные фонды, мы создавали налоговые преференции территориального характера, зоны свободной торговли. Мы пытались играть различными юридическими организациями, с упрощенной бюджетной отчетностью: ИП, самозанятые, вмененные доходы, не вмененные, даже уже сложно перечислить. Но эффект всегда был один и тот же.

Бодрунов: Увеличение теневой занятости, да...

Сафонов: Да, увеличение теневой занятости. То есть причина всегда была одна: регуляторы не улавливали основных предпосылок, почему эта теневая занятость увеличивается, всякий раз она реагировала на разные ситуации. Но тем не менее, если мы хотим посмотреть, например, на успешные практики в мире, то возьмем Италию. Та страна, которая до недавнего времени страдала очень сильно тем, что теневая занятость была очень высокой. Многие изменения в трудовом законодательстве, которые там стали проводить в конце 1990-х — начале 2000-х годов, довели даже до убийства министра труда. Они были направлены на то, чтобы как раз эту занятость легализовать. И стало вскоре понятно, что единственный эффективный способ — это анализ соотношения доходов и расходов населения. Все стало на свои места. То есть убежать, получается, невозможно. Ты можешь придумать любые схемы, но ты, как конечный бенефициар вот этой теневой схемы, должен тогда будешь объяснить, откуда у тебя взялась разница между твоими доходами, которые официально ты показал, и реальными расходами. И поэтому мы сегодня видим в практике итальянцев, когда они очень скрупулезно собирают всякие, там, чеки, стремятся, так сказать, декларировать все. Кстати, очень большие права даны налоговым полицейским в Италии, вплоть до того, что налоговый полицейский идет по своей территории, видит, у Джузеппе появилась автомашина. Он помнит, что у него денег недостаточно для того, чтобы ее купить. Ему сразу же выписывается предложение прийти в налоговую полицию и оплатить штраф или пояснить документально.

Бодрунов: В финансовую гвардию...

Сафонов: Да, и оплатить штраф. И дальше у тебя, собственно говоря, две альтернативы — судиться и доказывать, что ты прав, или сразу заплатить штраф и доплатить налог. И это дисциплинирует людей. Но есть большое но: этот механизм не может применяться отдельно для какой-то группы. Он — для всех. И тогда отвечать придется всем, не только тем, кто работает в теневой сфере.

Бодрунов: Не только Джузеппе, но и Ивану Ивановичу...

Сафонов: Да-да, Ивану Ивановичу, который эту схему допустил. Поэтому, безусловно, лучший вариант, конечно, это такой подход. Но не забываем еще и о том, что все равно даже благополучная Германия до 10% своего рынка труда имеет в теневом секторе: потому что никогда невозможно до конца проконтролировать.

Бодрунов: Вот сегодняшняя ситуация может как-то подвигнуть нашего предпринимателя все-таки налоги платить?

Никитин: Вы знаете, я, честно говоря, не думаю, что нужно фокусироваться на том, чтобы как-то заставить или подвигнуть предпринимателя платить налоги...

Бодрунов: Может, тогда снизить как-нибудь?

Никитин: Мы же обсуждаем эту тему, очень общую. У нас есть какая-то оценка — от 15 до 20 миллионов людей, находящихся в каком-то состоянии то ли самозанятых, то ли не занятых, то ли еще каких-то...

Бодрунов: Кстати, что такое «теневая занятость» — это тоже такое расплывчатое понятие.

Никитин: Я, честно говоря, думаю, что принципиально не нужно пытаться за один день изменить ни менталитет людей в принципе, ни отношение людей к государству, ни менталитет предпринимателей. А нужно все эти особенности просто каким-то образом начинать учитывать. Как можно начинать учитывать? Я точно не знаю. Конечно, и людей не нужно заставлять, их нужно подталкивать к правильному решению. Я Вам могу сказать такую вещь: чем выше стоимость «обнала», и как только стоимость «обнала» начинает сравниваться с налоговыми затратами, взносами, связанными с уплатой легальных зарплат...

Бодрунов: Проще платить налоги и спать спокойно.

Никитин: Да-да, платить спокойно. И с этой точки зрения, если мы говорим о том, что сейчас стоимость «обнала» доходит до 18–20%, условно говоря, а вот налоговое бремя составляет порядка 30%, то, когда эти расходы сравняются на уровне, например, 25%, скажем так, финансовый стимул номер 1 исчезнет. Вторая вещь, которая, как мне представляется, важна и опять же будет подталкивать и предпринимателей, и, собственно, работников переходить в формальный сектор, будет заключаться в возврате затрат, в наращивании страхового характера взносов. Условно говоря, если у меня нет разницы между тем, какую я получу пенсию с 500 тысяч рублей в месяц и со 100 тысяч рублей в месяц, то это ситуация, которая никак не стимулирует меня бороться за легализацию своей зарплаты. Это вторая вещь, которая, мне кажется, достаточно важна. И третья вещь заключается в том, что в отношении всей этой большой категории людей, которые находятся в теневом секторе, не нужно принимать жестких мер, пытаться их куда-то запикивать. У нас достаточно успешный эксперимент по самозанятым идет.

Бодрунов: Который, кстати, сейчас развивается.

Никитин: Который сейчас развивается в четырех субъектах Федерации — это порядка 200 тысяч человек. Надо, правда, понимать, что из этих 200 тысяч — порядка 2/3 — это таксисты, которые загнаны агрегаторами в этот формат самозанятых, и подобные им. Но я хочу сказать, что, в принципе, я бы вообще дал возможность вот этой 17- или 20-миллионной теневой армии приобрести статус человека, который вправе заниматься трудовой или предпринимательской деятельностью, не считая себя незаконным предпринимателем, не считая себя каким-то человеком, скрывающимся от правоохранительных органов. Нужно идти не по пути налогового террора, привлечения финансовой гвардии, обязательного декларирования доходов и расходов, а по пути признания того факта, что пока нам нечего предложить людям, пусть люди, находящиеся в этом секторе, чувствуют себя безопасно. И постепенно добавлять им определенный набор благ, государственных, социальных, одновременно ожидая от них действий.

Бодрунов: Я задам сакраментальный в этом отношении вопрос: может быть, нам не надо загонять людей из теневой занятости в формальный сектор, а посмотреть: если они чем-то заняты, то хотя бы сегодня не плачут дети, не просят молочка, по крайней мере, у государства этой нагрузки нет.

Сафонов: Вы попали в точку. Понимая, что у нас значительная часть неформального рынка труда сосредоточена в торговле и сельском хозяйстве и люди получают основной доход за счет того, что, грубо говоря, покупают подешевле, продают подороже, и это касается широкой палитры работников: это и услуги, связанные обычно с парикмахерской, ремонтом и так далее. И сейчас пропорции сложились таким образом, в силу низкого потребительского спроса из-за падения доходов реальных, которые возникли в результате экономического кризиса и последующей стагнации, любая попытка увеличить оборотные налоги приводит к тому, что возникает, что называется, эффект дубины. То есть вы бьете по головам тех людей, которые зарабатывали себе какие-то деньги. Да, они не приходили в систему социальной защиты, не просили помочь, этих пособий, они не становились в службу занятости.

Бодрунов: А сейчас они встанут в очередь все.

Сафонов: И получалось, что при таком вроде бы разумном подходе мы теряем до 7 миллионов рабочих мест. Причем это те рабочие места, которые обеспечивают хоть какую-то социальную стабильность.

Бодрунов: Конечно, люди в этом неформальном секторе тоже что-то получают, зарабатывают.

Сафонов: Да-да. Поэтому я абсолютно согласен: конечно, регулятивные меры, связанные с преследованием и борьбой с уклонением от налогов нужно применять, но крайне аккуратно.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Об этом речь идет и в нацпроектах, и во всех заявлениях президента — и никто не оспаривает важности направления. Только вот пока построено вроде бы почти столько, сколько положено, а купить это мало кто может. Как решить этот вопрос?

По материалам программы «ДОМ Э» на телеканале ОТР, 09.02.2019

*Светлана Викторовна Разворотнева,
исполнительный директор некоммерческого партнерства
«ЖКХ Контроль», член Общественной палаты Российской
Федерации, кандидат политических наук*

*Ирина Викторовна Ирбитская,
эксперт программы развития Организации Объединенных
Наций, соорганизатор международного проекта «Доктор
городов»*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Бодрунов: Уважаемые гости, президент поставил задачу строить ежегодно 120 миллионов квадратных метров жилья. Насколько реально этих показателей достичь? Давайте, Светлана Викторовна, начнем с Вас.

Разворотнева: Вы знаете, мне кажется, это будет трудный показатель. Я не уверена, что он будет реализован. Почему... Потому что, по сути дела, вот в этих двух проектах, там два проекта — жилье и ипотека, особого софинансирования со стороны федерального бюджета нет. При этом у нас строительство становится дороже, потому что появляются новые принципы. Если раньше у нас было долевое строительство, то есть граждане, по сути дела, финансировали строителей за свои деньги, то теперь строительство идет по принципу так называемых эскроу-счетов. То есть, когда вы открываете счет в банке, соответственно, банк дает кредит застройщику, застройщик строит. И только после того, как он построил, он получает ваши деньги — в любом случае это дороже. Уровень жизни у людей тоже вряд ли будет сильно улучшаться. И поэтому, во-первых, есть сомнение, что будут покупать вот это жилье, которое будет строиться. У нас, к сожалению, уже во многих регионах есть такая история, когда жилье построили, оно стоит пустое и разоряются просто застройщики. Поэтому пока, честно говоря, я не вижу тех механизмов, которые позволят обеспечить вот такую у нас бурную стройку, а самое главное — бурную покупку этого жилья.

Бодрунов: Ирина Викторовна, как Ваше мнение, сумеем достичь этих целей или нет?

Ирбитская: Я поддерживаю Светлану. Нет, на самом деле сумеем. Если все застройщики будут рыть землянки, то 120 миллионов квадратных метров землянок мы легко выроем.

Бодрунов: Ах вот оно что! Но мы же речь ведем о городской среде современной.

Ирбитская: Вот именно, важен вопрос, что и где мы строим. И здесь я точно могу сказать, что качественного жилья мы не построим 120 миллионов квадратных метров в год. Помимо тех причин, которые назвала Светлана, тот национальный проект, который сейчас мы, эксперты, бурно обсуждаем, «Жилье и городская среда», он не содержит ответа на вопрос, а что такое национальное российское жилье этого национального проекта?

Бодрунов: То есть вообще, на самом деле, целевой вещи не обозначено.

Ирбитская: Нет.

Разворотнева: Но мне более обидно другое. Это, к сожалению, проект, который не позволяет ответить на вопрос, как реально обеспечить жильем всех нуждающихся. Понятно, что тут есть задача — поддержать строительную отрасль, которая у нас является определенным драйвером экономики...

Бодрунов: Но это совершенно другая сторона вопроса.

Разворотнева: Банки надо поддерживать, наверное, за счет притока дополнительных средств...

Бодрунов: Особенно банки так надо поддерживать, иначе упадут.

Разворотнева: А граждане-то? Смотрите, вся программа, весь проект про то, как купить жилье. Я причем замечу, что в России вообще-то самый высокий процент жилья, находящегося в собственности. На Западе гораздо больше процент тех, кто живет в жилье арендном. При этом там даже, с высокими достаточно зарплатами, с ипотечными кредитами под 2%, покупка жилья далеко не всем по карману. У нас, к сожалению, огромное количество людей, которые это жильё даже при 8% ипотеки никогда не купят. У нас

огромное количество городов, где строительство вообще не ведется, просто потому, что это экономически невыгодно. Нет ответа на вопрос, что с этими категориями делать, с малоимущими, многодетными, молодыми семьями. Мы с Ириной являемся членами Общественно-делового совета, который обсуждает эти нацпроекты в Минстрое, и мы задавали этот вопрос. И нам сказали, вы не беспокойтесь, это все у нас в отдельных программах, где-то там еще, мы это учтем...

Бодрунов: Да, есть программа обеспечения людей жильем, а есть программа развития ЖКХ.

Разворотнева: Да, и мне-то что обидно: у нас был действительно исторический шанс объединить все эти программы воедино и ответить на вопрос, как мы будем улучшать жилищные условия для каждой отдельной категории людей...

Бодрунов: Как мы будем улучшать жилищные условия, позволяя в то же время расти строительному бизнесу.

Ирбитская: Да, конечно.

Бодрунов: Тогда это было бы хорошо всем, но, к сожалению, так я понимаю, что пока Вы этого в документах не находите.

Разворотнева: Нет.

Бодрунов: Скажите, пожалуйста, Ирина Викторовна, Светлана Викторовна действительно упомянула, что президент поставил задачу снизить, там, ипотеку до 8%, но лучше до 7% — такая фраза прозвучала. Она сегодня на слуху у людей, потому что всем радостно слышать, что, может, уже не 8, а 7, хотя ещё и до 8 пока не добрались, но тем не менее как задачу понимаем. Но если будем развивать ипотеку с такими процентами, не могут ли уйти в рост цены на недвижимость? Или, может быть, с другой стороны, есть риски ипотечного пузыря такого, не знаю, как надули в США. Как Вы думаете?

Ирбитская: Во-первых, да, этот риск есть, безусловно. А во-вторых, ипотека, в принципе, обладает дефектом...

Бодрунов: Сама как институт...

Ирбитская: Даже если вместо слова «ипотека» стояло бы что-нибудь другое, нужно вот что понимать: это единственный элемент одной финансовой управленческой модели и это выбор одного из одного, что уже дефективно...

Бодрунов: То есть нет выбора.

Ирбитская: Да, безальтернативно. Либо ты берешь ипотеку, и тогда у тебя будет жилье, либо у тебя не будет жилья. На самом деле, что России сейчас нужно, и к этому готова, что очень важно, наша сложная структура общественного устройства, которая за последние годы очень сильно усложнилась, — дифференцированные финансово-управленческие модели, которые позволяют людям приобретать, или получать, или арендовать это жилье. Первый, самый важный параметр этих финансово-управленческих моделей — это вот что: мир меняется, и это отношение застройщик — покупатель, оно уходит. Сейчас жители становятся заказчиками застройщика. Вот что важно. Когда жители, горожане объединяются и решают, что хотят так преобразовать наш район, они приглашают разного сорта инвесторов и застройщиков и заказывают им реализацию своего проекта. Вот тогда у нас будет качественная городская среда и жилищное обеспечение.

Бодрунов: Я вот из своей жизни приведу такой пример. Когда я еще был лет на 20 примерно моложе, купил себе квартиру. Человек я больше из провинции, там, конечно, культуры больше. Соответственно, у меня в квартире все почистили хорошо, мусор аккуратненько вынесли, высыпали. И дальше я сталкиваюсь с чем: убрал коридор, все чисто, аккуратно. Смотрю, мусор кто-то вынес в коридор раз, на следующий день опять мусор, опять убрал, опять мусор. Оказывается, два соседа, выметая у себя, выбрасывают в коридор все это дело. Почему? Говорят, да это же не квартира, это же общая территория. То же самое во дворе. Я скооперировался с каким-то соседом, на весь дом хорошие двери поставили, красивые цветы. Через какое-то время цветы кто-то сломал, двери выбили, а во дворе, который мы заасфальтировали, кто-то ломиком пробил дыру. Это говорит о чем? О том, что у людей нет представления, по крайней мере, в то время не было представления о том, что вокруг дома еще что-то есть. Дом — это не просто дом. Дом — это городская среда, это должны быть хорошие подъезды, это должен быть подъезд к дому хороший, должна быть хорошая транспортная доступность, должны быть магазины на удобном расстоянии, и не должны вокруг магазинов бегать крысы. И многое чего другое, что можно назвать городской средой. А туда входят при новом технологическом укладе и интернет-связь соответствующая, и вай-фай, и чего хотите.

Ирбитская: Я тоже приведу пример из личного опыта. Я очень люблю дом, в котором я живу. Это прекрасный дом 1928 года, один из первых монолитных домов в Москве, построенный немецкой компанией «Топф». Замечательный

дом с минимумом квартир на этаже, шестиэтажный. Все, что доктор прописал, доктор — это я, доктор городов. Так вот, на мой взгляд, этот дом соответствует всем параметрам. И вот однажды, когда у нас проходил капитальный ремонт, вдруг прекрасные стены подъезда — это старая плитка 1928 года — превращаются в отвратительный, пошлейший персиковый цвет. Понятно, что это отторгает меня от этого замечательного подъезда. А теперь давайте представим ситуацию худшую. Вам пришли причинять добро в ваш двор. Решили кронировать деревья, срубают деревья. Вы будете после этого ухаживать за деревьями? Выкорчевывают, землю привозят и прям на ваши прекрасные клумбы, за которыми вы ухаживали 10 лет, высыпают эту землю. Вы будете дальше сажать клумбы? Вот это 70-летнее битье по рукам, и по глазам, и по эстетическому чувству в моем случае, конечно, приводит к тому, что человек капсулируется в том, где он действительно может контролировать ситуацию.

Бодрунов: Вы очень важную вещь заметили, мне кажется.

Ирбитская: И что касается проекта «Комфортная городская среда»: безусловно, наша страна и физическая среда, я вообще не люблю этот термин, «городская среда», потому что вообще-то городская среда — это все. В сущности, это город. А то, что сейчас обсуждается под термином «городская среда», — это физическое пространство города.

Разворотнева: Это благоустройство, по сути дела.

Ирбитская: Не совсем — это городская, будем говорить, ткань. Еще хуже редукция — это городской декор, то, что сейчас происходит. На самом деле городская среда — это все-таки результат процессов. И когда к вам в город вдруг приезжают и говорят, теперь у нас будут стандарты благоустройства, это нужно, безусловно. Нам нужно трансформировать наши города и нашу городскую ткань, потому что мы все-таки получили в наследство советское благоустройство, ориентированное на советского человека.

Бодрунов: И многие вещи устарели.

Ирбитская: Это да, это требует модернизации, безусловно. Но это требует не только эстетической модернизации, но и технологической, организационной. То есть когда мы запускаем трансформационные процессы в наших городах...

Бодрунов: Мы должны все эти вещи предусмотреть.

Ирбитская: Мы должны запускать точно так же разнообразные финансово-управленческие модели, которые соответствуют усложнившейся структуре общественного устройства. Еще раз, у нас не один советский человек, а множество разных людей.

Бодрунов: И не обязательно советских людей, разных людей, которые живут в этом городе с разными вкусами и взглядами.

Разворотнева: Ирина говорит про множество устройств, а я вспоминаю министра ЖКХ и ТЭК Республики Калмыкия, который мне жаловался, что же ему делать с этим проектом «Городская среда». Тут в обязательных видах работ восстановление асфальтированных дорожек. А у них вообще ни одной асфальтированной дорожки. Им-то как с этим? Я это в качестве шуточной иллюстрации того, что страна настолько большая: города крупные думают о новом качестве жизни, а как бы малые о том, как бы выжить вообще. Вообще, конечно, проект очень позитивный. Я вот очень много езжу по стране, практически все регионы не по одному разу объехала. И действительно два года идет этот проект. Приезжаешь в какой-нибудь город и говоришь, ну, что у вас тут хорошего вообще, такого признанного всеми? Сначала говорят, ничего у нас хорошего. Потом подумают, нет, вот начался проект «Городская среда», вот сквер сделали наконец-то, заасфальтировали дворики. То есть, с одной стороны, как бы это хорошо. А с другой — действительно, у нас как-то это зачастую сводится к внешнему благоустройству. А у нас же есть еще масса элементов, от чего человек себя комфортно в городе чувствует.

Бодрунов: Абсолютно верно.

Разворотнева: Вода у него из крана должна...

Бодрунов: Да, автобус приходит вовремя, в конце концов.

Разворотнева: Автобус, да, действительно, подъезды, действительно, там, я не знаю, работа, в конце концов, доступность каких-то медицинских услуг. Мы, кстати говоря, в Общественной палате очень много обсуждали этот индекс качества городской среды, который должен был бы лечь в основу этого национального проекта. Мы же пока не знаем, что мы будем улучшать. Вторая тема очень интересная — участие граждан должно повыситься вот во всем этом.

Бодрунов: Уважаемые гости, скажите, вот в этих программах, о которых мы говорим, государственных программах, какие-то элементы есть, которые мы могли бы назвать элементами содействия в формировании такой комфортной среды?

Разворотнева: На самом деле, там все про это, но...

Бодрунов: Про это или позволит это реализовать?

Разворотнева: Все-таки под влиянием общественной критики Минстрой сейчас переписывает вот эти вот критерии индекса качества. Я знаю, по крайней мере, со слов представителей Министерства уважаемых, там будет и доступность для маломобильных групп, и безопасность на дорогах, но все это достаточно фрагментарно. И еще одна хорошая вещь, мне кажется, в этом проекте: есть попытка как-то инициировать всех неравнодушных людей, в том числе студентов, архитекторов, урбанистов на создание самостоятельных проектов. И мы действительно уже видели довольно большое количество проектов, которые воплотились в жизнь.

Ирбитская: Я хочу снова поговорить про управленческие модели, если позволите. Был конкурс муниципальных проектов «Малые города и исторические поселения». Я руководила группой экспертов, которая оценивала именно исторические поселения. Что показывает этот конкурс... Он является такой лакмусовой бумажкой, какие ресурсы, какие дефициты в наших городах есть: 400 с лишним проектов городских нам были представлены! Это же всегда показатель, да, как они умеют мобилизоваться, каких у них кадров не хватает, какими компетенциями владеют, как умеют договариваться, с жителями формально разговаривают или по делу и так далее. И знаете, что очень важно? Там, где есть сформированный региональный центр городских компетенций, который занимается своими городами, — в данном случае это Республика Татарстан — там больше всего победителей. Нас даже ругали, почему вы такие лоббисты Татарстана. Но мы-то — эксперты, мы за качество.

Бодрунов: Если люди работают, почему нет...

Ирбитская: В стране вот к этим всем прекрасным программам для того, чтобы они реально ложились на ту проблему, которая в городах есть, а с федерального уровня ту проблему, которая есть в каждом городе, увидеть очень сложно и невозможно увидеть, какие дефициты есть в каждом городе, потому что есть общие черты, но есть и особенности. И кроме того, есть общие черты ресурсной базы, но есть особенности ресурсов.

Бодрунов: Согласен с Вами.

Разворотнева: Вот если говорить про участие населения, есть два механизма, которые были уже испробованы: это, во-первых, рейтинговая оценка проектов, которые предлагались по городам, и это неплохо сработало, и второе, конечно, если говорить про благоустройство дворов, там обязательно должны собственники принять решение. Наше общедомовое имущество, на самом деле, это то, за что мы должны нести ответственность и содержать его. И вот, кстати говоря, мы сейчас в Общественной палате открываем горячую линию, где мы как раз хотим собирать вот эти обращения людей, связанные с тем, что их не услышали, о градостроительных конфликтах, которые власти не пытаются решить. У нас есть механизмы публичных слушаний, да, но при этом участие в публичных слушаниях рекомендательный характер носит. Ну, высказались все люди против того, чтобы в Кунцево дом посреди дворов поставили, в Чертаново тоже против: ну, послушали, сказали, что мы, да, приняли ваше мнение...

Бодрунов: Ах, нехорошо!

Разворотнева: Ах, нехорошо. И пошли дальше строить. Наверное, стоит на это обратить внимание, потому что единый контекст — это ветхое жильё. Это проблема, которая сегодня касается не только деревень, но в большей степени городов, особенно средних городов России, где денег больших у бюджетов нет, где жильё даже ремонтировать не на что, не то что строить новое. И вот здесь надо особую линию развития вести. Все наши крупные девелоперы, все эти люди, которые строят сегодня и занимаются городской средой, в основном для них самый минимум — это областные города, очень немного совсем городов региональных. Скажите, пожалуйста, вот, Ирина Викторовна, Ваш проект «Доктор городов» может поспособствовать, помочь или подсказать что-то в этом направлении?

Ирбитская: Мы сейчас этим активно занимаемся, как раз теми городами. Мы разработали пакет помощи российским городам, который позволяет за очень небольшие деньги оказать пользу городу. И вот тут много говорилось о вовлечении жителей, да, чем мы, собственно помогаем городам... Мы приезжаем в город и смотрим, если формально говорить, на скрытые источники роста, качественного роста. А, как правило, источники качественного роста скрыты от институциональной власти. Потому что эти источники качественного роста, мы все про устойчивость говорим и так далее. А вот что самое устойчивое в наших российских городах? Неформальный сектор экономики, который, на самом

деле, массе городов позволял выжить вопреки разным политикам и разным процессам, которые со стороны происходили.

Бодрунов: Да, неформальный малый бизнес.

Ирбитская: И мы в свое время, когда прорабатывалась стратегия пространственного развития страны, предложили типуюкладный подход к развитию территории — это как раз тот инструмент, который позволял бы с федерального уровня добить до каждого квартала в каждом городе — нам, России, повезло, у нас сохранилась укладная структура общества в существенной степени. У нас есть латентный крестьянский уклад к городам, на них можно опираться, инженерный уклад, студенческий уклад, научный уклад и так далее. Социологи насчитывают порядка 30 групп. Мы опираемся на те, которые отразили себя в пространстве, это очень важно. И поэтому, обладая вот этой оптикой, мы выискиваем эти скрытые ресурсы. Ведь что люди делали, то они и будут делать. Это первое. Второе, люди устали от революций. Нужен эволюционный рост.

Бодрунов: Вот я с Вами могу согласиться, Светлана Викторовна...

Разворотнева: Я просто хочу сказать, что вот то, что Ирина и ее коллеги делают, это очень важно, но пусть она меня простит, пока в наших российских условиях — это бантики. К сожалению, конечно, малые города не в состоянии за счет, там, своих внутренних ресурсов это жилье сейчас построить.

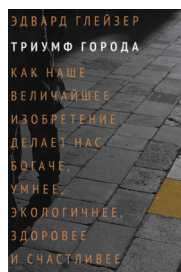
Бодрунов: Очень важно было бы совместить вот их взгляд...

Ирбитская: Светлана, бантики — это 120 миллионов квадратных метров жилья — вот это бантики. А уклады, которые себя обеспечивают, — это горизонт...

Разворотнева: Я доведу до конца свою мысль. Все-таки вот у нас в последнее время ликвидация аварийного жилья, не ветхого, ветхий термин — это такая литературщина, оно не имеет юридического значения.

Бодрунов: Аварийного смысла нет четкого...

Разворотнева: Да, аварийного жилья, то есть жилья, опасного для жизни, которое, конечно, ликвидировалось за счет переселения, за счет бюджетных средств. Это уникаль-

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

Эдварда Глейзера

«ТРИУМФ ГОРОДА»

Как наше величайшее изобретение, каким у нас считают город, делает нас богаче, умнее, экологичнее, здоровее и счастливее.

ная программа, мы очень ею козыряем, когда приезжаем куда-то за границу, говорим, у нас вот есть программа переселения из аварийного жилья, а у вас нет нигде. Они говорят, да, действительно, нет. И действительно, за счет средств, которые через фонд содействия реформированию ЖКХ на эти цели выделялись, в предыдущие годы было переселено людей на порядка 15 миллионов квадратных метров, то есть свыше миллиона людей получили новое жилье.

И честно говоря, вот, когда обсуждались эти новые национальные проекты, было большое опасение, что сейчас государство скажет, все, денег на это не выделяем, выкручивайтесь сами, как хотите. Слава богу, не сказали. Денег дают много, почти 500 миллиардов. Но что плохо, у нас механизм переселения не изменился. Очевидно, что денег бюджетных на переселение всего фонда, уже признанного аварийным до 1 января 2018 года, ещё не признанного, недостаточно. Нужно разрабатывать новые механизмы.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ
КАКОВА РЕАЛЬНАЯ
СИТУАЦИЯ В СТРАНЕ?
И КАК ЕЕ ИЗМЕНИТЬ?

*Абел Гезевич Аганбегян,
Заведующий кафедрой экономической теории и политики
РАНХиГС, академик РАН*

(По данным академика Аганбегяна).

Вот первый слайд. Что произошло между 2013 и 2015 годами? Почему мы оказались в стагнации?

Динамика инвестиций в основной капитал в 2013-2015 гг.
(в постоянных ценах)

(прирост в %% 2015 г. к 2012 г.)

ПОКАЗАТЕЛИ	Прирост в %%	Примечание
Частные инвестиции	+ 10	Частные инвестиции выросли с 5897 млрд руб. в 2012 г. до 8368 млрд руб. в 2015 г., или на 40% в номинале и 10% в постоянных ценах. Их доля во всех инвестициях выросла с 54 до 58%.
Государственные инвестиции (без инвестиционного кредита)	- 27	По данным статистики, государственные инвестиции (без среднего и малого бизнеса) снизились с 2155 млрд руб. в 2012 г. до 1863 млрд руб., в реальном выражении – на 31%.
Инвестиции крупных государственных корпораций (Газпром, Роснефть, РЖД, Росатом, Ростехнология)	- 30	Главным драйвером сокращения инвестиций стал Газпром, инвестиции которого составляли 20% от общих инвестиций и снизились до 6%. Снижился объем инвестиций и у РЖД, Росатома и Ростехнологии. Так что увеличение инвестиций Роснефти, не смогло перекрыть убыль их от Газпрома.
Инвестиции в консолидированном бюджете	- 22	Все бюджетные инвестиции сократились в номинале с 1713 млрд руб. в 2012 г. до 1690 млрд руб. в 2015 г. при индексе дефляции по инвестициям за 2013-2015 гг. – 127%.
Инвестиционный кредит	- 27	Доля инвестиционного кредита отечественных банков в общих инвестициях сократилась с 7,2% в 2012 г. до 5,9% в 2015 г.
Общие инвестиции в экономике	- 11	В 2014 г. инвестиции снизились на 2,7% и в 2015 г. – на 8,4%.

Ведь, не поставив диагноз этой болезни, нельзя излечиться, если ты не знаешь, как она появилась. Ни разу ни Правительство, ни какой другой научный форум не поставили вопрос: как мы вдруг без видимых причин, при прекрасном преодолении кризиса за полтора-два года — мы же в 2012 году превзошли показатели 2008-го по всем основным параметрам. У нас ключевая ставка была 5 с половиной, у нас инфляция была 5,1, у нас на 52 миллиарда увеличился экспорт в связи с рекордно высокой ценой нефти.

Ничего плохого в стране не было. По 8–10% мы разогнали инвестиции. И вдруг с 2013 года наши темпы упали катастрофически и мы оказались в стагнации. При этом в эти годы перед стагнацией наши предприятия и организации заняли 270 миллиардов долларов за рубежом. Мы же были допущены на мировой рынок. То есть они были переполнены деньгами. И вдруг с 2013 года промышленность — ноль, инвестиции — минус 0,3 и так далее. И мы оказываемся в стагнации. Общий темп — 1,3%. Ряд ключевых показателей начал падать, а с первого квартала 2014-го началось — это все, заметьте, до присоединения Крыма, до санкций, до снижения цен на нефть — мы оказались в стагнации. Как это возможно без видимых причин? А потому, что была неправильная политика, и виноваты в этой стагнации прежде всего три министерства — Минэкономразвития, Минфин и Центральный банк.

Социально-экономическое развитие России в период стагнации и рецессии
2013-2019 гг., в % к предыдущему году

	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	Всего за 2013–2019 гг.
Валовый внутренний продукт	1,3	0,6	-2,8	-0,2	1,5	2,3	1,1*	3,7
Промышленность	0,4	1,7	-3,4	1,1	1,0	2,9	2,4	6,1
Строительство	0,1	-2,3	-4,8	-4,3	-1,4	5,3	0,6	6,6
Транспорт (грузооборот)	0,6	-0,1	0,3	1,8	5,4	2,9	0,6	11,8
Сельское хозяйство	5,8	3,5	2,6	4,8	2,4	-0,6	4,1	24,7
Инвестиции	0,8	-1,5	-10,1	-0,9	4,4	4,3	0,7*	-3,4
Экспорт	-2,1	-4,8	-31,3	-17,5	24,8	25,8	-5,7**	-21,8
Импорт	1,6	-9,8	-37,3	-0,8	25,3	4,7	1,6**	-24,5
Розничный товарооборот	3,9	2,7	-10,0	-4,6	1,2	2,6	1,6	-3,4
Платные услуги	2,0	1,0	-1,1	-0,3	0,2	2,5	-0,9	3,1
Ввод жилья	7,2	18,2	1,4	-6,0	-2,1	-4,9	4,9	24,0
Реальные доходы на душу населения	4,8	-0,5	-4,1	-5,5	-1,2	-0,2	0,8	-6,1
Инфляция (рост потребительских цен)	6,5	9,1	15,0	5,8	2,5	3,8	4,5	57,0

* Январь-Сентябрь 2019 г. в % к Январю-Сентябрю 2018 г.
** Январь-Ноябрь 2019 г. в % к Январю-Ноябрю 2018 г.

Что показано на этом слайде? По всем государственным линиям с 2013 года у нас начался обвал инвестиций. Государственные инвестиции (здесь приведены конкретные цифры со ссылкой на Росстат) за три года снизились на 31%, а они — половина всех инвестиций. Если вы половину инвестиций снижаете на 31%, что будет в любой стране? Конечно, обвал. Но это надо уметь на 30% снизить на пустом месте. До этого они повышались 8–10%. Бюджет снизил. Сергей Глазьев справедливо говорил: банк вдвое снизил, государственные корпорации во главе с Газпромом на 700 миллиардов рублей снизили инвестиции в эти годы. Что произошло? Почему они снизили? Каждый имеет свои оправдания. Никакого внятного инвестиционного плана, никакой экономической политики, никто не собирал этих людей и не ставил задачу. Задача состояла, видимо, в том, чтобы на 25–30% снизить инвестиции.

То есть это рукотворная стагнация, потому что совпали два обстоятельства: первое — нет ввода основных фондов, потому что инвестиции на 15% упали в 2009 году, а их ввод должен был быть в 2013 году, его не было, и поэтому не было произведено товаров и услуг на этих фондах. Но могло бы не быть нулевого фонда, если бы инвестиции продолжали рост, потому что инвестиции крутят экономику, как мы все понимаем, речь идет — в основной капитал. Но они тоже снизились. Одновременно начали снижаться затраты на вложение в человеческий капитал. С 2008 года каждый день (никто про это не говорит) снижается расход на образование в валовом продукте. Посмотрите спецсчета Центрального банка, там все это показано. На 15% снизились! Ну какие результаты могут быть, если вы ведете сознательно или бессознательно вот такую политику?

Доля инвестиций в основной капитал и «экономики знаний» в валовом внутреннем продукте и темпы роста экономики

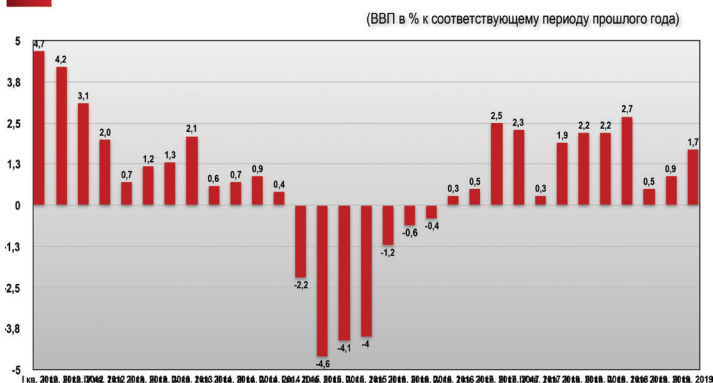
Страны	Доля инвестиций в основной капитал в ВВП, %	Доля «экономики знаний» в ВВП, %	Среднегодовой прирост экономики, %
Развитые страны	около 20	30 – 40	1,5 – 2,0
Развивающиеся страны	30 – 35	15 – 20	4 – 6
Китай	45 – 50	20	7
Россия	17 ¹⁾ 20 ²⁾	14	1
При ежегодном приросте инвестиций по 8-10%: Россия 2025 г. Россия 2030 г.	25 – 28 30 – 33	22 30	4 – 5 5 – 6

¹⁾ Инвестиции в основной капитал по статистике
²⁾ Накопление основного капитала в системе национальных счетов

Если бы Правительство было заменено в 2013–2014 году, можно было бы довольно легко из этого выйти, из этой стагнации. Принять определенные меры, совершенно понятно, какие, и так далее. Сейчас сделать это неизмеримо сложнее по одной причине: седьмой год — идет стагнация, и в рамках стагнации развились негативные тренды, которых тогда не было и которые тянут экономику вниз. Тогда не было ни отрицательных демографических трендов, ни снижения цен на нефть тогда не было и так далее.

Прирост валового внутреннего продукта России по кварталам 2012-2017 гг.

Вот так снижались темпы валового внутреннего продукта. За 2012 год они снизились в семь раз. Вы видели какую-нибудь страну, у которой с первого квартала по четвертый в семь раз снизились темпы? С 4,7 до 0,7 — и мы оказались в стагнации. Если нарочно поставить задачу «давайте со следующего года в семь раз снизим темпы», не удастся, даже если вы сознательно будете пытаться это сделать. А тут это получилось бессознательно, и мы оказались в стагнации. А дальше эти минусовые показатели — это уже рецессия, потому что мы настолько набрали этот негативный тренд, что он привел к рецессии. Если бы и санкций не было, была бы рецессия. Только она была бы, конечно, не 3%, а меньше. И реальные доходы упали бы не на 10%, а меньше. Конечное потребление домашних хозяйств упало бы не на 10, а меньше; товарооборот упал бы не на 14, а меньше. Но она была просто более смягченной. А тут прибавились санкции — раз, снижение цен на нефть — два. Россия — первая страна, которая в два раза девальвировала свою валюту, имея долю нефти и газа в валовом продукте 15%. Разве это причина в два раза всю валюту, для всей страны девальвировать? Вы представьте, что значит в два раза валюту сразу. И ведь все нефтедобывающие страны имеют долю нефти и газа больше, и никто в таких размерах не девальвировал в то время.

Потом мы вышли из этой рецессии благодаря заморозке цен на нефть и благодаря тому, что она на 30% поднялась. Если на 30% поднимается продукт, который 70% составляет в вашем экспорте, нефть и газ, то, естественно, это дает на 1–2% рост валового продукта, если вы больше ничего не делаете и если это составляет 40–50% вашего бюджета к тому же.

Мы седьмой год находимся в рецессии. Средний темп роста валового продукта — 0,5% за 7 лет, если 2019 год вы

разделите на 2012-й и возьмете среднегодовой показатель, то промышленность растет темпами 1%, инвестиции — минус, розничная торговля — минус, реальные доходы — процент минус каждый год в среднем, потому что 6 лет падало, в этот год — 0,8 у нас рост, 2019-й, а до 2019 года 6 лет непрерывно падало. 55% инфляция. При такой рецессии, когда нет ни спроса, инфляция накопленная — 55% за это время.

Самое плохое — стагнация намного хуже любого самого глубокого кризиса по одной причине: кризис в своем механизме имеет предпосылки для выхода из кризиса, он создает эти предпосылки. Поэтому мудрые китайцы изображают кризис двумя иероглифами: один — беда, а второй — шанс. Поэтому после кризиса всегда послекризисный подъем. Стагнация не имеет никакого встроенного механизма отыгрыша. Наоборот, механизм стагнации таков, что он тянет ее вниз к рецессии. Из стагнации выйти неизмеримо труднее.

Америка была в стагнации 10 лет, с 1970 по 1982 год. Первый президент Форд пришел со своей программой. Очень хотел, конечно, улучшить, чтобы быть переизбранным на второй год. Ничего не получилось, его не переизбрали, он только ухудшил. Картер победил его со своей программой, причем эту программу составлял не кто-нибудь, а лучший финансист мира Волкер. Программа была очень жесткая. Огромные, колоссальные деньги. Ничего не получилось, он тоже не был избран на второй год, потому что программа была антикризисная, а стагнация — не кризис, ее не выведешь мерами, с которыми мы выходим из кризиса, это совсем другой процесс.

Тогда пришел Рейган. Надо сказать, что советники Рейгана, я хорошо знаком с каждым из них, я в это время ездил и обсуждал с ними все эти вопросы. Это выдающиеся профессора. У президента не один советник, как у нас, а целый совет. Причем это самые выдающиеся профессора Гарварда и других ведущих университетов США. Они предложили фантастическую программу, которая вошла в историю под названием «рейганомика». Это крупное снижение налогов, это сокращение амортизации в два раза, это новый закон об ускоренной амортизации и меры, чтобы выкинули старое оборудование, вынуждены его выкинуть, иначе будет хуже. Это резкое сокращение капитального налога, то есть такого налога, который люди платят, если они получают дивиденды за ценные бумаги, вклады, если они вкладывают в производство. Вообще производственный налог намного ниже личного налога, поэтому богатые, когда им снизили налог, не купили новых яхт, самолетов, домов, они все это вложили в производство новой техники, на которую был огромный спрос, и цены выросли из-за амортизации.

И Америка сделала огромный рывок в инновации именно в это время, в инвестициях, и 25 лет до седьмого года у них улучшался в целом уровень жизни при отдельных обрывах. Вот что такое была «рейганомика». Но это коренные меры, это полное изменение политики.

Мы же хотим выйти из стагнации просто так, продолжая старую политику, немножко улучшая, сделав национальные проекты и так далее. Не выйдет, потому что у нас есть негативные тренды. Один тренд: отток капитала. Идет 2011 год. Уже 780 миллиардов утекло. За январь — октябрь 32 миллиарда ушло в этом году, в прошлом году — 63. Второй негативный тренд — это сокращение инвестиций и ухудшение общей обстановки вложения средств в страну. Вы знаете, что прибыль промышленности в условиях стагнации, в условиях рецессии резко растет каждый год на 40%? Еще резче растет прибыль банков. Но эта прибыль не вкладывается в инвестиции. Почему? Вкладывается в счета. На счетах предприятий сейчас колоссальные средства, но они не вкладываются в российскую экономику. И огромные средства идут в офшор. Россия заняла почетное место среди четырех стран, где вложения в офшор превышают 40% валового внутреннего продукта. У России в офшоре 700 миллиардов долларов; столько же, сколько у Саудовской Аравии, у Объединенных Арабских Эмиратов и у Венесуэлы. Ни одна страна даже близко не имеет таких цифр в офшоре, как Россия.

Мне очень понравилось выступление Александра Александровича. Он занимается внешними делами и справедливо критиковал Трампа. Но надо признать, что Трамп действует в интересах Америки. Китай имеет профицит 500 миллиардов долларов в год. Если бы вас поставили во главе Америки, вы можете смириться, что у вас уводят такие деньги? Конечно, он пытается как-то это улучшить. Он снизил налоги, в том числе производственные, и поэтому деньги вернулись из офшора. В Америке из офшора вернулось более триллиона долларов. Apple все свои активы, 285 миллиардов долларов накопленных денег — вы понимаете, что значит 285 миллиардов долларов? — из офшоров перевел в Америку. Это факт. Почему не поучиться, не посмотреть, как это делается? Отток капитала, ухудшение условий, демографический тренд. Видите, сколько мы заняли с 2010 года до 1 января 2014-го — 270 миллиардов. А когда ввели меры против России, то доступ на финансовый рынок нам прикрыли, и мы отдавали деньги за эти долги 130 миллиардов в год и ни копейки не могли перекредитоваться. В 2014 году резко пошли вниз по объемам долгов. Но это негосударственный долг. Государственный долг у нас мелочь — 3% валового продукта. А это все корпоративные долги — долг Газпрома и долг Роснефти больше, чем весь государственный долг России, между прочим. Мы сейчас мало должны по общемировым порядкам и являемся одной из самых благополучных стран с точки зрения долгов.

Показатели естественного движения населения в России

	Тысяч чел.						
	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Январь-Октябрь 2019 г.	Прирост (+), Убыль (-) 2017 г. к 2016 г.	Прирост (+), Убыль (-) 2018 г. к 2017 г.	Прирост (+), Убыль (-) Январь-Октябрь 2019 г. к Январю-Октябрю 2018 г.
Родившихся	1888,7	1689,9	1599	1251	-198,8	-90	-102
Умерших	1891,0	1824,3	1818	1510	-66,7	-6,3	-27
Естественный прирост (+), убыль (-)	-2,3	-134,4	-219	-260	-90	-85	
Сальдо миграции (+)	261,9	211,9	125	223	-6,3	-93	121
Прирост (+), убыль (-) населения России	259,6	77,5	-94	-37			

А вот это статистика. Все думают, что у нас снижается рождаемость из-за поло-возрастных проблем, из-за того, что в фертильный возраст вступает меньше женщин. Этот фактор есть, и он очень существенный. Но пока в полной мере он еще себя не проявил. И он сейчас занимает меньше половины причин снижения рождаемости.

Главная причина снижения рождаемости — снижение так называемого суммарного коэффициента рождаемости, о чем мы говорили справедливо. Он был 1,777 в 2015 году, к 2019-му — 1,503. Это количество детей, рожденных женщинами в фертильном возрасте. Это 11% снижение. Поэтому 150 000 детей не родилось из-за резкого сокращения суммарного коэффициента, который до этого рос. Он ведь в 1990-е годы дошел до 1,15, подняли до 1,777. Последний большой рывок был в связи с материнским капиталом. Но почему он стал снижаться? Потому что шестой год снижаются реальные доходы, потому что не видно будущего, семьи просто перестали рожать детей столько, сколько рожали, как здесь говорили, первенцев. Если перестали рожать первенцев, понятно, и вторые дети откладываются.

Еще один негативный тренд: у нас странная налоговая система. Я считаю, что хорошо бы, если бы Правительство было снято раньше, потому что, кроме того, что они привели страну к стагнации, меня очень волнует и беспокоит то, что Правительство совершенно не выполняет указания президента.

С 2013 года началось вопиющее игнорирование всего, что говорит президент. Президент в 2014 году сказал: «В период кризиса факторы нашего экономического роста коренным образом изменились. Если мы будем делать ставку на те же факторы, у нас будет нулевой рост». Я цитирую Путина: «У нас будет нулевой рост. Нам нужны новые источники роста». Кто-то поискал новые источники роста? Где

главный денежный мешок страны? Это активы банков. Активы банков в два с половиной раза больше всех государственных денег. Если сложить все виды бюджета, все виды внебюджетных государственных фондов, и пенсии туда, и здравоохранение, и социальные — это все 40 триллионов. А активы банков были 92 с половиной в прошлом году, а сейчас сколько? Наверно, уже за 100.

Я полностью согласен с Сергеем Глазьевым. Он сказал, что это — главный источник инвестиций, но не под 10%, а если вы хотите, чтобы они использовались как инвестиции, их нужно давать под 5% тем, кто технологически перевооружает действующие производства, срок окупаемости в среднем 5–7 лет. Хотя бы под 4% тем, кто строит новые мощности, там окупаемость 10–12 лет. И процента под 3 тем, кто делает современную инфраструктуру, типа скоростной железной дороги, где окупаемость 20–25 лет. Но окупаемые проекты должны быть, и это главный источник новых средств. Источником новых средств может быть часть золотовалютных средств, нам совершенно не нужно сейчас 555 миллиардов долларов, 250 миллиардов вполне под 30 миллиардов на окупаемые проекты. Не проесть их, а вращать. Вполне можно взять, оставив 300 миллиардов для финансовой безопасности. 300 миллиардов — это больше. 555 — это больше, чем резервы Германии, Великобритании, Франции, Италии и Испании, вместе взятых. Ну зачем сидеть на сундуке с золотом, небывалом у нас? Вы знаете, сколько у нас золота? Больше 100 миллиардов уже накопили. По данным Сбербанка, 20–25 миллиардов долларов каждый год обесцениваются. Это понятно. Не используются. Те, которые используются, — это американские бумаги в основном.

Огромные возможности у предприятий. Ну освободите ту часть прибыли, из которой вы черпаете инвестиции, от налога. Сразу предприятия будут заинтересованы в налогообложении, в том, чтобы показать реальную прибыль. Сократите инвестиции. Это увеличит инвестиционный фонд, вы можете получить еще триллион налогов. Придумайте облигационный заем в получении со скидкой с цены квартиры, машины, если вы будете финансировать их деньги за счет облигационного заема. Можно придумать взаимовыгодные условия от имени государства: людей благодетельствуете и получите деньги. Я не буду говорить обо всех источниках. Источники есть, но желания нет их использовать.

Из-за того, что у нас неправильная система налогов, у нас нефть и газ — 15% в валовом продукте, а в налогах — 40–50%. И из-за этого у нас, когда цены на нефть растут, у нас бюджет растет быстрее. И у нас, если вы помните, с 2000 по 2008 год доля бюджета была 20% (я говорю о консолидированном

бюджете), а стала 40, потому что бюджет рос быстрее. А сейчас цены снижаются. Если цены снижаются, то у вас валовой продукт не падает, а бюджет падает. С 2013 года в реальном выражении наш бюджет все время сокращается. А что значит «сокращается бюджет»? Это сокращаются расходы на здравоохранение, образование, и так маленькие, науку. Нет денег. И это тоже негативный тренд.

Поэтому, чтобы преодолеть стагнацию, недостаточно обычных мер. Вот берем национальные проекты. Безусловно, очень важное, хорошее дело, и кроме положительного отношения к тому, что такие национальные проекты есть и сделаны, никто ничего сказать не может. И огромные деньги на демографию, огромные деньги на онкологию — 969 миллиардов, очень интересно — на экологию, огромные — первый раз выделяют такие деньги. Затем транспортные налоги, автомобильные дороги, другие вещи. Безусловно, все одобряют эти национальные проекты. Но, заметьте, эти национальные проекты не затрагивают основных источников экономического роста!

И Правительство полностью игнорирует все указания президента о том, что мы должны развиваться путем технологического или научно-технологического прорыва, нам нужна научно-технологическая революция. Нет ни одного национального проекта ни по технологическому перевооружению каких-либо отраслей, ни по развитию технологически высоких производств, приборостроения, электроники, авиации, кораблестроения, фармацевтики, космического, атомного машиностроения, современной синтетической химии. Неужели это непонятно? А национальные проекты вокруг этих отраслей, они не касаются этих отраслей. Нет национального проекта по развитию машиностроения. И как, интересно, без машиностроения вы собираетесь что-либо технически развивать? Мы же 70% потребности в машинах удовлетворяем за счет покупок.

Поэтому что сейчас надо делать? Нужно сделать несколько дополнительных национальных проектов по экономическому росту. Затем национальные проекты ориентировались почти в основном на государственные деньги, а государственных денег очень мало. Наше государство очень бедное. Бедное оно, потому что с людей-то берет очень маленькие налоги. Основной источник налогообложения людей — во всем мире есть правило «фифти-фифти», половина налогов берется в виде подоходного налога и налога на недвижимость людей, а половина — с бизнеса. А у нас с бизнеса берется 85, а с людей — 15. Бизнес из-за этого не может развиваться, если вы берете с него такие высокие налоги, как

у нас, или он должен от них уходить в офшоры и так далее. Почему не показываются реальные доходы внутри страны? Потому что это неподъемные налоги. Тогда надо просто прекращать заниматься бизнесом. У нас рентабельность промышленности — 7%, а без нефти и газа — 5%. А кредит какой? Если вы берете, самое маленькое — 10%. Вы не отдадите кредит, если у вас такая рентабельность. Поэтому огромные банковские активы остаются без дела. Они вкладываются в ценные бумаги, еще куда-то, только не в свою экономику.

Я пытаюсь систематизировать, что надо сделать.

Сравнение показателей сферы «экономики знаний» в России и развитых странах

	Россия	Китай	Страны Западной Европы	США
Доля отдельных отраслей и сфер «экономики знаний» в валовом внутреннем продукте (в %): НИОКР	1,2	2,1	2,5	2,74
Образование	4	4	8	5,7
Здравоохранение и биотехнологии	5	6	10	19
Информационно-коммуникационные технологии	4	10	10	11
Удельный вес «экономики знаний» в целом в валовом внутреннем продукте (в %)	14	22	30	40

Первичных драйверов экономического роста два — это инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал или в экономику знаний. Экономика знаний — это главная составная часть человеческого капитала, это НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии, здравоохранение. У нас доля инвестиций в валовом продукте 17%. Если взять по спецсчетам, в статистике есть понятие «накопление основного капитала». Если взять его, то будет 20%. Но там есть ряд статей, которые не относятся прямо к инвестициям в русском понимании в основные фонды. Поэтому 17%. А вложение в человеческий капитал у нас 14%. Есть прямая зависимость, можно построить табличку, и я ее построил — зависимость темпов роста от соотношений, от доли инвестиций в основной капитал в валовом продукте и доли вложений в человеческий капитал в валовом продукте. Если у вас 17 и 14, у вас экономического роста не должно быть, и мы закономерно находимся в стагнации. Закономерно. При таких параметрах нельзя развиваться, если у вас такие маленькие инвестиции. В развитых странах инвестиции в среднем 21%, но вложения в человеческий капитал — 30. Не 14, как у нас, а 30 — в Европе и 40 — в США. А скоро, как кто-то говорил,

будет 50. Кто-то из выступающих говорил, и это соответствует действительности. И развитые страны при 21,35 в среднем вложениях в человеческий капитал имеют темпы полтора-три процента. А если вы хотите иметь темпы больше, вам нужны инвестиции в основной капитал иметь гораздо выше. Развивающиеся страны в среднем имеют инвестиции в основной капитал 30–35%, и они развиваются со скоростью 4–5%. А Китай — 6,1% в этом году, до этого развивался 6,5, а до этого — 7. Он имел 45% инвестиций в основной капитал валового продукта.

Если мы хотим развиваться, мы не можем при 17,14 развиваться. Есть только один путь развития — перейти к форсированному росту инвестиций и за счет этого поднять их долю и к форсированному росту вложений в человеческий капитал. Что значит форсированный рост? Это — 10%, с моей точки зрения, инвестиции в основной капитал и более 10% — в человеческий капитал, который у нас совсем отстает. И тогда мы к 2022–2023-му повысим до 22% инвестиции в основной капитал и до 20 — инвестиции в человеческий капитал, и 3% устойчивого роста мы будем иметь. А если продолжить до 2025 года, то будут 25 или даже больше эти показатели, тогда мы можем и 4% иметь. А если продолжить до 2030 года, то мы будем иметь как развивающиеся страны, по уровню экономически развивающихся стран, 30–35%, и минимум 35% нам надо иметь человеческий капитал, тогда мы можем иметь 5–6% темпы. Это все считается. Можно это на пальцах посчитать конкретно по отраслям, если будут какие-то реальные программы и вложения.

Где взять деньги — я, по-моему, ответил на этот вопрос. Куда вложить — тоже ясно. В первую очередь в технологическое перевооружение действующих производств. Надо поставить задачу за 15 лет перевести на новый технологический уровень все народное хозяйство, выйти на уровень развитых стран по технологиям. 15 лет — это слишком оптимистично. Давайте 20 лет. Надо внимательно посчитать.

Доля высокотехнологических отраслей у нас крайне низкая. Ее нужно повысить хотя бы в три раза. Их надо развивать по 15% в год — надо преимущественно финансировать.

Фактором роста является жилищное строительство. У нас самые низкие показатели, доли инвестиций в жилищное строительство среди всех стран, и мы вводим очень мало жилья, и вот это лишение жилья финансирования за счет людей подорвало жилищное строительство. Оно сократилось. В 1985 году оно достигло 85 миллионов квадратных метров, затем упали до 75, в прошлом году, в этом году немножко не дошли до 80. Видимо, через год, то есть в 2021-м, мы достигнем уровня 2015 года. Нам надо достичь 120, как указал Владимир Владимирович в своем Указе

на 2024 год, и это нужны огромные средства, конечно. И это на 20% определяет экономический рост, если бы мы развивали жилищное строительство. То же самое — экспорт и так далее.

Полностью проигнорировано одно из очень важных предложений Владимира Владимировича Путина. Он в одном из своих выступлений на Петербургском форуме года три назад посвятил стимулам. Просто все выступление — это перечисление, какие стимулы надо ввести конкретно. Проектное финансирование — что мы имеем? Практически близко к нулю. Ничего. А без проектного финансирования под залог сейчас ну кто будет инвестировать? Если вы хотите инвестировать за счет заемных средств, конечно, нужно проектное финансирование, как во всем мире.

Он говорил, что нужно дать льготы при технологическом перевооружении. Ведь что такое технологическое перевооружение? Представьте, что вы директор завода и хотите технологически перевооружиться. Вы же не можете остановить производство. Вы же должны платить зарплату, вы должны изыскать деньги, чтобы купить новое оборудование, чтобы обучить людей, чтобы строительство выкопало и выбросило старое оборудование, чтобы оно смонтировало новое; а вы еще платите налоги.

Если бы освободить от налогов ваши инвестиции, вы бы хоть немножко прикрылись своими инвестициями. Если увеличите амортизацию, у вас были бы больше инвестиции. Почему вам на период технологического перевооружения не предоставить налоговую паузу? Чтобы вы стояли в очередь, чтобы были заинтересованы. Ведь это путь к банкротству, если вы начнете перевооружаться сколь-нибудь быстро. А так надо выбросить один станок, поставить другой, через год выбросить другой станок, поставить другой. Это не развитие.

Нужно перейти на новую технологию, а она требует комплекса нового оборудования. Он там говорил о стимулах, если вы вводите новые производства, производственные отрасли. Там говорилось о больших стимулах, которые нужно ввести для экспорто-ориентированных отраслей, высокотехнологических и так далее. Мало оттуда реально исполнено.

Если вы помните, Путин наметил налоговую реформу на 2018 год и говорил: в 2019-м мы будем жить при новой налоговой реформе. Где эта налоговая реформа? У нас ужасающая налоговая система. Она нуждается в коренном улучшении. Мы ее только ухудшили, подняв НДС. Это самое плохое, что можно было сделать. Если спросить, что бы сделать в хозяйстве, чтобы его затормозить, какая мера самая плохая — это повысить НДС. Хуже меры нет в государстве для этого.

Нам нужно, конечно, очень многое делать: перейти к форсированным инвестициям, в основном возвратным, нужно ввести стимулы, и, конечно, мы нуждаемся в крупнейших структурных реформах, в институциональных преобразованиях. Нам нужна реформа собственности. У нас ужасающая финансовая система. Мы 108-е в мире по качеству нашей финансовой системы среди стран, в то время как по уровню экономического развития мы 43-и, по уровню образования — 33-и, но 108-е мы там только по продолжительности жизни мужчин, женщин.

Недавно, на днях, Кудрин очень прямо и резко (честно говоря, я от него даже не ожидал такой резкости) высказался в адрес Центрального банка. Центральный банк — причина нашего слабого экономического роста, сказал он и привел эти цифры, на каком месте мы по финансам, в том числе по такому разделу финансов, по активам банков, по доле кредитов. Мы же семь лет не увеличиваем кредитную массу для промышленности, для предприятий. Ну как они могут развиваться, если вы не даете им даже кредитов? Я уж не говорю про создание условий. То есть нам нужны очень серьезные структурные реформы.

И когда мы начнем экономический рост, самое важное, что важно — это большей частью этого роста компенсировать сокращение реальных доходов. Я бы даже пошел на то, чтобы до 2024 года иметь дефицитный бюджет, ничего страшного, если иметь его в размере до 3% ВВП, а это 3 триллиона, и за счет этих триллионов как-то все-таки увеличить платежеспособный спрос. Развития не может быть, если у вас нет спроса. Это все понимают, поэтому это крайне важно.

Наша страна огромных возможностей, безусловно. Я уверен, что новое Правительство, конечно, даст толчок развитию, но не уверен, что они понимают, насколько сложно возобновить экономический рост. Боюсь, что они улучшат эти национальные проекты, улучшат их осуществление, какие-то проекты, может быть, даже подправят, но этого совершенно недостаточно, чтобы иметь экономический рост. Нужны более комплексные меры. Придут ли они к этому выводу, не придут, но наша задача — как-то их на это стимулировать.

В этом отношении огромная роль Академии наук. Мы не отдаем себе отчета в том, что Академия наук — самая уважаемая в нашей стране организация. По социологическим опросам, 48% нашего населения доверяют Академии наук. Выше только президент, у него 53%. Но 29% против президента, а против Академии — 19. Остальные воздержались. И выше — вооруженные силы. Академия выше церкви в глазах граждан. Я не говорю про Правительство, про Думу, про

Федерацию; те вообще где-то около плитуса. И поэтому Академия должна выступить инициатором.

Я предлагал, вернее, не я, а группа экономистов, и в том числе предлагал на академическом форуме, который был, принять манифест о возобновлении экономического роста на базе научно-технологического перевооружения народного хозяйства — конкретно, по направлениям: по полупроводникам, по искусственному интеллекту, и другим наиболее значимым — по сельскому хозяйству. Я предлагаю принять такой манифест, страниц 20. Мы раздали всем машинки для голосования. За каждый пункт мне хотелось бы, чтобы проголосовали, что это не мнение, собрались 10 человек, а сидело 1050, большая часть экспертов, серьезные люди, чтобы они проголосовали. Это не мнение одиночек. И мы бы с этим манифестом как Академия выступили. Я понимаю, что это не понравится Правительству, это понятно, но есть интересы со стороны, которые выше, понравились вы или не понравились, и мы в этой стране живем.

УДК 33
ББК 65

«Беседы об экономике», 2020, Москва
Научно-популярное издание

Том VI

Под редакцией С.Д. Бодрунова, д. э. н.

© Институт нового индустриального развития (ИНИР) им.
С.Ю. Витте,
© Сергей Дмитриевич Бодрунов

Подписано в печать: 06.03.2020, тираж 700 экз.
№ заказа 1652

Отпечатано в типографии ООО «ТДДС-Столица-8»
111024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 11А, корп. 1

ISBN 978-5-00020-070-4